

ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В. 14

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ТРУДЫ. ВЫПУСК 14

ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград • 1973

Редакционная коллегия:

Ю. С. ТОКАРЕВ (ответственный редактор), В. М. КОВАЛЬЧУК,
Н. Е. НОСОВ, Д. И. ПЕТРИКЕЕВ, Г. Л. СОБОЛЕВ,
А. Л. ФРАЙМАН

Научно-техническая работа по сборнику проведена
В. М. Круиковской, В. Ю. Черняевым

ОТ РЕДАКЦИИ

В декабре 1922 г. Первый съезд Советов СССР принял постановление об образовании Союза Советских Социалистических Республик. С тех пор прошло 50 лет, и с этого рубежа особенно ясно видно огромное историческое значение основания в нашей стране Советского союзного государства. «В истории нашего государства образование СССР по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям занимает выдающееся место»,¹ — говорил тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии.

Образование СССР неразрывно связано с деятельностью Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина в области государственного строительства, осуществлявшегося на советской основе. «Выдающееся значение для сплочения народов в многонациональном социалистическом государстве, — указывается в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», — имело создание в ходе революционных выступлений масс такой формы власти трудящихся, как Советы. ... Опыт деятельности Советов показал, что рабочие и крестьяне могут успешно управлять государством на началах самого широкого и последовательного демократизма, полного национального равенства».² Творческий подход к решению национального вопроса, всесторонний анализ опыта взаимоотношений советских республик в различных сферах в 1917—1922 гг., учет тяги самих народных масс национальных районов к государственному союзу с трудящимися Советской России — все это позволило ленинской партии найти правильное сочетание социально-классового и национального аспектов в государственном устройстве Страны Советов. В. И. Ленин выдвинул и обосновал принцип федерации советских республик, который обеспечил осуществление как классовых, так и национальных интересов трудящихся, строящих социализм.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 76.

² Правда, 1972, 22 февраля.

Создание СССР явилось важной вехой на пути возникновения новой исторической общности людей — советского народа. Объединение равноправных советских республик в могучий союз открыло большие возможности для того, чтобы между дружественными классами и социальными группами советского общества, между нациями и национальностями в процессе их совместного труда, борьбы за социализм, в боях за его защиту сложились новые гармонические отношения — отношения дружбы и сотрудничества.

Учитывая непреходящее значение образования СССР для судеб нашей Родины и всего мирового коммунистического и освободительного движения, советские историки уделили большое внимание этому выдающемуся событию. В их трудах исследованы предыстория создания СССР, его ход и последствия. Значительным пополнением научной литературы по данной проблеме являются труды, изданные к 50-летию образования СССР. Однако историкам-исследователям предстоит еще большая работа в этой области. Одной из важных задач исторической науки является дальнейшая разработка проблем истории Советского общества в первые послеоктябрьские годы, когда партия во главе с В. И. Лениным в неимоверно трудных условиях создавала основы нового общественного строя, свободного от социального и национального угнетения. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе на торжественном заседании, посвященном полувековому юбилею Союза ССР, подчеркнул, что создание СССР «... стало достойным итогом первых пяти лет существования Советской власти, власти рабочих и крестьян. Несмотря на все бури, невзгоды и опасности, власть, рожденная революцией, не только выстояла, но и сплотила трудящихся нашей многонациональной Родины в единый могучий Советский Союз!»³

В настоящем сборнике представлены некоторые статьи по вопросам государственного строительства в первые годы Советской власти, не нашедшим достаточного освещения в нашей историографии. Конкретная тематика этих статей в большей или меньшей степени связана с образованием СССР. Их авторы — сотрудники Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР и некоторых других научных учреждений.

Сборник открывается статьей В. И. Старцова, посвященной Второму Всероссийскому съезду Советов. Ее автор раскрывает конституционный характер решений съезда о передаче всей государственной власти в стране Советам и создании советской системы и показывает преемственное значение этих исторических актов для последующего советского государственного строитель-

ства. Большое место в статье отведено сложному вопросу о взаимосвязи Второго Всероссийского съезда Советов и Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

В статье М. П. Ирошников рассматриваются некоторые особенности слома старой государственной машины в России и создания центрального советского государственного аппарата. Автор показывает, как в эти первые месяцы существования Советского государства служащие старых правительственных и иных учреждений использовались в центральном советском аппарате — в наркоматах, ВСНХ и т. п. В статье впервые в нашей историографии приводятся сведения о численности и составе этих служащих, полученные на основе обработки первичного материала переписи служащих в Москве, проведенной летом 1918 г.

Один из периодов истории создания советского государственного аппарата освещается в статье А. В. Красниковой. В ней на базе новых, не введенных в научный оборот данных рассказывается о деятельности студенческой организации при Петербургском комитете большевиков, направленной на борьбу с чиновничьим антисоветским саботажем и на привлечение служащих в советские учреждения.

Статьи М. И. Куличенко и Т. Ю. Бурмистровой характеризуют национально-государственное строительство в первые годы Советской власти. В первой из них на большом и в значительной мере новом документальном материале раскрыт процесс оформления национальной советской государственности на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике и налаживания тесных взаимоотношений этих государств с РСФСР в 1917—1919 гг., что имело большое значение для образования СССР. Во второй статье речь идет о национально-государственном строительстве в РСФСР до и после образования СССР, о той огромной помощи, которую оказал великий русский народ ранее угнетенным нациям и народностям в преодолении их экономической, политической и культурной отсталости.

В ходе гражданской войны и иностранной интервенции сложились военно-политический союз советских республик. Образование СССР, позволившее объединить их экономические и людские ресурсы, существенно усилило обороноспособность страны. Вопросы строительства советских вооруженных сил в эти годы рассматриваются в статье Ю. И. Кораблева и М. И. Молодцыгина и в статье Н. Ф. Макарова. В исследовании первых двух авторов, основанном на значительном архивном материале, раскрывается роль Советов и их военных органов в демократизации, а затем демобилизации старой армии, создании добровольческой Красной Армии, проведении мобилизаций и т. д. В статье Н. Ф. Макарова показано, как образование СССР позволило усилить военно-экономический потенциал страны и вовлечь в дело обороны социалистического отечества народы националь-

³ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 9.

ных окраин, ранее в армии не служившие. Автор приводит новые данные о национально-территориальных соединениях и частях Красной Армии.

Участь старой армии, подвергнутой Советской властью слому, разделила и другая часть буржуазной государственной машины — судебная система. Буржуазный суд был упразднен, а на его месте возник новый советский суд, построенный на основе привлечения трудящихся к отправлению правосудия. В публикуемой в сборнике статье Ю. С. Токарева на конкретных материалах раскрыта роль Советов в судебном строительстве, которая выражалась в реализации ими соответствующих декретов Советской власти, создании собственных нормативных актов, большой организаторской работе по учреждению новых судов и пресечению саботажа деятелей старого суда.

Объединение советских республик в единое союзное государство серьезно укрепило их позиции во внешнеэкономической сфере и, в частности, позволило им успешнее выступать на внешних рынках. Это хорошо иллюстрируется в статье В. А. Шишкина на примерах прорыва внешнеторговыми организациями СССР «нефтяной блокады» и успеха первой советской ярмарки.

В статье З. В. Степанова охарактеризована деятельность Советского государства в области культуры в 1920—1923 гг. — ликвидация неграмотности, организация на новых, советских началах дела народного образования, развитие культурно-просветительной работы, приобщение масс к искусству. Автор показывает, что образование СССР позволило консолидировать силы и средства Коммунистической партии, Советского государства для развёртывания широкой культурной революции, без которой победа социализма в нашей стране была бы невозможной.

Сборник завершается статьей И. М. Шишкиной, в которой на основе марксистско-ленинского учения и трудов советских историков опровергаются схемы и концепции современной буржуазной историографии относительно сущности Советского государства в начале 20-х годов.

Статьи сборника далеко не охватывают, конечно, всех вопросов государственного строительства в первые годы Советской власти. Создание и развитие Советского государства — процесс сложный и многоплановый, связанный со становлением новых, не имевших прецедентов в истории общественных институтов и отношений. И естественно, анализ всех этих отношений, в том числе и непосредственно касающихся образования СССР, не мог быть осуществлен в рамках настоящего издания. Для советских историков остается еще обширное поле деятельности по изучению и осмыслению богатейшего опыта строительства Советского государства, опыта, имеющего неопределимое значение для современного этапа борьбы народов за социализм и коммунизм.

В. И. СТАРЦЕВ

БОЛЬШЕВИКИ, ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ И СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ¹

У истоков советской государственности находится Второй Всероссийский съезд Советов. Именно с него начинается процесс создания государства нового типа. Второй Всероссийский съезд Советов превратил сложившуюся к моменту его открытия сеть Советов в систему учреждений государственной власти. Принципы строительства нового социалистического государства, сформулированные впервые на этом съезде, получили затем дальнейшее развитие в решениях Третьего и Пятого Всероссийских съездов Советов, воплощены в первой Конституции РСФСР 1918 г., в конституциях и решениях съездов Советов других социалистических республик. Они же были положены в основу постановлений Первого Всесоюзного съезда Советов от 30 декабря 1922 г. и Конституции СССР 1924 г.

История созыва Второго Всероссийского съезда Советов и его деятельности достаточно широко освещена в трудах советских историков последнего времени. Особенно плодотворно работал в этом направлении Е. Н. Городецкий. В 1957 г. он опубликовал специальную статью, посвященную взаимосвязи Октябрьского вооруженного восстания и Второго Всероссийского съезда Советов.² Еще более широкий круг вопросов истории съезда затронут в монографии Е. Н. Городецкого «Рождение Советского государства», где имеется специальная глава «Советы на Втором Всероссийском съезде».³ Роль решений съезда в образовании Советского правительства показана в монографии М. П. Ирошникова «Созда-

¹ Под «советской системой» мы понимаем здесь сеть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, связь и соподчинение Советов по всей стране, иными словами, то, что в Конституции РСФСР 1918 г. называлось «конструкцией Советской власти». Мы рассматриваем создание советской системы исторически, с момента образования первых Советов рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г.

² Е. Н. Городецкий. Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов. — Вопросы истории, 1957, № 10, стр. 23—48.

³ Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 45—144.

ние советского центрального государственного аппарата».⁴ Работе съезда посвятил небольшую главу Е. Ф. Ерыкалов в своей книге «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде».⁵ Тесную связь подготовки вооруженного восстания и борьбы за съезд пытался показать и автор настоящих строк в соответствующих главах коллективного труда «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде».⁶ Краткая глава «II Всероссийский съезд Советов» включает второй том труда академика И. И. Минца «История Великого Октября».⁷ Хотя жаловаться на недостаток литературы по истории Второго Всероссийского съезда Советов, таким образом, не приходится, ее внимательный анализ приводит к выводу, что некоторые вопросы, в частности подготовка съезда и отношение к нему большевистской партии, изучены еще недостаточно.

Изучение литературы о съезде показывает, что весьма сложным является вопрос о взаимосвязи борьбы за съезд и подготовки к вооруженному восстанию в практической деятельности большевистских партийных организаций. История съезда отразила внутреннюю борьбу, которую вел вожь партии В. И. Ленин с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Они, в особенности Троцкий, отводили Второму Всероссийскому съезду Советов решающее место в самом акте захвата власти, полагая, что он должен произойти путем принятия съездом резолюции о взятии власти в свои руки и устранении Временного правительства. Если же последнее не подчинится съезду, то только тогда, по их мнению, и могло произойти вооруженное восстание. В. И. Ленин, со своей стороны, резко критиковал намерение публично поручить Второму Всероссийскому съезду Советов решение вопроса о власти. Он опасался, что к назначенному подобным образом, «по-глупому», восстанию Временное правительство сумеет подготовиться и может вообще запретить съезд, что поставило бы под угрозу и взятие Советами власти.⁸⁻¹³

Идея о решении вопроса о власти на съезде Советов заключала в себе известную привлекательность для широких народных масс, поскольку внушала уверенность в том, что на съезде все вопросы революции будут решены. Эта же уверенность рождала «конституционные» иллюзии, будто бы одним лишь решением съезда можно устранить Временное правительство и передать всю власть в руки народа. Подобные иллюзии не представляли большой опасности в местностях, удаленных от центра возмож-

ного восстания, но «в решающем месте и в решающий час» они могли оказать демобилизующее действие. Вера в Советы и их авторитет были исключительно велики в сознании народных масс. Поэтому существовали и другие опасения: поймут ли широкие массы взятие пролетариатом власти вооруженным путем, совершенное перед съездом Советов, будут ли они его поддерживать? Не даст ли это повод врагам социалистической революции для обвинений большевиков в «предвосхищении» воли съезда? Подобные опасения вызвали колебания ряда партийных работников по вопросу о соотношении вооруженного восстания в столице и созыва там же съезда Советов. Это же побуждало их по мере своих сил сближать сроки восстания и открытия съезда Советов.

Данное обстоятельство нашло известное отражение и в исторической литературе. Например, в статье Е. Н. Городецкого «Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов» по существу была предпринята попытка объяснить совпадение времени вооруженного восстания и открытия съезда заранее принятым партией большевиков решением. Автор писал: «Позиция В. И. Ленина, ЦК партии сводилась к следующему: вопрос о свержении Временного правительства и установлении Советской власти может быть решен только вооруженным восстанием, в победоносном ходе которого власть будет передана Всероссийскому полномочному органу — съезду Советов».¹⁴ Е. Н. Городецкий подкреплял свой тезис ссылкой на письмо В. И. Ленина председателю Областного комитета Советов Финляндии И. Т. Смильге от 27 сентября 1917 г.: «Еще в конце сентября, за три недели до съезда, В. И. Ленин считал необходимым вести „подготовку умов“ к восстанию под лозунгом: „Власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст ее съезду Советов“». Вывод напрашивался такой: Ленин еще „за три недели“ до восстания предвидел, что власть перейдет в руки Петроградского Совета, который тут же передаст ее съезду Советов. Между тем весь нафос этого письма В. И. Ленина состоит в том, что взятие власти вообще нельзя связывать со съездом Советов. Письмо В. И. Ленина от 27 сентября является его первой реакцией на резолюцию Петроградского Совета от 25 сентября, принятую по предложению Троцкого, в которой передача власти Советам прямо связывалась с решением съезда Советов. Ленин называет эту резолюцию „объявлением войны правительству“, но не скрывает своего беспокойства: „А мы что делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем „сроки“ (20 октября съезд Советов — не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на

¹⁴ Е. Н. Городецкий. Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов, стр. 29. Эти положения вошли без изменений и в монографию Е. Н. Городецкого «Рождение Советского государства» (см. стр. 80).

⁴ М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. М.—Л., 1966.

⁵ Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966.

⁶ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Книга вторая. Л., 1967.

⁷ И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968.

⁸⁻¹³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 281.

это?)»¹⁵ Наконец, та цитата «о подготовке умов», которую приводит в своей статье Е. Н. Городецкий, в своем полном виде выглядит так: «По-моему, для правильной подготовки умов, надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст ее съезду Советов. Ибо зачем терпеть еще три недели войны и „корниловских подготовлений“ Керенского».¹⁶ Ленин не мог терпеть эти три недели, а у автора получается, что он собирался их ждать и за три недели предвидел, как будут развиваться события в день 25 октября. Наиболее страстный протест против тактики ожидания съезда, на котором должен был решаться вопрос о власти, содержится, как известно, в ленинской статье «Кризис назрел».¹⁷

Никакой предопределенности в совпадении даты открытия съезда с моментом завершения восстания не было и быть не могло. Ленинская позиция начиная с 24 сентября 1917 г. (когда он записывал в своем «дневнике публициста»: «Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия») ¹⁸ оставалась неизменной: захват власти должен быть осуществлен путем вооруженного восстания и непременно предшествовать созыву Второго Всероссийского съезда.¹⁹

Конкретное начало восстания и связь его с открытием съезда Советов явились результатом борьбы ленинских идей, поддержанных большинством членов Центрального Комитета, против тормозящего действия оппортунистов и колеблющихся. Ленинское предложение начать восстание до съезда в конце концов воплотилось в жизнь, хотя бы за сутки до его открытия, несмотря на упорную борьбу против него, которую вел Троцкий, используя свое официальное положение председателя Петроградского Совета, вплоть до вечера 24 октября 1917 г. В этой ожесточенной борьбе с оппортунистами вырабатывалась коллективная воля партии, единая линия, которая и нашла свое осуществление в действительных обстоятельствах начала восстания и открытия Второго Всероссийского съезда Советов.

Советы рабочих депутатов привлекли к себе внимание В. И. Ленина еще в 1905 г. Возвращаясь в Петербург из эмиграции и познакомившись с деятельностью Петербургского Совета рабочих депута-

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 264.

¹⁶ Там же, стр. 266—267.

¹⁷ См.: там же, стр. 280—283.

¹⁸ Там же, стр. 263.

¹⁹ Подробный разбор взглядов В. И. Ленина на место съезда Советов в борьбе за захват власти см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Книга вторая, стр. 208—233.

тов, Ленин отметил, что Совет «возник из всеобщей стачки, по поводу стачки, ради целей стачки».²⁰ Но, раз возникнув, он раскрыл такие возможности, которые не были еще ясны его организаторам. «Может быть, я ошибаюсь, — писал В. И. Ленин, находясь в Стокгольме в первые дни ноября по пути в Россию, — но мне (по имеющимся у меня неполным и «бумажным» только сведениям) кажется, что в политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как зародыш временного революционного правительства».²¹

В период первой русской революции В. И. Ленин не касался вопроса о соотношении Советов и парламентарной республики. Это, вероятно, объяснялось тем, что задача организации пролетарского государства еще не стояла в порядке дня, на очереди же в России был демократический переворот. Надо учесть и то, что Советы 1905 г. были разрознены, организационно не связаны между собой и существовали очень непродолжительное время. Попыток координировать действия различных Советов не предпринималось. Таким образом, советской «системы» в годы первой русской революции еще не было и соответствующего опыта не имелось.

После поражения революции 1905—1907 гг. вопрос о Советах рабочих депутатов вновь возник только осенью 1915 г. В связи с кампанией по организации рабочих групп при военно-промышленных комитетах петроградские большевики выдвинули лозунг превращения собрания уполномоченных по выборам в Совет рабочих депутатов. В наказе уполномоченным, выработанном в сентябре 1915 г. Петербургским комитетом РСДРП(б), говорилось: «В случае необходимости рабочие представители должны объявить себя Советом рабочих депутатов для предводительства рабочих масс в период революции. Вопрос о моменте и необходимости объявить себя Советом рабочих депутатов должен решиться с согласия Петербургского комитета РСДРП — представители революционного пролетариата Петрограда».²² Учитывая возникшее движение в пользу создания Советов, В. И. Ленин в статье «Несколько тезисов», помещенной в № 47 заграничного органа большевистской партии, газеты «Социал-демократ» от 13 октября 1915 г., отметил, что «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 62.

²¹ Там же, стр. 63.

²² Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958, стр. 350.

учреждения».²³ В этом тезисе можно видеть, как концепции роли Советов, сформулированные в работах Ленина 1905—1906 гг., приобретают уже новый аспект. Он заключается в том, что Советы рассматриваются теперь им не только как «зачатки» революционной власти, но уже как прямые «органы» ее.

В. И. Ленин развил свои взгляды на роль Советов несколько позднее, во время углубленного изучения произведений классиков марксизма о государстве. То тщательное изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, которое предпринял В. И. Ленин в Швейцарии в начале 1917 г., позволило ему увидеть в русских Советах прямое продолжение Парижской коммуны, государство нового типа, искомую форму, в рамках которой должны осуществиться диктатура пролетариата и экономическое освобождение рабочих. В тетради «Марксизм о государстве» В. И. Ленин записывает свой новый вывод: «Чем объединить, связать общины? Ничем, говорят анархисты (а). Бюрократией и военной кастой, говорит (и делает) буржуазия (б). Союзом, организацией вооруженных рабочих («Советами рабочих депутатов!»), говорит марксизм (γ)».²⁴ Еще более точную формулировку мы находим ниже: «Можно, пожалуй, кратко, драстически, выразить все дело так: замена старой («готовой») государственной машины и парламентов *Советами рабочих депутатов* и их доверенными лицами. В этом суть!!».²⁵

Так, еще до Февральской революции, до фактического создания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и сотен других Советов, В. И. Ленин наметил грядущую форму организации пролетарского государства. Изучив все важнейшие труды Маркса и Энгельса о государстве, и особенно об опыте Парижской коммуны, очистив взгляды основателей марксизма от наслоений оппортунистических комментариев, В. И. Ленин в Советах, созданных стихийным творчеством рабочих в 1905 г., разглядел государство того же типа, что и Парижская коммуна. Здесь же он сделал вывод и о противоположности государства этого нового типа буржуазному парламентаризму. В тетради В. И. Ленина мы находим также указание Маркса о том, как должно строиться это государство в организационном смысле. Ленин записывает, что от коммун, которые создаются даже в самой маленькой деревне, должна избираться «национальная делегация» в Париже.²⁶

С этой, уже готовой теорией «республики Советов» встретил В. И. Ленин известие о Февральской революции. И первые же телеграммы из России оправдали его предвидения. В стране один

за другим создавались Советы рабочих депутатов. Они давали возможность для действительной революционной борьбы за пролетарское государственное устройство. В рукописи несконченного пятого «Письма из далека» говорится, например, о необходимости перехода власти в руки «правительства рабочих и беднейших крестьян». «Это последнее правительство, — писал В. И. Ленин, — должно организоваться по типу Советов рабочих и крестьянских депутатов...».²⁷ Классическое выражение этой задачи было сделано В. И. Лениным в его знаменитых «Апрельских тезисах». Уже в их первоначальном наброске мы читаем: «Не парламентарная республика, а республика Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов».²⁸ В тексте тезисов эта идея приобретает еще более отточенный вид: «Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху: Устранение полиции, армии, чиновничества».²⁹

Добавление слов «снизу доверху» в окончательном варианте показывает, что Ленин считал советскую организацию единственной приемлемой для построения новых государственных учреждений всех степеней. Защищая свои тезисы от нападок эсеро-меньшевистской прессы, Ленин подчеркивал: «...я, с исключаящей всякую возможность недоразумений ясностью, отстаиваю необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства без постоянной армии, без противостоящей народу полиции, без поставленного над народом чиновничества».³⁰

Уделяя главное внимание пропаганде тех качеств Советов как государства нового типа, которые роднят их с Парижской коммуной, В. И. Ленин говорил и о необходимости создания целой системы Советов, расширил представления о том, как на практике должна сложиться организация Советов «снизу доверху». В брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» он, в частности, писал такие полные значения слова: «Республика Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей или Советом советов и т. п., — вот что уже входит в жизнь у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию по-своему, не дожидаящегося ни того, как гг. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 49.

²⁴ Там же, т. 33, стр. 155.

²⁵ Там же, стр. 231.

²⁶ Там же, стр. 217.

²⁷ Там же, т. 31, стр. 55.

²⁸ Там же, стр. 99.

²⁹ Там же, стр. 108.

³⁰ Там же, стр. 138.

республики, — ни того, как педанты и рутинеры мелкобуржуазной „социал-демократии“, вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве».³¹ Здесь и безграничная вера в творческую активность революционного народа, здесь и презрение к «профессорам-кадетам», которые наверняка останутся с носом, несмотря на их «ученость», здесь и желание подсказать удачную форму создания всероссийской организации Советов. «Сеть Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов — вот задача дня», — обращался Ленин к большевикам на I Петроградской общегородской конференции.³²

Итак, в апреле 1917 г., опираясь на опыт масс, В. И. Ленин представлял себе пролетарское государственное устройство как сеть Советов, охватившую всю Россию, и объединение их в центре, в «Совете Советов», или «общегосударственном Совете», как писал он в одной из заметок на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 25 апреля 1917.³³ Однако название «Совет Советов», вероятно, казалось В. И. Ленину более подходящим. Его мы встречаем вновь в проекте резолюции по аграрному вопросу, написанному В. И. Лениным для I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Говоря о том, что окончательное решение земельного вопроса принадлежит всероссийскому органу, Ленин называет рядом с Учредительным собранием Всероссийский Совет Советов, «если народ передаст центральную государственную власть в руки такого Совета Советов».³⁴ Это же положение трижды повторяется и в тексте самой речи В. И. Ленина на этом съезде. Там «Всероссийский Совет Советов» тоже употребляется как синоним «центральной государственной власти».³⁵ Ленинские слова о Всероссийском Совете, возможно, определили наименование исполнительного органа Советов крестьянских депутатов — Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

С активной защитой большевистского лозунга «Вся власть Советам!» и с призывом переустройства государства на советской основе выступил В. И. Ленин на Первом Всероссийском съезде Советов. «Нам рисуют программу буржуазной парламентарной республики, которая бывала во всей Западной Европе, — разоблачал Ленин планы меньшевиков и эсеров, — нам рисуют программу реформ, признаваемых теперь всеми буржуазными правительствами, в том числе и нашим, и нам говорят вместе с тем о революционной демократии. Говорят перед кем? Перед Советами. А я вас спрашиваю, есть ли такая страна в Европе, буржуазная, демократическая, республиканская, где бы существо-

вало что-нибудь подобное этим Советам? Вы должны ответить, что нет».³⁶

После июльских дней 1917 г., когда меньшевистско-эсеровское большинство Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского Совета крестьянских депутатов отказалось выполнить волю рабочих и солдат Петрограда и взять всю власть в свои руки, когда меньшевики и эсеры запятали себя палачеством и участием в антибольшевистской истерии, партия на своем VI съезде по совету В. И. Ленина сняла лозунг «Вся власть Советам!», так как он мог быть понят массами как передача власти этим центральным учреждениям Советов. Но и в этих условиях значение Советов как прообраза грядущей пролетарской республики не уменьшилось. Именно в августе 1917 г., еще до всенародного подъема, вызванного борьбой с корниловским мятежом, В. И. Ленин приступил к написанию своей книги «Государство и революция», основываясь на тех выписках из трудов классиков марксизма, которые имелись в его тетради «Марксизм о государстве», и опыте революции. Он с особой тщательностью разработал вопрос о сломе старой государственной машины и об организации государства по типу Парижской коммуны. С новой силой, подчеркнутые Лениным, зазвучали слова Маркса о необходимости «уничтожения парламентаризма». «В парламентах, — писал Ленин, — только болтают со специальной целью надувать „простонародье“. Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти грехи парламентаризма. Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господа „социалистические“ министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями».³⁷

Как показывают сохранившиеся планы работы В. И. Ленина над книгой «Государство и революция», он предполагал написать специальную главу, VII, — «Опыт 1905 и 1917 гг.». Главной темой там должна была быть история Советов. Ленин напоминал о резолюции большевиков 1906 г. о Советах. «Тот же тип, что Коммуна», — писал Ленин о Советах. — «Исгажен социалистами-революционерами и меньшевиками».³⁸ Записал он в плане и следующее: «Предсказание мое в VI. 1917 на съезде Советов!».³⁹ Ленин имел в виду свои слова, сказанные им в речи 4 июня об отношении к Временному правительству: «Одно из двух: или

³¹ Там же, стр. 162—163.

³² Там же, стр. 248.

³³ Там же, стр. 376.

³⁴ Там же, т. 32, стр. 165.

³⁵ Там же, стр. 170, 174, 176.

³⁶ Там же, стр. 263.

³⁷ Там же, т. 33, стр. 46—47.

³⁸ Там же, стр. 313—314.

³⁹ Там же, стр. 314.

обычное буржуазное правительство — и тогда крестьянские, рабочие, солдатские и прочие Советы не нужны, тогда они будут либо разогнаны теми генералами, контрреволюционными генералами, которые армию держат в руках, не обращая никакого внимания на ораторство министра Керенского, или они умрут бесславной смертью. Иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни идти назад, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперед.⁴⁰

Итак, у Советов еще было будущее, а создание государства нового типа, «того же типа, что Коммуна», было возможно, если бы Советы того периода были подлинно революционными, а не соглашательскими. Опыт борьбы с корниловщиной резко изменил соотношение сил в Советах. Тогда, 1 сентября, В. И. Ленин в своей статье «О компромиссах» вновь выдвигает лозунг «Вся власть Советам!», вначале как лозунг возвращения на путь мирного развития революции. Но с половины сентября, как подчеркивал Ленин, этот лозунг стал равносильным призыву к восстанию. В своем письме в ЦК большевистской партии «Большевики должны взять власть» он писал, отвечая на возможные возражения противников подготовки восстания: «Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации».⁴¹ А в это время многими Советами уже был выдвинут лозунг созыва нового, Второго Всероссийского съезда Советов, чтобы решить вопрос о власти.

* * *

Что же представляла собой к началу сентября эта советская система, которой теперь собирались передать власть большевики? Какое место она занимала в политической жизни страны, в том сложном переплетении государственных и общественных учреждений, которые достались революционной России от «старого режима» и были порождены новыми, необычными условиями?

В отличие от событий 1905 г., когда Советы вырастали стихийно в ходе всеобщей стачки и так и не смогли развиваться в стройную организацию, ибо вооруженное восстание против царизма не переросло в решающую фазу, в феврале 1917 г. Совет рабочих депутатов в Петрограде начал свое существование на заключительном этапе восстания. Он принял живейшее участие в ликвидации остатков царской власти. Что же касается большинства других городов страны, то там Советы рабочих депутатов, а затем и Советы рабочих и солдатских депутатов организовались после победы Февральского восстания в столице и задачи воору-

женного свержения старых властей перед ними в такой мере не стояли. Поэтому внешние условия и особенно установившийся режим политической свободы благоприятствовали быстрому распространению Советов вширь по примеру революционной столицы. Легальность Советов была закреплена в соглашении Петроградского Совета с Временным правительством и сохранялась в полной мере вплоть до последних дней существования последнего.

Уже 5 марта 1917 г. в Петроградском Совете после получения первых известий о формировании Советов в ряде городов страны возник вопрос о созыве в скором времени Всероссийского съезда Советов. Напомним, что форма «съездов» для объединения и координации действий общественных организаций была традиционной и привычной для русской политической жизни. Поэтому предложение о созыве съезда Советов вскоре же после их появления на арене политической жизни страны было вполне естественным и понятным.

Как же можно охарактеризовать внутривластный статус Советов рабочих и солдатских депутатов применительно к условиям марта—сентября 1917 г. в России? Большевики, согласно своим взглядам, рассматривали Советы в качестве органов революционной власти. Но, как известно, в первые месяцы Февральской революции большевики, по словам В. И. Ленина, находились в Советах «в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве...».⁴² Поэтому их влияние на осознание Советами своих задач было еще незначительным. Среди обширного числа политических резолюций Советов, их уставов и инструкций лишь в некоторых содержится определение Советов как органов революционной власти. Так, в постановлении съезда Советов рабочих депутатов Закавказья, проходившем 18—20 марта в Тифлисе, говорилось: «Советы рабочих депутатов являются одними из органов революционной власти». Это положение разъяснялось следующим образом: «Осуществляя свои задачи как органы власти, они вместе с тем, с одной стороны, являются опорой для революционного правительства, поскольку оно последовательно проводит возведенную демократическую программу; с другой стороны, они являются органами, контролирующими действия властей».⁴³ Следовательно, авторы резолюции разделяли и меньшевистское убеждение об условной поддержке Временного правительства, проводившееся исполнительным комитетом Петроградского Совета. Большинство же Советов считало себя органами руководства политической борьбой рабочего класса и всей «революционной демократии» за свои интересы. Они признавали в качестве основных для Советов

⁴⁰ Там же, т. 32, стр. 264—265.

⁴¹ Там же, т. 34, стр. 241.

⁴² Там же, т. 31, стр. 114.

⁴³ Известия Советов рабочих и солдатских депутатов Бакинского района, 1917, 30 марта.

черты общественной организации, а не органов власти. Однако фактический круг деятельности Советов выходил за рамки деятельности общественной организации любого типа, вплоть до политической партии. И в столице, и на местах Советы действительно осуществляли ряд функций революционной власти, что давало возможность большевикам, и в частности В. И. Ленину, рассматривать Советы в качестве органов революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Фактическое соотношение сил между официальной властью Временного правительства и его органов и Советами было отражено в широко употреблявшемся в те дни термине «двоевластие». Формально, повторяем, руководители Советов из меньшевиков и эсеров не считали их властью, а скорее — профессиональными общественными организациями. Вместе с тем они не отказывались от использования в своих целях для торга с буржуазией тех преимуществ, которые давало им обладание фактической властью. Что же касается Временного правительства, то оно, естественно, не считало Советы органами власти, а полностью приравнивало их в своей законодательной деятельности к общественным организациям. В ряде изданных им законов Советы упоминались наряду с профессиональными союзами, союзами земств и городов, попечительствами о бедных и пр. В то же время Временное правительство вынуждено было постоянно считаться с фактической силой Советов. Оно не только не осмеливалось их разогнать, но даже остерегалось издавать какие-либо распоряжения в отношении Советов, хотя, например, правовые акты, регулирующие деятельность фабрично-заводских комитетов и солдатских комитетов в армии, были опубликованы.

Таким образом, Советы до их большевизации по своему внутриполитическому статусу являлись преимущественно общественными организациями, осуществлявшими на практике ряд функций революционной власти. Они рассматривались меньшевиками и эсерами как организация легальной оппозиции Временному правительству для оказания на него постоянного давления в угоду для лидеров Советов направлению.

Соответственно этому строилась и система советской организации. В частности, выступая за созыв съездов Советов, меньшевистско-эсеровские лидеры фактически копировали практику организации сил оппозиции, применявшуюся либеральной буржуазией в 1904—1905 гг. и в период первой мировой войны.

В общественно-политической роли земско-городских съездов 1904—1905 гг. и съездов Советов в 1917 г.⁴⁴ можно увидеть не-

которое сходство. Разумеется, мы должны учитывать глубокое различие классовых сил, стоявших за земскими съездами и съездами Советов, различие двух этапов в развитии российского общества. В 1905 г. речь шла о совершении буржуазно-демократической революции, после марта 1917 г. начался процесс перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Но, как подчеркивал В. И. Ленин, до издания Манифеста 17 октября 1905 г. русская буржуазия объективно еще не была контрреволюционной и находилась в явной оппозиции к царизму. Поэтому и съезды земств и городов, — а последний из них состоялся сразу же после издания Манифеста, в начале ноября 1905 г., — выполняли роль центров одной из оппозиционных сил, и силы весьма влиятельной по тому времени. С апреля по ноябрь 1905 г. было проведено 5 съездов городских и земских деятелей. На них были обсуждены такие важные вопросы, как одобрение принципа всеобщих выборов, избрание делегации для прямых переговоров с царем, утверждение конституционного проекта, обсуждение предвыборной платформы. Ноябрьский земский съезд 1905 г. решал вопрос об отношении к первому «конституционному кабинету», правительству С. Ю. Витте.

Хотя требования о созыве съезда Советов начали раздаваться через несколько дней после свержения самодержавия, первое представительное собрание делегатов Советов — Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов — состоялось только в конце марта 1917 г. Оставляя в стороне политические решения этого совещания, укажем только на его роль в формировании советской системы. В специальной резолюции по организационному вопросу говорилось: «На местах повсюду создаются Советы рабочих и солдатских депутатов, по возможности общине».⁴⁵⁻⁴⁷ Совещание постановило, чтобы «повсеместно» были созданы областные, районные комитеты Советов, «опирающиеся на периодически созываемые областные, районные съезды». Делегаты на них избирались от существовавших волостных Советов, а также от «организованного трудового крестьянства».

Совещание призвало немедленно приступить к созыву всероссийского съезда Советов и наметило срок его открытия на 25 апреля 1917 г. Оно кратко определило и задачи всероссийского съезда: «Съезд утверждает сеть областных комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов и выделяет из своей среды исполнительный комитет, который явится объединяющим органом для всех Советов рабочих и солдатских депутатов». Было намечено разделить всю страну для проведения областных съездов на

⁴⁴ Имеются в виду только те съезды и совещания, которые проходили под руководством меньшевиков и эсеров, в частности Всероссийское совещание Советов и Первый Всероссийский съезд Советов.

⁴⁵⁻⁴⁷ Организация и строительство Советов РД в 1917 году. Сборник документов. М., 1928, стр. 190.

9 районов.⁴⁸ Вскоре название «район» было заменено «областью», а число областей увеличено до 13.⁴⁹ В течение апреля и мая в большинстве «областей» были проведены свои съезды. Практика выдвинула и созыв губернских и уездных съездов, которые предшествовали областным или проходили одновременно с ними. Начало работы Первого Всероссийского съезда Советов было отодвинуто на вторую половину мая, а затем на первые числа июня 1917 г.

Параллельно шло интенсивное творчество на местах. Практика созыва местных съездов давала богатый и разнообразный опыт. Он охватывал и нормотворческую деятельность применительно к организации советской системы. Так, Московское областное бюро Советов рабочих и солдатских депутатов 14 апреля рассмотрело вопрос об объединении Советов. В обсужденных тезисах, в частности, говорилось: «Основой губернского, областного и всероссийского объединения Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являются созываемые периодически соответствующие съезды».⁵⁰ Губернские съезды предполагалось созывать раз в два месяца. Аналогичные решения были приняты на Киевском областном съезде Советов 26 апреля 1917 г. Срок созыва губернских съездов также определялся в два-три месяца.⁵¹

В обращении исполнительного комитета Петроградского Совета от 9 мая 1917 г. о созыве Первого Всероссийского съезда Советов сказано: «Для более тесного организационного объединения местных Советов между собой исполнительный комитет постановил организовать областные съезды и областные центры».⁵² Этот порядок был одобрен и Первым Всероссийским съездом Советов. В специальной резолюции съезд постановил, что «съезд представителей Советов р. и с. д. является высшим органом Советов, направляющим всю их общественно-политическую и организационную работу и руководящим ею»; съезд должен был созываться не реже одного раза в три месяца.⁵³

Захватив в свои руки центральные органы Советов, меньшевики и эсеры стали во главе огромной и мощной организации, которая, как им казалось, действует послушно их воле. Направляя деятельность местных Советов в угодном им духе, соглашатели демонстрировали «единство революционной демократии» перед лицом Временного правительства. Но так как после 6 мая в составе Временного правительства находились «министры-социалисты», то политическая деятельность Советов подталкива-

лась ЦИК в сторону поддержки Временного правительства. ЦИК на съезде был объявлен высшей инстанцией по отношению к «министрам-социалистам». Но уже 8 июля в порядке самоограничения ЦИК отказался от этих контрольных функций и вручил всю полноту власти Временному правительству. Лишь два маневра удались меньшевистско-эсеровским политикам: большинство Советов страны поддержало вслед за Первым Всероссийским съездом политику наступления на фронте и осудило — правда, уже в меньшем числе — июльскую демонстрацию в Петрограде. Уже в августе наступление контрреволюции заметно сдвинуло политическую позицию многих Советов влево. Большевики стали пользоваться большим авторитетом в Советах. Уйдя в ЦИК, бывшее руководство Петроградского Совета оставило его без внимания, что облегчило для большевиков в течение июля и августа постепенное укрепление их позиции в этом главном Совете революции.

Однако эти процессы вплоть до конца августа 1917 г. совершались еще медленно, как бы в глубинных слоях революционного движения. Внешне казалось, что большинство Советов все еще следует за политикой ЦИК первого созыва. Со своей стороны ЦИК принимал все меры к дальнейшему укреплению советской системы. Какого-либо намека на скорый роспуск Советов или временность существования в деятельности ЦИК в этот период еще не было. В конце августа ЦИК даже созвал специальное организационное совещание представителей местных Советов, посвященное внутренней организации Советов и их задачам. Но это совещание не было закончено в связи с корниловским мятежом.

Таким образом, к концу августа — началу сентября 1917 г. по всей стране была создана и функционировала целая сеть Советов, имеющая стройную организацию и оказывающая влияние на десятки миллионов человек, активное действие которых и политические симпатии могли изменить ход революции в том или ином направлении. Советы формально оставались общественными организациями, однако продолжали выполнять многие государственные функции. Одной из наиболее заметных из них было в это время участие в «демократизации» органов местного самоуправления, а затем в их выборах на основе прямого, общего, равного и тайного голосования. Используя Советы, эксплуатируя тягу к единству среди рабочих и солдат, меньшевикам и эсерам, выступавшим в блоке, удалось добиться победы на выборах в городские думы.

И здесь мы подходим еще к одному важному для понимания отношения большевиков ко Второму Всероссийскому съезду Советов вопросу. Дело в том, что, помогая Советам организоваться и укрепиться, «вожди первого призыва», как называл В. И. Ленин меньшевистско-эсеровских руководителей Советов, преследо-

⁴⁸ Там же, стр. 191.

⁴⁹ Там же, стр. 171.

⁵⁰ Известия Московского Совета рабочих депутатов, 1917, 25 апреля.

⁵¹ Знамя труда (Киев), 1917, 28 апреля.

⁵² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 9 мая.

⁵³ Там же, 18 июня.

вали, как мы показывали, своекорыстные интересы. Но объективно они подготавливали свой крах в Советах. Процесс становления и укрепления советской системы находился в противоречии с теми ограниченными целями, которые ставили меньшевики и эсеры. И наоборот, он полностью отвечал задачам создания государства нового типа, которое провозгласил Ленин. Именно об этом он говорил на Первом Всероссийском съезде Советов. Советы должны были стремиться к единовластия и устранению Временного правительства и его органов. Иначе им предстояло бесславно погибнуть.

Дело в том, что принципы формирования Советов как первичных ячеек всей системы резко отличались от принципов буржуазной демократии, а следовательно, противоречили и тем официальным идеям, которые провозглашали меньшевики и эсеры. Они на всех перекрестках клялись в верности демократии, в стремлении как можно скорее установить в России парламентскую республику, а на деле, помимо своего желания, помогали укрепиться организации, построенной на совершенно других принципах, чем буржуазная демократия. Известно, что краеугольным камнем этой последней является принцип всеобщих выборов и представительных учреждений, воплощенный прежде всего в полномочном парламенте, контролирующем деятельность правительства, а также в создании избираемых всем населением органов местного самоуправления. Между тем картина внутриполитической жизни в России выглядела так, что и правительство, состоявшее из буржуазных конституционалистов с солидным стажем, и поддерживавшие его партии меньшевиков и эсеров сознательно затягивали введение нормального режима буржуазной демократии. Выборы в Учредительное собрание все откладывались и откладывались, выборы в местные органы самоуправления тоже начались лишь три месяца спустя после образования Временного правительства.

Наоборот, получили широкое распространение суррогаты представительных учреждений. Старые «цензовые» городские думы и земства не распускались, а «демократизировались» путем делегирования в них представителей от политических партий и Советов. Эти представители редко избирались в своих организациях, чаще они делегировались руководящими органами. Временное правительство, в своем первом составе вышедшее из недр Государственной думы, постепенно утратило всякую связь с каким-либо представительным учреждением, и при Керенском превратилось в группу политиканов, фактически полностью бесконтрольных. Для установления «тесной связи» между правительством и «общественными организациями» было созвано Государственное совещание. Оно формировалось опять-таки путем представительства организаций. Таким же способом созывалось затем Демократическое совещание. А ведь последнему одно

время даже предполагалось передать образование нового правительства. Наконец, Предпарламент представлял собой насмешку над настоящим парламентаризмом. Он опять-таки был сформирован из делегатов от учреждений и организаций. Однако по своим функциям он не выходил за пределы традиционного для русской общественно-политической жизни законосовещательного учреждения. Общая комиссия Лорис-Меликова, Булыгинская дума и... Временный Совет Российской республики! И это после 10 лет существования законодательной Государственной думы! Напомним, что Предпарламент был лишен даже права запроса к министрам Временного правительства. Разумеется, ограничение прав Предпарламента объяснялось невозможностью покушения на права «хозяина земли русской» — Учредительного собрания. Но кто мешал Временному правительству, меньшевикам и эсерам созвать его раньше Предпарламента?

Пока меньшевики и эсеры чувствовали себя в большинстве в Советах рабочих и солдатских депутатов, они находили советскую организацию для себя удобной, не собирались ее свертывать и не спешили заменить ее органами, основанными на всеобщем избирательном праве. Наоборот, они укрепляли Советы и в первую очередь их ЦИК, как средство давления на Временное правительство, для выторговывания доходных местечек. Ведь не случайно в составе Временного правительства доля «министров-социалистов» неуклонно повышалась, и в третьем коалиционном правительстве они составляли большинство. И лишь после подавления корниловского мятежа, когда повсюду в стране Советы стали переходить на сторону большевистской партии, когда один за другим перензбирались исполнительные комитеты Советов, и к их руководству стали приходить большевики, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, правые эсеры и меньшевики-оборонцы забеспокоились. Тогда-то и появились статьи в «Известиях» о «кризисе» советской организации, о том, что Советы являются лишь «временными лесами», внутри которых строится здание представительной парламентской республики. В момент Октябрьского вооруженного восстания и в первые недели после него меньшевики и эсеры пытались опереться в своей борьбе с большевистскими Советами на городские думы и земства, но было уже поздно. Победа осталась за Советами.

А большевики, провозгласив еще в апреле 1917 г. устами В. И. Ленина лозунг «Вся власть Советам!», выступили в сентябре защитниками всей советской системы, прочной сетью охватившей к этому времени всю Россию, системы, близкой и понятной десяткам миллионов рабочих, солдат и крестьян, чьи представители составляли тысячи Советов всех степеней. Поддержав требование созыва Второго Всероссийского съезда, большевики завоевали на свою сторону симпатии новых десятков и сотен тысяч рабочих и солдат, которые еще слабо разбирались

в борьбе партий, но безоговорочно доверяли своим Советам. А предложение о решении на съезде вопроса о власти было понятным и доступным любому рабочему или крестьянину и представлялось ему столь же естественным, сколь и само образование этих Советов в начале революции.

Советы же были классовой организацией. Выборы в них происходили по производственному принципу, а не на основе территориального, и тем более не на основе всеобщего избирательного права. Наконец, практика марта—августа 1917 г., закрепленная в постановлениях совещаний и съездов, выработала многостепенные выборы для создания советских органов в противоположность прямым выборам, проводившимся в буржуазно-демократических странах. Рабочий или солдат непосредственно выбирал депутата только в свой местный Совет, а все высшие органы создавались делегированием их членов в вышестоящие звенья. Советская система характеризовалась, таким образом, чрезвычайно высокой степенью централизации, что как нельзя лучше подходило к решению политических задач уничтожения старого строя и строительства нового социалистического государства. Таким образом, являясь государством новым по существу, Советы в то же время и по форме своей организации отличались от государства буржуазной демократии, и в частности от ее парламентской формы. Республика Советов должна была стать новым словом в истории государственного строительства.

В то время как органы буржуазной демократии в России еще находились в процессе становления, а до Учредительного собрания оставалось три месяца (последний срок, назначенный Временным правительством в августе, — 28 ноября), органы демократии советской были уже созданы, связаны в единую стройную систему и представляли собой готовый аппарат для принятия политической власти в стране. И если между характером Советов как потенциальных органов революционной власти и целями, которые ставили им меньшевики и эсеры, существовало, как мы отмечали, глубочайшее противоречие, то между целями большевиков и объективными задачами Советов как органов власти никакого противоречия не существовало.

Избранный на Первом Всероссийском съезде Советов ЦИК обязан был созвать новый съезд через три месяца, т. е. в конце сентября. События корниловского мятежа всколыхнули всю страну и вызвали активное вмешательство масс в политическую жизнь. Принцип коалиции с буржуазией, ранее поддерживавшийся значительной частью рабочих и солдат, разоблачил себя

в глазах широких масс. Только большевики, смело и решительно выступив против заговора, смогли организовать сильный отпор мятежным войскам. Все это способствовало росту влияния большевистской партии в массах. Резолюции, предложенные большевиками, принимались на многих рабочих и солдатских собраниях, а 31 августа 1917 г. резолюцию большевиков принял Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Борьба с корниловщиной, как известно, высоко подняла роль Советов. В этой обстановке и родилась мысль о необходимости досрочного созыва съезда Советов для решения важных вопросов, стоящих перед страной, и прежде всего вопроса о власти. Ее с начала сентября стали выдвигать в своих резолюциях многие собрания рабочих и местные Советы. Так, в резолюции митинга рабочих Бисертского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии от 1 сентября сказано: «Требуем от ЦИК Всероссийских Советов рабочих и солдатских депутатов немедленного созыва Всероссийского съезда Советов».⁵⁴ В решении Совета рабочих депутатов Свиноренского рудника Донецкого округа Донской области от 4 сентября говорилось, что только Второй Всероссийский съезд Советов «может спасти страну и революцию». Рабочие предлагали съезду «объявить диктатуру демократии и раздробить в прах назревшую контрреволюцию».⁵⁵ Немедленного созыва съезда требовал в своей телеграмме от 4 сентября Успенский Совет рабочих депутатов Херсонской губернии. Необходимость созыва съезда обосновывалась тяжелым положением русской революции, на обсуждение съезду предлагалось вынести общеполитические вопросы — управления страной, войны и мира, созыва Учредительного собрания.⁵⁶

Но ЦИК не прислушивался к голосу рабочих и солдат и объявил о созыве Демократического совещания, где представителям Советов рабочих и солдатских депутатов отводилась далеко не главная роль. Эта мера вызвала законный протест со стороны ряда Советов, которыми вновь выдвигалась необходимость созыва съезда Советов, подлинного выразителя интересов революционных масс. Указывая на неправильное представительство предполагавшегося совещания и на его некомпетентность решать общегосударственные вопросы, требовал созвать Второй съезд Советов Ревельский Совет рабочих и солдатских депутатов в своей резолюции от 4 сентября.⁵⁷ Против попытки ЦИК заменить съезд Советов совещанием протестовал Совет солдатских депутатов Томского гарнизона, а Совет рабочих и солдатских депутатов Одессы в своем наказе делегатам на Демократическое совещание

⁵⁴ Уральский рабочий, 1917, 10 сентября.

⁵⁵ Второй Всероссийский съезд Советов, стр. 89.

⁵⁶ Там же, стр. 90.

⁵⁷ Там же, стр. 89—90.

от 8 сентября потребовал от них добиваться созыва съезда Советов и оставаться в Петрограде для участия в его организации.⁵⁸ Авторами многих из этих резолюций были большевики. В известной резолюции Московского Совета рабочих и солдатских депутатов о власти от 5 сентября, принятой по предложению большевиков, требование создания власти из представителей пролетариата и беднейшего крестьянства связывалось, в частности, с возможным созывом Второго Всероссийского съезда Советов. Там указывалось: «Как проектируемое на 12 сентября совещание в Петрограде, так и всякие другие совещания и съезды демократии, и в первую голову Второй съезд Советов, должны быть использованы революционной демократией для завоевания такой власти».⁵⁹ По предложению большевиков общеполитическая резолюция была принята Ставропольским губернским Советом рабочих и солдатских депутатов. В ней говорилось о присоединении к резолюциям Петроградского и Московского Советов. Второй Всероссийский съезд Советов должен был переизбрать ЦИК, как «не отражающий настроения революционной демократии в настоящее время», и создать правительство, ответственное перед съездом.⁶⁰

Таким образом, впервые вопрос о необходимости срочного созыва Второго Всероссийского съезда Советов возник в период разгрома корниловщины, еще до того как стало известно о созыве ЦИК Демократического совещания. После опубликования решений о созыве совещания съезд стал рассматриваться как противоположный ему, как подлинный выразитель воли революционных масс. Задачей съезда должно было быть обсуждение насущных вопросов революции, и прежде всего вопроса об организации власти без представителей буржуазии. Во многих случаях эти требования выдвигались по инициативе большевиков.

Руководство большевистской партии в это время еще не заявило о своей поддержке идеи немедленного созыва съезда Советов, хотя, как можно заключить из некоторых данных, сочувственно отнеслось к ней. Так, в передовой статье «К Демократическому совещанию» Центральный орган партии — газета «Рабочий путь» писала: «Сегодня открывается Демократическое совещание. Не будем говорить о том, почему созвали именно совещание, а не съезд Советов. Нет сомнения, что набранный съездом ЦИК, апеллировавший в трудную минуту не к съезду, а к совещанию с участием буржуазных элементов, допустил не только грубое формальное нарушение, но и непозволительную подмену воли революционных классов волей антиреволюционных

классов».⁶¹ Как видим, газета здесь констатирует факт, но не ставит еще задачи борьбы за созыв съезда. В статье далее выражалась надежда, что организовать революционную власть сможет и Демократическое совещание.

Для того чтобы лучше понять, как съезд Советов занял вскоре центральное место в политике ЦК большевистской партии, необходимо хотя бы в нескольких словах напомнить об общей тактической установке, принятой руководством партии в эти дни. VI съезд РСДРП(б) наметил линию на организацию восстания при новом обострении общенационального кризиса. Был временно снят лозунг «Вся власть Советам!» и, как можно судить по произведениям В. И. Ленина июля—августа 1917 г., заменен лозунгом «Власть правительству из представителей пролетариата и беднейшего крестьянства!». С этим последним лозунгом партия встретила корниловский мятеж и вела всю организационную работу по борьбе с мятежниками. Этот лозунг имеется в резолюции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 31 августа и в сотнях других резолюций, принятых в первую декаду сентября Советами, рабочими и солдатскими собраниями. Однако корниловщина создала новую политическую обстановку, которую В. И. Ленин охарактеризовал как возвращение возможности мирного развития революции. Советы неизмеримо окрепли в корниловские дни, большевики завоевали на свою сторону оба столичных Совета, рос их авторитет и в большинстве провинциальных Советов рабочих и солдатских депутатов. Это позволило В. И. Ленину в ряде своих работ, написанных до 10 сентября 1917 г., вновь выдвинуть лозунг «Вся власть Советам!». Причем он выдвигается им как лозунг мирного развития революции. Непременным условием этого было единство действий с партиями меньшевиков и эсеров, своеобразный компромисс, который был предложен большевиками этим партиям. Предполагалось осуществить следующим путем лозунг «Вся власть Советам!». ЦИК Советов, в котором большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, объявит о переходе всей полноты власти к Советам, аппарат Советов заменит собой старый государственный механизм, а внутри Советов сохранится борьба партий, и там большевики будут добиваться прихода своей партии к руководству Советами. Таков был план мирного развития революции, предложенный В. И. Лениным в его работах «О компромиссах», «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной» и «Задачи революции».⁶² Центральный Комитет партии после непродолжительной дискуссии принял эти ленинские уста-

⁵⁸ Там же, стр. 100; Рабочий путь, 1917, 24 сентября.

⁵⁹ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 6 сентября.

⁶⁰ Наша газета, 1917, 14 сентября.

⁶¹ Рабочий путь, 1917, 14 сентября.

⁶² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 133—139, 200—207, 214—228, 229—238.

новки. Однако он пошел несколько дальше в оценке действительных шансов на мирное развитие революции и желания меньшевиков и эсеров пойти на компромисс с большевиками. Центральный Комитет, где в те дни известное влияние сумел получить Каменев, переоценил значение и возможности Демократического совещания в организации революционной власти.

Но еще до того как открылось Демократическое совещание, В. И. Ленин, исключительно внимательно следивший за развитием событий, сумел уловить решительную перемену в политической обстановке, требовавшую немедленной реакции со стороны большевиков. Компромисс уже отвергнут партиями меньшевиков и эсеров, и Демократическое совещание не может ничего здесь изменить. Теперь, когда большинство народа так или иначе выразило свою поддержку большевикам, когда большевики завоевали на свою сторону оба столичных Совета, они могут и должны взять власть в свои руки. А задача взятия власти есть задача успешного восстания. Не теряя ни минуты, большевики должны были, по мнению В. И. Ленина, сосредоточить все свое внимание на военно-организационной подготовке восстания.

Но некоторые руководящие работники партии, и в частности члены редакции «Рабочего пути», продолжали оставаться на старой тактической позиции, считая, что изменений в политической обстановке не произошло. 17 сентября в передовой «Вся власть Советам!», написанной И. В. Сталиным, вновь повторялся призыв к меньшевикам и эсерам: «За Советы или против них? Пусть выбирают господа соглашатели».

Критика В. И. Лениным этой позиции в отношении Демократического совещания сразу же оказала известное действие. Большинство членов ЦК поняло, что надеяться только на Демократическое совещание в решении вопроса об организации революционной власти нельзя. Необходимо было иметь какой-то другой оплот для борьбы за власть. Он подсказывался самими рабочими и солдатами. Таким органом мог быть съезд Советов, требования о созыве которого усилились с открытием Демократического совещания. Именно поэтому, очевидно, в Декларацию большевиков на Демократическом совещании, оглашенную 18 сентября 1917 г., был внесен заключительный пункт о Советах. Там отмечалось, что представительство Советов крайне урезано на совещании, а между тем именно Советы рабочих и солдатских депутатов вернее всего выражают политическую волю масс. «Вот почему мы считаем, — говорилось в Декларации, — что только те решения и предложения настоящего совещания, направленные на полное упразднение личного режима Керенского, могут найти себе путь к осуществлению, которые встретят признание со стороны Всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Безотлагательный созыв такого

съезда есть сейчас ближайшая задача».⁶³ Так впервые в официальном заявлении большевистской партии была поставлена задача борьбы за съезд Советов. Этот вопрос объявлялся важнейшим в партийной политике. Декларация же отводила весьма скромную роль этому съезду. Это и понятно: авторы Декларации все еще исходили из тактики, сложившейся после корниловских дней.

После опубликования Декларации большевиков все чаще и настоятельней стали появляться требования Советов, солдатских и рабочих собраний о немедленном созыве Второго Всероссийского съезда. Полковой комитет 3-го запасного пехотного полка, отправляя делегацию на Демократическое совещание 18 сентября, снабдил ее наказом, где, в частности, говорилось: «Немедленный созыв съезда Советов единственных полномочных органов революционной демократии».⁶⁴ В тот же день в Пскове на митинге рабочих и солдат была принята резолюция большевиков, требовавшая созыва съезда, «который единственно вправе окончательно разрешить вопрос о власти».⁶⁵ В резолюции собрания рабочих депо станции Чусовской Пермской железной дороги от 21 сентября говорилось: «Создать власть из революционного пролетариата и трудового крестьянства, а для этого созвать немедленно II Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».⁶⁶ Между тем на Демократическом совещании меньшевистско-эсеровским лидерам все же удалось протащить идею коалиции с буржуазией, хотя она и потерпела поражение при первом голосовании. Этот факт способствовал освобождению многих работников партии от «парламентских иллюзий», связанных с работой Демократического совещания. Газета «Рабочий путь» так комментировала результаты голосования 21 сентября: «Необходим немедленный созыв Всероссийского съезда Советов. Необходимо обеспечить переход власти к рабочим, солдатам и крестьянам».⁶⁷ 21—23 сентября борьба за принятие решения о созыве съезда и давление на ЦИК достигли высшей точки. 22 сентября резолюцию о немедленном созыве съезда Советов приняло объединенное заседание Советов и общественных организаций г. Выборга. Она была разослана циркулярной телеграммой Советам 23 крупнейших городов России и 4 фронтовым организациям. В резолюции указывалось, что, видя упорное нежелание ЦИК созвать Всероссийский съезд Советов, «столь необходимый сейчас, в момент создания новой власти», Выборгские Советы предлагают Петроградскому Совету потребовать от ЦИК созыва съезда не позже начала октября, а в случае отказа ЦИК созвать съезд

⁶³ Рабочий путь, 1917, 20 сентября.

⁶⁴ Вторым Всероссийским съездом Советов, стр. 115.

⁶⁵ Там же, стр. 112.

⁶⁶ Там же, стр. 118.

⁶⁷ Рабочий путь, 1917, 21 сентября.

самому.⁶⁸ Требование о немедленном созыве съезда Советов было в тот же день поддержано Казанским Советом, а на следующий день — Гельсингфорским. В резолюциях обоих Советов отмечалось, что съезд должен решить вопрос о власти.⁶⁹

Как явствует из всего предшествовавшего изложения, предложение о созыве Второго Всероссийского съезда Советов было сделано совершенно самостоятельно значительным количеством местных Советов по инициативе большевиков, а также в резолюциях собраний многих рабочих и солдатских организаций. Эти предложения являлись естественной реакцией революционных рабочих и солдат на предательские махинации меньшевиков и эсеров с Демократическим совещанием. Созыв съезда и решение на нем вопроса о власти представлялись большинству сознательных рабочих и солдат наиболее приемлемым путем создания истинно революционной власти в стране. Постановка местными Советами и местными большевиками вопроса о созыве съезда Советов для решения на нем вопроса о власти в начале и середине сентября 1917 г. не была связана с вопросом о восстании, потому что никто еще не был осведомлен о существовании ленинских писем о восстании. Эта инициатива местных Советов безусловно являлась революционной мерой, поскольку была для ее авторов единственным известным им мирным способом развития революции. Она была и объективно революционной мерой, так как разоблачала предательскую политику меньшевиков и эсеров, уклонявшихся от ответа на требование народа. Но это предложение несло в себе и отрицательные моменты, так как порождало уверенность в массах, что все можно решить только на съезде и путем съезда.

При изложении этого вопроса нами упомянут Л. Д. Троцкий в связи с его выступлениями в Петроградском Совете, которые характеризуют его позиции как члена ЦК. Как отмечалось выше, в официальном заявлении требование созыва Всероссийского съезда мы находим впервые в прочитанной Троцким Декларации большевиков на Демократическом совещании, причем там задачи съезда толковались весьма ограничительно. Новое заявление от имени большевиков по вопросу о съезде было сделано тоже Троцким на заседании рабочей секции Петроградского Совета 20 сентября 1917 г. Им было заявлено, что власть будет находиться в руках Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который «должен быть созван немедленно», а исполнителями воли съезда на местах являются местные Советы. В то же время Троцкий утверждал, что «идеальным разрешением создав-

шегося положения» он считает создание Временного комитета Демократическим совещанием вместо директории. Этот комитет должен был бы осуществлять власть в стране до съезда Советов. Следовательно, Троцкий согласился здесь с требованием созыва съезда, но не выдвинул это требование. Подлинные взгляды его выдает предложение о создании Временного комитета Демократического совещания. Так же как и Каменев, Троцкий считал Демократическое совещание наиболее подходящим органом для создания правительства.⁷⁰ Итак, соглашаясь на словах с предложением рабочих и солдат о созыве съезда Советов, Троцкий 20 сентября не считал его лучшим органом для провозглашения власти и не верил в реальность его созыва. 21 сентября 1917 г. на совещании большевистской фракции Демократического совещания Троцкий предложил вынести на обсуждение съезда Советов ... вопрос о том, участвовать ли большевикам в Предпарламенте!⁷¹ В тот же день вопрос о съезде Советов возник на заседании Петроградского Совета. Приехавший на Демократическое совещание из Москвы Бухарин заявил, что единственным источником власти может быть и будет только Всероссийский съезд Советов, и предложил создать «однородную власть из представителей демократии». Это предложение было поддержано и Троцким.

В принятой резолюции Петроградский Совет обращался к Советам всей страны с призывом не выпускать из своих рук полноту власти, если она уже находится у Совета, и укреплять позиции Советов там, где они еще не обладают полнотой власти. В заключении резолюции говорилось: «Для объединения и согласования действий всех Советов в их борьбе с надвигающейся опасностью и для решения вопросов об организации революционной власти необходим немедленный созыв съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».⁷² Таким образом, Петроградский Совет этой резолюцией поддержал требования местных Советов и придал им особый вес и значение. Так же как и в резолюциях прочих местных Советов, задачей съезда выдвигалась организация революционной власти. В результате единодушного требования большинства местных Советов, поддержанного Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, ЦИК вынужден был согласиться на созыв съезда. 24 сентября 1917 г. было объявлено, что он должен открыться 20 октября 1917 г. Этим кончился первый этап борьбы рабочих и солдат России под руководством большевистской партии за созыв Второго Всероссийского съезда. Он характерен широким самостоятельным массовым действием Советов всей страны. Руководство большевиков проявлялось

⁶⁸ ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 142, л. 46.

⁶⁹ Казанская рабочая газета, 1917, 25 сентября; Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих, 1917, 24 сентября.

⁷⁰ Известия, 1917, 21 сентября.

⁷¹ Знамя труда (Киев), 1917, 22 сентября.

⁷² Известия, 1917, 22 сентября.

на этом этапе главным образом в форме вынесения местными партийными организациями проектов резолюций на заседаниях своих Советов. Центральный Комитет партии выступил за созыв съезда только в самом конце этого периода, поскольку ранее не были еще окончательно преодолены намерения части членов ЦК решить вопрос о власти на Демократическом совещании. Что же касается Троцкого, то его роль в выдвижении лозунга созыва съезда для решения вопроса о власти была минимальной. Этот лозунг выдвинули рабочие и солдаты, местные партийные организации. Но если они не знали о ленинском требовании начать немедленную подготовку к восстанию, то Троцкий знал об этом. И если он присоединился к требованию о решении вопроса о власти на съезде Советов, то тем самым он отвергал революционный путь решения вопроса, предложенный В. И. Лениным. Присоединившись к требованию о созыве съезда, Троцкий оказывал давление на ЦК партии, уводя его от решения вопроса о подготовке восстания. Такова была позиция Троцкого в это время. Оговорка о неизбежности гражданской войны, которую из осторожности делал Троцкий, не меняла ее существа.

С конца сентября начинается второй этап в политике большевиков по отношению к съезду Советов. Борьба за его созыв обрела главную во всей партийной работе.

Днем 24 сентября на партийном совещании фракции большевиков Демократического совещания была принята резолюция «Текущий момент и задачи пролетариата». Она выдвигала среди других задачу немедленного созыва областных съездов Советов и созыв в кратчайший срок Всероссийского съезда.⁷³ На состоявшемся после этого совещания заседании ЦК от 24 сентября 1917 г. было принято решение: «Провести повсюду широкую кампанию, выносить в различных Советах резолюции с требованием немедленного созыва съезда... Желательно созвать предварительно окружные и областные съезды Советов».⁷⁴ Итак, после опубликования извещения о созыве съезда ЦК РСДРП(б) решил деятельно готовиться к съезду, чтобы обеспечить на нем преимущество большевиков. Вопрос о съезде занял важное место и на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 сентября 1917 г. С докладом о текущем моменте выступил Каменев. Он заявил, что делегация, избранная совещанием для переговоров с правительством, пошла по пути соглашательства и созданное новое коалиционное правительство есть диктатура буржуазии, с которой необходимо бороться «самым серьезным образом». Как же Каменев предлагал вести эту борьбу? «Единственным средством борьбы, — заявил он, — является скорейший созыв Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, авторитет кото-

рого даст возможность пролетарским, солдатским и крестьянским массам дать правильную оценку этой власти и ее заданиям».⁷⁵ Как видим, Каменев выражался очень осторожно. Съезд может осудить правительство за его деятельность, но о праве самого съезда создать новое правительство он не сказал ни слова. Резолюция Совета, принятая подавляющим большинством, была составлена в более решительных тонах. В ней новое правительство объявлялось «правительством гражданской войны». «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов заявляет, — говорилось там, — правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия, мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Мы выражаем твердую уверенность в том, что весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: — В отставку! — и, опираясь на этот единодушный голос подлинной демократии, Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создаст истинно революционную власть. Вместе с тем, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает пролетарские и солдатские организации к усиленной работе по сплочению своих рядов вокруг своих Советов, воздерживаясь от всяких частичных выступлений».⁷⁶ Эта резолюция означала известный шаг вперед по сравнению с ранее занимавшейся позицией. Теперь ясно и определенно указывалось, что именно съезд Советов должен решить вопрос о создании истинно революционной власти, причем это решение означало бы отставку, вернее, низложение только что образованного коалиционного правительства. Вполне определенно говорилось и о возможности гражданской войны по инициативе правительства. Таким образом, лозунг решения вопроса о власти на съезде Советов приобретал характер лозунга государственного переворота, восстания.

30 сентября в «Рабочем пути» было опубликовано обращение ЦК РСДРП(б) к рабочим и солдатам «Перед съездом Советов». Предательская политика меньшевиков и эсеров, создавших подтасованное Демократическое совещание, породившее такой же Предпарламент, разоблачена, говорилось в обращении. Но они могут сорвать и назначенный на 20 октября съезд Советов. «Будьте настороже, товарищи! Не надейтесь ни на кого, кроме как на самих себя. Не теряйте ни одного часа, готовьтесь к съезду Советов, созывайте областные съезды, добивайтесь того, чтобы на съезд были посланы противники соглашательства, не уступайте ни пяди из завоеванных советами позиций на местах». В документе говорилось также, что новому правительству хотелось бы вызвать гражданскую войну «сейчас, немедленно, чтобы поглотить в крови рабочих и солдат потонуть революцию». И хотя негодование охватывало рабочие и крестьянские массы, ЦК призывал:

⁷³ Рабочий путь, 1917, 29 сентября.

⁷⁴ Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958, стр. 69.

⁷⁵ Известия, 1917, 26 сентября.

⁷⁶ Там же.

«Мы говорим: мы не пойдем на бой тогда, когда это пужно нашим врагам. Никаких частичных выступлений!». Центральный Комитет предлагал все силы сосредоточить на подготовке съезда 20 октября, «съезда, который один обеспечит созыв и революционную работу Учредительного собрания». «Борьба за съезд Советов. Мобилизация сил на съезде Советов. Вся власть Советам. Такой наш путь», — этим заканчивалось обращение. Итак, никаких выступлений до съезда Советов — это был первый вывод из обращения, который мог сделать каждый рабочий и солдат. Выйдем на улицу тогда, когда это будет нужно нам. А это будет тогда, когда начнет работать съезд Советов и будет проведена мобилизация сил под лозунгом «Вся власть Советам!».

Это обращение, конечно, имело известное положительное значение, поскольку намечало определенный план борьбы за съезд, призывало рабочих и солдат к активным самостоятельным действиям. Но в призыве «подождать с выступлениями» оно было неправильным, оказывало дезорганизующее влияние на массы и в немалой степени способствовало распространению среди рабочих и солдат «конституционных иллюзий» о том, что решением съезда можно победить буржуазию. Позиция «парламентских верхов» партии по вопросу о съезде Советов и восстании подверглась резкой критике со стороны В. И. Ленина.⁷⁷

Резкая критика В. И. Лениным тактики ожидания съезда в связи с подготовкой восстания не означает, конечно, что он вообще отвергал какое-либо самостоятельное значение за съездом Советов. Наоборот, Ленин отводил съезду Советов вполне определенное и важное место в системе мероприятий рабоче-крестьянской власти после победы восстания. Об этом убедительно свидетельствует его рукописная листовка «К рабочим, крестьянам и солдатам», датированная 1—2 октября, т. е. временем, когда критика тактики ожидания съезда велась В. И. Лениным особенно широко. Агитируя за немедленное установление власти Советов, за немедленное свержение правительства Керенского, Ленин пишет: «Если власть будет у Советов, то не позже 25-го октября (если 20 октября будет съезд Советов) *будет предложен справедливый мир всем воюющим народам. В России будет рабочее и крестьянское правительство, оно немедленно, не теряя ни дня, предложит справедливый мир всем воюющим народам.* Тогда народ узнает, кто хочет несправедливой войны. Тогда народ решит в Учредительном собрании. Если власть будет у Советов, то немедленно помещичьи земли будут объявлены *владением и достоянием всего народа.*»⁷⁸ Таким образом, главной задачей съезда, по мысли

Ленина, было формирование рабочего и крестьянского правительства, которое уже объявит помещичьи земли народным достоянием и предложит справедливый мир всем воюющим народам. Рабоче-крестьянское правительство должно быть создано после победившего восстания, уже после взятия власти органами восстания, оно должно приять власть из рук этих органов — так считал Ленин, и его точка зрения отличалась от мнения тех, кто предлагал решить вопрос о власти на съезде Советов. Сторонники же противоположной точки зрения предлагали начать с объявления Советской власти на съезде и формирования правительства, в то время как правительство Керенского продолжало бы еще существовать.

Таким образом, ленинская критика не снимала вовсе «борьбы за съезд», ее необходимо было продолжать. Однако креп в этой борьбе должен был быть изменен. Практическая подготовка восстания должна была стать первой задачей, а борьба за съезд — второй. Особенно это было важно в Петрограде, столице России, где и должно было свершиться рабочее и крестьянское восстание. Но и в других городах страны большевики должны были привести в боевую готовность свои силы, не ограничиваясь лишь кампанией по подготовке съезда.

Присоединившись к выдвинутому массами лозунгу созыва Второго Всероссийского съезда Советов, большевики с конца сентября превратились в единственную силу, борющуюся за созыв этого съезда. На партию выпала главная ответственность за то, состоится ли съезд вообще. Как показывает переписка ЦК РСДРП(б), борьба за созыв съезда Советов занимала значительное место в организационной работе местных партийных организаций, уступая лишь внутрипартийной работе и подготовке к выборам в Учредительное собрание. Так, 28 сентября 1917 г. за подписью Я. М. Свердлов и Е. Д. Стасовой был отпечатан циркуляр местным партийным организациям о подготовке к созыву экстренного съезда партии и Второго Всероссийского съезда Советов. Там говорилось: «ЦК, обсудив [вопрос] о созыве экстренного съезда партии, постановил созвать его 17 октября в Петрограде за несколько дней до съезда Советов, который состоится 20 октября. . . Допустимо и желательно [совмещение] мандатов на экстренный партийный съезд и на съезд Советов».⁷⁹ И хотя впоследствии созыв экстренного партийного съезда был признан нежелательным, организационная работа по его подго-

⁷⁷ Подробнее см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Книга вторая, стр. 223—233.

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 285.

⁷⁹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.). Т. 1. М., 1957, стр. 52—53.

товке не пропала даром и пригодилась при выдвижении в Советах делегатов на Второй Всероссийский съезд Советов. В письме Сызранскому комитету РСДРП(б) Я. М. Свердлов писал 2 октября: «Предстоит жестокая борьба в связи с созывом съезда Советов, и необходимо повсюду на местах выяснить огромную важность его созыва. Мы уже писали об этом, что касается этого вопроса».⁸⁰ В письме ЦК Полтавскому комитету РСДРП(б) от 3 октября также говорилось: «Нами были разосланы циркулярные письма о созывающемся на 20 октября съезде Советов. Предлагаем ознакомиться и сделать все, что можно, для выполнения».⁸¹

В Петрограде большевики, развернув после 10 октября 1917 г. интенсивную подготовку вооруженного восстания, не забывали и о съезде Советов. Достаточно напомнить о решениях Съезда Советов Северной области, разославшего специальную телеграмму всем важнейшим Советам страны с предложением обеспечить избрание на съезд делегатов, представляющих действительные интересы трудящегося народа. О подготовке съезда говорилось на общих собраниях Петроградского Совета 12, 16 и 18 октября 1917 г. После рассылки телеграммы Северного областного съезда Советов ЦИК первого созыва специально обратился к армейским комитетам с требованием усилить представительство оборонцев на съезде. 17 октября Временное правительство постановило через министра труда меньшевика Гвоздева просить ЦИК отменить или отсрочить съезд, полагая, что именно в дни работы съезда будет осуществлено «выступление большевиков». Утром 18 октября ЦИК удовлетворил эту просьбу и перенес день открытия Второго Всероссийского съезда Советов с 20-го на 25 октября. 21 октября ЦК РСДРП(б) специально рассмотрел вопрос о съезде Советов, назначил докладчиков по основным вопросам повестки дня, постановил немедленно вызвать в Петроград московскую делегацию.⁸² И в эти же часы начал свою практическую работу Военно-революционный комитет Петроградского Совета.

Как же в этих условиях строилась массовая работа местных партийных организаций, какова была позиция Советов по отношению к взятию власти и созыву съезда Советов? Ознакомление с опубликованными резолюциями и постановлениями местных Советов и партийных организаций дает весьма пеструю картину. Но и в ней улавливаются некоторые общие черты. Во всяком случае до 10—15 октября в постановлениях партийных организаций вопрос об установлении власти Советов чаще всего связывался с решениями предстоящего съезда. Так, в сборнике «Второй Всероссийский съезд Советов» за этот период опубликовано восемь

резолюций большевиков. Лишь Московский комитет и областное бюро не связывают вопрос о власти со съездом Советов. А вот в резолюции Кавказского областного съезда РСДРП(б), проходившего 2—7 октября 1917 г., говорится: «Очередной задачей революции мы считаем, в полном согласии с Центральным Комитетом партии, созыв Всероссийского съезда Советов р. с. и к. д., который должен взять в свои руки всю государственную власть, объявив себя революционным Конвентом и приступив к немедленному осуществлению основных требований революции».⁸³ Этот же мотив — «съезд, который призван сыграть решающую роль в нашей революции» — повторен и в обращении Кавказского краевого комитета РСДРП(б).⁸⁴ Вторая Северо-Западная конференция РСДРП(б) призывала приложить все усилия на местах к обеспечению созыва съезда, а взятие власти в свои руки должно было произойти «путем согласованной между Советами р. с. и к. д. революционной инициативы».⁸⁵ Фракция большевиков фронтового комитета Западного фронта заявляла: «Истинно революционную власть может организовать единственно верный выразитель политической воли революционного народа — Всероссийский съезд Советов р. с. и к. д.». «В данный момент вопрос о съезде Советов есть вопрос о власти. Вопрос о власти есть вопрос о судьбах революции».⁸⁶ Пермская окружная конференция РСДРП(б) в своей резолюции отмечала, что съезд «должен будет поставить и решить вопрос о власти».⁸⁷

В резолюции Брянского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 13 октября, предложенной от имени фракции большевиков, указывалось: «Единственным выразителем воли народной сейчас мы считаем съезд Советов р. с. и к. д. Немедленный созыв съезда, немедленная организация съездом Советов солдатской, крестьянской и рабочей власти». Фактически это был наказ делегатам съезда, избранным на этом же заседании.⁸⁸ В наказе делегатам Екатеринодарского Совета воинских и крестьянских депутатов первым пунктом значилось: «Немедленное образование правительства из состава съезда Советов до Учредительного собрания, ответственного только перед Советами».⁸⁹ Собрание большевиков завода № 43 Тамбовской губернии, состоявшееся 2 октября 1917 г., присоединилось к резолюции партийного совещания в Петрограде от 24 сентября, где, в частности, гово-

⁸⁰ Второй Всероссийский съезд Советов, стр. 64.

⁸¹ Там же, стр. 80.

⁸² Там же, стр. 65. Резолюция принята 5 октября.

⁸³ Там же, стр. 72—73. Резолюция принята 9 октября.

⁸⁴ Там же, стр. 75. Резолюция принята между 9 и 12 октября.

⁸⁵ Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти. Орел, 1957, стр. 90.

⁸⁶ Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Краснодар, 1957, стр. 84.

⁸⁰ Там же, стр. 61.

⁸¹ Там же, стр. 64.

⁸² Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 118.

рилось о созыве съезда «для решения вопроса об организации революционной власти».⁹⁰

Первая Новгородская губернская партийная конференция, проходившая 6 октября 1917 г., заслушав доклад М. С. Урицкого, поддержала позицию ЦК. В тот же день в Новгороде большевики проводили солдатский митинг, и после выступления Урицкого была принята резолюция о передаче власти Советам. В ней сказано следующее: «Единственный мирный выход из создавшегося критического положения есть передача власти из рук буржуазного Временного правительства в руки Советов р. с. и к. д. Требуем созыва съезда Советов р. с. и к. д. в назначенный срок 20 октября».⁹¹

Изменение отношения к съезду Советов как органу, который своим решением должен взять власть, заметно на примере Ярославской партийной организации. Еще 3 октября вопрос о съезде занимал главное внимание. Представитель ЦК РСДРП(б) Широков на общем собрании членов Ярославской организации призывал проводить на съезд, который будет «более демократичен», чем Демократическое совещание, как можно больше своих представителей. Местный большевик Закгейм говорил: «20 октября соберется съезд Советов р. и с. д. Съезд, может быть, постановит взять власть в руки Советов. Очень может быть, придется принять открытый бой с буржуазней».⁹² А на Второй Ярославской губернской партийной конференции вопрос о взятии власти уже не связывался со съездом. В докладе Янышева отмечалось, что задачей партии является «взять на себя руководство движением и подготовить массы и массовые революционные Советы к захвату власти». Конференция присоединилась к политической резолюции III Петроградской общегородской конференции большевиков, в которой, как известно, о съезде Советов как органе взятия власти не упоминалось.⁹³

В постановлениях большого числа партийных организаций передача власти в руки Советов никак не связывалась с деятельностью Второго Всероссийского съезда Советов. Так, в обращении Иркутской губернской организации РСДРП(б) ко всем рабочим и крестьянам, выпущенном в начале октября 1917 г., содержалось только требование установления Советской власти в интересах революции. В тезисах доклада большевиков на Первом Общесибирском съезде Советов в начале октября также говорилось

о «безотлагательном установлении диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, переходе всей власти к Советам р. с. и к. д.». Эта же мысль проходит и через ряд документов Общесибирского съезда и его ЦИК.⁹⁴

В решениях Первой Курской губернской конференции большевиков содержится требование немедленного перехода власти в руки Советов «как в центре, так и на местах».⁹⁵ Решительно поддерживали требование немедленной передачи власти Советам рязанские большевики, в начале октября выделившиеся из объединенной социал-демократической организации. На губерньском съезде Советов, начавшем свою работу 13 октября, была принята соответствующая резолюция. Интересно, что 16 октября съезд избрал несколько большевиков, «которым предложено передать всю губернскую власть, если 20-го будет указание Центрального органа».⁹⁶ По докладу Межлаука 22 октября 1917 г., немедленного перехода всей власти в руки Советов требовали большевики Петинского района г. Харькова. Правда, следует отметить, что среди харьковских большевиков, работавших в местном гарнизоне, крайне стойким было убеждение, что передача власти Советам произойдет по решению съезда Советов. Так, в резолюции митинга солдат 28-го запасного пехотного полка имелось требование: «Созыв до 20 октября съезда Советов, который должен явиться высшей властью в России и существовать во все время Учредительного собрания». А солдаты 30-го пехотного запасного полка заявляли: «Оказать самую решительную поддержку созываемому на 20 октября Всероссийскому съезду Советов р. с. и к. д., который должен будет поставить и решить вопрос о власти». Точно такая же резолюция под девизом «Вся власть Всероссийскому съезду Советов!» была принята на созванном большевиками съезде представителей полковых и ротных комитетов харьковского гарнизона 17 октября 1917 г.⁹⁷

Позиция Советов в основном совпадала с позицией большевистских организаций тех городов, где партии удалось уже завоевать большинство. Все же самое усиленное внимание к созыву Съезда уделялось со стороны Советов. Это вполне есте-

⁹⁰ Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. Тамбов, 1957, стр. 47.

⁹¹ Установление Советской власти в Новгородской губернии. Новгород, 1957, стр. 57—58.

⁹² Установление Советской власти в Ярославской губернии. Ярославль, 1957, стр. 225—226.

⁹³ Там же, стр. 232—233.

⁹⁴ Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. Иркутск, 1957, стр. 54—55, 65—67, 68, 69—70. Правда, 16 октября съезд принял специальную резолюцию, в которой заявлялось, что «Всероссийский съезд Советов р. с. и к. д. должен немедленно взять власть в свои руки и в согласии с ним местные Советы — на местах. В борьбе за переход власти Советам Сибири окажут Всероссийскому съезду действительную поддержку» (см.: За власть Советов. Красноярск, 1957, стр. 200).

⁹⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1957, стр. 96—97.

⁹⁶ Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии. Рязань, 1957, стр. 110, 115.

⁹⁷ Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции. Харьков, 1957, стр. 213, 214, 216, 216—218.

ственно, если помнить, что делегаты Советов должны были собраться на свой съезд, а также если учесть вес солдатских представителей, среди которых конституционные плязипи по отношению к взятию власти решеннем съезда были весьма распространены. Так, Саратовским Советом рабочих и солдатских депутатов, где большевики имели значительное большинство, 7 октября была принята резолюция, требовавшая созыва съезда Советов. «Только съезд Советов, — говорилось там, — может обеспечить действительный созыв Учредительного собрания, а в случае нового срыва такового образовать действительно революционный парламент и создать, наконец, творческую революционную власть».⁹⁸ В резолюции Сызранского Совета от 8 октября указывалось: «Требуем созыва Всероссийского съезда на 20 октября и, веря только Советам, выражаем полную готовность передать власть в руки Советов с. р. и к. д.».⁹⁹ Лишь в отдельных случаях большевикам не удавалось провести в Советах резолюции поддержки съезда Советов или передачи власти в руки Советов. В Александровске 18 октября Совет при обсуждении наказа делегату на съезд отклонил большевистский проект, требовавший поддержать на съезде требование о передаче власти Советам.¹⁰⁰ Олонский губернский Совет решил 13 октября послать телеграмму ЦИК об отсрочке съезда Советов до окончания выборов в Учредительное собрание, а 18 октября Совет, несмотря на протесты большевиков, принял резолюцию о поддержке «министров-социалистов».¹⁰¹

Итак, рассмотрение материалов о направлении агитационно-массовой работы большевиков в связи с задачами взятия власти Советами и проведения Второго Всероссийского съезда Советов показывает, что наибольшей силы кампания в пользу решения вопроса о власти на съезде Советов достигла в конце сентября и начале октября, когда местные организации РСДРП(б) восприняли как директиву постановления партийного совещания в Петрограде от 24 сентября 1917 г., циркуляр ЦК РСДРП(б) от 28 сентября и обращение «Перед съездом Советов» от 30 сентября, опубликованные в Центральном органе партии — газете «Рабочий путь». Эти директивы казались им естественным продолжением той борьбы за созыв съезда в противовес Демократическому совещанию, которая была начата большим числом Советов с участием большевиков в сентябре 1917 г. Вместе с тем значительная часть партийных организаций и в те дни склоня-

лась к одобрению прямого вооруженного революционного действия для взятия власти в руки Советов. Эта тенденция получает все большее развитие с середины октября, когда в Петрограде в партийном руководстве был полностью одобрен ленинский курс на немедленную организацию вооруженного восстания. В постановлениях местных партийных комитетов имеются упоминания о получении информации из Петрограда по этим вопросам, а также выявляется собственная ориентация в связи с опубликованием решений III Петроградской общегородской конференции.

Кампания за созыв съезда Советов сопровождалась выдвижением для него со стороны партийных организаций конкретной программы революционных преобразований, в том числе создания Советского правительства, решения вопросов о мире и земле. В этом проявилось полное единство понимания задач съезда всеми партийными организациями, от Центрального Комитета до районных собраний. Их гласная постановка облегчила работу Второго Всероссийского съезда Советов, подготовила самые широкие круги населения к принятию и поддержке решений Второго Всероссийского съезда Советов. Эта несомненная польза борьбы за съезд, которую успешно провела партия в сентябре — октябре 1917 г., в известной мере сбалансировала тот риск, который несла сама идея решения вопроса о власти на съезде Советов для главного дела — взятия государственной власти. Идея эта получила широкое хождение за пределами Петрограда, однако в столице ее поддерживали главным образом солдатские массы. Рабочий класс — ударная сила Октябрьского вооруженного восстания — понимал, что власть будет завоевана не резолюцией съезда, а вооруженной схваткой с Временным правительством. Угроза неудачи восстания, если бы последовало открытое поручение съезду взять власть, действительно существовала. Зная о таком поручении съезду, Временное правительство могло бы принять контрмеры с помощью верных ему воинских сил. Поэтому борьба В. И. Ленина за то, чтобы восстание предшествовало съезду, была полностью оправдана. Эта угроза не была реализована не потому, что правы оказались сторонники «ожидания съезда», а потому, что Временное правительство оказалось слабым и не смогло воспользоваться имевшимся у него шансом.

* * *

Второй Всероссийский съезд Советов начал свою работу в 22 час. 40 мин. 25 октября 1917 г. К этому моменту уже вполне определилась победа Октябрьского вооруженного восстания. Еще утром весь город, за исключением района Исаакиевской и Дворцовой площадей, находился в руках восставших. В. И. Ленин написал обращение «К гражданам России», в котором сообщал

⁹⁸ 1917 год в Саратовской губернии. Саратов, 1957, стр. 164—165.

⁹⁹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Ульяновск, 1957, стр. 77—78.

¹⁰⁰ За власть Советов. Запорожье, 1957, стр. 20.

¹⁰¹ Борьба за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957, стр. 72—73.

о низложении Временного правительства и о победе социалистической революции. В этом воззвании отмечалось, что власть в стране перешла в руки Военно-революционного комитета, органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Днем был занят Марининский дворец и прекращено существование Предпарламента. А к моменту открытия съезда Зимний дворец, последнее прибежище Временного правительства, был окружен плотным кольцом войск Военно-революционного комитета. Уже прозвучали сигнальные выстрелы «Авроры» и Петропавловской крепости. Уже раздались первые очереди пулеметов на Дворцовой площади. Но в момент открытия съезда и в первые минуты его работы на площади наступило затишье. Оно было вызвано сдачей казаков и ударниц 1-го Петроградского женского батальона.

И вдруг, минут через двадцать, стекла окон Белого зала Смольного задрожали от далеких звуков артиллерийской канонады. Это начался оружейный обстрел Зимнего дворца со стороны Петропавловской крепости. Вскоре на съезде был объявлен перерыв. Меньшевики и правые эсеры позорно дезертировали со съезда и соединились с контрреволюционным большинством Городской думы. Когда в 3 часа 30 мин. утра заседание Второго Всероссийского съезда возобновилось, то весть о взятии Зимнего дворца и аресте членов Временного правительства была встречена большинством участников съезда с ликованием. Теперь ничто не мешало его работе, и он мог выполнить свою историческую миссию.

Идя на восстание, большевики опирались на ясно выраженную волю огромного большинства трудящегося населения страны, в частности на резолюции и постановления самих Советов рабочих и солдатских депутатов. Этот двойной источник полномочий съезда для создания на нем новой власти прямо указан в основополагающей резолюции Второго Всероссийского съезда о переходе всей власти к Советам, принятой в ночь на 26 октября 1917 г. В ней говорится: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки».¹⁰² Текст этой резолюции написан В. И. Лениным, который точно отразил в данных словах и итог вооруженного свержения буржуазного правительства, и своеобразное конституционное основание для взятия власти — волю большин-

¹⁰² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11. Отметим, что в этой резолюции не говорилось о том, что съезд принимает власть из рук Военно-революционного комитета. Возможно, фактическое обладание съездом властью покрывалось формулой: «Опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание...». Во всяком случае юридическое значение этому факту придано не было. В резолюции съезд выступает в качестве инициатора создания новой власти, как носитель всей верховной власти *ipso facto*.

ства народа. Изучение обеих этих сторон в деятельности Второго Всероссийского съезда Советов весьма перспективно с точки зрения сегодняшних задач мирового рабочего и коммунистического движения, которое учитывает в качестве возможных путей совершения социалистического переворота и вооруженную борьбу, и ту или иную форму конституционной победы.

Резолюция Второго Всероссийского съезда не только провозгласила переход верховной власти в стране в руки самого съезда, но и указала на ряд существенных моментов в организации нового советского государства. Съезд постановил: «вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...».¹⁰³

Конституционное значение получало постановление Второго Всероссийского съезда Советов об образовании Советского правительства. Съезд Советов передавал правительственную власть в стране созданному им Совету Народных Комиссаров. «Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их, — говорится в написанном В. И. Лениным тексте данного постановления, — принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов...».¹⁰⁴ Таким образом, прочно закреплялось первенствующее значение съезда Советов во всех государственных делах, правительство становилось ответственным перед Всероссийским съездом, а в перерывах между съездами — перед избранным съездом Центральным Исполнительным Комитетом. Съезд санкционировал, как можно судить по этому постановлению, всю сложившуюся советскую систему, возглавляемую Центральным Исполнительным Комитетом Советов. Ряд важных указаний о новом государственном строе имеется и в других постановлениях съезда. Так, в циркуляре всем губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов отмечалось: «Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары Временного правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным Правительством».¹⁰⁵ Тем самым Всероссийский съезд высказывался за единство местной власти и отмену существовавшего при царском и Временном правительствах порядка, когда на местах наряду с органами самоуправления существовали и представители центральной власти — губернаторы, а затем комиссары, — осуществлявшие контроль над общественным управлением.

Так началось строительство нового государства рабочих и крестьян, для истории которого решения Второго Всероссийского съезда Советов представляют собой отправную точку. Напомним,

¹⁰³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

¹⁰⁴ Там же, стр. 28.

¹⁰⁵ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957, стр. 11.

что на этом съезде были представлены главным образом Советы рабочих и солдатских депутатов, хотя на нем присутствовали и отдельные делегаты от Советов крестьянских депутатов. Что касается крестьянских Советов в целом, то они существовали еще отдельно от системы Советов рабочих и солдатских депутатов. Лишь на уровне ЦИК первого созыва и Всероссийского Совета крестьянских депутатов существовало согласование действий, и обе системы приходили в соприкосновение. Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов, где преобладали правые эсеры, боролся против созыва Второго Всероссийского съезда Советов и враждебно встретил первые декреты Советской власти. Но созванный в середине ноября Чрезвычайный крестьянский съезд, а затем и II Всероссийский съезд крестьянских депутатов отбросили с дороги противников Советской власти и вынесли постановление об объединении своих Советов с Советами рабочих и солдатских депутатов.

15 ноября 1917 г. ВЦИК постановил пополнить свой состав равным числом представителей от крестьянских депутатов, в тот же день состоялось объединенное заседание ВЦИК, Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда и Петроградского Совета, которые одобрили все решения Второго Всероссийского съезда Советов.¹⁰⁶

В декретах и постановлениях Второго Всероссийского съезда Советов имелись еще ссылки на Учредительное собрание, а само Советское правительство «впредь до Учредительного собрания» именовалось Временным рабочим и крестьянским правительством. Отказ эсеров-меньшевистского большинства Учредительного собрания от подтверждения декретов Второго Всероссийского съезда Советов, от сотрудничества с Советской властью послужил основанием для его разгона. Советы в центре и на местах становились единственной признанной и законной системой государственных органов. В декрете ЦИК второго созыва о роспуске Учредительного собрания от 9 января 1918 г. подтверждалась провозглашенная Вторым Всероссийским съездом Советов нераздельность власти, переданной Советам, одновременно подчеркивалась коренная противоположность Советов буржуазному парламентаризму.

«Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, — говорилось в этом декрете, — что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества».¹⁰⁷ Вопрос об отношении Советов к парламента-

ризму представлялся настолько важным, что ЦИК указал на это еще раз: «Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции».¹⁰⁸

В принятой через три дня на Третьем Всероссийском съезде Советов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» вновь подтверждалось постановление Второго Всероссийского съезда Советов: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам».¹⁰⁹ Декларация вошла составной частью в текст первой Советской конституции, принятой 10 июля 1918 г. Пятым Всероссийским съездом Советов. Вместе с тем только в этой Конституции впервые была законодательно закреплена система советского строительства, которая до того существовала на основе революционного «обычного» права, постановлений Всероссийского совещания Советов, проведенного в конце марта 1917 г., и первых трех съездов Советов. Третий раздел Конституции 1918 г. носил название «Конструкция Советской власти». В ст. 24 говорилось: «Всероссийский съезд Советов является высшей властью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В ст. 25 излагались принципы формирования съезда: избрание представителей на него от городских Советов (один депутат от 25 000 избирателей) и от губернских съездов Советов (один депутат от 125 000 избирателей). Конституция содержала подробное описание способа образования и функций Центрального Исполнительного Комитета, Советского правительства. На местах высшими органами власти являлись областные, губернские и уездные съезды Советов. Лишь после этого в качестве нижней ячейки следовали и сами Советы. Статья 60 подтверждала, что в границах своего ведения Совет «есть высшая в пределах данной территории власть». Так был закончен первый этап советского государственного строительства, начатый постановлениями Второго Всероссийского съезда Советов. Система Советов, становление которой началось в дни работы исторического Второго Всероссийского съезда Советов, просуществовала почти без изменений до принятия новой Конституции СССР в 1936 г.

¹⁰⁸ Там же, стр. 336. В основу декрета был положен текст В. И. Ленина (см. там же, стр. 334).

¹⁰⁹ Там же, стр. 341.

¹⁰⁶ Там же, стр. 88—89.

¹⁰⁷ Там же, стр. 335.

К ВОПРОСУ О СЛОМЕ БУРЖУАЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНЫ В РОССИИ

Вопрос о советском государственном аппарате, этот, по выражению В. И. Ленина, «старый и вечно новый вопрос»,¹ и теснейшим образом связанная с ним принципиально важная проблема слома буржуазно-помещичьей государственной машины в России неизбежно вызывают особый интерес у отечественных, а также зарубежных историков, юристов и философов. Однако, как совершенно справедливо отмечено в известном труде Е. Н. Городецкого о становлении Советского государства, на протяжении многих лет вопрос о сломе буржуазного бюрократического аппарата решался в нашей литературе в основном в общей форме, при помощи нескольких цитат из сочинений К. Маркса и В. И. Ленина о коренном отличии пролетарской революции от буржуазной в их отношении к старой государственной машине. «Конкретно-историческое изучение слома старого государственного аппарата было весьма слабым, — пишет Е. Н. Городецкий, — эта проблема требует еще много внимания со стороны исследователей, особенно в свете последних статей Ленина».²

В самом деле, совершенно правильное выдвижение на первый план принципиальной особенности пролетарской революции, состоящей, как известно, в том, что в отличие от всех предшествующих революций в процессе ее осуществления происходит не приспособление и совершенствование старого государственного аппарата применительно к новым условиям и задачам нового господствующего класса эксплуататоров, а коренная ломка и уничтожение самой эксплуататорской машины власти, имело своим результатом и другое. Как правило, исследователи уделяли основное внимание изучению того, как, каким образом происходил процесс слома, какими способами и методами пролетарская революция ломала и ликвидировала буржуазный государственный механизм. Между тем другая, и очень важная, сторона проблемы,

на которой, как правильно подчеркнул Е. Н. Городецкий, предельно заострил внимание В. И. Ленин в своих последних письмах и статьях конца декабря 1922 г. — начала марта 1923 г., оставалась как-то в тени. Речь идет о чрезвычайно существенном вопросе — прежде всего о возможности, а также о формах, характере и объеме использования некоторых элементов и частей старой государственной машины для строительства органов пролетарской власти.

В принципе вопрос о возможности, точнее говоря, о необходимости преемственности некоторых частей и звеньев старого аппарата в период становления пролетарской власти был положительно решен основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом³ и затем довольно подробно разработан В. И. Лениным еще до Октябрьской революции. Достаточно напомнить ленинское указание о важности всемерного использования тех частей прежнего аппарата управления, которые выполняли функции регистрации, учета и распределения и т. п. (банки в первую очередь). При этом Ленин подчеркивал, что предвзятительно нужно «отрезать, отсечь, отрубить» капиталистов с их нитями влияния».⁴

Тогда же, т. е. еще до победы Октября, В. И. Ленин четко определил основную линию большевистской партии по отношению к буржуазным специалистам, служащим, интеллигенции, подчеркнув настоятельную необходимость привлечь возможно большее их число на сторону пролетариата, широко использовать их знания в интересах социалистического строительства.⁵

Опыт первых послеоктябрьских месяцев, на протяжении которых происходил процесс слома старого и строительства нового государственного аппарата, а также последующих лет, подтвердив правильность выдвинутых В. И. Лениным положений, вместе с тем показал чрезвычайно большую живучесть некоторых элементов и звеньев старого аппарата, и прежде всего бюрократического чиновничества. Это обстоятельство, т. е. сохранение в советском государственном аппарате довольно большого числа бывших чиновников с их старыми, бюрократическими взглядами и привычками, сумевших приспособиться к новым условиям, несмотря на то что в целом старая государственная система была упразднена уже к началу 1918 г., неоднократно подчеркивал В. И. Ленин в своих публичных выступлениях и печатных трудах. Особенно большое внимание, как уже отмечалось, В. И. Ленин уделил данному вопросу в последних своих программных работах, в которых он именно в этом смысле писал о советском государственном аппарате как об аппарате, «который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и цар-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 249.

² Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 27—28.

³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 344; т. 25, ч. 1, стр. 422.

⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50; т. 34, стр. 307.

⁵ Там же, т. 34, стр. 320.

скую мешанину» («К вопросу о национальностях или об „автономизации“»), «который равно никуда не годится и который пережит нами целиком от прежней эпохи» («О кооперации»), который, «за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата» («Как нам реорганизовать Рабкрин»).⁶

Между тем, несмотря на выход в свет за последние годы довольно значительного числа крупных исследований советских историков, юристов и философов,⁷ а также целого ряда обобщающих коллективных трудов,⁸ в конкретно-историческом отношении данная проблема, весьма актуальная и важная не только в научно-теоретическом, но и в политическо-практическом плане, изучена в нашей литературе далеко не в полной мере. Действи-

⁶ Там же, т. 45, стр. 357, 376, 383.

⁷ См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства; С. М. Кляцкий. На защите Октября. М., 1965; Э. В. Клопов. Ленин в Смольном. М., 1965; С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; В. З. Дробизев. Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966; А. И. Ленецкий. Советы — власть трудящихся. 1917—1936 гг. М., 1966; Б. М. Морозов. Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1966; Г. Н. Голиков. Революция, открывшая новую эру. М., 1967; А. И. Денисов. Советское государство. М., 1967; Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность. М., 1967; Е. Р. Гиммельсон. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968; И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 2—3. М., 1968, 1972; В. М. Лесной. Социалистическая революция и государственный аппарат. М., 1968; А. И. Королев. Историческая необходимость социалистического государства и возникновение его в России. Л., 1968; В. В. Николаев. Советское социалистическое государство. М., 1968; Э. В. Гелкина. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг. М., 1969; Р. М. Савяцкая. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина. Март—июль 1918 г. М., 1969; Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М., 1970; Д. А. Коваленко. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970; Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970; А. П. Косицын. Социалистическое государство. М., 1970; В. С. Петров. Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971.

⁸ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967; История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Тт. I—II. Л., 1967; Октябрь и социалистическое государство. М., 1967; Советы в первый год пролетарской диктатуры. М., 1967; Советы за 50 лет. М., 1967; История Советского государства и права. Книга первая. М., 1968; История национально-государственного строительства в СССР. Т. 1. М., 1968; Ленин — вождь Октября. М., 1969; В. И. Ленин об историческом опыте Великого Октября. М., 1969; В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве. М., 1969; Ленинизм и диалектика общественного развития. М., 1970; Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1972.

тельно, насколько велика оказалась преемственность в использовании аппарата регистрации, учета и распределения и прежде всего аппарата банковских и финансовых учреждений, ведомств путей сообщения и связи и т. п.? В каком объеме был использован аппарат военного и военно-морского ведомств, старой армии, ее офицерский корпус? Какова вообще оказалась степень использования кадров старого чиновничества в целом и в различных областях государственного управления? Все эти вопросы, как неоднократно уже отмечалось в печати, до сих пор продолжают оставаться исследованными явно недостаточно.⁹

Выполненное автором настоящей статьи исследование, посвященное выяснению и анализу численности и состава служащих советского центрального государственного аппарата по данным неизвестных в литературе материалов первой переписи советских служащих, как представляется, дает возможность ответить на некоторые из поставленных вопросов.

Материалы первой переписи советских служащих, проведенной в Москве в августе 1918 г., вскоре после Пятого Всероссийского съезда Советов, позволяют получить ответ не только на вопросы об общей численности сотрудников советского центрального государственного аппарата и численности (а также удельном весе) советских служащих, занятых в отдельных отраслях государственного управления. Они содержат также ценные сведения по целому ряду других весьма важных вопросов, связанных с характеристикой состава служащих советских центральных учреждений (должностного, партийного и т. д.). Но если более или менее точный ответ на первый вопрос можно было получить на основании хотя довольно сложных и трудоемких, но непосредственных подсчетов количества заполненных анкет, присланных различными ведомствами и учреждениями в Комиссию по проверке советских служащих при ВЦИК и СНК (с учетом, разумеется, некоторых других, дополнительных сведений о численности сотрудников отдельных центральных органов), то во втором случае путь получения интересующих нас сведений оказался несколько иным. Он состоял в последовательном историко-статистическом изучении и обработке, затем группировке и, наконец, итоговом сведении данных, содержащихся в заполненных советскими служащими анкетных листах.

Необходимо также обратить внимание еще на одно обстоятельство. Дело в том, что фактический материал, на основе которого было осуществлено настоящее исследование, по своему

⁹ См.: П. П. Никифоров. Историография создания и развития советской государственности (1917—1920). — В кн.: Некоторые проблемы истории советского общества (Историография). М., 1964, стр. 84; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 28, 31; В. М. Лесной. Социалистическая революция и государственный аппарат, стр. 20; А. П. Косицын. Социалистическое государство, стр. 77—78.

объему и значению как бы распадается на две части. Материалы первого рода представляют собой данные, являющиеся итогом проведения изучения всех без исключения анкетных листов (общим количеством 5752), присланных в Комиссию по проверке советских служащих ВЦИК, Высшим Советом Народного Хозяйства, а также двумя его важнейшими и в то же время характерными главными управлениями — Главсахаром и Центрторфом (совместно с Нефтяным комитетом), Всероссийской Чрезвычайной Комиссией, Штабом Высшего Военного Совета, Управлением делами Совета Народных Комиссаров, народными комиссариатами Внутренних дел, Здравоохранения, Земледелия, Иностранцев, По морским делам, По делам национальностей, Юстиции, Почт и телеграфов и, наконец, Ревтрибуналом при ВЦИК (табл. 1). Материалы второго рода — данные, полученные путем такого исследования, при котором из общей массы анкетных листов выделялись и обрабатывались опять же все без исключения анкеты, но только руководящего состава служащих, т. е. анкеты, заполненные только руководителями высшего, среднего и низшего звеньев¹⁰ (всего 800 анкет) народных комиссариатов Государственного контроля, Продовольствия, Путей сообщения, Социального обеспечения, Торговли и Промышленности, Труда, Финансов, Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД, а также Народного комиссариата по военным делам и трех его ведущих органов — Оперативного и Управления по организации армии, а также Военно-топографического управления (табл. 2).

Для темы настоящей статьи первостепенный интерес представляют ответы сотрудников советских учреждений на 6-й вопрос распространенной в ходе переписи анкеты («6. Где служили до этого?»). И это вполне понятно, так как именно на основании этих данных можно хотя бы приблизительно установить прежде всего общие размеры заполненности старым, по выражению В. И. Ленина, «человеческим материалом» нового, советского государственного аппарата. Мы имеем в виду сведения о различных категориях служащих бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий, бур-

жуазных специалистов и интеллигенцию, которых, как указывал В. И. Ленин накануне Октября, необходимо было «заставить работать» в новых организационно-государственных рамках.¹¹ После победы пролетарской революции эти мысли В. И. Ленина получили, как известно, развернутое выражение в написанном им «Наброске правил для служащих»: «Все служащие в государственных, общественных и частнопромышленных предприятиях крупных размеров (с числом наемных рабочих не менее 5) обязуются выполнять возложенные на них дела и не покидать своей должности без особого разрешения правительства, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или профессиональных союзов».¹²

Каким же образом получены интересующие нас данные о числе тех сотрудников советских центральных учреждений, которые до того, как они начали работать в советском аппарате, являлись служащими бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий? Здесь нам придется сделать некоторые пояснения. Все содержавшиеся в личных анкетах ответы на названный выше вопрос, исходя из конкретного их содержания, т. е. указаний того или иного предприятия или учреждения, организации или учебного заведения и т. п., были распределены в 19 различных групп.¹³ При этом, разумеется, каждой из данных групп была присуща какая-то особая, отличающая ее от остальных групп черта — общее место службы, единый профиль работы, один и тот же род занятий или, наоборот, наличие одинаковым образом выраженных отрицательных ответов на интересовавший Комиссию по проверке служащих вопрос. Большинство выделенных таким образом групп не требует особых разъяснений, но на некоторых, видимо, следует остановиться. Так, ответы, объединенные в группе «другие бывшие правительственные учреждения», означали, что давние их советские служащие работали до Октябрьской революции в министерствах или других центральных ведомствах Временного правительства. В группе «другие бывшие государственные учреждения» были объединены ответы служащих, работавших раньше на государственных железных дорогах и в же-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 311.

¹¹ Там же, т. 35, стр. 42.

¹² Данное учреждение; другие бывшие правительственные учреждения; другие бывшие государственные учреждения; частные учреждения и предприятия; местные учреждения; завод, фабрика или другое производственное предприятие; армия (флот), учреждение или организация военного ведомства; партийная работа; профсоюзная работа; местные органы Советской власти; учащийся; прочее, без ответа; не служил; учебное заведение, научное общество или учреждение; Красная гвардия, милиция; народный комиссариат или другой центральный орган Советской власти; неизвестно; общероссийские общественные учреждения, организации и союзы; издательства, редакции газет и журналов.

железнодорожных учреждениях, разного рода особых совещаниях и т. п.; в группе «частные учреждения и предприятия» — ответы служивших ранее в частных банках, акционерных компаниях, страховых обществах, различных конторах, фирмах и т. п. В особую группу мы выделили ответы тех служащих советских центральных учреждений, которые указали, что до поступления в советский государственный аппарат они работали на заводах, фабриках и других производственных предприятиях (мастерских и т. п.) независимо от того, были ли они государственными или находились в частном владении. Наконец, в группу «местные учреждения» были собраны ответы всех тех из опрошенных, кто раньше служил в различных учреждениях городских и земских органов местного самоуправления и местных судебных, медицинских и т. п. учреждений, в группу «общероссийские общественные учреждения, организации и союзы» — ответы служивших до этого в различных органах и комитетах Всероссийского земского союза и Всероссийского городского союза, в возникших в ходе первой мировой войны военно-промышленных комитетах, а также различных кооперативных организациях, организациях Красного Креста и т. д.

Напомним, что в данном случае нас интересуют только сведения о количестве служащих старого государственного аппарата, органов местного самоуправления и буржуазных общественных организаций, различных частных учреждений и предприятий (банков, акционерных компаний, страховых обществ, различных контор, фирм и т. п.).

Следовательно, исключив из полученных в результате исследования общих итогов ответов работников советских учреждений на 6-й вопрос распространенной в ходе переписи анкеты («6. Где служили до этого?»), характеризующих группу «служащие» в целом,¹⁴ данные о сотрудниках, пришедших из центральных или местных органов Советской власти, Красной гвардии и милиции, а также работавших до того в партийных или профсоюзных организациях,¹⁵ мы получили интересующие нас сведения, хотя, конечно, и не с исчерпывающей полнотой (табл. 1, 2).

¹⁴ Само понятие «служащие» мы рассматривали в широком смысле, включая в него, в частности, и категорию интеллигенции. И поэтому вполне понятно, что именно эта группа включила в себя наибольшее число (тринадцать) различных представленных в таблицах категорий сотрудников, служивших ранее в бывших правительственных и государственных, частных и местных учреждениях, издательствах и редакциях газет и журналов, учебных заведениях и научных обществах, и работавших до этого в центральных и местных органах Советской власти, Красной гвардии и милиции, в различных общероссийских общественных учреждениях, организациях и союзах, и находившихся на партийной и профсоюзной работе.

¹⁵ При этом мы оставили, разумеется, в стороне характеристики остальных выделенных нами четырех социальных групп («рабочие», «военизированные», «учащиеся» и «прочие»).

Таблица 1*

Число служащих бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий во всем составе сотрудников советских центральных органов (по материалам переписи 1918 г.)

Ответ	Всех		В РК		НХ внутренних дел		НХ армано-охранения		НХ земледелия		НХ иностр.-ных дел		НХ по морским делам		НХ по делам национальностей		НХ юстиции		Управление делами СНК		Штаб Высшего Совета	
	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет	Главакар	Центроф-тет
Данное учреждение	98	3	2	21	9	9	330	17	254	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Другие бывшие правительственные учреждения	98	0.5	0.9	10.7	2.9	2.9	28.4	5.9	63.8	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Другие бывшие государственные учреждения	11	8	5	2.5	1.6	1.6	31	4	1	0.3	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частные учреждения и предприятия	1.1	1.7	2.4	2	4.1	4.1	1	11	3	0.8	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Местные учреждения	136	100	27	21	38	38	71	20	15	3	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Учебные заведения, научные общества и учреждения	13.6	20.7	12.8	10.7	12.1	12.1	6.1	7	3.7	0.8	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Общественные учреждения и союзы	11.1	31	19.4	16.3	16.3	16.3	11.8	1.4	3	11.6	1.4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Общественные организации и союзы	22	6	7	4	6	6	52	4	1	10.1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Издательства, редакции газет и журналов	79	23	21	11	17	17	43	1	2	2.9	1.4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	483	189	109	99	145	145	682	66	288	42	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	48.3	39.1	51.4	50.3	46.2	46.2	58.8	22.3	72.4	60.9	22.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание. Здесь и в табл. 2—4 числитель — абсолютная величина, знаменатель — процент.

* Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных парикоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 352, оп. 1, ед. хр. М.Н. 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 53, 55, 109—111, 205, 206, 212, 217).

Число служащих бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий в руководящем составе советских центральных органов (по материалам переписи 1918 г.)

Ответ	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	Оперативное и военно-то-пографиче-ское управ-ление	Управление по организа-ции армий	НК государствен-ного конт-роля	НК продоволь-ствия	НК путей соо-общения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
Данное учреждение	—	12	9	—	17	20	161	—	4	—	187
Другие бывшие правительствен-ные учреждения	—	41.45	37.5	—	56.8	21.6	52.9	—	9.8	—	59.2
Другие бывшие государственные учреждения	—	1	—	—	—	—	2	1	3	1	2
Частные учреждения и предпри-ятия	—	3.4	—	—	—	—	0.7	5.6	7.3	3.7	8
Местные учреждения	—	3.4	—	—	—	2	90	—	1	—	3.8
Учебные заведения, научно об-щества и учреждения	—	—	—	—	—	2.2	29.6	—	2.4	—	2
Общероссийские общественные уч-реждения, организации и союзы	—	—	—	—	—	6	4	1	6	1	2
Издательства, редакции газет и журналов	—	—	—	—	—	6.5	1.3	5.6	14.7	3.7	1
	—	2	—	—	—	18	5	—	2	6	2
	—	6.9	—	—	—	19.6	1.6	—	4.9	22.2	1
	—	—	—	—	—	3	2	1	2	—	1
	—	—	—	—	—	3.3	0.7	5.6	4.9	—	0.5
	—	—	—	—	—	4	3	4	4	2	2
	—	—	—	—	—	13.3	1	22.1	9.8	7.4	1
	—	—	—	—	—	2	1	—	1	—	—
	—	—	—	—	—	2.2	0.3	—	2.4	—	—
Всего	—	16	9	1	24	56	268	7	23	10	204
	—	55.15	37.5	5.9	80	60.8	88.1	38.9	56.2	37	97.5

* Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3534, оп. 1, ед. хр. №№ 17—19, 37, 43, 62, 64, 94, 97—99, 120, 121—123, 149—152).

Данные, приведенные в табл. 1, позволяют, во-первых, выделить среди изученных полностью центральных советских учреждений три довольно легко просматривающиеся группы. Первую группу образуют ВЧК и Наркоминдел, на которые приходится (и это естественно, учитывая особый характер данных органов) самое незначительное число различных категорий «старых» служащих, т. е. служащих бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий: 125 чел., или 16.1%, в ВЧК и 66 чел., или 22.9%, в Наркоминделе. Вторая группа, несколько большая по числу учреждений, включает в себя ВЦИК Советов и Ревтрибунал при ВЦИК, Наркомпац и Управление делами СНК. Во всех этих четырех учреждениях «старослужащих» насчитывалось около 40% всего состава их сотрудников: 81 чел., или 36.5%; в Наркомпаце; 14 чел., или 36.8%, в Ревтрибунале при ВЦИК; 189 чел., или 39.1%, во ВЦИК и 16 чел., или 40%, в Управлении делами СНК. Наиболее многочисленной является третья и последняя из выделенных групп, в которую входят восемь центральных советских ведомств. Эту группу характеризует и наибольшее число «старых» служащих, ни в одном случае не опускающееся ниже 46% и составляющее, как правило, около 50% и выше от всего числа сотрудников: 145 чел., или 46.2%, в НКВД; 483 чел., или 48.3%, в ВСНХ; 99 чел., или 50.3%, в Центроторфе—Нефтяном комитете ВСНХ; 109 чел., или 51.4%, в Главсахаре ВСНХ; 76 чел., или 60.9%, в Наркомздраве и, наконец, 288 чел., или 72.4%, в Наркомате по морским делам. Наименьшие цифры в интересующем нас отношении приходится на долю Штаба Высшего Военного Совета — всего 12 чел., или 8.5%. Но поскольку этот орган входил в состав Наркомата по военным делам и, следовательно, имел специфический состав, то он не был включен ни в одну из указанных выше групп.

Не менее ценны сведения о количестве служащих бывших государственных, а также общественных и частных учреждений и предприятий среди руководящего состава сотрудников советских центральных органов. Как видно из табл. 2, здесь наблюдается тенденция к еще большему увеличению удельного веса «старослужащих». В самом деле, если при рассмотрении данных табл. 1 имели место лишь два случая из пятнадцати возможных, когда число «старослужащих» составляло 60% и более от всего числа сотрудников учреждений (в Наркомздраве и Наркомате по морским делам), то здесь такое явление отмечается в четырех из одиннадцати изученных учреждений (в наркоматах Государственного контроля, Продовольствия, Путей сообщения и Финансов), а еще в двух (центральный аппарат Наркомвоенна и Наркомторгпроме) приближается к этой цифре — соответственно 16 чел., или 55.15%, и 23 чел., или 56.2%. Небезынтересно отметить, что в трех наркоматах этот показатель повышается до 80% и выше:

24 чел., или 80%, в Наркомате государственного контроля; 268 чел., или 88.1%, в Наркомате путей сообщения и 204 чел., или 97.5%, в Наркомате финансов. Еще в трех случаях «старослужащие» составляют около 40% от всего состава сотрудников: 10 чел., или 37%, в Наркомате труда; 9 чел., или 37.5%, в Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоенна и 7 чел., или 38.9%, в Наркомате социального обеспечения. Иначе выглядят соответствующие показатели для двух учреждений — Управления по организации армии при Наркомвоенне и Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД: в последнем в руководящем составе «старослужащих» в момент переписи 1918 г. не было вообще; в первом же оказался 1 чел., или 5.9%, и это несомненно было вызвано особым характером деятельности данного органа как военного учреждения — из 17 его руководящих работников, заполнивших анкеты, 13 чел., или 76.5%, являлись раньше военными служащими.

Наряду с данными об общем количестве служащих бывших государственных, а также общественных и частных учреждений и предприятий в составе сотрудников советских центральных органов подытоженные сведения о месте их прежней службы позволяют также ответить и на другой весьма существенный вопрос: каково же было количество чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств в составе служащих центрального советского аппарата? (табл. 3, 4). Как нам представляется, более или менее точный ответ на этот вопрос можно получить, объединив показатели, характеризующие две группы: во-первых, сотрудников, служивших ранее в данном учреждении,¹⁶ и, во-вторых, служивших в других бывших правительственных ведомствах.

Прежде чем перейти к рассмотрению итоговых данных табл. 3, следует сделать несколько предварительных замечаний. Первое из них связано с отсутствием некоторых показателей по целому ряду советских учреждений — ВЧК, наркоматам По делам национальностей и Здравоохранения, Штабу Высшего Военного Совета, Управлению делами СНК и Революционному трибуналу при ВЦИК. Как видно из табл. 3, это обстоятельство в первую очередь имело место применительно к той группе их сотрудников, которые могли раньше служить в данных учреждениях. Но в том-то и дело, что все без исключения указанные органы не существовали до Октября и были организованы только после его победы. Поэтому в них и не оказалось, попятно, «старослужащих». Что же касается ВЦИК Советов II созыва и ВСНХ с входившими в его систему главками, то эти также созданные только после победы пролетарской революции органы

¹⁶ Имеются в виду те из бывших ведомств, на месте которых были созданы новые советские учреждения.

Таблица 3*

Число чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств во всем составе сотрудников советских центральных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Отв.	ВЦИК	Революционный ВЦИК	ВСНХ	ВСНХ		ВЧК	НКВД	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего Военного Совета	НК почт и телегра- фов**
				Главка	Центроф- нефтоиндустрия											
Данное учреждение	3	—	98	2	21	—	9	—	330	17	254	—	35	—	—	146
Другие бывшие правительственные учреждения	0.6	—	9.8	0.9	10.7	—	2.9	—	28.4	5.9	63.8	—	25	—	—	52.8
Всего	3	—	107.8	2.9	31.7	—	12.8	—	358.4	22.9	317.8	—	60	—	—	198.8
	0.6	—	11.7	2.8	13.2	—	4.5	—	31.1	7.3	64.1	—	27.9	—	—	52.8

* Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 206, 212, 217).

** Сведения по Наркомату почт и телеграфов получены на основании ответов его служащих на вопрос «Сколько лет служите?» анкеты, распространенной в этом комиссариате (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. № 193).

Число чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств в руководящем составе сотрудников советских центральных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Отв.	НКВД, главное управление министрии	НК по воен- ным делам	НК по военным делам			НК государственного контроля	НК проло- миствий	НК путей сообщения	НК социаль- ного обеспе- чения	НК торгов- ли и промы- словости	НК труда	НК финан- сов
			Оперативное и военно- топографи- ческое управление	Управле- ние по интерне- ту	Информаци- онный аппарат							
Данное учреждение	—	12 41.45	9 37.5	—	—	17 56.8	20 21.6	161 52.9	—	4 9.8	—	187 89.2
Другие бывшие прави- тельственные учре- ждения	—	1 3.4	—	1 5.9	—	—	—	2 0.7	1 5.6	3 7.3	1 3.7	2 1
Всего	—	13 44.85	9 37.5	1 5.9	1 5.9	17 56.8	20 21.6	163 53.6	1 5.6	7 17.1	1 3.7	189 90.2

* Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦПАОР СССР, ф. 334, оп. 1, ед. хр. №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152).

могли иметь и, как оказалось, имели в своем штате сотрудников, служивших до этого в техническом аппарате ВЦИК I созыва, а также в таких вошедших почти целиком в состав ВСНХ учреждениях, как например «Продамет». По свидетельству руководи-вшего национализацией этого крупнейшего в России синди-ката по продаже черного металла члена Коммунистической пар-тии с 1903 г. М. А. Савельева, «аппарат, деловой аппарат „Про-дамета“, как мы и ожидали, не ответил саботажом на постанов-ление о национализации. Он продолжал свою деловую работу под начальством большевистских комиссаров, и много полезных работников перешло к нам по наследству из этого чисто капита-листического учреждения».¹⁷

Специального пояснения требуют и приведенные в табл. 3 данные о Наркомате почт и телеграфов. Из-за неудачной фор-мулировки некоторых вопросов анкеты, распространенной в На-родном комиссариате почт и телеграфов, являвшейся, по-види-мому, первым пробным и, надо сказать, существенно отличным вариантом анкеты, проведенной во всех остальных наркоматах и других советских учреждениях, установить интересующий нас в данном случае показатель на основе ответов его сотрудников на вопрос о месте прежней службы было практически невоз-можно. Дело в том, что в анкете Наркомата почт и телеграфов этот вопрос выглядел следующим образом: «15. Работали ли раньше в Советских учреждениях?» и «16. В каких?». Поэтому представляется целесообразным и правильным использовать для этой цели итоговые сведения о сроках службы различных со-трудников в этом комиссариате. Поскольку на 6-й вопрос анкеты («Сколько лет служите?»), имевший в виду срок службы в дан-ном комиссариате, 146 чел., или 52.8% всего состава сотрудни-ков, указало, что они служили в нем (т. е. в бывшем Министе-рстве почт и телеграфов) до 25 октября 1917 г., то, следовательно, имеется, на наш взгляд, вполне достаточное основание вклю-чить эту цифру в табл. 3 для характеристики числа «старослу-жащих» в данном комиссариате.

Сколько же оказалось в момент проведения переписи 1918 г. бывших чиновников в центральных советских учреждениях? Меньше всего, менее 1%, их оказалось, как и следовало ожи-дать, в составе аппарата ВЦИК (3 чел., или 0.6%), ВЧК (2 чел., или 0.3%) и в Наркомнаце (1 чел., или 0.4%). Фактически столь же незначительным было их число в штате Управления де-лами СНК — всего 2 чел., или 5% от состава сотрудников, за-полнивших анкету. Несколько более широко бывшие чиновники были представлены в центральном аппарате ВСНХ и его глав-ках (округляя, от 3 до 13%), в НКВД (14 чел., или 4.5%),

¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 384, лл. 5 об.—6, 19.

Наркоминделе (21 чел., или 7.3%) и Наркомздраве (6 чел., или 8.7%). Значительное число, около 30% всего состава служащих, они составляли в наркомате Юстиции (39 чел., или 27.9%) и Земледелия (361 чел., или 31.1%). И наконец, больше всего — свыше половины всех сотрудников — оказалось бывших чиновников в наркоматах Почт и телеграфов (146 чел., или 52.8%) и По морским делам (255 чел., или 64.1%).

Особо следует остановиться на характеристике данных, относящихся к Ревтрибуналу при ВЦИК и Штабу Высшего Военного Совета. Из табл. 3 видно, что это единственные два органа, в составе которых не оказалось ни одного старого чиновника. Но такой вывод был бы, вероятно, слишком поспешным: в действительности дело обстояло несколько по-другому. Будучи созданными после победы Октября и не имея прямых предшественников, оба эти учреждения вместе с тем имели в своем составе весьма значительное число сотрудников, служивших ранее в армии, флоте, а также (обращаем на это внимание) в учреждениях и организациях военного ведомства: 16 чел., или 42.2%, в Ревтрибунале и 118 чел., или 81.6%, в Штабе Высшего Военного Совета. Поэтому, не имея, к сожалению, более точных сведений, можно, думается, вполне определенно полагать, что и эти два учреждения не были в данном отношении исключением.

Чрезвычайно любопытны и результаты выявления удельного веса чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств среди руководящего состава служащих советских центральных учреждений (табл. 4). Соответствующие показатели оказались в данном случае не только не ниже, как ожидалось, только что рассмотренных сведений (табл. 3), но, наоборот, даже несколько более высокими. В самом деле, бывшие чиновники составили свыше 35%, т. е. более одной трети, всех руководящих работников в 5 из 11 изученных учреждений (в том числе в трех из них — более половины): 9 чел., или 37.5%, в Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоенна; 13 чел., или 44.85%, в центральном аппарате Наркомвоенна; 163 чел., или 53.6%, в Наркомате путей сообщения; 17 чел., или 56.8%, в Наркомате государственного контроля и 189 чел., или 90.2%, в Наркомате финансов. В двух народных комиссариатах они насчитывали около одной пятой, или 20%, руководителей всех звеньев: 7 чел., или 17.1%, в Наркомторгпроме и 20 чел., или 21.6%, в Наркомпроде. Меньше 10%, а фактически единицами они были представлены среди руководящих работников народных комиссариатов Труда (1 чел., или 3.7%), Социального обеспечения (1 чел., или 5.6%) и Управления по организации армии Наркомвоенна (1 чел., или 5.9%). Ни одного бывшего чиновника не оказалось лишь в одном учреждении — среди руководства Главного управления милиции НКВД. Но возникновение центрального аппарата советской милиции от-

носится к августу 1918 г.¹⁸ Следовательно, в момент проведения переписи Главное управление милиции НКВД находилось в стадии организации, и поэтому приведенные выше данные, полученные на основе обработки всего 9 заполненных анкет, нельзя, конечно, считать вполне окончательными и тем более исчерпывающими.

Как видим, при рассмотрении приведенных в табл. 3 и 4 сведений прослеживается все та же довольно общая, правда, но зато вполне определенная, на наш взгляд, тенденция, существо которой сводилось, коротко говоря, к следующему. Количество бывших чиновников в различных центральных органах Советской власти прежде всего находилось несомненно в зависимости от характера учреждения и его места в системе советского правительственного аппарата. Именно этим объясняется, конечно, столь низкий процент представительности (менее 1%) старых чиновников в таких ведущих советских органах, как ВЦИК, ВЧК, Наркомнац, а также Управление делами СНК. Это же обстоятельство сыграло решающую роль при ограничении числа «старослужащих» в штате других важнейших народных комиссариатов — Наркоминдела и НКВД.

Большое значение имели, кроме того, и другие факторы. Отметим лишь некоторые и, пожалуй, наиболее значительные из них. Весьма многое, с одной стороны, зависело от того, имел ли народный комиссариат или другой советский орган своего до-октябрьского предшественника, если можно так выразиться, в учрежденческом плане. Существенно влияло также и то, каковы были размеры, разветвленность, налаженность технического аппарата такого «предшественника», его роль в выполнении тех или иных общегосударственных функций, в особенности учетно-регистрационных, связи, путей сообщения, военно-оборонных. Этот момент, как нам представляется, явился определяющим при сохранении в конечном итоге весьма значительного (а иногда даже преобладающего) числа бывших специалистов и служащих как в руководстве, так и в общем составе сотрудников народных комиссариатов Финансов, Морских дел, Почт и телеграфов, Земледелия, Юстиции, Путей сообщения, ряда учреждений Наркомвоенна и др.

С другой стороны, чрезвычайно большое значение приобретала, выражаясь современной терминологией, «проблема дублеров», т. е. наличие или отсутствие должного числа старых специалистов, служащих, не чиновников, которые обладали соответствующими знаниями и опытом и которых возможно было привлечь к выполнению работы в различных областях государственного управления. И надо полагать, что именно наличие

¹⁸ См.: История Советского государства и права. Книга первая, стр. 207.

в общем довольно большого количества специалистов и служащих, работавших в многочисленных частных, местных и общественных учреждениях и предприятиях (достаточно напомнить, что в дореволюционной России в 1913 г. только в различных отраслях хозяйства было занято, не учитывая военнослужащих, 190 тыс. специалистов с высшим и средним образованием),¹⁹ позволило Советскому правительству использовать этот резерв для того, чтобы в определенной мере обойтись без бывших чиновников при создании новых органов государственного руководства народным хозяйством и социально-культурным строительством. Взятые в совокупности указанные факторы и определяли, на наш взгляд, в целом уровень представительности бывших чиновников в каждом отдельном случае с учетом, конечно, и других более конкретных обстоятельств, например степени их участия в контрреволюционном саботаже и т. д.

Таким образом, анализ материалов переписи 1918 г. достаточно убедительно, как нам представляется, показывает, что в рассматриваемый период значительная часть как руководства (особенно его среднего и низшего звеньев), так и всего состава сотрудников всех без исключения изученных 28 советских учреждений — наркоматов и других важнейших ведомств и, следовательно, советского центрального аппарата управления в целом состояла из работников, являвшихся в недалеком прошлом служащими различных бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий, т. е. из кадров старого, буржуазного социально-государственного механизма (табл. 1, 2). Причем среди унаследованных от прошлого старых кадров специалистов, служащих, буржуазной интеллигенции сохранилось и довольно существенное число, как мы это видели из табл. 3 и 4, собственно чиновников бывших министерств и других прежних правительственных ведомств.

Это явление носило несомненно объективный характер. Как известно, на месте старой государственной машины эксплуатации и насилия, разрушенной социалистической революцией в кратчайшие исторические сроки (в основном уже в начале 1918 г.), был успешно построен принципиально новый государственный аппарат — аппарат диктатуры пролетариата. Уже на первом, «чисто политическом», по выражению В. И. Ленина, главном этапе пролетарской революции в России за каких-нибудь 10 недель — от 25 октября 1917 г. до 5 января 1918 г. — до краха «учредилки» был создан «советский тип государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов».²⁰ «Это, — говорил В. И. Ленин, выступая 27 марта 1922 г. на XI съезде

РКП(б), — всемирно-историческая победа... величайшее историческое изобретение...».²¹

Исторический опыт первых же послеоктябрьских месяцев показал, однако, и то, что в ходе слома старого и создания нового государственного аппарата, являющегося единым и чрезвычайно взаимосвязанным процессом, преобладающая в использовании некоторых частей и элементов прежнего государственного механизма носила, как оказалось в действительности, гораздо более широкый характер, чем это представлялось накануне Октября. Выяснилось, в частности, что в начальный период строительства государства принципиально нового, социалистического типа возможно использование не только сложного и разветвленного аппарата старых органов учета, распределения, связи, путей сообщения и т. п., но и некоторых органов, входивших в карательный буржуазный аппарат, таких, например, как целый ряд учреждений военного и военно-морского ведомств, старой армии, некоторые элементы судебной-следственной системы.²²

Главное же, что показал исторический опыт, состояло в следующем. Слом старой буржуазно-помещичьей машины, означавший ликвидацию прежней системы государственной власти эксплуатации и насилия, вовсе не сопровождался параллельным уничтожением ранее наполнявшего старый государственный аппарат, по выражению В. И. Ленина, «человеческого материала». При этом имеется в виду, конечно, не физическое уничтожение чиновников бывших министерств и других ведомств, а полный отказ от их использования в новом аппарате пролетарской власти. Несостоятельность подобной политики была ясна В. И. Ленину еще в августе—сентябре 1917 г., когда он создавал свой знаменитый труд «Государство и революция». Напомним, что уже тогда В. И. Ленин писал: «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия».²³ Опыт Октябрьской революции и первых последующих лет, подтвердив справедливость этой ленинской мысли, вместе с тем продемонстрировал, как уже отмечалось, чрезвычайно большую живучесть бюрократического чиновничества и вообще служащих и специалистов, ведущих свое происхождение от старого, буржуазного аппарата, причем в размерах, гораздо больших, чем это предполагалось.

Именно на этой стороне проблемы, тесно связанной также с выяснившейся необходимостью использовать в интересах социалистического строительства некоторые звенья старого госу-

²¹ Там же, т. 45, стр. 108—109.

²² Подробнее см.: М. П. Ирошников, В. П. Портнов. Об особенностях революционного слома буржуазных карательных учреждений в России. — Правоведение, 1970, № 3.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

¹⁹ СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статистический сборник. М., 1970, стр. 161.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 102.

дарственного аппарата, предельно заострил внимание В. И. Ленин в последних своих письмах и статьях, где неоднократно подчеркивал различие между принципиально новым, социалистическим типом созданного в результате победы Октября государственного аппарата власти Советов и составом этого аппарата, в значительной мере заполненного еще тогда бывшими чиновниками, буржуазными специалистами и служащими. «Достаточно, если мы...», — писал, в частности, В. И. Ленин в «Письме к съезду», — создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условиях враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата».²⁴

Приведенные выше некоторые результаты исследования материалов переписки советских служащих 1918 г. являются, на наш взгляд, достаточно весомым конкретно-историческим доказательством обоснованности и справедливости указания В. И. Ленина о своеобразной «двойственности» советского государственного аппарата, наблюдавшейся и зафиксированной им в начале 20-х годов, по корням своим уходящей несомненно в первые месяцы существования власти Советов. Как известно, после появившейся весной 1918 г. возможности использовать в более широких масштабах старых, буржуазных специалистов, чиновников, интеллигенцию и принятия курса на привлечение этих «деловых людей» для развертывания социалистического строительства, Коммунистическая партия и Советское правительство настойчиво продолжали предусмотренную еще до Октября и успешно начатую в период «красногвардейской атаки на капитал» сложную работу по строительству нового государственного аппарата, который позволил бы «постепенно сводить на нет всякое чиновничество».²⁵

Развернуть, однако, эту работу в должной мере тогда не удалось. Главная причина этого известна: после кратковременной передышки наступил ответственный период гражданской войны и иностранной интервенции. Провести параллельно с ожесточенной борьбой на боевых фронтах, решавших судьбу Республики Советов, постепенную замену бывших чиновников и буржуазных специалистов новыми кадрами из представителей трудящихся масс было практически невозможно. Оказалось

также переальным и осуществить переделку, перевоспитание в столь короткий исторический срок использовавшихся на той или другой работе в советском государственном аппарате старых служащих, в корне изменить у большинства из них взгляды, освободить их от старых традиций и предрассудков. Принципиального решения этой труднейшей социальной задачи, обостренной к тому же условиями гражданской войны, борьбы с контрреволюцией, можно было достичь лишь в результате длительного и весьма сложного процесса. Именно поэтому, рассматривая данный вопрос, В. И. Ленин писал в «Письме к съезду», что переделать унаследованный в сущности от старого режима советский государственный аппарат «в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно... За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас».²⁶ На это же обстоятельство В. И. Ленин обращал внимание и несколько раньше, выступая 13 ноября 1922 г. на IV конгрессе Коммунистического Интернационала. «Дело было так, — говорил В. И. Ленин, — что в 1917 году, после того как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: „Пожалуйста, вернитесь к нам назад“. И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это — несомненно. Здесь мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы».²⁷

Вот почему, неизменно выделяя исключительное значение успешного создания в первые годы власти Советов новой системы государственного управления, соответствовавшей государственной организации социалистического типа («Пять лет лучшие силы уходили на то, чтобы создать эту систему! Эта система есть величайший шаг вперед»),²⁸ В. И. Ленин вместе с тем

²⁴ Там же, т. 45, стр. 347. Подробнее см.: Е. Н. Городецкий. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970, стр. 376—377.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

²⁶ Там же, т. 45, стр. 347.

²⁷ Там же, стр. 290.

²⁸ Там же, стр. 124.

так настойчиво подчеркивал настоятельную необходимость дальнейшего всемерного улучшения советского государственного аппарата, и в частности его состава, чтобы он стал действительно новым аппаратом, действительно заслуживающим названия социалистического, советского.²⁹ «Мы это делаем, — отмечал, например, В. И. Ленин в упомянутом выше докладе на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, — довольно быстрым, может быть слишком быстрым, темпом. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат».³⁰

Эти ленинские слова сбылись. За годы Советской власти в нашей стране создан принципиально новый (в том числе и по своему социальному составу) аппарат управления государством и народным хозяйством, социальным обеспечением и здравоохранением, наукой, культурой и просвещением, действенность которого доказана самой жизнью, практикой социалистического строительства. Следуя заветам В. И. Ленина, Коммунистическая партия и Советское правительство неизменно уделяют большое внимание вопросам научного управления обществом, и в частности кардинальной проблеме дальнейшего укрепления и совершенствования советского государственного аппарата.

А. В. КРАСНИКОВА

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИ
ПЕТЕРБУРГСКОМ КОМИТЕТЕ РСДРП(б) И ЕЕ ВКЛАД
В СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ МЕСЯЦЫ 1917 г.

Сразу же после свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата партия большевиков, закладывая основы советского социалистического государства, охотно привлекала на службу в центральные и местные советские учреждения тех представителей беспартийной интеллигенции, которые, не разделяя полностью ее политических взглядов, сумели подняться до понимания народного характера Октябрьской революции, приняли ее, остались с народом в трудный час и были готовы служить ему с полной отдачей своих сил и способностей.

Для выявления и сплочения таких людей, для вовлечения их в государственное строительство ЦК РСДРП(б) и Петербургский комитет большевиков с успехом использовали профессиональные объединения интеллигентов, стоящих на платформе Советской власти, такие как «Союз учителей-интернационалистов», «Союз деятелей по внешкольному образованию», «Союз инженеров и техников», «Союз экономистов-организаторов, работающих в контакте с ВСНХ и его местными организациями» и т. п. Эти же организации помогали большевикам вести борьбу за политическую дифференциацию интеллигенции, за привлечение на сторону рабоче-крестьянской власти искренне заблуждающихся, колеблющихся или растерявшихся работников умственного труда. Среди организаций такого рода заметное, хотя и несколько специфическое место принадлежало Студенческой организации при ЦК РСДРП(б), созданной 25 ноября 1917 г. для ведения политической работы среди петроградского студенчества, для привлечения как можно большего числа студентов и курсисток на помощь пролетариату в его борьбе против саботажа служащих правительственных учреждений и для вовлечения лучших из революционно настроенных студентов в ряды большевистской партии.

История создания и деятельности Студенческой организации при ЦК РСДРП(б) специально советскими историками по

²⁹ Там же, стр. 390.

³⁰ Там же, стр. 290—291.

изучалась, хотя упоминания о ней в литературе есть.¹ В значительной мере объясняется это крайне плохой сохранностью документов организации, их немногочисленностью, разрозненностью, фрагментарностью. С наибольшей полнотой деятельность Студенческой организации при ПК отразилась в воспоминаниях Н. А. Бухбиндера и В. Ф. Вилонского.²

Между тем эта тема заслуживает специального рассмотрения, так как среди большой работы, которую большевики Петрограда вели в первые послеоктябрьские месяцы с интеллигенцией, воздействие на студенчество занимало отнюдь не последнее место, а Студенческая организация при ПК была его главным проводником.

Петроград был, как известно, крупнейшим вузовским центром старой России. В 1914/15 учебном году на Петроград приходилось 35 из 105 высших учебных заведений страны. В них обучалось около 42 из 127,5 тыс. российских студентов и курсисток,³ т. е. примерно треть студентов страны.

Октябрьскую революцию студенчество столичных вузов в массе своей встретило враждебно или в лучшем случае настороженно. В первые послеоктябрьские дни студентов можно было видеть среди участников антисоветских митингов и манифестаций на Невском проспекте.⁴ Студенты наряду с чиновниками государственных министерств и ведомств составили основную часть демонстрантов, вышедших на улицу 28 ноября 1917 г. и 5 января 1918 г. по призыву буржуазных и мелкобуржуазных партий для поддержки Учредительного собрания.⁵ Студенты были среди тех, кто по призыву контрреволюционных партий пытался сорвать выборы нового состава Петроградской городской думы, назначенные Совнаркомом после роспуска им старой думы, превратившейся в легальный оплот контрреволюции. Председатель 3-го избирательного участка в письме в «Правду» рассказывал, что слушатели Военно-медицинской академии мешали избирателям проходить в помещение для голосования, угро-

зовали их вернуться домой, доказывали, что эти выборы не нужны.⁶

Преобладающее влияние в студенческой среде имели буржуазные и мелкобуржуазные партии. Для характеристики политических настроений и симпатий студенчества весьма характерны результаты опроса, проведенного библиотечной комиссией Технологического института в декабре 1917 г., о том, какие газеты желательно выписать на новый год в читальный зал. Из 133 опрошенных 107 высказались за кадетскую «Речь». Второе место заняла эсеровская «Дело народа» (89 человек). Свыше 80 голосов собрали «Биржевые ведомости» и меньшевистский «День». Наименьшее количество опрошенных высказалось за большевистскую «Правду» и левое эсеровскую «Знамя труда» (соответственно 33 и 31 человек).⁷ Показательны и результаты выборов органов студенческого самоуправления в новом 1917/18 учебном году. Из 11 набранных в совет старост Университета оказалось 8 кадетов, 2 эсера и 1 беспартийный. Из 15 членов совета старост Института инженеров путей сообщения 8 называли себя сторонниками партии «Народной свободы», 4 — независимыми республиканцами, 3 — объединенными социалистами. В Политехническом институте и старостат, и касса взаимопомощи находились в руках эсеров и меньшевиков.⁸

Политический настрой и партийные симпатии основной массы студенчества определялись прежде всего его социальным составом. В 1914/15 учебном году выходцы из буржуазно-помещичьей среды (дети дворян, чиновников, купцов) среди студентов двух крупнейших столичных вузов — Университета и Политехнического института — составляли примерно половину студентов: чуть больше 54,2% в Университете, чуть меньше 46,2% в Политехническом институте. Вторая половина студентов в обоих учебных заведениях почти полностью состояла из представителей мелкобуржуазной, разночинной среды (детей ремеслен, зажиточных крестьян, лиц духовного звания): в Университете — 42,7%, в Политехническом — 47,2%.⁹ Отношение к социалистической революции этих классов и социальных групп сказывалось на отношении к ней студенчества. Большое влияние на политическую позицию студенчества, особенно его демократи-

¹ Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. II. Л., 1968, стр. 29; А. В. Красникова. На заре Советской власти. Л., 1963, стр. 10; Л. А. Шилов. Деятельность Коммунистической партии по переустройке высшей школы в первые годы Советской власти. Автореф. канд. дисс. Л., 1965, стр. 8, и др.

² Н. А. Бухбиндер. Студенческая организация при ПК РСДРП(б). — Красная летопись, 1923, № 6, стр. 293—301; В. Ф. Вилонский. Студенческая организация при Петроградском комитете РСДРП(б). — Вестник высшей школы, 1959, № 3, стр. 82—85.

³ Культурное строительство в СССР. Статистический сборник. М., 1950, стр. 208; Ленинград за 50 лет. Статистический сборник. Л., 1969, стр. 80.

⁴ А. Л. Фрайман. Форпост социалистической революции. Л., 1969, стр. 157.

⁵ О. Н. Знаменский. Конец Учредительного собрания. Л., 1967, стр. 69—70, 91.

⁶ Правда, 1917, 28 (15) ноября.

⁷ Петроградская правда, 1918, 12 апреля.

⁸ Тонор и якорь — журнал студентов Института инженеров путей сообщения, 1918, № 1, стр. 8; Петроградская правда, 1918, 27 апреля; В. Г. Бурцов. Политехнический институт в первые годы Советской власти. — Тр. Лен. политех. инст., 1957, № 190, стр. 102.

⁹ Подсчитано по сведениям, приведенным в статьях: Л. А. Шилов. Воплощение рабочих и крестьян в Университет. — Вестник ЛГУ, 1969, № 2, стр. 36; М. Н. Потехин и Т. А. Ильяшенко. Институт в годы нового революционного подъема и первой мировой войны. — Тр. Лен. политех. инст., 1957, № 190, стр. 78.

ческой части, оказало широкое распространение, как и среди интеллигенции вообще, иллюзий буржуазного парламентаризма и предрассудков «революционного оборончества». В какой-то мере на ней отражались и обывательские пересуды о большевиках.

Но, конечно, влияние буржуазных и мелкобуржуазных партий в студенческой среде не было безраздельным. В рядах Петроградской организации РСДРП(б) в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции работали десятки студентов-большевиков. Некоторые из них выросли в незаурядных партийных работников и возглавляли районные организации большевиков. По самым осторожным подсчетам, в дни Октября на ответственной выборной партийной работе в Петрограде находилось не менее 20 студентов и курсисток.¹⁰ Студент Политехнического института И. М. Москвин был членом ПК и ответственным организатором Железнодорожного района. Студент Университета А. М. Аменицкий стоял во главе партийной организации Литейного района. Другой универсант — М. Н. Федоров — возглавлял Московско-Заставский райком партии. Членом Василеостровского РК РСДРП(б) и организатором Гаванского подрайона работала студентка Психоневрологического института Б. А. Ратнер. Медичка А. П. Симашко и студентка Психоневрологического института Р. А. Ковнатор были членами Петроградского РК, бестужевка Н. М. Москвина — членом Железнодорожного райкома партии. Большую работу в РК РСДРП(б) 2-го Городского района выполнял студент-торник П. М. Войтик и т. д.

Студенты и курсистки исполняли различные технические обязанности в аппарате ПК и райкомов, работали в редакциях и конторах большевистских газет, были партийными агитаторами или, выполняя задания партии, вели работу в Советах, профсоюзах, фабзавкомах, больничных кассах.

Все студенты-большевики активно участвовали в Октябрьском восстании. Часть из них работала в штабе Октября — Военно-революционном комитете. Членом Бюро ВРК был недавний студент Университета Г. И. Чудновский. Прапорщики военного времени из числа петербургских и московских студентов М. В. Пригоровский, М. К. Тер-Аратюнянц, В. Н. Васильевский, О. П. Дзенис, Г. И. Боголепов и другие исполняли обязанности комиссаров ВРК. Не менее полутора десятков студентов и курсисток было в числе сотрудников ВРК.¹¹ Одни из них выполняли ответственную работу: студентка Психоневрологического инсти-

¹⁰ Подсчитано по материалам книги «Герои Октября» (тт. 1, 2. Л., 1967) и Ленинградского партийного архива.

¹¹ Подсчитано по анкетам членов, сотрудников и служащих ВРК (ЦГАОР СССР, ф. 1236, оп. 1, дд. 9, 84, 85, 86) и по материалам трехтомника «Петроградский ВРК. Документы и материалы» (М., 1966).

тута С. И. Шульга несла требовавшие большой собранности, аккуратности и оперативности обязанности секретаря Бюро комиссаров ВРК;¹² бестужевка В. Ф. Алексеева заведовала отделом выдачи литературы для фронта и деревни. Остальные работали техническими секретарями, делопроизводителями.

Чрезвычайно нужную работу по подготовке «красных сестер» для обслуживания Красной гвардии провели в каууп восстания студентки-медички во главе с Т. А. Фортунатовой, А. А. Гиляровой, М. И. Литинской, А. А. Бутковой.¹³

Студенты-большевики и сочувствующие большевикам беспартийные студенты и курсистки в составе красногвардейских отрядов и революционных солдатских частей шли на штурм Зимнего, участвовали в подавлении мятежа юнкеров и в разгроме наступающих на революционный Петроград войск Керенского — Краснова.

Сразу после завоевания политической власти пролетариатом перед партией большевиков встала задача создания нового советского социалистического государства. Решая ее, партия испытывала острейшую нужду в специалистах самых различных отраслей знаний и даже просто в хорошо грамотных людях. Поэтому столкнувшись с саботажем служащих и интеллигенции и ведя борьбу за его преодоление, ПК РСДРП(б), настойчиво вербуя сторонников Советской власти из среды работников умственного труда, обратил самое пристальное внимание на студенчество, которое В. И. Ленин считал наиболее отзывчивой частью интеллигенции.¹⁴

Главный упор в работе ПК со студенчеством был сделан на то, чтобы оторвать от контрреволюционных партий и поднять на помощь народу наиболее демократическую часть студенчества. Для этого его необходимо было высвободить из пут глубочайших политических заблуждений и ошибочных представлений о долге, о месте интеллигенции и ее молодого пополнения в происходящих событиях.

15 ноября 1917 г., в самый разгар саботажа служащих правительственных учреждений, в «Правде» и в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета» появилось обращение «К учащимся», подписанное членом ПК и наркомом просвещения А. В. Луначарским. Адресованное студентам — выходцам из мелкобуржуаз-

¹² «На мне лежала текущая оперативная работа этого Бюро комиссаров — оформление мандатов комиссарам, организация допросов комиссаров с места их работы, соответствующий их учет и обработка, организация связи комиссаров с членами Военно-революционного комитета для разрешения назревших у них вопросов», — пишет в своих воспоминаниях С. И. Шульга. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 4780, лл. 10—11.

¹³ Подробнее см.: А. И. Нестеренко. Большевики-организаторы санитарных отрядов в революционном Петрограде. Л., 1969.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.

ных слоев российского населения, это обращение разоблачало ходячие утверждения эсеро-меньшевистской пропаганды о «большевиках-узурпаторах», захвативших власть вопреки воле народа. А. В. Луначарский в нем показал, в какое пеленное положение попала трудовая интеллигенция, которая, борясь с большевиками, фактически выступает против народа и революции. Он призвал студентов, считавших себя социалистами, отшатнуться от врагов народа и восстановить братство рабочего и студента-демократа, подчеркнув при этом, что «помощью и дружбой верных социализму студентов рабочие дорожат».¹⁵

Несколько дней спустя для ведения политической работы в студенческой среде и привлечения как можно большего числа студентов к сотрудничеству с Советской властью при ПК была создана Студенческая организация. 18 ноября в Смольном состоялось собрание, на котором присутствовало около 200 студентов и курсисток Университета, Политехнического, Электротехнического, Горного, Технологического, Коммерческого, Психоневрологического и Женского медицинского институтов, Института путей сообщения, Консерватории, Военно-медицинской академии, Высших курсов имени Лесгафта, Историко-литературных курсов Раева и других вузов Петрограда. После доклада А. В. Луначарского, посвященного анализу характера Октябрьской революции и отношения к ней интеллигенции, собрание приняло решение о создании организации студентов-большевиков и избрало для этого организационную комиссию.¹⁶

25 ноября в комнате № 51 Смольного, на общегородском собрании студентов-большевиков, в работе которого приняли участие представители Петербургского комитета большевиков, произошло официальное оформление Студенческой организации при ПК РСДРП(б). Первоначально в ней объединилось 70 студентов — членов большевистской партии. Для руководства текущей работой Студенческой организации было избрано исполбюро из 11 человек, в которое вошли В. Ф. Алексеева, А. Д. Розовская, С. И. Шульга и другие активисты столичной организации. Возглавил исполбюро студент Н. А. Бухбиндер. При исполбюро были образованы пять секций: организационная, культурно-просветительная, редакционная, бюро труда и секция по реформе высшей школы.¹⁷

¹⁵ Правда, 1917, 23 (15) ноября; Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1917, 15 ноября.

¹⁶ Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1917, 23 ноября; Студенческая правда, 1918, № 1, стр. 11.

¹⁷ Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1917, 29 ноября; Студенческая правда, 1918, № 1, стр. 12; Н. А. Бухбиндер. Студенческая организация при ПК РСДРП(б), стр. 294—295.

Разместилась Студенческая организация первоначально в здании ПК на Литейном, 48. В конце января ей было передано прекрасное помещение бывшего игорного клуба на Почтамтской (д. 12, кв. 7).¹⁸ Там же вскоре был открыт студенческий клуб с библиотекой, читальней и буфетом.

В течение трех месяцев — с конца ноября 1917 г. до конца февраля 1918 г. — Студенческая организация при ПК РСДРП(б) жила напряженной жизнью. Каждую неделю собиралось ее исполбюро. Не реже раза в месяц созывались общие собрания организации. Активно работали секции. Именно в этот период Студенческая организация проделала значительную работу по привлечению студентов и курсисток Петрограда на сторону большевиков и Советской власти и внесла свой вклад в борьбу с саботажем и саботажниками.

Политическая работа, развернутая Студенческой организацией, отличалась активным наступательным характером и разнообразием форм идеологического воздействия на студенчество. За три месяца Студенческой организацией были организованы три публичные лекции на самые животрепещущие для студентов темы: «Студенчество и социализм», «Интеллигенция и социалистическая революция», «Марксизм и анархический социализм».¹⁹ Наибольший отклик вызвала прочитанная А. В. Луначарским 15 декабря лекция «Студенчество и социализм». Несмотря на многочисленные попытки контрреволюционно настроенных бестужевков помешать проведению этой лекции, она собрала большую аудиторию. Устроители ее продали 708 билетов, и прошла она с большим успехом. По окончании лекции слушатели не только засыпали А. В. Луначарского записками, но и наградили докладчика настоящей овацией.²⁰ О месте и времени проводимых Студенческой организацией лекций студенчество города широко информировали большевистские газеты и специальные афиши, тираж которых доходил до 500 экземпляров.²¹

Широко использовалось Студенческой организацией для пропаганды большевистских идей и печатное слово. В конце января 1918 г. она выпустила листовку-воззвание «Ко всему революционному студенчеству» тиражом в 5000 экземпляров.²² Эта листовка, как и ноябрьское обращение наркома просвещения, была адресована студентам, вышедшим из слоев, наиболее близ-

¹⁸ Правда, 1917, 19 (6) декабря; 1918, 5 февраля (28 января).

¹⁹ Правда, 1917, 25 (12) декабря; 1918, 19 (6) января и 5 февраля (23 января).

²⁰ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 295, лл. 23 об.—24; Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1917, 21 декабря; Н. А. Бухбиндер. Студенческая организация при ПК РСДРП(б), стр. 296.

²¹ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 1.

²² Там же, л. 6; Н. А. Бухбиндер. Студенческая организация при ПК РСДРП(б), стр. 299.

ких трудовому народу, а также к студентам — членам социалистических партий. Она разъясняла им, что их интересы совпадают с интересами рабочих и крестьян, что добиться хлеба, мира, земли и свободы можно лишь вместе с рабочими и крестьянами, помогая им преодолевать трудности революционного преобразования общества. Она призывала эту часть студентов делом доказать свою верность народу и вместе с ним биться за торжество социализма. «Идите под красное знамя пролетарского социализма, записывайтесь и работайте в пролетарской партии большевиков»,²³ — призывала Студенческая организация при ПК РСДРП(б).

В конце января тиражом 10 000 экземпляров вышел в свет первый номер журнала организации «Студенческая правда».²⁴ Журнал был призван стать важнейшим средством идейно-политического воздействия большевиков на демократические слои студенчества. «Вести среди той части студенчества, которая вышла из народа, которая по своему классовому положению находится на одной линии с пролетариями, но теперь стоит вне политики, неустанную и упорную агитацию к привлечению ее в ряды нашей партии, стремиться к объединению рабочих, солдат и революционного студенчества», — так определяли задачи журнала его издатели.²⁵

Первый номер «Студенческой правды», небольшой по размеру, изданный на простой газетной бумаге, но подготовленный при участии опытных большевистских публицистов — А. В. Луначарского и П. И. Лебедева-Полянского, хорошо служил этой цели. Открывала номер статья А. В. Луначарского «Два студента». Содержавшая глубокий анализ главных социальных типов российских студентов — студента-барина и студента-демократа, эта статья убедительно и в то же время несправедливо подводила читателя к выводу о том, что мелкой буржуазии вообще, ее образованной части в особенности, нечего бояться победы трудового народа.²⁶

«Студенческая правда» дошла до тех, кому она была адресована. За неполные полтора месяца после ее выхода в свет были проданы и распространены по подписке 1633 экземпляра журнала,²⁷ т. е. количество, в 8 раз превышающее тогдашнюю чис-

ленность Студенческой организации. Приняли журнал тепло. Б. Ф. Виленский, один из активистов Студенческой организации, вспоминает, что в редакцию приходили письма, авторы которых приветствовали выпуск журнала и выражали надежду, что он оправдает свое название.²⁸

Общие успехи Советской власти, работа, проделанная Студенческой организацией при ПК, пробивали первые бреши в густом тумане лжи и клеветы, которыми буржуазная пропаганда затуманила сознание студенческой молодежи. В декабре А. В. Луначарский сообщал, что он получает «очень много писем» от студентов и курсисток, свидетельствующих об их горячем желании поддержать рабоче-крестьянское правительство.²⁹ Многие студенты порывали с буржуазными и правосоциалистическими партиями для того, чтобы стать в ряды сторонников революции. Некоторые из них публично заявляли об этом. 21 января газета «Известия ЦИК и Петроградского Совета» напечатала «Письмо товарищам студентам», подписанное псевдонимом «Петроградский студент». Автор его рассказывал, как он, человек, который под влиянием контрреволюционной пропаганды, внушавшей, что революция — это гибель страны, крушение родины, долгое время видел лишь «прыщики» на лице революции, сейчас вырвался из плена предвзятости. Порывая со своими прежними идейными наставниками, этот петроградский студент бросил им гневные слова: «Прочь с дороги, сами разложившиеся и стремящиеся разложить других. Нам с вами не по пути».

О первых успехах в завоевании студенчества свидетельствовал и рост рядов Студенческой организации. За два месяца она утроила свои ряды. Н. А. Бухбиндер сообщает, что в январе 1918 г. в Студенческой организации состояло уже около 200 человек.³⁰ Эта цифра может быть признана вполне реальной, так как в конце марта, растеряв многих членов в связи с уходом коммунистов в Красную Армию, отъездом работавших в центральных государственных учреждениях в Москву, Студенческая организация насчитывала все же 118 человек.³¹

Выросла Студенческая организация за счет приема в партию большевиков новых членов. Обладая правами экстерриториальной партийной организации, Студенческая организация при ПК вела прием в РСДРП(б) на общих основаниях — по рекомендации двух членов партии, знающих вновь вступающего по революционной работе. Прямых сведений о количестве принятых

²³ Листовки петроградских большевиков. Т. III, Л., 1957, стр. 150—151.

²⁴ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 2. Ныне этот журнал является библиографической редкостью. Его единственный экземпляр хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

²⁵ Студенческая правда, 1918, № 1, стр. 3.

²⁶ Там же. Эта статья не входила ни в одно из изданий трудов А. В. Луначарского и впервые как библиографическая редкость была изложена в альманахе «Студенческий меридиан» (М., 1967, спец. выпуск, стр. 22—23).

²⁷ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 18 об.

²⁸ Б. Ф. Виленский. Студенческая организация при Петроградском комитете РСДРП(б), стр. 85.

²⁹ См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1917, 10 декабря.

³⁰ Н. А. Бухбиндер. Студенческая организация при ПК РСДРП(б), стр. 296.

³¹ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 64, л. 6.

в ряды большевистской партии Студенческой организацией в нашем распоряжении нет. Однако о динамике приема можно судить по росту суммы членских взносов, которые организационная секция Студенческой организации сдавала в партийную кассу ПК. В ноябре 1917 г. эта сумма составляла 54 р. 30 к., в декабре — 71 р. 80 к., в январе 1918 г. — 81 р. 20 к.,³² т. е. с 25 ноября по 25 января сумма членских взносов возросла примерно в полтора раза. Следовательно, можно считать, что и число членов РСДРП(б) в Студенческой организации также возросло за эти два месяца в полтора раза и достигло по меньшей мере 100 человек.

Но Студенческая организация росла не только за счет членов партии. Если в РСДРП(б) через Студенческую организацию принимали как через любую другую партийную организацию при наличии двух рекомендаций, то в Студенческую организацию каждый студент и каждая курсистка, стоящие на платформе Советской власти, независимо от партийности, могли просто записаться у секретаря организации в определенные дни и часы.³³ В январе 1918 г. примерно наполовину Студенческая организация состояла не из коммунистов, а просто из сочувствующих большевикам и Советской власти. И сама Студенческая организация при ПК, продолжая действовать как экстерриториальная большевистская организация, одновременно превратилась в организацию студентов, стоящих на позиции признания и поддержки Советской власти.³⁴

Главное внимание в эти месяцы исполбюро Студенческой организации уделяло деятельности своего бюро труда. Именно на бюро труда, возглавляемом членом партии с 1916 г. студентом Медицинского института Г. С. Кордовским, лежала практическая работа по привлечению студентов в советские государственные учреждения. Бюро труда Студенческой организации действовало в теснейшем контакте с Народным комиссариатом труда, осуществление которого обеспечивалось тем, что Г. С. Кордовский сам работал в Наркомтруде и возглавлял в нем мобилизационный отдел, ведавший приемом служащих во все центральные государственные учреждения.

Начиная свою деятельность, бюро труда широко оповестило студенчество о своем существовании. В «Правде» появилось извещение: «Секция труда Студенческой организации при ПК РСДРП(б) доводит до сведения студентов и курсисток (бухгалтерских, счетоводных и политехнических курсов), стоящих на платформе II Всероссийского съезда Советов, что запись лиц,

желающих работать в правительственных учреждениях Петрограда, производится один раз в неделю, в субботу с 2 до 4 ч. дня в Мраморном дворце,³⁵ Мобилизационный отдел».³⁶ Аналогичные объявления печатались «Правдой» неоднократно. Популяризации бюро труда Студенческой организации помог и А. В. Луначарский. 10 декабря он выступил с новым обращением «К учащейся молодежи». Отвечая на поступившие к нему письма студентов и курсисток, стремящихся оказать посильную помощь рабоче-крестьянскому правительству, но не знающих, как это сделать, А. В. Луначарский публично обратил внимание своих корреспондентов на деятельность бюро труда Студенческой организации и подчеркнул: «Все, кто хочет служить народу в этот критический час, должны объединиться вокруг этой организации».³⁷

Результаты деятельности бюро труда Студенческой организации были вполне удовлетворительными. Как вспоминает Н. А. Бухбиндер, «десятки работников были направлены Студенческой организацией в различные учреждения и там заняли частью весьма ответственные посты, другие же работали в качестве рядовых».³⁸ Документы бюро труда Студенческой организации не сохранились, поэтому нет возможности перевести на язык точных цифр это свидетельство сведущего человека. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что студенты петроградских вузов были в первом составе служащих практически всех высших советских правительственных учреждений.

Одной из самых первых в аппарате СНК обязанности делопроизводителя стала выполнять беспартийная студентка Психоневрологического института А. П. Кизас.³⁹ В. И. Ленин поручил ей принимать многочисленные письма и телеграммы, поступающие лично ему как Председателю СНК, а также в адрес Совета Народных Комиссаров, и докладывать их содержание. А. П. Кизас старалась оправдать доверие, оказанное ей Владимиром Ильичем.⁴⁰

Большая группа студентов и курсисток работала в аппарате Народного комиссариата по просвещению. В день первого посе-

³⁵ Народный комиссариат труда размещался в Мраморном дворце на Миллионной улице (ныне улица Халтурина).

³⁶ Правда, 1917, 14 (1) декабря, и др.

³⁷ Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1917, 10 декабря.

³⁸ Н. А. Бухбиндер. Студенческая организация при ПК РСДРП(б), стр. 297.

³⁹ М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссары. Октябрь 1917—январь 1918 г. Л., 1967, стр. 70.

⁴⁰ В огне революционных боев. (Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.). Сборник воспоминаний старых большевиков-петерцев. М., 1967, стр. 552.

³² Там же, д. 295, л. 20 об.

³³ См.: Правда, 1917, 19 (6) декабря; 1918, 5 февраля (23 января) и др.

³⁴ Л. А. Шилев допустил неточность, когда в своей диссертации квалифицировал Студенческую организацию при ПК только как первое по времени объединение коммунистического студенчества.

щения А. В. Луначарским и Н. К. Крупской Министерства просвещения в брошенных саботирующими чиновниками помещениях, вместе с курьерами и уборщицами их встретила и приветствовала от имени петроградских студентов, сохранивших верность народу, курсистка.⁴¹ Скорее всего, это была лесгафтовичка М. А. Рымалова, член партии с 1916 г., активная участница Октябрьского восстания и подавления мятежа Керенского—Краснова, которая первой, 21 ноября 1917 г., была зачислена в штат служащих Наркомпроса делопроизводителем.⁴² Вслед за Марианной Рымаловой в числе делопроизводителей этого комиссариата были приняты студенты Университета И. Д. Гандлин и Н. К. Калашников, курсистки О. В. Полумордвинова, Е. С. Каренко-Логвинова, Т. Н. Моисеевко-Великая и др.⁴³ Помощником правительственного комиссара Наркомпроса по библиотекам в ноябре стал председатель исполбюро СО Н. А. Бухбиндер.⁴⁴ Комиссаром Управления имуществом Наркомпроса, а затем помощником наркома имущества Республики стал прапорщик из студентов Московского университета Ю. Н. Флаксерман.⁴⁵

Студенты Университета, Электротехнического и ряда других высших учебных заведений Петрограда вошли вместе с рабочими Путиловского завода в число новых служащих Народного комиссариата внутренних дел.⁴⁶ В частности, в этом комиссариате должность заведующей информационным бюро отдела местных самоуправлений исполняла член исполбюро Студенческой организации С. И. Шульга,⁴⁷ а бестужевка С. И. Стриевская, в первые дни Октября работавшая в секретариате ВЦИК, заведовала пайковой комиссией Управления по делам воинской повинности.⁴⁸ В начале 1918 г. в коллегия санитарного отдела Красной Армии вошла Т. А. Фортунатова.⁴⁹

Студенты — члены РСДРП(б) были в числе первых сотрудников ВЧК. В ВЧК работал член исполбюро Студенческой организации А. Иоселевич. Впоследствии он стал секретарем Петроградской ЧК. Некоторое время организационную и следственную работу выполнял в ВЧК другой член исполбюро — С. М. Цвибак, но затем он был направлен на ответственную работу в Наркомнац.

⁴¹ Социал-демократ, 1917, 19 ноября; Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1917, 19 ноября.

⁴² ЛГАЛН, ф. 2551, оп. 1, д. 180, л. 2.

⁴³ Там же, лл. 7—9, 16.

⁴⁴ М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата, стр. 228.

⁴⁵ Там же, стр. 263.

⁴⁶ Там же, стр. 228.

⁴⁷ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 4780, л. 2.

⁴⁸ Там же, д. 2182, лл. 2 об.—3.

⁴⁹ Там же, д. 4301, л. 5.

Студенты, заменившие саботирующих чиновников центральных правительственных учреждений, работали самоотверженно, с полной отдачей сил. Придя в Горный департамент Министерства торговли и промышленности, студенты Горного института нашли делопроизводство в страшном беспорядке — оно велось с полугодовым опозданием. В течение двух недель шесть студентов, выполняя работу тридцати чиновников, разобрали и так поставили делопроизводство, что вся текущая работа стала идти без всякой задержки.⁵⁰ Энтузиазм студентов рождало сознание великой цели, которой они служили, даже выполняя будничную, техническую работу. «Работы было много, работы радостной, счастливой — строить новую жизнь», — пишет в своих воспоминаниях бестужевка А. П. Добрыкова, принимавшая участие в государственном строительстве в Петрограде в первые послеоктябрьские месяцы.⁵¹ Часть из тех студентов и курсисток, которые по призыву Студенческой организации при ПК пришли в мобилизационный отдел Наркомтруда, не являясь еще членами большевистской партии, а лишь сочувствуя революции, одобряя и приветствуя решения Второго Всероссийского съезда Советов, впоследствии вступила в ряды РКП(б).⁵²

Петроградские студенты в период создания новой пролетарской государственности работали не только в центральных правительственных учреждениях. Их знания и молодая энергия нашли применение и в местных, питерских, Советах. Там тоже не хватало грамотных людей, там тоже приходилось ломать саботаж в подведомственных учреждениях. Лесгафтовичка А. Н. Тихомирова (Желвис), сама работавшая в Совете 2-го Городского района, рассказывает: «С первых же дней наш райсовет встретился с организованным саботажем, особенно в Комиссариате продовольствия... Даже набрать штат служащих для канцелярии райсовета было трудно». Она называет несколько фамилий коммунистов и беспартийных, которые взяли на себя обслуживание канцелярии райсовета, среди них лесгафтовичка Н. Соколова, бестужевка С. Лотинш.⁵³

На разных постах, больших и малых, работали в Петроградском и районных Советах студенты, принявшие Советскую власть, и в первую очередь студенты — члены РСДРП(б). Бесспорным секретарем Комитета революционной охраны Петрограда была бестужевка, член партии с мая 1917 г. Е. В. Осминкина.⁵⁴ Членом президиума Совета Народного хозяйства Север-

⁵⁰ А. Шляпников. К Октябрю. — Пролетарская революция, 1922, № 10, стр. 32—33.

⁵¹ Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969, стр. 85.

⁵² См.: Б. Ф. Виленицкий. Студенческая организация при Петроградском комитете РСДРП(б), стр. 84.

⁵³ В огне революционных боев, стр. 511.

⁵⁴ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 4780, л. 10.

ного района являлся большевик с 1916 г. студент Университета А. М. Кактынь.⁵⁵ Член исполбюро Студенческой организации Ассорбак был комиссаром революционной охраны в 1-м подрайоне Васильевского острова; студент Военно-медицинской академии Р. А. Яблонский в Совете 1-го Городского района налаживал работу медико-санитарного отдела⁵⁶ и т. д. Лишь кропотливому исследователю деятельности районных Советов будет когда-нибудь под силу восстановить все имена студентов, верно служивших народу в решающую пору революции на этом участке государственного строительства.

Свою лепту студенты, объединяемые Студенческой организацией при ПК, внесли и в борьбу с саботажем учителей. Одни из них, подобно слушательнице курсов Лохвицкой-Скалон, Е. Д. Девеой, лесгафтовичке М. А. Рымаловой, приняли активное участие в организации и налаживании работы «Союза учителей-интернационалистов»; другие, подобно курсистке О. А. Стецкой, просто пошли работать в школы.⁵⁷ О месте, которое занимало революционное студенчество в борьбе за преодоление саботажа учителей, позволяет судить заявление А. В. Луначарского, сделанное в «Правде» в самый разгар учительской забастовки. Он говорил: «При помощи учителей, оставшихся верными народу или по крайней мере школе, при помощи студенческой молодежи, учителей, возвращающихся с фронта, мы после рождества, в случае продолжения забастовки, откроем для всех желающих столько школ, сколько понадобится».⁵⁸

Последним вкладом Студенческой организации в дело государственного строительства стало ее участие в формировании частей Красной Армии в дни немецкого наступления на Петроград в феврале 1918 г.

Студенческой организации и до февраля 1918 г. случалось посылать своих членов в состав экспедиционных отрядов Красной гвардии, отправлявшихся на борьбу с контрреволюцией на Дон, на Украину и Урал. Некоторые из питерских студентов сложили головы в боях за власть Советов на первых фронтах гражданской войны. На каледонском фронте в боях под станцией Матвеев Курган попала в плен и зверски была замучена белоказаками всеобщая любимца студентка Медицинского института Вера Зубарева. На Южном Урале были расстреляны белыми две подружки-бестужевки Татьяна Боголепова и Александр Лихачева.⁵⁹

⁵⁵ Там же, д. 4274, л. 1.

⁵⁶ Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 годах. Изд. 3-е. М.—Л., 1925, стр. 720.

⁵⁷ ЛГАЛН, ф. 2551, оп. 15, д. 2, лл. 1, 2, 10 и др.; В огне революционных боев, стр. 154.

⁵⁸ Правда, 1918, 2 января (20 декабря).

⁵⁹ Д. Боголепов. Заметки о технике ПК РСДРП(б) в 1913—1917 гг. — Красная летопись, 1924, № 4 (10), стр. 118; Ленинградки. Сбор-

Февраль 1918-го сделал военный вопрос главным в жизни организации. 24 февраля 1918 г., в разгар борьбы с «левыми коммунистами», общее собрание Студенческой организации при ПК единогласно признало необходимость принятия тяжелейших условий подписания мира, предъявленных правительством кайзеровской Германии, и горячо одобрило политику Совета Народных Комиссаров, «стоящую на высоте сознания задач мирового пролетариата».⁶⁰ Но, как известно, несмотря на готовность Советского правительства к подписанию мира на предъявленных Германией условиях, кайзеровские войска продолжали наступать, и после падения Пскова под Петроградом сложилось наиболее опасное положение. Партийная организация столицы призвала трудящихся к оружию. По уже установившейся традиции в эти дни с новым обращением «К учащейся молодежи» выступил нарком просвещения А. В. Луначарский. Объявив об окончании учебного года во всех высших и средних учебных заведениях, он призвал студентов и учеников старших классов вместе с рабочей молодежью «стать оплотом против империалистического зверья».⁶¹ Студенческая организация, которая запись своих членов в Красную Армию начала еще 24-го, 28 февраля через «Правду» обратилась ко всем студентам Петрограда с призывом записываться в формируемые ею саперные подрывные и санитарные отряды и приступила к созданию этих отрядов.⁶²

В общий поток мобилизации трудящихся Петрограда на защиту революционной столицы влилась и студенческая струя. Революционно настроенные студенты записывались в Красную Армию, вливались в формируемые в районах отряды красногвардейского типа, входили в специализированные отряды. Студентки шли на фронт санитарками и агитаторами. Первыми из них на фронт уходили члены и активисты большевистской организации Петрограда. Под Псков уехал П. М. Войтик, ставший к этому времени ответственным организатором большевиков 2-го Городского района. Туда же отправились член исполбюро Студенческой организации лесгафтовички Е. Марченко и А. Н. Тихомирова (Желвис). К едущему под Псков отряду красногвардейцев 2-го Городского района была прикомандирована группа студентов-медиков в составе В. Торговца, М. Гоц, Яковского, Гальперина.⁶³

Под Нарвой сражалась М. А. Рымалова.⁶⁴ В боях против

ник воспоминаний. Л., 1968, стр. 173, 175; В. Ситников. Вера Зубарева. Киров, 1971, стр. 95—96.

⁶⁰ Правда, 1918, 28 февраля; Известия ЦИК и Петроградского Совета, 1918, 27 февраля.

⁶¹ Правда, 1918, 26 (13) февраля.

⁶² Правда, 1918, 28 февраля; А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в 1918 г. Л., 1964, стр. 122.

⁶³ В огне революционных боев, стр. 513.

⁶⁴ Там же, стр. 501.

белофиннов под станцией Рауту командовал отрядом М. В. Пригоровский. Здесь он и пал смертью храбрых. Сестрами и агитаторами на этом же участке были студентки-медики А. А. Гилярова и М. И. Литинская.⁶⁵

Вскоре после подписания мирного договора с Германией и завоевания мирной передышки Студенческая организация при ПК прекратила свое существование. Она выполнила к этому времени свое назначение: собрала вокруг себя тех студентов, которых было возможно в столь короткий срок убедить в правомерности и прогрессивности произошедшей в России социалистической революции. Все члены Студенческой организации были втянуты в партийную, советскую, хозяйственную, культурную и военную работу Советской власти и с головой ушли в нее. Попытка созвать общее собрание Студенческой организации 23 марта 1918 г. не увенчалась успехом. Собралось всего 12 человек, хотя было известно, что выступать на собрании будет секретарь нового, только что избранного V Общегородской чрезвычайной конференции ПК РКП(б) П. С. Заславский.⁶⁶ Новые заботы не оставляли времени у членов Студенческой организации на ее дела. Учитывая острую нужду районных организаций в интеллигентных силах для ведения различной технической работы, ПК РКП(б) 8 апреля 1918 г. принял решение о ликвидации Студенческой организации и обязал всех ее членов стать на учет в районных партийных организациях.⁶⁷ Что же касается политической работы в студенческой среде, то выработанный В. И. Лениным, одобренный ЦК РКП(б) и принятый ВЦИК весной 1918 г. курс на широкое привлечение интеллигенции к решению задач социалистического строительства требовал иных методов и форм ее организации. Работу эту надо было переносить в самую гущу студенчества, непосредственно в вузы.

М. И. КУЛИЧЕНКО

О НАЛАЖИВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ СТРАНЫ СОВЕТОВ
В 1917—1919 гг.

Советские историки успешно исследовали многие вопросы государственного развития нашей страны в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, установления Советской власти в центре и на национальных окраинах. Значительные успехи достигнуты и в изучении содержания и форм решения национального вопроса в этот период. Ученые, и не только историки, уделили большое внимание проблемам образования советской национальной государственности, становления и развития государственного союза наций и народностей на основе социалистической федерации. За последние годы был опубликован целый ряд обстоятельных исследований, касающихся различных аспектов национально-государственного строительства.¹

Характерной особенностью названных трудов является то, что их авторы, опираясь на уже накопленный конкретно-исторический материал, все большее внимание сосредоточивают на изучении объективных и субъективных факторов образования и развития национальной государственности, руководящей роли Коммунистической партии и рабочего класса в этих процессах, влиянии советской национальной государственности и различных форм государственных союзов на социально-экономические преобразования в жизни народов и их развитие по пути социализма. Большое внимание уделяется также процессам совершенствова-

⁶⁵ ЛНА, ф. 4000, оп. 5, д. 4132, л. 1—1 об.; А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в 1918 г., стр. 242, 243.

⁶⁶ ЛНА, ф. 1, оп. 1, д. 176, лл. 44 об.—45; Правда, 1918, 24 марта.

⁶⁷ ЛНА, ф. 1, оп. 1, д. 64, л. 6.

¹ Актуальные проблемы национально-государственного строительства в СССР. Душанбе, 1970; С. Я. Афтеюк. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971; С. Р. Вихарев. В. И. Ленин о суверенитете советских республик. Минск, 1969; История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1936 гг. М., 1968; В. Н. Мерквиладзе. Создание и укрепление советской государственности в Грузии. 1921—1936. Тбилиси, 1969; Э. В. Тадевосян. В. И. Ленин о государственных формах решения национального вопроса в СССР. М., 1970; С. В. Хармандарян. Ленин и создание Закавказской федерации. 1921—1923 гг. Ереван, 1969; К. Коркмасова. Национальная государственность в СССР. Ростов, 1970, и др.

ния советской национальной государственности, соотношению национального и интернационального факторов в ее развитии и т. д.

Вместе с тем было бы преждевременным утверждать, что все проблемы национально-государственного строительства в нашей стране в первые годы Советской власти изучены с исчерпывающей полнотой. Целью настоящей статьи и является освещение ряда недостаточно исследованных, а отчасти и спорных вопросов, относящихся к налаживанию государственных взаимоотношений народов нашей страны в первые годы Советской власти.

Главным условием правильного разрешения национального вопроса в сложных условиях многонациональной России, в том числе и поставленных жизнью задач национально-государственного строительства, была победа Великой Октябрьской социалистической революции. Эпоха капитализма дала три способа решения национального вопроса — юнкерски-крепостнический, буржуазно-либеральный, буржуазно-демократический, ни один из которых не мог справедливо разрешить все проблемы развития наций и национальных отношений. Эпоха пролетарских революций выдвинула пролетарский способ решения этих проблем. Его воплотила в жизнь Октябрьская революция, давшая миру образец принципиально нового решения национального вопроса. Это новое состояло, во-первых, в том, что национальный вопрос был решен не через отделение и, следовательно, разъединение народов, как это почти всегда практиковалось при капитализме, а путем их объединения и совместной борьбы за социализм. Новое, во-вторых, заключалось в том, что развитие национальных отношений происходило на основе глубоких социальных преобразований в интересах трудящихся, невозможных в рамках буржуазного строя.

Наличие разъединяющей общество частной собственности предопределяло то обстоятельство, что при капитализме нельзя было согласовать две главные тенденции в развитии наций и национальных отношений — с одной стороны, к объединению, а с другой — к самостоятельному, свободному существованию. Развитие и сближение наций гармонически сочетает только социализм, и прежде всего потому, что ему органически присущи пролетарская централизация: сплочение сначала рабочего класса всех национальностей, а затем и его союзников для достижения победы социалистической революции; после победы революции — централизация производства на основе общегосударственного планирования, развитие науки и техники для экономии общественного труда, роста его производительности, максимального удовлетворения растущих потребностей людей. Вместе с тем социализм, благодаря его глубокому демократизму и представлению подлинной свободы всем труженикам независимо от их национальностей, впервые в истории человечества обеспечи-

вает возможность полного, беспрепятственного развития всех местных, в том числе национальных, интересов, исключительное разнообразие путей, приемов и средств движения к общей цели в рамках общих закономерностей перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

В ходе Октябрьской революции эти особенности начали проявляться вполне отчетливо. Это выразилось прежде всего в том, что развитие революции, ее победа прошли под знаменем пролетарского интернационализма и выкованного большевистской партией единства революционных устремлений трудящихся всех наций во главе с русским рабочим классом.

Идейное единство революционных действий масс в Октябре обеспечивалось тем, что рабочий класс всех национальностей шел на революцию, руководствуясь идеями марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс вскоре после смерти К. Маркса писал, что учение Маркса является наиболее крепкой основой для интернационального сплочения всего пролетарского движения.² Развитие марксизма В. И. Лениным еще более усилило интернационалистский характер революционной теории и политики пролетариата.

В организационном отношении это единство обеспечивалось главным образом благодаря наличию в национальных районах крепких большевистских организаций. В канун Октябрьской революции из 350 тыс. членов партии свыше 100 тыс. работало в национальных районах, в том числе на Украине — свыше 45 тыс. (без учета численности армейских организаций), в Белоруссии и Эстонии — более чем по 7 тыс., в неоккупированной части Латвии — до 3 тыс. и т. д.³

В литературе по истории Октябрьской революции приведены многочисленные и очень убедительные данные о решительной и единодушной поддержке трудящимися национальных окраин Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, о том, сколько сил и энергии приложили они для установления Советской власти на местах, как срывали отправку в Петроград контрреволюционных войск с фронтов и направляли в пролетарские центры продовольствие, уголь, нефть, металл и другие материалы для обеспечения бесперебойного снабжения населения и функционирования производства. Все это — яркое свидетельство подлинного единства трудящихся национальных окраин с трудящимися центра в их общем деле установления и упрочения Советской власти.

В целях вовлечения народных масс национальных районов в революционный процесс большевистская партия уделяла боль-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 214.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Книга первая (март 1917—март 1918 гг.). М., 1967, стр. 247, 273, 399, и др.

шое внимание освещению местных партийных организаций и трудящихся окраин о событиях в центре — о победе вооруженного восстания в Петрограде, о решениях Второго Всероссийского съезда Советов, о мероприятиях Советского правительства и т. д.⁴ Известия о победе революции в центре дошли до трудящихся масс национальных окраин различными путями. Такая информация содержалась в передаваемых по телеграфу на места сообщениях Петроградского Военно-революционного комитета. Значительная часть Советов страны, в том числе и Советов национальных окраин, получила сообщения о событиях в центре от своих делегатов на Втором Всероссийском съезде Советов, многие из которых были также и активными участниками Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Свыше 200 делегатов Советов национальных районов и многочисленных делегатов войсковых частей, особенно прифронтовых районов,⁵несли в широкие массы правдивое слово о социалистической революции, быстро распространившейся и на все окраины страны.

Другой формой доведения до трудящихся национальных окраин известий о событиях в центре было направление туда Петроградским ВРК комиссаров и агитаторов. За первый месяц революции он послал на места 643 агитатора и 167 комиссаров и инструкторов. Многие из них были направлены в национальные районы. Так, на Украину было послано 76 человек, в Белоруссию — 91, в Прибалтику — 26 и т. д.⁶

Кроме того, во многие города, в том числе расположенные на окраинах, были командированы представители ВЦИК. По предложению В. И. Ленина ЦК партии 1 ноября принял решение о посылке агитаторов в деревню. Туда было направлено несколько тысяч человек.⁷

Известие о победе вооруженного восстания в Петрограде стало сигналом для установления Советской власти на местах. Немедленно по получении его трудящиеся национальных районов под руководством большевистских партийных организаций свержали власть органов буржуазного Временного правительства и обеспечивали переход власти к Советам. По инициативе большевиков на местах создавались военно-революционные комитеты Советов, которые становились боевыми штабами по борьбе с си-

лами контрреволюции. Во многих городах национальных районов власть Советов утвердилась уже в первые дни революции: в Минске, Луганске, Юрьеве, Казани, Уфе, Каменец-Подольске, Ревеле, Вендене, Витебске, Гомеле, Ташкенте, Баку.

Большевистская партия наряду с заботой о достижении единства революционных действий трудящихся всех национальностей страны большое внимание уделяла организации их взаимопомощи в революционной борьбе. Это было важнейшим условием победы революции и ее закрепления в центре и на местах, укрепляло союз русского пролетариата с рабочими и трудящимся крестьянством национальных окраин.

Еще перед Октябрем в результате огромной агитационно-пропагандистской разъяснительной работы партии в массах значительно усилился процесс сближения угнетенных народов России, их сплочения вокруг русского пролетариата. С победой Октябрьской революции тяга к единству с великим русским народом среди трудящихся национальных окраин значительно усилилась. В начатой петроградским пролетариатом социалистической революции угнетенные народы увидели начало своего собственного освобождения. О стремлении к единству с русским народом, о своей готовности поддержать начавшуюся социалистическую революцию трудящиеся массы национальных окраин заявляли в резолюциях, принимавшихся на многочисленных митингах и собраниях, на съездах и конференциях.

Совместный митинг рабочих и крестьян Краматорского горного района, заслушав доклад Г. И. Петровского о текущем моменте, единодушно принял резолюцию с приветствием революционному пролетариату Петрограда и Москвы. В ней, в частности, говорилось: «Глубоко преклоняясь перед пролетариатом Москвы и Питера, всегда приносящим жертвы за идеалы рабочего класса, мы... всеми силами будем стремиться поддерживать и углублять вторую нашу рабочую и крестьянскую революцию и готовить революционные батальоны для ее защиты».⁸

Валкский военно-революционный комитет (Латвия) в своем воззвании к населению заявлял: «Мы посылаем привет революционным рабочим и солдатам Петрограда. Борьба, начатая ими, является нашей общей борьбой против угнетателей и помещиков и капиталистов; поражение петроградцев будет поражением всей Российской революции. Ускорим нашу помощь восставшим рабочим и солдатам Петрограда!».⁹

III съезд Советов крестьянских-депутатов Минской и Вилейской губерний в резолюции по текущему моменту горячо привет-

⁴ См., например: Переписка ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Т. 1, 2. М., 1957.

⁵ См.: Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.—Л., 1928, стр. 113—140.

⁶ И. Дыков. Помощь Петроградского Военно-революционного Комитета в установлении Советской власти на местах. — В кн.: Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах. Сборник статей. М., 1953, стр. 158, 163—165.

⁷ Д. А. Чугаев. Триумфальное шествие Советской власти. — В кн.: Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах, стр. 29.

⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Сборник документов. Т. 2. Киев, 1957, стр. 240.

⁹ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г. Документы и материалы. Рига, 1963, стр. 505.

ствовал Второй Всероссийский съезд Советов и провозглашенную им власть Советов, заявив, что он «обещает ей всемерную поддержку и готов стать одним из отрядов оплота народной власти. Съезд, всецело признавая декреты Совета Народных Комиссаров, вполне присоединяется к ним и обещает проводить их в жизнь».¹⁰

Общее собрание представителей рабочих крупнейшего в Тифлисе Арсенального района, заслушав сообщение о победе восстания в Петрограде, в принятой резолюции записало: «Установленное в Петрограде правительство Всероссийского съезда Советов является правительством рабочих, солдат и крестьян, в защиту которого мы клянемся стать железной стеной против всех сил контрреволюционной буржуазии и их вольных и наемных слуг».¹¹

«Мы протягиваем руку русскому пролетариату, в котором мы, темные мусульмане, видим истинного защитника рабочего и трудящегося класса, освободившего нас от пагайки чиновника и кулака-бая»,¹² — писали рабочие завода Ходжаева на станции Горчаково.

Борьба трудящихся национальных окраин за установление и упрочение Советской власти была главной формой их помощи пролетариату Центральной России. Кроме того, уже в первые дни революции трудящиеся Киева, Винницы, Жмеринки и прилегающих районов под руководством большевиков сорвали попытки верных слуг свергнутого Временного правительства отправить с Юго-Западного и Румынского фронтов контрреволюционные войска для удушения революции в центре. Витебский военпо-революционный комитет, действуя в контакте с Минским, Оршанским, Псковским и другими комитетами, за время с 28 октября по 7 ноября 1917 г. задержал на Витебском железнодорожном узле до 20 тыс. солдат и казаков, направляемых Ставкой в Петроград и Москву. «Никакие эшелоны на Петроград и Москву нами не пропускаются», — сообщали в ЦК партии большевики Полесья.¹³ Успешно справились с задачей срыва отправки войск на подавление восстаний в Петрограде и Москве партийные организации Прибалтики, особенно Эстонии.

Организовывая и вдохновляя трудящиеся массы национальных окраин на борьбу за установление Советской власти и поддержку пролетариата Петрограда и Москвы, большевистская партия еще большее внимание уделяла организации братской

помощи русского пролетариата трудящимся национальных окраин, так как это обеспечивало ответную поддержку Советской власти со стороны многомиллионных масс ранее угнетенных национальностей, укрепляло взаимное доверие между народами и цементировало основную силу революции — союз рабочего класса и трудящегося крестьянства. Русский народ оказал неоценимую помощь ранее угнетенным народам в их социальном и национальном освобождении. Она заключалась прежде всего в том, что русский пролетариат разгромил в центре главные силы контрреволюции, ее боевой штаб и ударные отряды, облегчив тем самым установление Советской власти на местах. Эта помощь заключалась в том, что первые мероприятия партии и Советского правительства, особенно декреты Второго Всероссийского съезда Советов о мире, о земле, передаче полноты власти Советам и другие стали конкретной программой деятельности для местных большевистских партийных организаций и Советов.

Особенно ценным видом помощи трудящимся национальных окраин в их социальном и национальном освобождении было непосредственное руководство этим первостепенной важности делом со стороны ЦК партии, великого Ленина, центральных органов Советской власти, лучших революционных представителей русского народа. Директивы и указания ЦК партии, посещение центра и особенно беседы с вождем партии В. И. Лениным представителями местных партийных организаций и Советов, как правило, оказывали огромное влияние на судьбы развития революции на местах. Не менее существенное значение имело направление на места большого числа посланцев партии и русского пролетариата. Они несли с собой в массы одно из сильнейших мобилизационных средств — декреты Советского правительства, сообщения о первых мероприятиях партии и Совнаркома в деле раскрепощения народов. Представители центра пользовались среди трудящихся ранее угнетенных национальностей популярностью и авторитетом, очень часто их избирали в руководство местных партийных и советских органов, командирами отрядов Красной гвардии и т. п.

Следует особо остановиться на выдающейся роли в освобождении ранее угнетенных народов России Петроградского Военно-революционного комитета. В соответствии с указаниями ЦК партии его главной задачей было обеспечение быстрой победы революции в центре. Однако ввиду того, что ее достижение было неразрывно связано с установлением Советской власти на местах, Петроградский ВРК большое внимание уделял также организации помощи трудящимся национальным окраинам в их борьбе с силами контрреволюции. Об этом свидетельствуют сохранившиеся материалы о связях ВРК с местами — о направлении на окраины страны комиссаров, инструкторов и агитаторов, о заслушивании их информации, о приеме представителей местных Советов

¹⁰ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Сборник документов. Т. IV. Минск, 1964, стр. 282.

¹¹ См.: Д. Е. Енукидзе. Крах империалистической интервенции в Закавказье. Тбилиси, 1954, стр. 14.

¹² А. М. Туманов. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Туркестане. — В кн.: Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах, стр. 566.

¹³ Н. Камюнская. Великая Кастрычніцкая социалістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР. Мінск, 1954, стр. 36.

и воинских частей, переписка с местами. Как видно из протоколов заседаний Петроградского ВРК и материалов к ним, за время его деятельности к нему поступило 49 устных и письменных информации с Украины, 19 — из Белоруссии. На заседаниях ВРК неоднократно заслушивались также вопросы о положении на Северном Кавказе, в Крыму, в Прибалтике.¹⁴ Петроградский ВРК стал всероссийским органом Октябрьской революции, он оказывал решающее влияние на судьбы революционной борьбы в центре и на окраинах; местные партийные и советские органы обращались к нему за помощью, указаниями, советами.

Тесные связи Петроградского ВРК с местами, всероссийский масштаб его деятельности характеризуют, например, такие факты. 27 октября Военно-революционный комитет направил Терскому Совету (г. Грозный) предписание отобрать у грозненских нефтепромышленников полученное ими из Московского арсенала оружие и использовать его для вооружения народной милиции. 30 октября Военно-революционный комитет дал письменное распоряжение Мариупольскому Совету запретить вывод войск местного гарнизона и не допускать никаких их передвижений без указания центра. 17 ноября ВРК направил Кишиневскому Совету предписание о немедленном освобождении арестованных властями Временного правительства революционных рабочих и солдат, а 29 ноября — Екатеринославскому губревкому об учреждении строгого контроля за технической деятельностью шахтной администрации.¹⁵

Петроградский ВРК посылал специальных уполномоченных для организации и вооружения Красной гвардии Донбасса и Донецкой области, по просьбе местных Советов неоднократно направлял вооружение и боеприпасы в Уфу, Донбасс и другие районы. Большую помощь в строительстве вооруженных сил революции, а также в обеспечении их оружием и боеприпасами оказывали также национальным районам партийные и советские органы ряда других городов Центральной России — Москвы, Тулы и др.

В установлении Советской власти на окраинах важную роль сыграли русские солдаты расположенных там войсковых частей. Часто они выступали организаторами новой власти, мобилизовывали на борьбу за нее коренное население. Они были опорой для местных революционных сил в строительстве нового государственного аппарата и проведении первых социалистических преобразований.

Организованное партией единство революционных действий и братская взаимопомощь трудящихся различных национальностей

имели огромное значение для укрепления взаимного доверия и дружбы народов, для интернационального сплочения трудящихся всех ранее угнетенных национальностей. Не менее важное значение для консолидации вокруг Советской России миллионов масс трудящихся национальных окраин имело проведение в жизнь ленинской программы партии по освобождению народов России от национального гнета и неравенства. Октябрьская революция прошла под знаменем не только социального, но и национального раскрепощения народов. Партия уже в первые дни революции осуществила ряд мер по реализации своей национальной программы, обеспечивая тем самым русскому пролетариату могучую поддержку многомиллионных масс трудящихся национальных окраин. Эти меры были цементирующим средством укрепления основной силы социалистической революции — союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, прочной базой дальнейшего развертывания революции.

Еще накануне Октября требование установления Советской власти было основным требованием трудящихся как Центральной России, так и ее национальных окраин. Об этом свидетельствует, например, такой факт. На Втором Всероссийском съезде Советов из 318 представленных на съезде провинциальных Советов более одной трети приходилось на Советы национальных окраин, причем подавляющее большинство их делегатов привезло указы своих избирателей об установлении во всей стране власти Советов.¹⁶

Провозглашая установление Советской власти, Второй Всероссийский съезд Советов в написанном В. И. Лениным воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам!» одновременно заявил, что новая власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».¹⁷ Учитывая особую сложность разрешения национального вопроса в условиях России, на протяжении веков бывшей тюрьмой народов, съезд для практического осуществления национальной программы и политики большевистской партии создал специальный орган — Народный комиссариат по делам национальностей. Впервые в истории человечества вместо органов угнетения и порабощения колоний и зависимых стран был создан орган раскрепощения угнетенных национальностей, ликвидации вражды и недоверия между народами, помощи ранее угнетенным отсталым народностям в развитии их экономической, политической и культурной жизни.

Важнейшим документом национальной политики большевистской партии и Советской власти, законодательно закрепившим раскрепощение угнетенных народов России, была принятая Совнаркомом 2 ноября 1917 г. «Декларация прав народов России».

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1236, оп. 1, дд. 1, 12, 19, 28, 33, 38, 40 и др.; Документы Великой пролетарской революции. Т. 1. М., 1933, стр. 178—193.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., стр. 144—153.

¹⁷ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957, стр. 8.

Каждая ее строка дышит горячим стремлением ленинской партии выковать нерушимый братский союз трудящихся всех национальностей, сплотить их вокруг русского пролетариата для обеспечения торжества социалистической революции и последующего строительства нового бесклассового общества. Этот исторический документ провозглашал замену позорной политики травли народов, проповеди лжи и недоверия, придиоров и провокаций, являвшихся обычными приемами национальной политики царского самодержавия и Временного правительства, новой политикой, политикой добровольного и честного союза народов России, полного взаимного доверия и дружбы между ними. В Декларации правительство Советской России заявляло, что в основу своей национальной политики оно кладет следующие основные принципы: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, населяющих территорию России.¹⁸

Большевистская партия и Советская власть не только провозгласили отказ от политики национального угнетения и насилия, но и предоставили трудящимся угнетенных национальностей право самим решать свою судьбу, т. е. самостоятельно решать вопросы управления, национально-государственного строительства, установления взаимоотношений с центром. Знаменитые строки ленинского обращения от 5 ноября 1917 г. к трудящимся — «...вы сами теперь управляете государством»¹⁹ — были выражением безграничной веры вождя пролетарской революции в неиссякаемые источники революционного творчества, энергии и инициативы трудящихся, были на деле доказательством верности партии провозглашенным принципам освобождения народов России.

Мероприятия большевистской партии и Советского государства по социальному и национальному раскрепощению народов России обеспечили им могучую поддержку многомиллионных масс трудящихся всех национальностей, успешное распространение Советской власти из центра на окраины страны. То, о чем веками мечтали миллионы забитых и обездоленных трудящихся народов России, воплощалось в жизнь, впервые в истории становилось реальной действительностью. Все это вызывало среди них глубокое доверие и горячие симпатии к Советской власти и большевистской партии, к вождю революции В. И. Ленину.

Чувства искренней благодарности вызвали прежде всего важнейшие декреты Советской власти — о мире, о земле, о праве народов на национальное самоопределение. Крестьяне Смоленской волости Ясельского уезда Минской губернии, например, заслушав сообщение о передаче всей земли крестьянам в соответствии с Декретом Второго Всероссийского съезда Советов о земле, написали В. И. Ленину письмо, в котором писали, что общее собрание «шлет Вам и Советам горячую благодарность за труды и борьбу за трудовое крестьянство, долгими веками угнетаемое помещичьим игом».²⁰ Горячее приветствие и благодарность вождю пролетарской революции В. И. Ленину написали крестьяне местечка Терны Лебедипского уезда Харьковской губернии: «Все крестьяне м. Терны шлют привет вождю т. Ленину за его чистосердечную заботу на благо беднейших крестьян и рабочих».²¹

Воины-мусульмане 3-й Особой пехотной дивизии в ответ на обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» писали: «С радостью читали Ваше обращение, в котором Вы обратили на нас внимание, и шлем глубокую благодарность за него. Мы будем всегда на стороне пролетариата и его руководителей».²²

Однако победа социалистической революции на национальных окраинах встретила на своем пути целый ряд серьезных препятствий. Буржуазия еще до Октября стремилась превратить их в базы сосредоточения сил контрреволюции. Поэтому борьба за установление Советской власти на окраинах носила особенно ожесточенный характер и была более длительной, чем в центральных районах. После Февральской революции на национальных окраинах был создан целый ряд националистических организаций — рады на Украине и в Белоруссии, национальные советы в Прибалтике, «Шура-Исламия», «Улема» и «Алаш-Орда» в Средней Азии, «Курултай» в Крыму и т. д. Националистическая буржуазия стремилась проповедью лозунга обеспечения «национальных интересов» не допускать вовлечение трудящихся окраин в социалистическую революцию. Когда же она совершилась, националистическая буржуазия и ее организации встретили ее с непримиримой враждебностью. «Национальные правительства» и различные контрреволюционные партии возглавляли антисоветское движение и попытались повернуть народы на путь отделения от Советской России и образования «самостоятельных» «национальных» государств.

²⁰ На истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР, т. IV, стр. 264.

²¹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине. Киев, 1951, стр. 127.

²² Вперед, 1917, 10 декабря.

¹⁸ Там же, стр. 39—40.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 66.

Фактическое объявление войны Советскому правительству со стороны «национальных правительств» превратило их в очаги реакции, стало важнейшей причиной присоединения к ним российской контрреволюции. Банкиры и заводчики, помещики и «общественные» деятели, словом, все те, кто ранее выступал ревностным хранителем устоев «единой и неделимой» и душителем малейшего проявления национально-освободительного движения, потянулись именно на окраины страны. Теперь они активно поддерживали планы националистической буржуазии окраин по борьбе с Советской Россией.

Развитие социалистической революции убедительно показало, что при решающем значении общих закономерностей этого развития ее победа на местах имела и национальные особенности. Характеристике этих особенностей уделено большое внимание в первой книге третьего тома шеститомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», в очерках по истории компартий республик, в опубликованных к 50-летию Великого Октября исследованиях о борьбе за победу Советской власти в Белоруссии, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии и Казахстане. Применительно к Украине учет большевиками национальных особенностей отражен в трудах Ю. М. Гамрецкого и автора этих строк.²³ И все же дальнейшее изучение особенностей победы социалистической революции в национальных районах по-прежнему является одной из важных задач советской историографии. Особенно важным представляется более основательное исследование соотношения классового и национального в содержании революционного процесса вообще, национально-освободительных движений в особенности.

По вопросу о содержании революционного процесса в национальных районах страны в трудах историков имеются различные точки зрения. М. С. Джунусов высказал мнение, что революционная борьба в Средней Азии, Казахстане, на Кавказе и других окраинах развивалась главным образом в форме национально-освободительного и аграрного движения.²⁴ М. В. Церцвадзе подверг такое мнение критике, отметив, что революционная борьба на окраинах развивалась не только как национально-освободительная, но одновременно и как социальная.²⁵ Г. А. Галоян

²³ Ю. М. Гамрецкий. До отъезда про тактику большевиков в плече Центральной Рад в листопад 1917 р. — Украинский исторический журнал, 1965, № 3; М. И. Куличенко. 1) Тактика большевистской партии в связи с особенностями развития социалистической революции на Украине. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 10; 2) Крах політики української буржуазно-націоналістичної контрреволюції (кінець 1917 р. — початок 1918 р.). — Украинский исторический журнал, 1967, № 5.

²⁴ См.: М. С. Джунусов. О некапиталистическом пути развития киргизского народа к социализму. Фрунзе, 1958, стр. 6.

²⁵ М. В. Церцвадзе. Соотношение революционного движения пролетариата с национально-освободительной борьбой в России в XX веке. —

пришел к выводу, что главным врагом пролетарской революции на Кавказе и других окраинах бывшей царской империи был буржуазный национализм.²⁶

Что же можно сказать по поводу этих точек зрения? В. И. Ленин в декабре 1917 г. отмечал, что в национальных районах шла борьба «между буржуазным национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарски-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик, с другой».²⁷ На первый взгляд может показаться, что приведенные слова В. И. Ленина могут служить подтверждением мнения, будто бы сопротивление развитию революции оказывалось преимущественно по национальной линии, а сам национальный вопрос на окраинах был важнее классового. Однако изучение ленинских работ в их совокупности дает основание заключить, что водоразделом между сторонниками социалистической революции и ее противниками был не национальный вопрос, а именно классовый, т. е. ликвидация в первую очередь социального, а не национального гнета. Ведь основным врагом пролетарской революции на окраинах являлась всероссийская контрреволюция, выступавшая в союзе с местной, а не только местная. Революционное движение трудящихся национальных районов было направлено против всех капиталистов и помещиков, а не только против «своих», национальных. Даже та часть трудящихся, которая в той или иной мере поддерживала националистические партии, прислушивалась к их «национальным» лозунгам и нередко голосовала за них (как это было, например, на выборах в Учредительное собрание), в то же время самым решительным образом поддерживала социальную программу революции, сформулированную большевистской партией. С учетом этого национальная буржуазия и помещики далеко не случайно, а именно в силу первостепенного значения социальных факторов по сравнению с национальными выдвинули на авансцену общественной жизни не свои классовые партии, а мелкобуржуазные партии, прикрывавшиеся «социалистическими» вывесками и лозунгами.

Таким образом, к изучению проблемы о соотношении классового и национального в революционном движении на окраинах следует подходить с учетом всех аспектов борьбы за социальное освобождение того или иного угнетенного народа.

Первенствующее значение классового по сравнению с национальным несколько не означает допустимости ослабления внимания к последнему или тем более его недооценки. Характеризуя развитие борьбы за победу социалистической революции на Укра-

В кн.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. II. М., 1964, стр. 35.

²⁶ Г. А. Галоян. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. 1900—1922. Ереван, 1969, стр. 219.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 164.

ине, В. И. Ленин специально подчеркнул, что игнорировать значение национального вопроса в ее условиях — «значит совершать глубокую и опасную ошибку».²⁸ В качестве подтверждения сказанному Владимир Ильич указывал на далеко не случайное разделение эсеров на «русских» и «украинских» после Февральской революции; а также на различное количество голосов, полученных ими на выборах в Учредительное собрание (русские эсеры получили 1,9 млн, а украинские — 3,4 млн голосов).²⁹

Нужно подчеркнуть, что большевистская партия, следуя указаниям В. И. Ленина и учению марксизма-ленинизма вообще, в целом верно оценила место и роль национального вопроса в социалистической революции. Победа Октябрьской революции подтвердила правильность национальной программы и политики партии. «Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии»,³⁰ — отметил в своем решении по национальному вопросу XII съезд партии.

В то же время мелкобуржуазные партии потерпели банкротство в своих попытках решить национальный вопрос. Меньшевики, верные догматическому представлению о том, что в результате буржуазно-демократической революции власть может перейти только к буржуазии, и в национальном вопросе фактически поддерживали Временное правительство, являвшееся противником самоопределения народов. В частности, о позиции меньшевиков по вопросу об автономии Финляндии В. И. Ленин писал: «Программу с.-д. партии, именно § 9 ее, признающий право самоопределения за всеми нациями, входящими в состав государства, с.-д. меньшевики выкинули за борт».³¹ Летом 1917 г. В. И. Ленин, отмечая, как разоблачили себя кадеты, меньшевики и эсеры, поддержав Временное правительство, которое отказалось удовлетворить требование Украины об автономии, писал в этой связи: «... правящие партии все потерпели явное поражение и притом в общегосударственном масштабе и по крупнейшему вопросу».³²

Даже на выборы в Учредительное собрание, проводившиеся в момент, когда мощные национальные движения охватили окра-

ины России, меньшевики шли с лозунгом «отстаивать ее целостность, неделимость и единство».³³ Итоги выборов убедили лидеров партии меньшевиков, что со старой программой по национальному вопросу обращаться к массам бесполезно. Поэтому ЦК меньшевиков принял решение о выдвижении лозунга федеративного устройства России. Однако реализация этого лозунга не связывалась меньшевиками с установлением диктатуры пролетариата, и тем самым он был обречен на провал.

Что касается партии эсеров, то хотя она и продолжала после Октябрьской революции манипулировать лозунгом о федерации, по этот лозунг все больше терял свою связь с решением национального вопроса. Представители левых эсеров в конституционной комиссии ВЦИК отстаивали принципы федерации областей, городских и сельских общин, а не национально-территориальных образований государственного типа.³⁴

Провал национальных программ и политики буржуазных и мелкобуржуазных партий способствовал усилению авторитета и влияния Коммунистической партии среди трудящихся национальных районов, укреплению ее роли руководителя масс в деле решения ими национального вопроса.

Осуществленные под руководством партии ликвидация национального гнета и неравноправия во всех их формах, обеспечение свободы развития больших и малых народов, помощь отстающим со стороны передовых положили начало бурному развитию национальных и интернациональных процессов, коренным изменениям в национальном сознании людей. Выдвинув общую цель — строительство социализма и коммунизма — Коммунистическая партия обеспечила идейную и политическую основу для установления братских отношений трудящихся всех национальностей, их сотрудничества и взаимопомощи, прокладывая тем самым новые, неизведанные пути к социальному подъему всех народов и их постепенному сближению.

Мощный подъем национально-освободительных движений на окраинах страны стал неотъемлемой составной частью и одним из основных потоков революционного преобразования всей жизни России. Но конечная цель этих движений — достижение полной свободы и самостоятельности народов, воплощенных в ту или иную форму национальной государственности, — могла быть достигнута лишь после изменения на окраинах соотношения классовых сил в пользу социалистической революции. Для Украины,

²⁸ Там же, т. 40, стр. 19.

²⁹ Там же.

³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 436.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 4.

³² Там же, стр. 350.

³³ Рабочая газета, 1917, 25 октября.

³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 3. Стенограмма заседаний Конституционной комиссии ЦИК РСФСР 12 апреля 1918 г., стр. 18.

отчасти Белоруссии и Финляндии, а также Кавказа эти изменения, как указывал В. И. Ленин, стали фактом в декабре 1917 г.³⁵ Закрепить происшедший перелом, расширить политическую армию революции и углубить коренное преобразование всех сфер общественной жизни народов можно было только с помощью своевременного перехода местных большевистских организаций к строительству советской национальной государственности. Для этого, однако, нужно было очень хорошо представлять себе место и роль национального вопроса в революции, соотношение в ходе ее развития классового и национального факторов, строго различать, по словам В. И. Ленина, «где национально-освободительное движение есть лживая фраза и где оно есть живая и прогрессивная действительность».³⁶ Насколько успешно решили эти задачи местные большевистские организации, можно судить по первым шагам национально-государственного строительства на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике.

Украина в течение всего периода подготовки и проведения Октябрьской революции была одним из важнейших районов мощного национально-освободительного движения. Позиция большевистской партии относительно путей решения национального вопроса на Украине была четко сформулирована В. И. Лениным, который считал необходимым признать право украинского народа на свободное отделение, что должно было укрепить его братские взаимоотношения с русским народом, а также право избрать себе путь свободного развития — в форме ли автономии в едином с русским народом государстве или же в форме создания самостоятельной республики.³⁷ Летом 1917 г., когда выкристаллизовалось желание украинского народа получить широкую политическую автономию, В. И. Ленин решительно поддержал это намерение. Разоблачая контрреволюционность выступавшего против автономии Украины Временного буржуазного правительства, он писал: «Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать права Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за добровольное соединение в одно государство двух народов».³⁸

Украинские буржуазные и мелкобуржуазные националистические партии до победы Октябрьской революции также выступали за автономию Украины в составе «федеративной России». Но между их требованиями и требованиями трудящихся масс,

интересы которых защищали большевики, имелось коренное различие. Состояло оно в том, что националисты хотели установления автономии путем реформы и соглашения украинской буржуазии с русской, а большевики и руководимые ими передовые трудящиеся считали необходимым, чтобы автономии добились сами рабочие и крестьяне в ходе социалистической революции и чтобы автономия укрепила единство Украины с Россией, взаимодоверие двух братских народов, близких, как говорил В. И. Ленин, «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории».³⁹ Далее, украинские буржуазные националисты стремились использовать лозунг автономии для ослабления единства рабочих и крестьян Украины и России, для подрыва влияния социалистической революции в России на революционную активность украинского народа и, наконец, для консервации с помощью автономии старого строя. Большевики же и следующие за ними массы добивались, чтобы автономия стала орудием для достижения украинским народом социального прогресса и его перехода к социализму.

Бесспорно, что созданная контрреволюцией Центральная рада никогда не решилась бы пойти дальше выставления требования формальной автономии и тем более встать на путь строительства национальной государственности украинского народа, если бы рабочие и солдаты Петрограда не свергли Временное правительство. Украинская буржуазия и помещики, тесно связанные с эксплуататорскими классами России экономически и политически, были заинтересованы в сохранении такого союза для совместной борьбы против социалистической революции. Этим и объясняется, почему после революции 25 октября Центральная рада почти две недели ничего не делала для осуществления той автономии, о которой велось так много пустых разговоров в предыдущие месяцы. И только тогда, когда стало очевидным, что победа социалистической революции на Украине — дело совсем короткого времени, украинская буржуазно-националистическая контрреволюция предприняла лихорадочные попытки отгородить Украину от влияния социалистической революции в России путем провозглашения ее «самостоятельности». 7 ноября 1917 г. появился III Универсал Центральной рады, провозгласивший Украинскую Народную Республику (УНР).⁴⁰ Выпуск этого Универсала являлся ничем иным, как попыткой врагов социалистической революции дать свой ответ на первые декреты Советской власти, содержание которых стало известно трудящимся. Провозглашение УНР — по мысли ее учредителей — должно было поставить кордон между Украиной и Советской Россией. Одновременно были предприняты новые шаги по разжиганию нацио-

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 164.

³⁶ Там же, т. 30, стр. 90.

³⁷ Там же, т. 32, стр. 341—342.

³⁸ Там же, стр. 341.

³⁹ Там же, стр. 342.

⁴⁰ Вісник Генерального секретаріату Україн. 1917, 23 ноябрь.

нализма. Совнарком РСФСР во главе с В. И. Лениным обвинялся в нежелании дать самоопределение Украине, а местные большевистские организации — в том, что они якобы не выполняют собственную программу самоопределения народов, не поддерживают Раду и т. п.

Украинская буржуазно-националистическая контрреволюция остро чувствовала потребность в объединении с силами русской контрреволюции. Поэтому III Универсал Центральной рады не провозгласил полного отделения Украины от России — УНР намечалось оставить в составе Российской Федерации, но при этом такая федерация мыслилась как союз государственных образований буржуазного типа. Больше того, Рада взяла на себя задачу объединения разрозненных тогда сил российской контрреволюции под лозунгом создания единого правительства будущей Российской Федерации: 6 ноября 1917 г. Рада заключила соглашение с контрреволюционной Ставкой Верховного командования, а затем пригласила ее переехать на Украину; 9 ноября она обратилась к антисоветским центрам в России с предложением создать единое федеративное правительство; через некоторое время это обращение было повторено, а на Дон и Кубань посланы с соответствующими заданиями специальные делегации. Одновременно Рада вела переговоры с некоторыми министрами свергнутого правительства Керенского.

Стремясь наладить связи с центрами российской контрреволюции, Центральная рада не менее активно устанавливала контакты с иностранными империалистами, первоначально ориентируясь на США, Англию и Францию.

В противовес украинским буржуазным националистам большевики Украины в вопросе национально-государственного строительства всецело исходили из интересов рабочих и крестьян, ставили во главу угла интересы развития пролетарской революции. Однако в повседневной практической работе большевистских организаций по разъяснению массам сущности и путей решения национального вопроса иногда сказывалась известная его недооценка, вытекавшая из теоретических ошибок отдельных деятелей партии, а также недопонимание революционной роли национально-освободительного движения и необходимости образования Украинского советского национального государства. В данном отношении показательны расхождения между руководящими деятелями Харьковского и Киевского областных партийных объединений Украины — Артема (Ф. А. Сергеева) и Е. Б. Бош — по вопросу о значении национального движения для развития революции на Украине. Артем в речи на большевистской партконференции Харькова 11 ноября говорил, что большевики должны последовательно бороться за право украинского народа на самоопределение, используя для решения этой задачи национально-освободительное движение. «В этом мы не можем разойтись с тру-

дящимися Украины, а разойдемся лишь с националистами», — заявлял он. «В борьбе с контрреволюцией, — сказал Артем далее, — мы должны использовать революционное, национальное движение. Пусть контрреволюция встретит максимум неприятств на своем пути!». ⁴¹ С иных позиций выступала Е. Б. Бош. В докладе по национальному вопросу на совещании представителей большевистских организаций в Киеве в начале декабря она указывала, что провозглашением права Украины на самоопределение партия будет толкать трудящихся в объятия буржуазно-националистической контрреволюции. Что же касается национально-освободительного движения, то, по мнению Е. Б. Бош, в эпоху финансового капитала национальное движение перестает быть революционным, в том числе на Украине.

Преодолевая на основе анализа конкретной обстановки, в которой развивалась социалистическая революция на Украине, ошибки (подобные ошибкам Бош), большевистские организации с помощью ЦК партии и лично В. И. Ленина все же в целом верно подошли к решению вопросов национально-государственного строительства. Упомянутое выше совещание в Киеве после детального обсуждения национального вопроса встало на ленинские позиции и приняло специальное решение об организации на Украине центрального советского органа. В этом решении признавалась необходимость образования Украинской Советской республики на Всеукраинском съезде Советов, причем сама эта республика должна была вступить в федеративный союз с Советской Россией. Совещание обратилось ко всем членам большевистской партии с призывом осознать необходимость мобилизации пролетариата и беднейшего крестьянства на образование на Украине рабоче-крестьянского правительства Советов. ⁴²

В. И. Ленин, ЦК партии внимательно следили за развитием социалистической революции на Украине, борьбой за национальное освобождение украинского народа. Владимир Ильич 22 ноября 1917 г. от имени Совнаркома и всех трудящихся Советской России заявил: «Сейчас мы наблюдаем национальное движение на Украине и мы говорим: мы безусловно стоим за полную и неограниченную свободу украинского народа... Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устроить у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии». ⁴³

⁴¹ Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Харьков, 1957, стр. 269.

⁴² Большевистские организации Украины (ноябрь 1917—апрель 1918 гг.). Киев, 1962, стр. 421.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 116.

Практическим подтверждением провозглашенной партией ленинской национальной политики была ее всесторонняя помощь трудящимся Украины в их борьбе за социальное и национальное освобождение. Так, директивой ЦК партии от 17 ноября 1917 г. украинским большевикам было предложено ускорить созыв Всеукраинского съезда Советов для оформления на нем образования Украинской Советской республики. На заседании 29 ноября ЦК партии была создана специальная комиссия с участием В. И. Ленина для рассмотрения срочных вопросов, связанных с Украиной.⁴⁴

Борьба трудящихся Украины за победу социалистической революции находилась также в центре внимания Совнаркома. Как видно из протоколов его заседаний за время с середины ноября по конец декабря, вопросы, связанные с Украиной (о помощи трудящимся Украины вооруженными силами, деньгами, работниками и т. д.), обсуждались 29 раз. Вопросы взаимоотношений России и Украины обсуждались за это же время 16 раз.

Под руководством В. И. Ленина ЦК партии и Совнарком делали все возможное, чтобы избежать конфликта с трудящимися Украины на национальной почве, который провоцировала Центральная рада. В начале ноября Совнарком принял решение вернуть Украине ее национальные реликвии, увезенные в Петербург еще во время царствования Екатерины II и хранившиеся там как символ зависимости Украины от России.⁴⁵ Несколько раз с разъяснением позиции правительства Советской России относительно освободительной борьбы украинского народа выступал Народный комиссариат по делам национальностей. Были приняты меры для торжественной отправки на Украину воинов-украинцев, пожелавших возвратиться на родину.

Между тем, Центральная рада активизировала свои усилия в борьбе с социалистической революцией как на Украине, так и в России. Она односторонними приказами отзывала украинские части с фронта, приступила к разоружению находящихся на Украине советских войск и оказала поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против Советской власти. В ответ на это Совнарком принял 4 декабря написанный В. И. Лениным «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде». Манифест разъяснял трудящимся Украины, что конфликт с Центральной радой возник на почве контрреволюционной политики украинских националистов, что рада, «прикрываясь национальными фразами, ... ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании радой Советов и Советской власти на Украине».⁴⁶

⁴⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958, стр. 157.

⁴⁵ Декреты Советской власти, т. I, стр. 168—170.

⁴⁶ Там же, стр. 178.

8 декабря обращение к трудящимся Украины с призывом бороться за установление Советской власти в союзе с трудящимися Советской России приняли ЦК партии, Совнарком и ВЦИК. Наряду с разъяснением сущности возникшего конфликта в воззвании говорилось: «Центральная рада делает все возможное, чтобы посеять рознь между нами и украинцами. Но мы и в этот момент еще раз заявляем вам: Советская власть стоит на страже национальных свобод ваших, как и всех народов, населяющих Россию».⁴⁷

Ленинский манифест, воззвание ЦК партии и правительства Советской России к трудящимся Украины буквально всколыхнули и те слои украинского трудового населения, которые верили еще Центральной раде. Возникновение опасности войны с Советской Россией, которую провоцировали националисты, ускорило понимание рабочими и крестьянами Украины всей ошибочности тех представлений о социальном и национальном освобождении, которые сложились в их среде под влиянием националистической пропаганды. Этот процесс усилился под влиянием решений I Всеукраинского съезда Советов, который состоялся в Харькове 11—12 декабря 1917 г.⁴⁸

I Всеукраинский съезд Советов принял историческое постановление о провозглашении Украины Республикой Советов. Согласно этому постановлению, государственная власть на территории Украины принадлежала исключительно Советам. Объявив Центральную раду, как орган контрреволюции, вне закона, а все ее распоряжения недействительными, съезд распространил на Украину действие ленинских декретов — о земле, о рабочем контроле, о демократизации армии и др. В состав правительства Советской Украины, получившего название Народного секретариата, вошли известные трудящимся участники революционного движения и деятели большевистской партии Артем, Е. Б. Бош, Н. А. Скрышник, В. П. Затонский и др. Позднее во главе Народного секретариата встал Н. А. Скрышник. Перед своим отъездом на Украину он имел длительную и обстоятельную беседу с В. И. Лениным, который дал ценные указания относительно организации работы партии в массах и строительства Украинского Советского национального государства.⁴⁹

ЦИК Советов Украины уже на другой день после своего избрания послал приветственную телеграмму председателю Совнаркома В. И. Ленину. Отметив, что Центральная рада не имела никакого права давать отрицательный ответ на ленинский ма-

⁴⁷ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти. Киев, 1962, стр. 9.

⁴⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине, т. 2, стр. 574.

⁴⁹ М. Скрышник. Статті і промови. Т. 1. Харків, 1930, стр. 296—297.

нифест, ЦИК торжественно заявил, что Советское правительство Украины ставит своей задачей приложить все силы к достижению полного единения между двумя братскими республиками.⁵⁰

Трудящиеся Советской России радостно приветствовали знаменательное событие в жизни украинского народа. В Харьков одно за другим поступали поздравления. Получив телеграмму ЦИК Советов Украины вечером 15 декабря, Совнарком уже утром 16 декабря постановил приветствовать «образование в Харькове истинно народной Советской власти на Украине» и обещал «новому правительству братской республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины».⁵¹

Образование Советского национального государства стало поворотным пунктом в историческом развитии украинского народа. Самоопределение украинской нации, осуществленное под руководством рабочего класса, обеспечило ей возможность победного шествия по пути к социализму. Огромное значение этого события сразу же почувствовала и украинская буржуазно-националистическая контрреволюция, для которой провозглашение Украины Советской республикой стало похоронным звоном. «Большевики победили нас тем, — признавал позднее лидер украинских эсеров Н. Шаповал, — что создали Украинское государство и выбили оружие из наших рук».⁵²

Необходимость образования национальной государственности белорусского народа еще с весны 1917 г. усиленно пропагандировали различные националистические организации — Белорусская социалистическая громада, Белорусский национальный комитет, а затем пришедшая ему на смену Белорусская рада и др. С первых шагов своей деятельности националисты убедились в безнадежности попыток привлечь на свою сторону рабочих, поскольку те решительно отказывались и слушать о каких-то особых, белорусских «национальных» делах. Весной и летом 1917 г. националистическим организациям все же удалось кое-где провести свои резолюции, но такие случаи были единичными.

Полной неудачей закончились также попытки националистов создать «национальное» правительство в ходе работы Белорусского конгресса в середине декабря 1917 г. Инициативу его созыва взял на себя Белорусский областной комитет при Всероссийском Совете крестьянских депутатов. В конце ноября 1917 г. он обратился в Народный комиссариат по делам национально-

стей с просьбой о содействии в созыве Краевого съезда Советов и сразу же встретил полную поддержку. Несмотря на то, что руководство белорусских Советов крестьянских депутатов находилось тогда под преобладающим влиянием правых эсеров, инициативу Белорусского областного комитета сначала поддержал Наркомнац, а затем и Совнарком. Больше того, по ходатайству Наркомнаца Совнарком 2 декабря принял решение о выделении средств на подготовку и проведение Краевого съезда Советов Белоруссии.⁵³ В дальнейшем, однако, оказалось, что Белорусский областной комитет лишь на словах поддерживал власть Советов. На деле же он вступил в сговор с Белорусской радой и другими националистическими организациями для подготовки вместе с ними съезда контрреволюционных организаций, чтобы передать ему всю власть на территории Белоруссии и под видом самоопределения Белоруссии провозгласить создание там буржуазного государства. Однако эти планы провалились. Белорусский областной комитет получил от Совнаркома разрешение на проведение Краевого съезда лишь при условии участия в нем представителей массовых организаций трудящихся, и прежде всего Советов. Это условие областной комитет грубо нарушил. Без представительства же Советов и других массовых организаций созванный националистами Белорусский конгресс выглядел жалкой кучкой изолированных от масс заговорщиков. Исходя из этого и узнав, что съезд пытается решить судьбу белорусского народа на антисоветской основе, Совнарком Западной области постановил запретить дальнейшую работу съезда и распустить его делегатов.

Оформление же национальной государственности Белоруссии на советской основе задержалось из-за ошибочного отношения к этому со стороны части руководства белорусских большевиков. Руководители многих местных партийных организаций Белоруссии считали, что создание Белорусской республики ослабит единство трудящихся Белоруссии с народами братской Советской России. Поскольку на территории белорусских губерний, кроме белоруссов, проживало также много русских, евреев, поляков и др., работники Северо-Западного комитета РКП(б) даже в осуществлении автономии Белоруссии усматривали опасность усиления национальной розни и влияния на массы белорусской националистической буржуазии с ее идеей создания Белорусского «национального государства».

Между тем намерение образовать национальную советскую государственность все более и более вызревало в гуще трудящихся Белоруссии. Наиболее сознательные свои рабочих и крестьян видели в создании своего национального государства средство обеспечения подлинной свободы и независимости белорусского народа в противовес стремлениям националистической

⁵⁰ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти, стр. 18.

⁵¹ Там же, стр. 23.

⁵² См.: Н. И. Подов. О националистических уклонах в рядах украинской парторганизации и о задачах борьбы с ними. Харьков, 1933, стр. 9.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 1, л. 24.

контрреволюции. Кроме того, жестокий гнет германских оккупантов ускорил процесс вызревания национального самосознания и усилил тягу масс к провозглашению Белоруссии Советской республикой.

Занятый руководством борьбой трудящихся против германских оккупантов, а также ввиду расчлененности территории Белоруссии (часть ее входила в РСФСР, а часть была оккупирована) ряд местных большевистских организаций не обратил должного внимания на эти настроения масс. Вопрос о создании Белорусской Советской республики был поставлен вначале не местными большевиками, а руководством белорусских секций РКП(б) и Белорусского отдела Наркомнаца РСФСР. В первой половине сентября 1918 г. на III съезде Советов Западной области⁵⁴ они предложили преобразовать область в Белорусско-Литовскую коммуноу или республику. Констатируя этот факт, нужно, однако, иметь в виду следующие два обстоятельства. Во-первых, некоторые руководители белорусских секций и Белнацкома (Жилунович, Лагун и др.) в то время склонялись к национализму. При этом в их деятельности сквозило желание отстранить Северо-Западный комитет РКП(б) от руководства партийными и советскими органами ряда губерний Белоруссии и взять это руководство в свои руки. Во-вторых, несмотря на проявление националистических притязаний, руководящие работники белорусских секций и Белнацкома вначале высказывались за создание Белорусской Советской республики не в качестве суверенной, а в виде автономной в составе РСФСР.

Что касается Северо-Западного областного комитета РКП(б), то в результате, с одной стороны, недооценки национального вопроса, а с другой, ввиду националистических настроений руководства белорусских секций РКП(б) и Белнацкома он длительное время выступал против образования Белорусской Советской республики и как суверенной, и как автономной. Эта позиция получила обоснование в газете «Звезда», где с соответствующими статьями дважды выступил секретарь Северо-Западного областного комитета РКП(б) В. Г. Кнорин. В одной из них

⁵⁴ Западная область — территориальное объединение на советской основе, включавшая в свой состав сразу после Октябрьской революции Минскую, Могилевскую, Витебскую и часть Виленской губерний. Во второй половине ноября 1917 г. в Минске прошли три съезда: Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, Солдатских организаций Западного фронта и Советов крестьянских депутатов Милейской и Виленской губерний. На состоявшемся 26 ноября 1917 г. объединенном заседании избранных на этих съездах исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Западной области, фронтового комитета и исполкома областного Совета крестьянских депутатов были избраны президиум облисполкома и Совет народных комиссаров Западной области. В партийном отношении Западная область входила в сферу деятельности образованного в сентябре 1917 г. Северо-Западного областного комитета РСДРП(б).

В. Г. Кнорин прямо писал: «Мы считаем, что белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты».⁵⁵

Инициативу трудящихся масс Белоруссии относительно образования суверенной Белорусской Советской республики поддержал ЦК РКП(б). Причем он исходил не из предложений руководства белорусских секций и Белнацкома, которые неоднократно ставили перед ним вопрос о предоставлении Белоруссии автономии, а руководствовался иными соображениями. Центральный Комитет учел, что идея провозглашения Белоруссии суверенной республикой все более и более овладевала народными массами. По свидетельству В. Г. Кнорина, после освобождения Минска (10 декабря 1918 г.) ее поддерживал и Мясковский губревком, который несколько раз настаивал на включении этого вопроса в повестку дня готовившейся тогда партийной конференции Северо-Западной области. Однако областной комитет, пишет далее В. Г. Кнорин, «до самой конференции (она открылась 30 декабря 1918 г., — М. К.) все эти предложения отклонял, так же как отклонил такое же предложение, исходящее от Белорусского отдела Народного комиссариата по национальным делам».⁵⁶ Лишь своевременные меры, принятые ЦК большевиков, привели к тому, что Северо-Западный областной комитет пересмотрел свое отношение к созданию в Белоруссии национальной государственности.

На изменение отношения руководства белорусских большевиков к образованию Белорусской Советской республики безусловно повлияла встреча председателя Северо-Западного областного комитета А. Ф. Мясникова с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым во время работы VI съезда Советов РСФСР. Как свидетельствовал Мясников, поздно вечером 6 ноября 1918 г. Ленин и Свердлов дали ему подробнейшие указания «насчет положения на нашем Западном фронте», а также предложили «сегодня же вечером выехать обратно в Смоленск, оттуда информировать Москву о положении дел и вместе с местными работниками принять меры на случай каких-нибудь осложнений».⁵⁷ В ходе беседы, следовательно, на первом плане стояли вопросы подготовки к изгнанию немецких оккупантов. Но вместе с тем это были и вопросы о восстановлении на территории Белоруссии власти Советов и оформления Белорусской Советской республики. Не случайно А. Ф. Мясников подчеркивал детальный характер полученных им в ходе беседы указаний: «Товарищ Ленин дает самые подробные, мельчайшие советы».⁵⁸

⁵⁵ При этом в газете было указано, что его статьи являются «полным и исчерпывающим мнением редакции», а следовательно, и всего областного комитета (Звезда, 1918, 6 октября).

⁵⁶ Звезда, 1919, 17 сентября.

⁵⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1957, стр. 150.

⁵⁸ Там же.

Рассмотрение вопроса об оформлении советской национальной государственности белорусского народа было ускорено в связи с необходимостью решения судьбы Западной области. Руководители Северо-Западного комитета РКП(б) считали, что эта область — постоянная административная единица и что именно в ее территориальных рамках должно быть осуществлено создание национальных институтов. Видимо, поэтому в октябре 1918 г. исполком Западной области постановил включить в область также Минскую, Ковенскую и Виленскую губернии. Однако неожиданно для Северо-Западного комитета ЦК РКП(б) предложил вообще упразднить область. Руководство Северо-Западного комитета сначала не согласилось с таким предложением. На заседаниях комитета 16 и 24 ноября и 2 и 8 декабря 1918 г. было высказано мнение о необходимости сохранения области для того, чтобы не нарушать наладившиеся там экономические и политические связи.

В последующие дни Северо-Западный комитет начал постепенно склоняться к принятию рекомендации ЦК. В первой половине декабря 1918 г. он обсуждал предложение Минского губернского комитета о провозглашении Белоруссии Советской республикой и хотя и на этот раз отнесся к нему отрицательно, все же не считал его таким «еретическим», как раньше, поскольку связывал с ним возможность сохранения Западной области. Не могло не повлиять на позицию Комитета и то обстоятельство, что в рассматриваемое время ЦК РКП(б) твердо санкционировал восстановление Украинской и образование Эстонской, Латвийской и Литовской советских республик.

В середине декабря ЦК РКП(б) дал, очевидно, Северо-Западному комитету какие-то прямые указания о необходимости большего учета национального момента. Во всяком случае, в это время позиция комитета по вопросу образования Белорусской Советской республики явно начинает меняться. Об этом свидетельствует датированное 17 декабря 1918 г. письмо А. Ф. Мясникова в Двинск с просьбой к местным работникам связать Северо-Западный комитет с партийным центром подпольных большевистских организаций Литвы и предложить им прислать в Смоленск своих представителей на готовившуюся областную партконференцию. В частности, Мясников отмечал «срочную необходимость» приезда В. С. Мицквичюса-Капсукаса или другого ответственного работника партийного центра Литвы из Вильно «для ведения переговоров относительно устройства Белоруссии и Литвы».⁵⁹ Данное письмо — показатель постепенного изменения позиции Северо-Западного комитета по вопросу об образовании Белорусской Советской республики.

⁵⁹ Партархив ИИП ЦК КП Белоруссии, ф. 59, оп. 1, д. 12, л. 82.

Это изменение, по всей вероятности, быстрее происходило среди членов Северо-Западного областного комитета РКП(б) благодаря его непосредственной связи с ЦК РКП(б) и более медленно — в исполкоме Совета Западной области. Это видно из того, что в печатном органе исполкома — «Известиях Западной коммуны» — даже в номере от 21 декабря высказывалось отрицательное отношение к провозглашению Белоруссии суверенной Советской республикой, в то время как в органе Северо-Западного комитета — газете «Звезда» — подобные заявления уже не появлялись.

Источники о дальнейшем обсуждении вопроса об образовании Белорусской Советской республики очень неполны и отрывочны. Поэтому нет возможности установить даже дату принятия решения ЦК РКП(б) с предложением провозглашения Белоруссии суверенной Советской республикой. Известно только, что состоявшаяся 21—23 декабря 1918 г. Конференция белорусских секций РКП(б) приняла постановление об образовании Советского правительства Белоруссии, не указав конкретно ее государственно-правовой формы (независимая или автономная республика). 24 декабря 1918 г. народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин, информируя Северо-Западный комитет о директиве ЦК РКП(б) по вопросу предоставления самостоятельности Советскому правительству Литвы, еще не упоминал о предстоявшем провозглашении Белоруссии суверенной республикой, хотя ввиду особенно тесных связей Литвы с Белоруссией, казалось бы, должен был сделать это при наличии решения ЦК по данному вопросу. Но уже в 3 часа дня 25 декабря И. В. Сталин сообщил А. Ф. Мясникову по прямому проводу: «ЦК партии решил, по многим соображениям, о которых теперь говорить не приходится, согласиться с белорусскими товарищами на образование белорусского советского правительства». Одновременно в сообщении высказывался ряд соображений о разграничении территорий Белоруссии и Литвы, о необходимости использовать для будущего правительства Белоруссии аппарат исполкома Совета Западной области и др. Кроме того, для окончательного решения вопроса об образовании Белорусской Советской республики и формирования ее правительства в ЦК РКП(б) приглашались два представителя Северо-Западного областного комитета РКП(б).⁶⁰

В тот же день в ЦК РКП(б) были приглашены работники Центрального бюро белорусских секций РКП(б) и Белнацкома для обсуждения практических шагов по государственному устройству Белоруссии. О результатах их посещения состоявшейся в тот же день заседание Центрального бюро белорусских секций РКП(б) и Белнацкома было информировано следующим обра-

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 497, лл. 1—2.

зом: «Из обмена мнениями (в ЦК РКП(б), — М. К.) выяснилось, что по причине современных международных отношений, в целях укрепления и расширения завоеваний социалистической революции... в настоящий момент полностью созрела необходимость объявления Белоруссии, как самостоятельной во всех отношениях нации, независимой социалистической советской республикой». Заседание должно было обсудить и на следующий день представить в ЦК РКП(б) свои соображения о составе правительства Советской Белоруссии.⁶¹

27 декабря 1918 г. вопрос о государственном устройстве Белоруссии обсуждался в ЦК РКП(б) уже с участием приглашенных в Москву представителей Северо-Западного областного комитета А. Ф. Мясникова и М. И. Калмановича. В результате обсуждения с ними ближайших задач строительства Белорусской Советской республики были решены следующие важнейшие вопросы: а) конструирование правительства Советской Белоруссии; б) примерные границы новой республики; в) порядок оформления руководящего партийного центра Белоруссии и его права.⁶²

Поддерживая идею образования Белорусской Советской республики, ЦК РКП(б) исходил, конечно, прежде всего из того, что к этому стремился сам белорусский народ. Но была еще одна причина, значение которой нельзя недооценивать. В тот период на западных границах Советской России активизировалась буржуазно-помещичья Польша. Подталкиваемая международным империализмом, она всячески стремилась обострить отношения с РСФСР и присоединить к себе заселенные белорусскими землями. ЦК РКП(б) считал поэтому целесообразным создать в этом районе суверенную Белорусскую Советскую республику, которая, опираясь на помощь Советской России и в то же время не втягивая ее в открытую войну с Польшей, явилась бы в руках белорусского народа орудием защиты его свободы и независимости. Посетившая В. И. Ленина в конце января 1919 г. делегация Центрального бюро Компартии Белоруссии в своем докладе на заседании бюро указывала, что интернациональный долг трудящихся Белоруссии — смягчить удар международного империализма по РСФСР.⁶³

Наконец, вопрос об образовании Белорусской Советской республики был предметом обсуждения на проводившейся 30—31 декабря 1918 г. VI Северо-Западной областной конференции РКП(б), объявившей себя I съездом Компартии Белоруссии. Делегаты конференции единодушно поддержали предложение об образовании самостоятельной Белорусской Советской респуб-

лики и избрали Временное рабоче-крестьянское революционное правительство Белоруссии. 1 января 1919 г. этим правительством был опубликован Манифест, в котором Белоруссия провозглашалась суверенной Советской республикой и декларировалось полное освобождение белорусского народа от социального и национального гнета.⁶⁴

Зарождение и развитие советской национальной государственности народов Прибалтики прошло два этапа: конец 1917—начало 1918 г., когда Эстония и Латвия пользовались широкой политической автономией, граничившей с полным суверенитетом (Литва и часть Латвии в это время были оккупированы германскими войсками); конец 1918—весна 1919 г. — период оформления и развития суверенных Эстонской, Латвийской и Литовской (позже Литовско-Белорусской) советских республик.

В период подготовки и проведения Октябрьской революции пролетариат и безземельное крестьянство Эстонии и Латвии проявили высокую политическую сознательность и организованность, подлинный интернационализм. Они шли в первых рядах единого революционного фронта трудящихся, боровшегося за победу революции и установление Советской власти. Искреннее стремление участвовать в революции в едином строю со всем российским пролетариатом, а с другой стороны — учет опасности, грозившей советскому строю в Прибалтике со стороны германского империализма, обусловили то обстоятельство, что рабочий класс и большевистские организации Эстонии и Латвии в конце 1917—начале 1918 г. не ставили вопрос об оформлении советской национальной государственности своих народов в виде суверенных советских республик. Была, правда, и еще одна причина: отставая в принципе интернационалистские позиции, большевистские организации Эстонии и Латвии, однако, отрицательно относились тогда к лозунгу о праве наций на самоопределение и к использованию федеративного принципа в строительстве многонационального государства. Они стояли за областную автономию на основе широкого самоуправления. «Эстонский комитет РСДРП требует, чтобы в Эстонии было установлено полное самоуправление, так, чтобы эстонское самоуправление в местных делах было полностью независимым (автономным). Во всероссийскую конституцию необходимо включить пункт, что и в будущем права Эстонии решаются только ее населением путем всеобщего голосования и общегосударственный парламент не имеет права вмешиваться в этот вопрос».⁶⁵ Так формулировали эстонские большевики свою платформу в связи с выборами

⁶¹ Беларусь, 1944, № 2, стр. 6.

⁶² С. П. Маргунский. Создание и упрочение белорусской государственности. Минск, 1958, стр. 148.

⁶³ Партагхив НИИ ЦК КП Белоруссии, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 43.

⁶⁴ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 4. Минск, 1954, стр. 447—449.

⁶⁵ Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967, стр. 137.

в Учредительное собрание. XV конференция Социал-демократии Латвии, состоявшаяся в середине декабря 1917 г., заявила в принятом постановлении, что «требование права на самоопределение было прогрессивным, революционным лишь при буржуазном правительстве» и что она «не может признать Латвию федеративной составной частью России». ⁶⁶ Исключая федерацию как основу подлинно равноправных взаимоотношений с Советской Россией, ЦК СДЛ и исполком Совета Латвии в декларации от 24 декабря 1917 г. также заявили: «Пролетариат Латвии никогда не может хотеть и требовать основания самостоятельного латышского государства». ⁶⁷

Однако жизнь, революционное творчество масс обогнали приведенные программные представления. В самом деле, чем в национально-государственном отношении были Советская Эстония и Советская Латвия в конце 1917—начале 1918 г.? Обе они фактически имели свои правительства, источниками власти которых была воля Советов и трудящихся масс. В Латвии это было закреплено и соответствующей конституционной нормой: II съезд рабочих, солдат и безземельных крестьян Латвии, рассмотрев, как отмечено в его решении, «вопрос о Советском правительстве и его задачах», постановил, что «верховным органом власти в Латвии считается съезд депутатов». ⁶⁸ Обратим внимание: не общероссийское правительство, а съезд Советов Латвии, который действует не по распоряжениям этого правительства, а лишь «в полном согласии» с ним.

Ничего общего с отрицанием права наций на самоопределение, а тем более со скромным лозунгом областной автономии не имели многие решения правительств Эстонии и Латвии, принятые уже в первые месяцы Советской власти. В Латвии все помещичьи имения вместе с инвентарем были национализированы и переданы в руки рабочих комитетов. Советское правительство Латвии, имея полную возможность распоряжаться почти 40-тысячной армией латышских стрелков, кроме того, в соответствии с решением Второго Всероссийского съезда Советов начало формирование «в качестве вооруженной силы» Красной гвардии. В конце декабря началось также формирование на добровольных началах Красной Армии Советской Эстонии. В опубликованном 19 января 1918 г. проекте Конституции Эстляндской Трудовой Коммуны наряду со многими другими в полном смысле суверенными ее правами предусматривалось и право выхода Эстонии из состава Российского государства.

Из сказанного следует, что недостаточно однозначно характеризовать отношение большевиков Эстонии и Латвии к праву

⁶⁶ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г., стр. 592.

⁶⁷ Там же, стр. 615.

⁶⁸ Там же, стр. 60.

нации на самоопределение и к федерации как полностью негативное. Нужно учесть и то, что на деле было осуществлено трудящимися под их же непосредственным руководством. А к сказанному выше можно еще добавить, что было ликвидировано засилье немецких баронов в административном аппарате, язык коренного населения стал официальным языком всего официального делопроизводства (при свободе пользования всеми другими языками), родной язык был введен в школах, развернулась национальная издательская деятельность и т. д.

Если и можно в чем упрекнуть большевистские организации Эстонии и Латвии в плане практического проведения в жизнь их национальной политики, так это в том, что они законодательно не оформили то, что сделали в действительности. А необходимость в этом была, причем самая настоятельная. В декабре 1917 г. и в январе 1918 г. В. И. Ленин не случайно предлагал Я. Анвельту внимательно изучить вопрос о провозглашении Эстонии суверенной Советской республикой. Сам Владимир Ильич несколько раз называл Эстонию «социалистической республикой». ⁶⁹

Общественная необходимость провозглашения суверенитета советских национальных государств еще более отчетливо проявилась в конце 1918 г., когда началось восстановление Советской власти в связи с военным поражением германского империализма. Причем то обстоятельство, что оформление Эстонии в качестве суверенной Советской республики в начале 1918 г. зашло значительно дальше, чем это было в Латвии, и что эстонские коммунисты уже имели по этому поводу указания В. И. Ленина, обусловило быстрое и почти безболезненное строительство Советского национального государства эстонского народа. Значительно более сложным оказалось положение в Латвии и Литве.

П. И. Стучка признавал впоследствии, что против самостоятельной Латвии «мы, коммунисты, раньше все выступали». ⁷⁰ И действительно, состоявшаяся в ноябре 1918 г. конференция Курземской организации Латвии, рассмотрев вопрос о будущем Латвии, заявила: «Пролетариат стоит за присоединение Латвии к России, так как с Россией мы связаны культурными и экономическими связями. Пролетариат не признает никакого самоопределения народов, потому что самоопределение народов превратилось только в вопрос власти для укрепления диктатуры буржуазии». ⁷¹ Эту точку зрения приводила XVII конференция Социал-демократии Латвии. В резолюции конференции по вопросу о внутреннем устройстве Латвии после освобождения указывалось, что «латышский пролетариат признает своим неотлож-

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 257.

⁷⁰ Партархив Института истории партии ЦК КП Латвии, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 7.

⁷¹ Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция. Т. 1. Рига, 1959, стр. 108.

ным лозунгом — „Социалистическую Советскую Республику Латвии как неотъемлемую составную часть РСФСР“.⁷²

Позицию литовских коммунистов накануне изгнания из Литвы германских оккупантов В. С. Мицкявичюс-Капсукас в речи на партконференции Компартии Литвы и Белоруссии в начале марта 1919 г. охарактеризовал так: «Мы, старые большевики, всегда были сторонниками централизма... Когда руководство работой перешло в наши руки, нам и в голову не пришло говорить о независимости».⁷³

Приветствуя понятное стремление руководящих работников большевистских организаций национальных районов к установлению самого тесного единства своих народов с трудящимися Советской России, высоко цenia их подлинный интернационализм, В. И. Ленин и ЦК партии в то же время не согласились с высказывавшимися мнениями о вхождении народов Прибалтики в РСФСР на правах автономии.⁷⁴ В 20-х числах ноября 1918 г. ЦК РКП(б) предложил руководящим органам большевиков Прибалтики провести необходимую подготовку к провозглашению независимых советских национальных республик. По поручению ЦК РКП(б) народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин 17 ноября 1918 г. выступил в печати со статьей, в которой высказал уверенность, что победа революции и образование советских правительств в оккупированных Германией областях — дело ближайшего времени.⁷⁵

Вопрос не терпел отлагательства ввиду угрозы со стороны германского империализма создать свои марионеточные правительства, а также по той причине, что местные буржуазно-националистические партии предпринимали попытки показной «заботой» о национальных интересах обеспечить себе поддержку народных масс. В частности, 11 ноября 1918 г. было провозглашено «национальное государство» литовского народа, 18 ноября — латвийского.

Обсуждая сложившуюся обстановку, Российское бюро Социал-демократии Латвии постановило, что правительство должно быть создано лишь после распространения на территории Латвии власти Советов и из представителей этих Советов.⁷⁶ Реализация этого постановления могла привести к тому, что, во-первых, без единого руководящего советского центра освободительное движе-

ние в первое время носило бы недостаточно организованный и целеустремленный характер и, во-вторых, в правительство могли попасть недостаточно авторитетные и малоопытные люди, что помешало бы ему выполнить его задачи в будущем. В связи с этим данный вопрос специально обсуждался на заседании ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина. По поручению ЦК народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин принял участие в упоминавшемся заседании Российского бюро ЦК Социал-демократии Латвии 23 ноября 1918 г., где намечался состав будущего правительства Советской Латвии. В своем выступлении И. В. Сталин сказал: «Я разговаривал с т. Лениным. Пришли к следующему заключению: надо образовать революционное Временное правительство из более известных деятелей Социал-демократии Латвии».⁷⁷ Он предложил также, чтобы провозглашение правительства состоялось в одном из границащих с Советской Россией пунктов Латвии, а затем его власть постепенно распространялась бы на остальную территорию по мере продвижения латышских стрелков и восстановления Советской власти. Предложение ЦК РКП(б) было принято. На этом же заседании был намечен предварительный состав правительства, большинство членов которого работало еще в подполье в самой Латвии. Была также избрана комиссия для подготовки проекта манифеста нового правительства и принято решение обратиться в Реввоенсовет РСФСР с предложением ускорить отставку латышских войсковых частей для участия в освобождении их родины.⁷⁸ Однако и после директивы ЦК РКП(б) руководящие работники партийных центров Латвии и Литвы медлили с созданием временных правительств. Даже после заседания Российского бюро ЦК СДЛ прошло почти две недели, прежде чем был утвержден состав правительства.

Не сразу приступили к выполнению директивы ЦК РКП(б) и коммунисты Литвы. В. С. Мицкявичюс-Капсукас признавал позднее: «Нас забрасывали письмами. Центр требовал объявления независимости...».⁷⁹ Объясняя причины промедления, В. С. Мицкявичюс-Капсукас писал: «Это предложение показалось нам тогда несколько преждевременным, ибо, по мнению тогдашнего ЦК КПЛиб, революционная борьба к тому времени еще недостаточно развилась. Во-вторых, в течение долгих лет мы боролись против социал-патриотизма, сепаратизма и независимости Литвы; мы отбросили как „несостоятельный“ лозунг о самоопределении наций вплоть до отделения... Поэтому мы не могли так легко решиться объявить революционное правительство независи-

⁷² Там же, стр. 115.

⁷³ Партархив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 2, д. 2, л. 69.

⁷⁴ Анализ позиции В. И. Ленина и ЦК РКП(б) по этому вопросу уже дан автором настоящих строк в монографии «Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 годах» (Харьков, 1963).

⁷⁵ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 169.

⁷⁶ Партархив Института истории партии ЦК КП Латвии, ф. 77, оп. 2, д. 2, л. 69.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 128, л. 1.

⁷⁹ Партархив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 2, д. 2, л. 69.

мой Литвы».⁸⁰ Литовские коммунисты, как и латышские, первоочередной задачей в это время считали «создание на местах Советов рабочих депутатов» и «медлили с созданием революционного правительства Литвы».⁸¹ И только после того как ЦК РКП(б) направил письменное предложение с указанием, что «необходимо; не откладывая, создать рабоче-крестьянское правительство Литвы», ЦК Компартии Литвы 8 декабря 1918 г. принял соответствующее решение.⁸²

Вскоре подавляющее большинство коммунистов Прибалтики все же поняло ошибочность своих позиций и активно включилось в осуществление директив ЦК партии и указаний В. И. Ленина. Как писал в феврале 1919 г. П. И. Стучка, самостоятельность Латвии осенью 1918 г. в глазах латышских большевиков — в отличие от понимания ими вопроса в начале года — «не означала более отделения ее от России» и поэтому они «на этот раз приняли предложение русских товарищей — объявить самостоятельность Латвии по той причине, что иначе германские социал-предатели... кричали бы, что Советская Россия не несет освобождения маленьким народам, а завоевывает их».⁸³ Понятно, конечно, что дело заключалось не только в возможных обвинениях германских социал-предателей, но и, прежде всего, в обеспечении условий для подлинного прогресса латышского народа.

Интересную и бесспорно правильную мысль о самоопределении Латвии высказал П. И. Стучка в другой своей работе. Он писал, что за годы оккупации пролетариат прибалтийских народов был очень ослаблен и по численности, и по сознательности, уменьшилось его влияние среди остальной массы народа. Поэтому большевики не могли уже рассчитывать на такую безраздельную поддержку их лозунга вхождения прибалтийских республик в состав РСФСР, как это было раньше, а должны считаться и с возможностью проявления среди некоторой части трудящихся недоверия к русскому народу, что могли использовать в своих целях националистические элементы. Учитывая возможность обвинения Советской России в «завоевании» окраин, писал П. И. Стучка, мы согласились стать «сепаратистами».

Ленинскому Центральному Комитету партии принадлежит большая заслуга в организации всесторонней помощи народам Прибалтики и в практическом решении задачи их национальной государственности. Особенно много внимания этому вопросу уделял Председатель СНК В. И. Ленин, а также Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов и народный комиссар по делам национальностей

⁸⁰ В. Мицквичюс-Капсукас. Революция в Литве (1918 г.) и создание Временного революционного рабоче-крестьянского правительства. — Историк-марксист, 1935, № 2—3, стр. 46.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, стр. 48.

⁸³ Наша правда, 1919, 27 февраля.

И. В. Сталин. При их непосредственном участии большевики на местах решали важные вопросы создания советских правительств в республиках, подготовки и принятия законодательных актов (манифестов) о провозглашении независимых советских республик, определения программ деятельности правительств после их образования, строительства государственного аппарата в республиках и т. п.

13 ноября 1918 г. правительство Советской России заявило об аннулировании Брестского мирного договора. В постановлении ВЦИК по этому вопросу подчеркивалось, что народы окраин могут «сами решать свою судьбу» и что «право на самоопределение в полной мере будет признано» за ними. Одновременно ВЦИК заявлял, что Советская Россия «обещает им полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян».⁸⁴

Первой в Прибалтике оформилась Эстонская суверенная Советская республика. Сразу же после ноябрьской революции в Германии в 1918 г. ЦК РКП(б) дал указание о переброске к границам Эстонии имевшихся в составе Красной Армии эстонских национальных частей и оказании других видов помощи эстонскому народу в его освободительной борьбе. После консультаций с ЦК РКП(б) эстонские коммунисты приступили к активным действиям по мобилизации трудящихся на решающий штурм для освобождения их родины. 15 ноября 1918 г. находившийся в Петрограде Центральный Комитет эстонских секций РКП(б) принял следующее решение: «Признать необходимым учреждение Временного Эстляндского революционного комитета. Послать в Ревель возможно больше товарищей организаторов. Кооптировать дополнительно членов в ЦК. Функции Временного Эстляндского революционного комитета возложить на ЦК эстляндских секций вместе с дополнительно избранными членами этого комитета».⁸⁵ 17 ноября Временный Эстляндский революционный комитет вместе с ЦК эстляндских секций РКП(б) постановил переехать в Ямбург для непосредственного руководства освобождением Эстонии. 19 ноября Ревком телеграфировал В. И. Ленину из Ямбура о первых шагах своей деятельности: об образовании Ревкома 15 ноября, о его переезде в Ямбург, об оставлении в Петрограде своего бюро для мобилизации и отправки в Эстонию коммунистов-эстонцев.⁸⁶ Свой первый приказ Эстляндский ревком издал 21 ноября 1918 г. В нем объявлялось, что «для подавления контрреволюционных беспорядков и до восстановления в стране законной Советской власти» к Ревкому переходит вся верховная власть на территории

⁸⁴ СУ РСФСР, 1918, № 95, ст. 947.

⁸⁵ Партия Института истории партии ЦК КП Эстонии, ф. 28, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁸⁶ Там же, оп. 3, д. 3, л. 7.

Эстонии.⁸⁷ Вслед за этим Ревком принял участие в организации наступления на город Нарву, освобожденную 29 ноября 1918 г.

День освобождения Нарвы стал днем рождения Эстонской Советской республики, провозглашенной в опубликованном 29 ноября Манифесте ко всем рабочим и крестьянам Эстонии.⁸⁸ Манифестом низлагалось буржуазное правительство и восстанавливалась власть Советов на территории всей Эстонии. Одновременно в нем провозглашалось образование независимой Советской республики под названием «Эстляндская Трудовая Коммуна». Ее правительством объявлялся Совет, в который вошли члены упраздненного Революционного комитета.

Правительство Эстляндской Трудовой Коммуны с первых шагов своей деятельности поддерживало тесные связи с ЦК РКП(б), с В. И. Лениным. В. И. Ленину, например, 29 ноября было направлено сообщение об освобождении Нарвы,⁸⁹ 30 ноября — о провозглашении Эстляндской Трудовой Коммуны и образовании ее правительства, а также о восстановлении действия всех декретов Советской власти, принятых в Эстонии до ее оккупации империалистической Германией.⁹⁰ С другой стороны, ЦК партии и Совнарком в письме Я. Я. Анвельту, возглавившему правительство Советской Эстонии, в начале декабря 1918 г. сообщали: «Вы должны знать, что с нашей стороны вам обеспечена полная поддержка. Если вы в этом усомнитесь когда-либо — это будет грешно».⁹¹

Благодаря помощи Советской России эстонский народ под руководством большевиков успешно решал важнейшую задачу по строительству своего независимого национального государства, шаг за шагом освобождая из-под власти буржуазно-националистических элементов оставшуюся у них часть территории. К концу 1918 г. основная территория республики была освобождена, а советские войска находились на подступах к Ревелю.

Строительство Литовской Советской республики также проходило под непосредственным руководством ленинского ЦК РКП(б) и при самой всесторонней помощи Советской России. Активно поддерживая стремление трудящихся к созданию своего национального государства, литовские коммунисты, как уже отмечалось выше, вначале не считали нужным объявлять Литву независимой Советской республикой. В представленный Центральному Комитету РКП(б) проект Манифеста о провозглашении Литвы Советской республикой было внесено, по свидетельству участво-

вавшего в его подготовке З. Алекс-Ангартиса, несколько пунктов, «указывающих, что Литва — это часть Советской России».⁹² ЦК РКП(б) не согласился с точкой зрения литовских коммунистов. Заместитель наркома по делам национальностей РСФСР С. С. Пестковский в выступлении на конференции Компартии Литвы и Белоруссии 4 марта 1919 г. говорил: «Всероссийский ЦК, считаясь с международной обстановкой, когда за границей говорят о захвате якобы Россией Литвы, нашел, что Литва должна быть самостоятельной республикой...».⁹³ В материалах Наркомнаца сохранился проект Манифеста с внесенными в него рукой И. В. Сталина существенными поправками, которые были одобрены ЦК РКП(б). Из проекта Манифеста, например, был вычеркнут абзац, в котором говорилось: «Настал час воссоединения Литвы, но не с царской Россией, а с освобожденной от гнета помещиков и капиталистов Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой».⁹⁴

Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы начало свою работу 16 декабря 1918 г. В этот день был опубликован и Манифест правительства, которым Литва объявлялась независимой Советской республикой.

С первых шагов своей деятельности по строительству Литовского Советского национального государства местные коммунисты получали самую всестороннюю помощь со стороны ЦК РКП(б), а также лично В. И. Ленина. Особенно тесной была связь литовцев с Я. М. Свердловым, являвшимся тогда секретарем ЦК РКП(б). Конкретные указания от него В. С. Мицквичюс-Калсукас получил перед отъездом из Москвы в Литву. Тесные контакты с ним поддерживались и в дальнейшем. Как вспоминал позже В. С. Мицквичюс-Калсукас, Яков Михайлович «всегда к нам относился с особенным вниманием и с особенной теплотой» и «немало помог в нашей трудной работе».⁹⁵

Почти одновременно с Литовской республикой происходил процесс образования Латвийской независимой Советской республики. Состав ее первого Временного правительства окончательно был утвержден 4 декабря 1918 г. на нелегальном заседании ЦК Социал-демократии Латвии в Риге, на котором участвовали также представители уже воссозданных Советов Риги, Валки и Либавы. Свою деятельность правительство начало 17 декабря 1918 г. В этот день был опубликован его Манифест о провозглашении Латвии независимой Советской республикой. В Манифесте объявлялось также, что на территории Латвии устанавливается

⁸⁷ Там же, оп. 1, д. 520, л. 1.

⁸⁸ Образование СССР. Сборник документов. М.—Л., 1949, стр. 93—95.

⁸⁹ Партархив Института истории партии ЦК КП Эстонии, ф. 28, оп. 3, д. 3, л. 59.

⁹⁰ Там же, д. 11, л. 3.

⁹¹ Там же, оп. 1, д. 1а, л. 2.

⁹² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 18, л. 150.

⁹³ Партархив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 2, д. 2, л. 27.

⁹⁴ Там же, оп. 1, д. 31, л. 13.

⁹⁵ Коммунист (г. Вильно), 1919, 17 марта.

диктатура пролетариата в форме Советской власти, а главной задачей трудящихся масс выдвигалось построение социализма.⁹⁶

Так, пролетарская революция в ходе социалистического преобразования национальных отношений открыла путь для проявления тенденции нового национального пробуждения народов, а вытекавшее из этой тенденции стремление к свободному, самостоятельному развитию вылилось в образование суверенных советских национальных государств, как одну из форм воплощения этой тенденции в жизнь. Такая оговорка необходима потому, что при социализме возможны и другие формы ее реализации. Опыт Страны Советов показывает, что это возможно через политическую и административную формы автономии и иные национально-государственные образования при законодательных гарантиях свободы развития национальных меньшинств.

Условия, при которых проходил процесс образования суверенных советских национальных государств, были, как показано выше, чрезвычайно сложными. На нем сказывались и различия в уровне развития национального самосознания народов, их социальной активности и политического сплочения, и особенности освободительной борьбы, и соотношение классовых сил, и, наконец, возможность вмешательства иностранного империализма. В ряде случаев обстановка вызвала необходимость перестройки позиции местных большевистских организаций. Но она проходила в целом безболезненно благодаря своевременному учету коммунистами национальных интересов народов, последовательному воплощению в жизнь принципов пролетарского интернационализма. Большое значение для успешного решения задач национально-государственного строительства имело сплочение в ходе социалистической революции местных большевистских организаций в компартии национальных районов. Именно в рассматриваемый период оформились компартии Украины, Белоруссии, Литвы, в общесоюзном масштабе стали действовать большевистские организации Эстонии. Сохраняя неразрывную связь с ЦК РКП(б), эти компартии становились идейно-теоретическими и организационными штабами трудящихся в их борьбе за социализм.

Строительство освобожденными народами своей советской национальной государственности проходило под руководством рабочего класса, на основе идей марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Поэтому тенденция к национальному пробуждению народов, к строительству ими своих советских национальных республик выступала не изолированно, а в единстве с другой тенденцией — к тесному сплочению трудящихся всех национальностей, к совместному строительству

ими различных форм государственного союза и в конечном счете к закладке фундамента единого Советского многонационального государства.

Победа Октябрьской революции и установление диктатуры пролетариата, отметил в своем решении по национальному вопросу XII съезд партии, являются той базой, тем фундаментом, на котором развернулась организация братского сотрудничества народов в едином государственном союзе.⁹⁷ Такой союз стал возможным благодаря многим факторам. Во-первых, в его создании решающее значение имели интернациональный характер Октябрьской революции и утвердившаяся власть Советов. Во-вторых, длительная совместная борьба трудящихся всех национальностей за освобождение от социального и национального гнета привела к развитию чувства единства. В-третьих, с победой Октября мир раскололся на два противостоящих друг другу лагеря, и победа лагеря революции и социализма могла быть обеспечена только на основе нерушимого единства составляющих его народов. В-четвертых, интернациональный подвиг русского рабочего класса в достижении победы социалистической революции и в строительстве новой жизни, его инициатива и бескорыстная помощь в раскрепощении ранее угнетенных народов и в обеспечении их подлинно свободного развития обусловили тот несомненный факт, что именно к русскому народу, как и предсказывал В. И. Ленин,⁹⁸ всеми силами потянулись другие народы страны Советов.

Развернувшийся на основе победы социалистической революции процесс национально-государственного строительства в нашей стране был двуединым: с одной стороны, шло строительство народами своей советской национальной государственности в различных формах, а с другой — складывался и развивался государственный союз освобожденных народов, их сплочение в едином Советском многонациональном государстве.

Идея строительства народами советской национальной государственности, несмотря на всю новизну и сложность проблемы, трудности ее решения, все же в своей основе определились еще перед Октябрем. Значительно труднее оказалась вторая задача — строительство Советского многонационального государства. И дело было не только в том, что решать ее нужно было уже всем народам страны вместе, что не сразу можно было выкорчевать оставшиеся от царизма и капитализма вражду и недоверие между трудящимися различных национальностей. Крайне сложным был и вопрос о путях и формах строительства нового госу-

⁹⁶ Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция, т. 1, стр. 150—152.

⁹⁷ КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 436.

⁹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 36; т. 32, стр. 7.

дарственного союза народов. Даже спустя два месяца после победы Октябрьской революции В. И. Ленин еще намечал себе такую тему для разработки: «Как „завоевывать“ на сторону Российской социалистической республики Советов другие нации вообще и нации, угнетавшиеся доселе великороссами, в особенности?».⁹⁹

Признавая всю ответственность русского рабочего класса за налаживание новых национальных отношений, партия особенно большое внимание уделяла выработке подлинно интернационалистской политики в период подготовки и проведения революции. В середине января 1918 г. В. И. Ленин указывал, что привлечение наций и народностей к союзу с русскими трудящимися должно осуществляться не насилем, не навязыванием тех или иных его форм, а тем, что ранее угнетенные народы «будут создавать свой социалистический мир, свои советские республики».¹⁰⁰ Следовательно, партия уже определила три важнейших принципа строительства Советского многонационального государства: а) добровольность и равенство народов в государственном союзе; б) особая, наиболее ответственная интернациональная роль русского рабочего класса, всех трудящихся Советской России; в) образование ранее угнетенными народами советской национальной государственности. Нужно было, однако, искать и другие пути в этом неизведанном и трудном деле, и здесь опорой мог быть опыт непосредственного революционного творчества народных масс всех национальностей.

Трудящиеся национальных окраин глубоко осознавали подлинный интернационализм русского рабочего класса и большевистской партии. Добившись установления у себя с братской помощью русского народа власти Советов, они повсеместно высказывались за сохранение с Советской Россией самых тесных, в том числе и государственных связей. Характерно, что, получив право на самоопределение и приступив к строительству своей национальной государственности, освобожденные народы часто высказывались за установление именно федеративных связей с Советской Россией. Причем речь шла, конечно, не о буржуазной, а о социалистической федерации, так как федеративные связи с Советской Россией, по мнению рабочих и крестьян окраин, должны были строиться на основе диктатуры пролетариата в форме Советской власти. Это видно, в частности, из многочисленных резолюций, выносившихся коллективами трудящихся на Украине, в Белоруссии, Прибалтике и других районах страны.

Приступив к разрешению национального вопроса, партия чутко прислушивалась к голосу масс и учитывала их волю при разработке вопроса о государственном устройстве страны Сове-

тов. Уже в первый месяц Советской власти правительство Советской России заявляло о своей готовности признать федеративное устройство государства, если того пожелают трудящиеся массы национальных окраин. В. И. Ленин, выступая 22 ноября 1917 г. на Первом Всероссийском съезде военного флота, заявил, что новое, рабоче-крестьянское правительство не только не боится, а, наоборот, приветствует образование на территории бывшей Российской империи самостоятельных национальных республик и выразил твердую уверенность в неизбежном их объединении в едином государстве: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций».¹⁰¹

В написанном В. И. Лениным и утвержденном 3 декабря 1917 г. Советом Народных Комиссаров «Манифесте к украинскому народу с ультимативными требованиями к украинской Раде» федерация была официально признана возможной формой государственного союза Российской и Украинской республик. Признавая независимость Украины, Совет Народных Комиссаров заявил в этом Манифесте, что он признает «ее право совершенно отделяться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними».¹⁰² Это и было первым практическим шагом партии в закладке фундамента федеративного строительства Советского многонационального государства. 30 декабря 1917 г. Совпарком принял написанное В. И. Лениным постановление об ответе Центральной рады на предъявленный ей ультиматум. В нем правительство Советской России вновь подтвердило независимость Украины и ее право требовать установления федеративных отношений с Советской Россией.¹⁰³

Провозглашенная I Всеукраинским съездом Советов 12 декабря 1917 г. Украинская Советская республика в первый же день своего существования высказалась за тесный государственный союз с Советской Россией на началах федерации. В специальном решении «О самоопределении Украины» съезд воплотил волю рабоче-крестьянских масс к братскому единству с русским народом. Съезд единодушно заявил, что Украинское Советское национальное государство основывается и будет организовывать свою жизнь на тесной солидарности с трудящимися массами Советской России. Провозгласив Украинскую Советскую

⁹⁹ Там же, т. 35, стр. 188.

¹⁰⁰ Там же, стр. 304.

¹⁰¹ Там же, стр. 115.

¹⁰² Там же, стр. 143.

¹⁰³ Там же, стр. 212.

республику федеративной частью Российской республики, съезд записал в принятой резолюции: «Установить между Рабоче-крестьянским правительством Российской Федерации, а также правительствами остальных частей России и Рабоче-крестьянским правительством Украины полную согласованность в целях и действиях, необходимую в интересах рабочих и крестьян всех народов Российской Федерации...».¹⁰⁴

Оформление и развитие государственного союза Советской России и Советской Украины на основе федерации проходило под непосредственным руководством В. И. Ленина, уделявшего этому делу исключительно большое внимание. Он лично, например, руководил налаживанием взаимоотношений правительств обеих республик, сам написал мандат представителю Совнаркома РСФСР на Украине Г. К. Орджоникидзе и инструктировал его. По ленинскому предложению правительство Советской Украины выделило своим уполномоченным при Совнаркоме Советской России В. П. Затонского, который первые недели даже располагался в кабинете В. И. Ленина. По телеграфу, письменно и путем приема делегаций рабочих и крестьян с Украины В. И. Ленин всячески способствовал укреплению и развитию государственного союза братских республик.

Именно исходя из опыта первых шагов практического осуществления федеративного союза Российской и Украинской советских республик, В. И. Ленин, партия пришли к окончательному выводу о необходимости устройства Советского многонационального государства на принципе социалистической федерации. При этом важно подчеркнуть, что одновременно жизнь стала диктовать и необходимость разнообразия типов социалистической федерации. Есть основания полагать, что вплоть до начала декабря 1917 г. В. И. Ленин понимал под федерацией только союз равноправных государств. Это было выражено им в определении: «Федерация есть союз равных, союз, требующий *общего* согласия».¹⁰⁵ В таком смысле трактовался В. И. Лениным и федеративный союз Советской России с Советской Украиной, причем последнюю он неоднократно в конце 1917 и в начале 1918 г. называл суверенной.¹⁰⁶ Поскольку же было ясно, что такая форма союза не может быть целесообразной во всех случаях, В. И. Ленин 4 декабря 1917 г. впервые высказывает мысль о возможности применения в ходе строительства Советского многонационального государства еще одного типа социалистической федерации — основанного на автономии.

4 декабря 1917 г. В. И. Ленин подписал Положение о земельных комиссиях, в котором впервые формулировалась идея госу-

дарственного союза народов на новой основе — в связи с реальной возможностью оформления автономных национально-государственных образований. В Положении говорится, что вопрос о представительстве в Главном Всероссийском земельном комитете от автономных единиц, входящих в состав Российской Федеративной Республики, решается соглашением названного комитета и таких автономных единиц. Комментируя упомянутый документ, О. И. Чистяков верно отмечает, что «в нем впервые связываются понятия автономия и федерация, автономные единицы рассматриваются как члены федерации».¹⁰⁷

Идея о строительстве Советского многонационального государства на основе федерации нашла свое официальное выражение в написанной В. И. Лениным и принятой ВЦИК 3 января 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», где говорилось, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик».¹⁰⁸ Через несколько дней Третий Всероссийский съезд Советов единодушно принял ленинскую Декларацию, провозгласив, таким образом, построение первого в мире социалистического многонационального государства на принципе советской федерации. Важно отметить, что в работе съезда участвовали 233 делегата 176 Советов национальных окраин, в том числе от Белоруссии были представлены 73 Совета, от Украины — 60, от Прибалтики — 18 и т. д. И все они горячо поддержали ленинскую Декларацию и резолюцию «О федеральных учреждениях Российской республики». В состав избранного съездом высшего органа власти между съездами — ВЦИК — наряду с делегатами трудящихся Советской России были избраны также и представители миллионов рабочих и крестьян национальных окраин страны Советов.

Подводя итоги работы Третьего Всероссийского съезда Советов, В. И. Ленин заявил, что новый государственный строй в стране окончательно утвердился в виде федерации свободных советских республик, созданных населяющими Россию трудящимися различных национальностей. Он подчеркнул невиданную прочность и великое будущее нового государства, коренное отличие лежащей в его основе советской федерации от буржуазной. «Совершенно добровольно, без лиги и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима»,¹⁰⁹ — пророчески говорил В. И. Ленин.

В момент провозглашения Российской Федерации, кроме Советской России, была только одна независимая Советская

¹⁰⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине, т. 2, стр. 574—575.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 235.

¹⁰⁶ Там же, т. 50, стр. 35, 44.

¹⁰⁷ О. И. Чистяков. Становление Российской Федерации (1917—1922). М., 1966, стр. 75.

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 221.

¹⁰⁹ Там же, стр. 288.

республика — Украинская. В конце января 1918 г. возникла Финляндская социалистическая рабочая республика. В беседе с сотрудником «Правды», опубликованной 4—5 апреля 1918 г., народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин в качестве субъектов федерации прямо назвал Украину и Финляндию, которые уже были провозглашены независимыми республиками. Практика взаимоотношений Советской России и Финляндской республики была небольшой и не получила должного развития. Тем не менее сложившиеся между ними взаимоотношения В. И. Ленин позже характеризовал как федеративные.¹¹⁰

Об автономии как основной форме связи Центральной России с народами ее национальных окраин было впервые сказано в статье И. В. Сталина «Одна из очередных задач», опубликованной 9 апреля 1918 г. Но к этому моменту условия для строительства Российской Федерации существенным образом изменились. Под ударами германского империализма и финской буржуазии пала Финляндская республика, немецкие оккупанты временно подавили также Советскую власть на Украине, в Прибалтике. В силу серьезного усложнения обстановки не смогли появиться и другие независимые советские республики, к провозглашению которых уже готовились трудящиеся ряда национальных окраин.

Характерно все же, что еще в то время, когда в основу строительства Российской Федерации самым ходом событий была положена только одна автономия, народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин в одном из выступлений на заседании Конституционной комиссии ВЦИК в апреле 1918 г. высказал мнение, что находившиеся тогда под гнетом германского империализма Украина, Финляндия, Закавказье и другие окраины рано или поздно войдут в состав РСФСР. Такой же позиции придерживался и Я. М. Свердлов. Во время выступления одного из членов Конституционной комиссии, заявившего, что Третий съезд Советов, принимая ленинскую Декларацию, имел в виду, что Финляндия и Украина будут входить в состав РСФСР, Я. М. Свердлов подтвердил это репликой: «Я это вставил».¹¹¹

Одна из причин того, почему ни В. И. Ленин, ни руководящие органы Российской Федерации в течение почти трех месяцев не определяли, в чем должна заключаться конкретная сущность федеративных связей центра и окраин, состояла в том, что они не хотели навязывать свою волю трудящимся национальных окраин, предоставляя им самим решить этот вопрос.

Второй причиной является то, что В. И. Ленин не считал тогда, как показано выше, что Российская Федерация должна строиться только на автономии. Она мыслилась вначале просто как многонациональное государство, в которое на принципах добровольности и полного равноправия будут входить и независимые национальные государства, и автономные республики, и национальные области. Не подчеркивалось же это тогда потому, что, во-первых, о своем желании войти в состав Российской Федерации народы окраин должны были более определенно заявить сами и, во-вторых, для партии еще не были до конца выяснены возможные формы сочетания в одном многонациональном государстве и независимых, и автономных национально-государственных образований. Это подтверждается заключительными словами принятой Третьим съездом Советов Декларации, где говорилось, что съезд ограничивает свою задачу лишь «установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации самим принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном Правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».¹¹² Отсюда видны не только причины неопределенности при установлении конкретных форм и задач провозглашенной федерации, но и то, что в ее состав предусматривалось прежде всего вхождение независимых республик, так как автономные республики и области ни тогда, ни позже непосредственно в состав ВЦИК (пока он был однопалатным) своих представителей не посылали.

Жизнь внесла значительные поправки в первый, намечавшийся В. И. Лениным и партией план строительства Советского многонационального государства. Прежде всего война против объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции сорвала начавшийся было процесс оформления наряду с РСФСР других независимых национальных республик, а это в свою очередь сделало неосуществимым план создания на базе РСФСР единого многонационального государства. Оказалось также, что решение национального вопроса и дело государственного объединения трудящихся различных национальностей — гораздо более сложная проблема, чем предполагала партия в дооктябрьский период или даже в первые месяцы Советской власти. В. И. Ленин подчеркивал исключительную сложность процесса строительства Советского многонационального государства, до которого, по его словам, «надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью».¹¹³

¹¹⁰ Там же, т. 41, стр. 164.

¹¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 3. Стенограмма заседания Конституционной комиссии ВЦИК РСФСР 12 апреля 1918 г., стр. 19.

¹¹² СУ РСФСР, 1918, № 15, ст. 215.

¹¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

Эти причины и обусловили изменение ленинского плана строительства Советского многонационального государства. Российская Федерация с весны 1918 г. стала основываться исключительно на автономии.

Несмотря на то, что план создания на основе РСФСР единого Советского многонационального государства оказался неосуществленным, партия накопила за первые месяцы революции значительный опыт в налаживании государственных взаимоотношений между народами. Этот опыт подтвердил полную приемлемость открытой В. И. Лениным советской федерации. Подводя первые итоги национально-государственного строительства, В. И. Ленин в черновом наброске проекта Программы партии, опубликованном к VII съезду РКП(б) 9 марта 1918 г., выдвинул задачу «закрепить и развить дальше федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм»,¹¹⁴ а саму федерацию характеризовал как «переход к сознательному и более тесному единству трудящихся, научившихся добровольно подниматься выше национальной розни».¹¹⁵

Брестский мир и обострение военной обстановки весной 1918 г. временно задержали процесс налаживания государственного союза освобожденных народов. Тем не менее В. И. Ленин на основе накопленного опыта пришел к выводу, что осуществление федерации должно быть одним из важных звеньев плана строительства социализма в нашей стране, так как только с ее помощью можно было сплотить все народы в едином многонациональном государстве. Вот почему при определении очередных задач Советской власти весной 1918 г. В. И. Ленин уделил ей большое внимание. В черновом наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» он обосновал необходимость строить Советское многонациональное государство на основе принципа демократического централизма с применением федерации и автономии в качестве форм государственного союза трудящихся различных национальностей, а также средства их сплочения в единую армию строителей социализма. Неопределимое значение имеет тщательный ленинский анализ соотношения советской федерации и демократического централизма. Он указывал, что если федерация проведена в разумных с экономической точки зрения пределах, если она основывается на учете серьезных национальных различий, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, то она несколько не противоречит демократическому централизму, а, наоборот, сама является переходным шагом к нему. «На примере Российской Советской республики, — говорил В. И. Ленин, — особенно наглядно показывается нам как

раз, что теперь федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство».¹¹⁶

Теоретическое обобщение В. И. Лениным первого опыта использования советской федерации было положено в основу разработки первой Советской Конституции РСФСР. Точку зрения В. И. Ленина в Конституционной комиссии ВЦИК излагали Я. М. Свердлов, возглавлявший комиссию, и народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин, давший конкретные предложения о строительстве Российской Федерации. Следуя указаниям В. И. Ленина, И. В. Сталин характеризовал федерацию как государственный союз областей, отличающихся особым бытом, определенным национальным составом населения и представляющих нечто цельное в хозяйственном отношении.¹¹⁷

Совершенно по-иному толковал федерацию представитель Наркомата юстиции М. Рейснер, также представивший в комиссию свой проект Конституции. Он считал, что провозглашенная Третьим съездом Советов Российская Федеративная Республика должна быть федерацией городов и провинций, коммун и различных общественных организаций. Причем, излагая свой проект, Рейснер доказывал, что в основу его положены ленинские взгляды на федерацию. В одном из выступлений на заседании комиссии И. В. Сталин дал ответ Рейснеру, сославшись при этом на то, что В. И. Ленин знает содержание его проекта и высказывается против него: «Тут ссылаются на тов. Ленина. — Я позволю себе заметить, что Ленин, насколько мне известно, а мне известно хорошо, сказал, что этот проект ни к чему».¹¹⁸

Принятый комиссией проект Конституции РСФСР полностью основывался на ленинских положениях о федерации. Вкладом В. И. Ленина в Конституцию являлось также то, что в нее как составная часть вошла «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Кроме того, он возглавлял комиссию ЦК партии, созданную для последнего редактирования Конституции. При этом В. И. Ленин внес несколько существенных поправок в отдельные пункты, а один из них — о правах национальных меньшинств — сам и сформулировал.

Таким образом, принятая Пятым Всероссийским съездом Советов первая Конституция РСФСР была разработана на основе указаний В. И. Ленина о советской федерации и при его непосредственном участии. Она включала в себя также важней-

¹¹⁶ Там же, стр. 151.

¹¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 3. Стенограмма заседания Конституционной комиссии ВЦИК РСФСР 12 апреля 1918 г., лл. 5, 17, 18.

¹¹⁸ Там же, л. 17.

¹¹⁴ Там же, т. 36, стр. 71.

¹¹⁵ Там же, стр. 73.

шие теоретические выводы, сделанные основателем Советского государства в результате глубокого обобщения опыта первых месяцев практического использования федеративных связей освобожденных народов страны Советов.

Опираясь на опыт первых шагов строительства Советского многонационального государства, Коммунистическая партия, В. И. Ленин в последующее время дополняли и развивали свои взгляды на сущность советской федерации и ее основные черты. В период иностранной интервенции и гражданской войны, в сложных условиях жизни и развития молодой страны Советов, буквально в огне борьбы проверялись и закреплялись основные принципы строительства Советского многонационального государства. Основой, фундаментом развития государственного союза народов страны Советов в эти годы являлись организованное партией братские сотрудничество и взаимопомощь трудящихся всех национальностей в военной, экономической и политической областях. В его организации, укреплении и всемерном развитии выдающаяся роль принадлежит В. И. Ленину. Изюм в день, терпеливо и настойчиво боролся он за сплочение народов, следя за тем, чтобы росли и крепились их братские связи, лично направлял деятельность партии по организации сотрудничества и взаимопомощи трудящихся всех национальностей, проявлял неустанную заботу об установлении взаимодоверия и дружбы между ними.

Большой заслугой партии является то, что она сумела добиться значительных успехов в области национально-государственного строительства и создания прочного государственного союза освобожденных народов страны Советов на основе советской федерации.

Характерная особенность революционной борьбы в западных районах страны Советов осенью 1918 г. состояла в том, что в ходе ее трудящиеся массы добивались не только своего освобождения, но и выступали за самое тесное единство с Советской Россией. В опубликованном в ноябре 1918 г. воззвании подпольного ЦК КП Литвы и Белоруссии специально подчеркивалось, что достижение такого единства — одна из главных задач трудящихся Литвы и Белоруссии. «Связанные самыми тесными узами с Российской Советской Республикой рабочих и сельской бедноты, — говорилось в воззвании, — мы намного легче одержим победу над своей буржуазией и ее лакеями — продажными ксендзами и социал-патриотами — и построим здание новой жизни — здание социализма».¹¹⁹ В первые дни освобождения Украины ее Временное правительство в письме В. И. Ленину сообщало, что за восемь месяцев отрыва от Советской России

пролетариат и крестьянство Украины ни на одну минуту не сомневались, что пробьет час освобождения и братского единения русского и украинского народов.¹²⁰

Высказывая горячее стремление к единству с Советской Россией, трудящиеся окраин одновременно обращались к ней с просьбами оказать им посильную помощь в освобождении от гнета иностранного империализма и его лакеев. Собранный еще в условиях оккупации Таллинский Совет 19 ноября 1918 г. в принятом решении заявил: «Эстонская буржуазия вступила в тесную связь с англо-американскими империалистами. Эстонский же трудовой народ протягивает свою братскую руку русскому трудовому народу для борьбы против общего врага за Эстонскую Советскую республику».¹²¹ Воззвание аналогичного содержания опубликовали в первые дни освобождения Латвии уполномоченные Советов Валки, Либавы и Риги: «Мы обращаем свои взоры к социалистической Советской России, с которой нас неразрывно связала долголетняя борьба за социализм, и прежде всего от нее ожидаем поддержки в своей борьбе. Мы уполномочиваем наше правительство Советов обратиться к Советской России с официальным предложением, дабы общими силами с российским пролетариатом продолжить путь Советской Латвии к мировой социалистической семье».¹²²

Характеризуя растущее стремление народов окраин к единству с Советской Россией, народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин в декабре 1918 г. отмечал: «В недрах мысли народов таилась величайшая тяга к Советской России, и стоило свалиться германскому империализму, чтобы эта тяга сразу обнаружилась. Я назвал бы этот период действительным восстановлением намечающегося единства России».¹²³

Тяга народов окраин к единству с Советской Россией была не случайной. Она была порождена рядом важных причин: а) многовековыми братскими связями с русским народом; б) совместной борьбой против гнета и эксплуатации в прошлом; в) общностью основ социалистической революции, одинаковой формой политической власти, существовавшей в Советской России и устанавливавшейся в национальных районах; г) идейным и организационным единством Коммунистической партии, в которую нацкомпартии входили как ее составные части.

Вступая на путь образования своих советских республик, трудящиеся национальных окраин не мыслили себе их существования вне союза с РСФСР и поэтому одновременно с провоз-

¹¹⁹ Ленинский сборник, XXXVII. М., 1970, стр. 112.

¹²¹ Ю. Тайгро. Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть и мир в 1918—1920 гг. Таллин, 1959, стр. 52.

¹²² Партагхив ИИП ЦК КП Латвии, ф. 32, оп. 1, д. 3, л. 77.

¹²³ ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 3554, л. 2.

¹¹⁹ Коммунист (г. Вильнюс), 1957, № 4, стр. 24.

глашением независимости своей республики единодушно высказывались за оформление и укрепление государственного союза с РСФСР на основе федерации. Под руководством Коммунистической партии этот союз начал расти и крепнуть с первых дней появления рядом с РСФСР молодых советских национальных республик.

Волю к нерушимому государственному союзу с РСФСР единодушно выразили народы всех суверенных советских республик. Советское правительство Украины в конце января 1919 г. заявило, что тесная историческая, экономическая и культурная связь, совместная борьба за освобождение от гнета и эксплуатации — «все это предвещает объединение Украинской Советской республики с Советской Россией на началах социалистической федерации, формы которой будут установлены полномочными представителями на Всеукраинском съезде Советов».¹²⁴ В принятую III съездом Советов Украины Конституцию УССР был включен специальный пункт: «Украинская Социалистическая Советская Республика заявляет о своей полной солидарности с ныне существующими уже советскими республиками и о своем решении вступить с ними в теснейшее политическое объединение... и в теснейшее сотрудничество в области коммунистического строительства».¹²⁵

О желании трудящихся Советской Белоруссии оформить государственный союз советских республик заявил I Всебелорусский съезд Советов, постановивший обратиться ко всем республикам с предложением «последовать примеру рабочих и крестьян Белоруссии, приступить к переговорам об установлении федеративной связи между Советской Россией и между собой».¹²⁶

Такую же позицию занимали советские и партийные органы Эстонии, Литвы и Латвии. Правительство Советской Эстонии дало, например, следующие директивы своему официальному представителю в Москве И. Рабчинскому: «Мы считаем насущным требованием федерироваться с советскими республиками для защиты их против империалистов и капиталистов всего мира, а также с целью налаживания экономической жизни пролетарских государств».¹²⁷ VI съезд Компартии Латвии также признал необходимым «поддерживать теснейшие связи как с РСФСР, так и с советскими республиками Литвы, Белоруссии, Эстонии, Украины».¹²⁸

Сложные условия существования и развития советских республик в начале 1919 г. не дали им возможности окончательно оформить федеративные связи между собой. Они строились в этот период так, как подсказывала жизнь, интересы практического сотрудничества в совместной борьбе с врагами и социалистическом переустройстве страны. Практически же связи сводились к установлению тесного сотрудничества между совнаркомом, отдельными наркоматами и ведомствами советских национальных республик.

Важное значение в деле укрепления сотрудничества наркоматов братских республик сыграла вошедшая в практику уже с начала 1919 г. посылка в республики представителей наркоматов и ведомств РСФСР, которые обычно включались в состав коллегий соответствующих наркоматов и ведомств республик и через которых устанавливалось тесное сотрудничество этих наркоматов. Многие из них посылались по указанию ЦК партии специально для работы в центральных учреждениях республик, другие — временно (после установления контактов и налаживания сотрудничества они возвращались в Советскую Россию).

Интересы совместной борьбы с врагами и проведения социалистических преобразований диктовали необходимость установления не только тесного политического сотрудничества, но и укрепления экономического единства республик. Инициатором этого начинания выступил ВСНХ РСФСР, принявший 3 марта 1919 г. решение обратиться с предложением в ЦК РКП(б) об экономическом объединении всех независимых советских республик. Наиболее подготовленными оказались условия для экономического объединения между РСФСР и УССР, у которых были не только многовековые экономические связи, но и значительная практика сотрудничества в годы Советской власти. Уже 7 марта 1919 г. правительство УССР телеграфировало В. И. Ленину о своем решении объединить совнархозы и банки обеих республик, а вслед за тем, 26 марта, было подписано соглашение о единой экономической политике, являвшееся первым шагом к созданию единого экономического управления обеих республик, сосредоточенного в ВСНХ РСФСР.¹²⁹

Началась также подготовка экономического объединения РСФСР с другими республиками. 27 марта 1919 г., например, Совнарком РСФСР под председательством В. И. Ленина постановил в целях урегулирования экономических взаимоотношений направить официального представителя РСФСР в Советскую Латвию.¹³⁰

¹²⁴ Образование СССР, стр. 81.

¹²⁵ История Советской Конституции. М., 1936, стр. 116.

¹²⁶ Образование СССР, стр. 120.

¹²⁷ Партагив НИП ЦК КП Эстонии, ф. 28, оп. 1, д. 469, л. 2.

¹²⁸ Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция, т. 1, стр. 285.

¹²⁹ Вестник Совета Народного хозяйства Украины, № 1, 1919, 10 июня, стр. 2.

¹³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 3, д. 656, л. 41.

Первые итоги деятельности Коммунистической партии по созданию государственного союза советских национальных республик были подведены VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. В его решениях и в выступлениях на съезде В. И. Ленина было дано глубокое теоретическое обобщение накопленного опыта и сделаны выводы на ближайшее будущее. Съезд констатировал, что «в настоящее время Украина, Латвия, Литва и Белоруссия существуют как особые советские республики. Так разрешен в данный момент вопрос о формах государственного существования».¹³¹ Именно исходя из сложившегося на практике положения, съезд партии в принятой Программе выдвинул требование «федеративного объединения государств, организованных по советскому типу».¹³² Причем, говоря об этом требовании, В. И. Ленин подчеркивал, что «то, что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было еще пролетарских республик. Когда они явились, и только в той мере в какой они явились, мы смогли написать то, что мы тут написали...».¹³³ Определяя формы и методы дальнейшей деятельности партии по укреплению и развитию государственного союза советских республик, В. И. Ленин говорил на съезде, что бороться за единство нужно всеми способами, в том числе пропагандой, агитацией, добровольным союзом.¹³⁴

В соответствии с решениями своего VIII съезда партия в дальнейшем настойчиво боролась за всемерное укрепление и развитие государственного союза независимых республик на основе советской федерации. Особенно много внимания этому вопросу уделял В. И. Ленин. Повседневно и настойчиво направлял он деятельность партии на всемерное сближение, налаживание братского сотрудничества и взаимопомощи советских республик в военной, экономической и политической областях. И все же к весне 1919 г. их федеративные связи не носили еще достаточно стройного и определенного характера, не были должным образом оформленными и закрепленными соответствующими законодательными актами. Основная причина этого — военная обстановка, чрезвычайная сложность определения конкретных путей государственного объединения народов, отсутствие достаточного опыта для решения вопроса об оформлении государственного союза братских республик.

Между тем экономическое, политическое и военное положение республик настоятельно диктовало необходимость ускорить оформление их государственного союза. Исходя из этого, партия

приступила к организации тесного военного союза советских республик. Идея такого союза выдвигалась самими республиками еще раньше. Так, в конце января 1919 г. правительство Советской Украины обратилось к правительствам РСФСР и других братских республик с предложением заключить тесный оборонительный союз.¹³⁵ В середине февраля с предложениями по этому вопросу в ЦК партии обращался один из руководителей Советской Белоруссии А. Ф. Мясников. В соответствии с желанием самих республик партия провела ряд мероприятий в направлении укрепления военного единства советских республик. Среди них следует отметить подписание существовавших в республиках войск оперативному командованию РСФСР. Постепенно проводилась также централизация дела снабжения и комплектования вооруженных сил республик.

Форма государственного союза советских республик и его содержание были определены В. И. Лениным. Причем его предложения с исключительной тщательностью, всесторонне обсуждались на заседаниях ЦК РКП(б) и его Политбюро, центральными партийными и советскими органами национальных республик. В ходе этого обсуждения ленинские предложения дополнялись и развивались.

Толчком к ускорению оформления государственного союза советских национальных республик в интересах обороны послужили попытки международного империализма объединить командование всеми вооруженными силами интервентов и внутренней контрреволюции. Получив сообщение об этом, В. И. Ленин 23 апреля 1919 г. дал Реввоенсовету Республики следующее указание: «Надо спешно, тотчас: 1) составить текст директивы от ЦК ко всем „националам“ о единстве (спянии) военном; 2) дать ее и в прессу для ряда статей...».¹³⁶ В тот же день по инициативе В. И. Ленина этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Было принято решение о срочной разработке мероприятий по укреплению военного союза советских республик.¹³⁷

О новой форме государственного союза советских республик В. И. Ленин писал в составленном им в начале мая 1919 г. проекте директивы о военном единстве. 4 мая проект обсуждался на заседании ЦК РКП(б) и был одобрен. ЦК партии в своем постановлении отметил, что он считает безусловно необходимым объединение командования всеми вооруженными силами республик, а также строжайшую централизацию и распоряжение из одного центра всеми их материальными ресурсами, и обязал центральные комитеты компартий республик и большевистские

¹³¹ КПСС в резолюциях и решениях... т. 2, стр. 73.

¹³² Там же, стр. 45.

¹³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 159.

¹³⁴ Там же, стр. 183.

¹³⁵ ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 47, л. 16.

¹³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 287—288.

¹³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 2, л. 1.

фракции в руководящих советских органах развернуть подготовку для окончательного оформления как военного единства республик, так и государственного союза на новой основе.¹³⁸ С этой целью в республики был командирован ряд членов ЦК партии.

Ленинская идея военного союза советских республик нашла горячую поддержку на местах. 19 мая 1919 г. о своей готовности заключить самый тесный военный союз с Советской Россией заявил ЦИК Советов Украины,¹³⁹ а к концу мая такие же решения приняли партийные и советские органы других советских республик. В соответствии с этим 1 июня 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) еще раз обсудило намеченные мероприятия и постановило оформить их как договор всех советских республик через ВЦИК.

В тот же день ВЦИК обсудил представленные предложения о формах объединения и принял «Декрет об объединении Советских Социалистических республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». Признавая суверенность договаривающихся сторон и исходя из твердо выраженной ими воли к созданию военного союза, ВЦИК постановил провести объединение вооруженных сил и командования ими, совнархозов, железнодорожного управления и хозяйства, наркоматов финансов и труда всех советских республик с сосредоточением руководства в руках единых коллегий. В соответствии с декретом объединение должно было быть проведено путем соглашения РСФСР с верховными органами власти объединяющихся республик.¹⁴⁰

Для разработки практических мероприятий по осуществлению декрета от 1 июня ВЦИК избрал специальную комиссию, которой поручил немедленно вступить в переговоры с представителями заинтересованных правительств и совместно с ними выработать конкретные нормы объединения, а до решения этой задачи определять формы немедленного установления их тесного сотрудничества.

Декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. имел огромное значение для строительства Советского многонационального государства. Он — первый документ, законодательно зафиксировавший объединение ряда независимых советских республик вокруг и во главе с РСФСР на основе договорной федерации. Единство экономических и политических основ объединяющихся республик, общность их целей и интересов обусловили тот факт, что декрет далеко вышел за рамки обычного военного соглашения

¹³⁸ Там же, оп. 2, д. 17, л. 10.

¹³⁹ Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР. Киев. 1962, стр. 129—130.

¹⁴⁰ Образование СССР, стр. 125.

и стал конституционным актом, оформившим их государственный союз на основе советской федерации. Именно так оценивал этот акт В. И. Ленин. В начале 1920 г., говоря о взаимоотношениях РСФСР и УССР, Владимир Ильич подчеркнул, что они развиваются на основе договора от 1 июня 1919 г., означающего федерацию двух братских республик.¹⁴¹

В. И. Ленин внимательно следил за реализацией его идеи учреждения государственного союза советских республик. Сохранилось много направленных ему докладов и телеграфных сообщений о работе комиссии по объединению, о практических мероприятиях по объединению командования, наркоматов продовольствия, управления промышленностью, транспортом и т. д. Характерно, что, поскольку договор 1 июня 1919 г. предусматривал сохранение независимости объединявшихся республик, В. И. Ленин обращал внимание на то, чтобы не нарушались их суверенные права, и не раз пресекал попытки некоторых руководителей РСФСР провести объединение наркоматов республик путем их простого подчинения соответствующим наркоматам РСФСР. В конце июня 1919 г. В. И. Ленин в статье «Великий почин», отмечая активное участие миллионов трудящихся различных национальностей в социалистических преобразованиях, указывал, что сначала они объединяются «в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик».¹⁴²

Таковы первые шаги строительства народами Советской страны своих суверенных советских республик и налаживания новых государственных взаимоотношений на основе социалистической федерации.

Ликвидация национального гнета и неравноправия во всех их формах, обеспечение свободы развития больших и малых народов, бескорыстная помощь отставшим со стороны передовых положили начало бурному развитию национальных и интернациональных процессов, коренным изменениям в национальном сознании людей. Выдвинув общую цель — строительство социализма и коммунизма, Коммунистическая партия обеспечила идейную и политическую основу для установления братских отношений трудящихся всех национальностей, их сотрудничества и взаимопомощи, прокладывая тем самым новые, неизведанные пути к расцвету экономики и культуры всех народов и их постепенному сближению.

Выдающуюся роль в обеспечении этого двуединого процесса сыграло созданное партией под руководством В. И. Ленина Советское многонациональное государство. Единство революционных действий в социалистической революции, военно-политиче-

¹⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 99.

¹⁴² Там же, т. 39, стр. 22.

ский союз в борьбе против объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции, хозяйственный союз в восстановлении народного хозяйства, дипломатический союз на международной арене — таковы основные проявления строительства Союза Советских Социалистических Республик, осуществлявшегося по ленинскому плану.

50-летняя годовщина образования СССР продемонстрировала всему миру успешное воплощение в жизнь марксистско-ленинского учения по национальному вопросу, обеспечение невиданных возможностей расцвета и сближения наций. Отмечая историческое значение образования Союза Советских Социалистических Республик, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал, что «чем больше вдумываешься в исторические факты, тем яснее становится мудрость ленинской партии, закрепившей успех Октябрьской революции и осуществленных после нее коренных социальных преобразований созданием нерушимого союза равноправных советских республик».¹⁴³

Т. Ю. БУРМИСТРОВА

НАРОДЫ РСФСР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Советской власти досталось тяжелое наследие в области национальных отношений: отсталость большинства народов в социально-экономическом, политическом и культурном развитии; память о прежних национальных трениях и отсюда определенная настороженность наций в отношении друг к другу, влияние националистической идеологии.

Первое в истории социалистическое государство — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — по составу населения было и остается многонациональным. Его населяет более 80 наций и народностей, в том числе русские, татары, чуваша, мордва, удмурты, башкиры, марийцы, народности Севера (около 30), народности Дагестана (более 30) и т. д. Эти народности находились на различных ступенях общественно-экономического развития. Наряду с русской нацией, задолго до революции сформировавшейся в нацию буржуазного типа, с достаточно развитой промышленностью и культурой, на территории РСФСР проживали народы, не успевшие пройти путь капиталистического развития, не имевшие или почти не имевшие своего промышленного пролетариата, сохранившие кочевое скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт или не вполне еще ушедшие дальше полупатриархального, полуфеодального быта (народы Поволжья, Кавказа, Севера).

Лишенные до революции элементарных человеческих прав, угнетенные народы России не только не могли создать, но даже и мечтать о создании в тех условиях своей национальной государственности. Значительная часть крестьянства национальных районов России была безземельной. Десятки народов еще не создали своей письменности, и даже те, у которых она была, вследствие политики насильственной русификации не имели возможности обучать своих детей на родном языке. В тех немногих школах, которые имелись в национальных районах, обучались преимущественно дети зажиточных (русских и нерусских) слоев. Поэтому в национальных районах царил почти поголовная неграмотность.

¹⁴³ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 4.

Промышленность в национальных районах почти отсутствовала. Даже более развитая по сравнению с другими бывшими угнетенными народами России татарская нация имела крайне слабо развитую промышленную экономику. В 1913 г. в Казанской губ. насчитывалось всего 406 заводов и фабрик; производительность предприятий составляла в среднем немногим более 1 тыс. рублей в год. Это были мелкие полукустарные заведения, занятые главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья — животных и растительных продуктов, ископаемых материалов. Крупных предприятий насчитывалось всего лишь два: мыловаренный завод братьев Крестовниковых и фабрика Алафузовых в Казани. В целом в промышленности Казанской губ. (на территории которой впоследствии была образована Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика) в 1913 г. было занято 16 252 человека.¹ При этом процент национальных кадров рабочих был очень низким. Даже в 1920 г. он составлял 14,6%.²

На территории Удмуртии и до революции уже существовали сравнительно крупные машиностроительные и сталелитейные заводы — Ижевский, Воткинский, Камбарский. Но на этих заводах работали русские рабочие, а рабочих-удмуртов насчитывались там единицы.³

Карелия представляла собой глухую, отсталую окраину. Ее промышленность, в основном лесная, развивалась крайне медленно. Наиболее крупными предприятиями были Александровский (с 1918 г. — Онежский) металлургический завод в Петрозаводске и лесопильные заводы в устьях рек по побережью Белого моря и Онежского озера. Основная же масса пролетариата была разбросана по мелким предприятиям; национальный рабочий класс до революции фактически не сформировался.

Край Коми, как и другие окраины России, до революции служил рынком сбыта товаров и источником сырья для русского и иностранного капитала. Предметом вывоза были лес, рыба, пушнина, замша. На трех наиболее крупных горных заводах — Кажимском, Нювчимском и Нючпасском — работало 1366 человек.⁴

Башкирия, подобно Коми и другим окраинам царской России, была аграрным краем. В конце XIX — начале XX в. в Уфимской губ. действовало немногим более 200 предприятий, из них 14 — металлургические заводы. Накануне Октябрьской революции в Уфимской и Оренбургской губерниях насчитывались уже

десятки тысяч рабочих. Однако сами башкиры были слабо втянуты в капиталистические отношения, численность промышленного пролетариата из башкир была незначительна.⁵

Чувашия, как и Татария, Башкирия, Карелия, Коми, еще до Октябрьской революции вступила в полосу промышленного развития. Здесь сравнительно крупными предприятиями в конце XIX — начале XX в. были Чебоксарские и Алатырские лесопильные заводы, Урмарская фабрика гнутой мебели, Алатырские паровозоремонтные мастерские, Ядринский маслозавод и т. д. В 1913 г. в Чувашии имелось до 40 мелких и средних предприятий. Однако и здесь уровень развития промышленности оставался низким. Фабрично-заводской пролетариат был малочисленным, особенно из среды чувашского народа.⁶

На территории Мордовской АССР до революции промышленность была представлена всего несколькими предприятиями полукустарного типа. Национальный рабочий класс там практически отсутствовал.

Советская власть под руководством Коммунистической партии создала благоприятные условия для быстрого развития прежде отсталых народов и формирования социалистических наций.

План государственного устройства многонациональной социалистической России был предварительно намечен В. И. Лениным еще задолго до Октябрьской революции. Выступая в 1913 г. в Кракове на публичном митинге с рефератом по национальному вопросу, он отметил, что революционные социал-демократы стремятся прежде всего к созданию единой, тесно сплоченной централизованной партии пролетариата и как политическую цель ставят демократическую, по возможности крупную, «интернациональную» республику. «Мы мыслим эту республику, — разъяснял В. И. Ленин, — как централизованное государство, с местным и областным самоуправлением, с ломкой старых административных делений и с приспособлением их к конкретным национально-бытовым условиям, с отменой каких бы то ни было привилегий (в том числе и обязательного государственного языка) и полным равноправием всех местных языков наподобие Швейцарии».⁷

На случай, если и в такой республике проявились бы тенденции к образованию самостоятельных национальных государств (а марксисты в принципе против насильственного удержания наций в едином государстве), в целях сближения между нациями надо, указывал позднее В. И. Ленин, бороться даже и с самой идеей подавления таких движений, добиваться включения

¹ М. К. Мухарямов. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. (1917—1920 гг.). М., 1969, стр. 7.

² Многонациональное Советское государство. М., 1972, стр. 115.

³ См.: А. А. Троцкий. Формирование удмуртской социалистической нации. — В кн.: В семье народов. Ижевск, 1969, стр. 14.

⁴ См.: Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 22. М., стр. 143.

⁵ Там же, т. 4, стр. 345—346.

⁶ Там же, т. 47, стр. 449.

⁷ Ленинский сборник, XVII. М., 1931, стр. 228.

в будущую демократическую конституцию не только закона о равноправии наций, но и закона о праве наций на политическое самоопределение вплоть до отделения.⁸

Труды В. И. Ленина легли в основу практической работы большевиков по решению национального вопроса. Великая Октябрьская социалистическая революция доказала верность и жизнеспособность марксистско-ленинского учения, в том числе и ленинской национальной программы. Советский Союз показал всему миру непревзойденный пример верного решения национального вопроса на социалистических началах. Принципиально новая сущность разрешения этого вопроса, правильность которого подтвердил и опыт некоторых стран народной демократии, заключается в том, что национально-государственное строительство осуществлялось под руководством рабочего класса, его марксистской партии, в условиях диктатуры пролетариата, в интересах действительного равноправия, мира и дружбы между народами, добровольного сближения наций, а в будущем — их слияния. Этот и только этот путь, основанный на принципах пролетарского интернационализма, соответствует коренным интересам трудящихся всех народов.

В обращении Второго Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!» по поводу взятия власти заявлялось о том, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».⁹

2 ноября 1917 г. Советское правительство в опубликованной «Декларации прав народов России» узаконило полное равноправие всех национальностей и народностей России. Советская власть провозгласила: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право их на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.¹⁰

Для реализации этих постановлений в ноябре 1917 г. был создан Народный комиссариат по делам национальностей. В составе Наркомнаца были организованы различные национальные комиссариаты: мусульманский, еврейский, чувашский и т. д. Эти комиссариаты являлись основными органами Наркомнаца. В их задачу входило: 1) информирование Советского правительства о нуждах данной национальности; 2) информирование национальностей о всех шагах и мероприятиях Советской власти;

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11—12.

⁹ Там же, стр. 11—12.

¹⁰ История Советской Конституции. Сборник документов. (1917—1957). М., 1957, стр. 19—20.

3) удовлетворение через органы Советской власти культурно-просветительных нужд масс населения данной национальности; 4) самая широкая агитация и пропаганда идей Советской власти между массами данной национальности; 5) улаживание всякого рода конфликтов, возникающих между органами Советской власти и национальностями; 6) выработка на началах Советской Конституции оснований и положений административно-территориальной национальной автономии там, где это требуется экономическими и территориальными условиями.¹¹

20 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров опубликовал обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором заявил, что Советское правительство кладет конец колониалистско-угнетательской политике старой буржуазно-дворянской России и признает свободными и неприкосновенными национально-культурные учреждения, обычаи и верования мусульман.

Важнейшей вехой на первом этапе разрешения национального вопроса в России явилась «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая в январе 1918 года Третьим Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Выступая на этом съезде, В. И. Ленин сказал: «У нас, в России, в области внутренней политики теперь окончательно признан новый государственный строй социалистической Советской республики, как федерации свободных республик разных наций, населяющих Россию... Я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима».¹²

Огромной заслугой большевистской партии и русского рабочего класса явилось создание национальных автономий в пределах первой многонациональной Советской республики — РСФСР. Российская Советская республика в первые недели своего существования включала, кроме собственно Великороссии, все районы, входившие ранее в царскую Россию. Русская нация составляла 83% населения Российской федерации (в современных границах).¹³

10 июля 1918 г. в Москве на Пятом Всероссийском съезде Советов была принята первая Советская Конституция — Конституция РСФСР. Конституция утвердила Российскую Федеративную Советскую Республику как государственную форму диктатуры пролетариата. Это была первая в мире подлинно демокра-

¹¹ Там же, стр. 20.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 286, 288.

¹³ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. Статистический ежегодник. М., 1960, стр. 46.

тическая Конституция, предоставлявшая трудящимся массам право участия в управлении государством. Она была рассчитана на переходный период от капитализма к социализму и носила программный характер. Конституция объявляла Советское государство добровольным союзом всех народов, предоставляя им право федеративного устройства.

Успешному решению в России национального вопроса способствовало то, что в первые же месяцы своего существования Советская власть национализировала крупную промышленность, банки, железные дороги, установила монополию внешней торговли. К концу гражданской войны в руках государства сосредоточивалось 30 557 промышленных предприятий, на которых работало свыше 83% всех рабочих и служащих РСФСР.¹⁴

РСФСР обладала крупными промышленными и людскими ресурсами и наибольшим опытом политического и хозяйственного строительства. В первые годы восстановительного периода на ее долю приходилось 93% территории всех советских республик, 69% населения и свыше 70% промышленного и сельскохозяйственного производства.¹⁵

Опираясь на дружественную помощь русского народа, под руководством Коммунистической партии многочисленные народы России стали осуществлять переход к социализму и в области национальных отношений.

На основании Конституции РСФСР народы Республики стали создавать свою национальную государственность. В состав РСФСР вошли Башкирская АССР (23 марта 1919), Татарская АССР (27 марта 1920), Карельская Трудовая Коммуна (8 июля 1920), преобразованная 25 июля 1923 г. в Карельскую АССР, Чувашская автономная область (24 июля 1920), Киргизская (позднее Казахская) АССР (26 августа 1920), Вотская (Удмуртская) автономная область (4 ноября 1920), Горская АССР (20 января 1921), Дагестанская АССР (20 января 1921), Туркестанская АССР (провозглашена 30 апреля 1918, санкционирована декретом ВЦИК 11 апреля 1921), Коми (Зырян) автономная область (23 августа 1921), Кабардинская автономная область (1 сентября 1921), Бурят-Монгольская автономная область (9 января 1922), Якутская АССР (27 апреля 1922), Ойротская автономная область (1 июля 1922), Черкесская (Адыгейская) автономная область (27 июля 1922). В январе 1922 г. с учетом экономических и территориальных связей между Ка-

¹⁴ См.: А. С. Велядов. О социалистическом преобразовании русской нации. — В кн.: Формирование социалистических наций в СССР. М., 1962, стр. 37.

¹⁵ Там же, стр. 40.

бардой и Балкарией была создана объединенная Кабардино-Балкарская автономная область, впоследствии преобразованная в Кабардино-Балкарскую АССР.

В соответствии с многонациональным составом населения РСФСР определялись функции Наркомнаца, а также внутренняя система федеральных органов. Постановлением ВЦИК от 19 мая 1920 г. перед Народным комиссариатом по делам национальностей ставились следующие задачи: разработка и проведение в жизнь всех мероприятий, обеспечивающих братское сотрудничество наций и племен РСФСР; интересы национальных меньшинств, находящихся на территории других национальностей в пределах РСФСР; разрешение всех спорных вопросов, связанных с национальной чересполосицей.¹⁶

Постепенно при Наркомнаце организовались представительства различных автономных республик и автономных областей: Башкирской, Киргизской, Татарской, Туркменской, Горской, Дагестанской, Крымской, Якутской автономных ССР, Калмыцкой, Чувашской, Вотской (Удмуртской), Марийской, Зырянской (Коми), Ойротской (Алтайской), Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской (Черкесской), Чеченской, Бурят-Монгольской автономных областей, Карельской Трудовой Коммуны и Трудовой Коммуны немцев Поволжья.

Для изучения нужд и потребностей народностей, вкрапленных в те или иные национальные меньшинства, при Наркомнаце был создан Отдел национальных меньшинств. Были созданы и отделы тех нацменьшинств, которые имели крупные компактные группы в РСФСР, например, Латышский, Польский, Литовский, Еврейский, Эстонский отделы. Указанные представительства и национальные отделы являлись рабочим аппаратом Наркомнаца по проведению в жизнь национальной политики Коммунистической партии. Их непосредственной задачей была защита интересов и нужд каждой области и национальности как в отдельности, так и в целом по Российской Федерации.

При осуществлении национально-государственного строительства в РСФСР различным национальностям и народностям в соответствии с их численностью, размером занимаемой территории предоставлялось право образовать автономии в различных формах, т. е. автономные республики, области и коммуны. О размерах занимаемых автономиями территорий и численности их населения в 1922 г. дает представление табл. 1.¹⁷

Численность населения и размер территории не были, однако, единственными факторами при определении формы автономии.

¹⁶ Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917—1923. (Вместо отчета). М., 1924, стр. 20.

¹⁷ История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1936. М., 1968, стр. 262.

Таблица 1

Территория и население автономий РСФСР в 1922 г.

	Территория, кв. верст	Население, тыс. чел.
Автономные республики:		
Башкирская	90545	1259
Татарская	58315	2896
Крымская	33881	747
Киргизская	1871239	5046
Автономные области:		
Вотская	25430	688
Калмыцкая	86943	126
Марийская	13581	345
Чувашская	14511	729
Трудовые коммун:		
Карельская	65000	144
Немцев Поволжья	17275	454

Большую роль в этом отношении играли и такие показатели, как уровень экономического, социального и культурного развития народа, степень его классовой дифференциации, наличие национального пролетариата, национальной интеллигенции и т. д. И поскольку они менялись в связи со строительством в стране социализма, усложнялась и национально-государственная структура РСФСР. 7 июля 1924 г. были образованы Ингушская и Северо-Осетинская автономные области; 2 января 1925 г. — Горно-Бадахшанская автономная область; в 1926 г. — Карачаевская автономная область; 21 апреля 1925 г. — Чувашская АССР.

Все автономные республики имели свои конституции, утвержденные на республиканских съездах Советов. Республики являлись автономными, т. е. неотъемлемыми составными частями Российской Федерации. По Конституции РСФСР и разработанным на ее основе конституциям автономных республик управление всеми общественными делами представляло собой сложную систему и осуществлялось по трем линиям, предусматривавшим решение вопросов: 1) относящихся к компетенции общероссийской власти (внешние сношения, внешняя торговля, военное дело); 2) разрешавшихся совместно с правительством РСФСР и правительствами автономных республик (народное образование, промышленность, бюджет, судостроительство, транспорт, внутренняя торговля, земельные отношения); 3) подлежащих непосредственному решению правительствами автономных республик (отдельные вопросы развития национальной культуры, мест-

ной промышленности, право установления налогов и повинностей, конкретные вопросы местных земельных отношений и т. д.).

Каждая автономная республика имела в Народном комиссариате национальностей свое представительство. Их задача состояла в защите интересов своих республик и осуществлении связи высших органов автономных республик с всероссийскими органами. По желанию автономные республики устанавливали свои представительства в других республиках Советского Союза (союзных и автономных). Партия, Наркомнац, центральные органы Советской власти РСФСР тщательно охраняли фактическое равенство, интересы развития экономики, политики, культуры народов автономных республик.

В свою очередь Наркомнац имел в автономных областях представительства, которые обобщали опыт осуществления мероприятий Советской власти и наблюдали за проведением в жизнь законодательства о защите прав и интересов национальных меньшинств. Это было тем более важно, что по национальному составу население Российской Федерации было чрезвычайно нестрым и автономные республики многонациональными (табл. 2).¹⁸

Таблица 2

Численный состав (тыс.) населения коренных народностей в пределах некоторых автономных республик и областей

	Всего	В пределах своей республики или автономной области	Процент
Русские (РСФСР)	77760	74042	95
Буряты	238	215	90
Башкиры	714	637	89
Горцы (Дагестан)	575	487	85
Чуваши	1117	668	60
Татары	3015	1442	48
Карелы	248	101	41
Якуты	215	212	99
Автономные обл.	2459	1934	79

Исторически сложилось так, что народы России веками жили вместе и подчас было невозможно отграничить территорию расселения одного народа от территории другого. В своем подавляющем большинстве население национальных районов проживало в сельских местностях, а города были населены преимущественно русскими. Было бы практически невозможно и политически

¹⁸ Таблица составлена на основании материалов: К докладу ЦСУ в Совете Народных Комиссаров СССР об итогах переписи населения 1926 г. М., 1928, стр. 5.

нелегко отделить города с русским населением от автономных районов, оставив их, таким образом, без экономических и административных центров. Включение городов и промышленных центров в автономные образования способствовало укреплению единства русского и нерусского населения в автономных республиках, областях и трудовых коммунах, усилению руководства рабочего класса крестьянством, облегчило защиту крестьянства от сохранившейся национальной феодально-буржуазной верхушки, одним словом, содействовало упрочению Советской власти и успеху социалистических преобразований.

По составу населения автономные республики и области, как правило, многонациональны.

В 1920 г. Татарская АССР занимала территорию 58 415 верст, в ней проживали 2 852 843 человека, из них: татар — 1 456 664 (51,1%), русских — 1 167 927 (40,9%), чувашей — 135 591 (4,7%), мордвин — 36 335 (1,3%), вотяков (удмуртов) — 24 369 (0,8%), марийцев — 15 105 (0,5%), прочих — 16 842 (0,7%).¹⁹

Башкирская АССР располагалась на территории 150 517 верст, имела население 2 999 599 человек, из которых: башкиры и татар — 1 552 189 (51,75%), русских — 1 030 366 (34,35%), прочих (чувашей, марийцев и т. д.) — 417 001 (13,9%).²⁰

Туркестанская АССР занимала территорию 1 299 168 верст, ее население составляло 5 221 963 человека, в том числе: узбеков — 2 050 755, киргиз-кайсаков (казахи) и кара-киргизов (киргизы) — 1 614 217, русских — 536 671, таджиков — 399 912, туркмен — 266 681, каракалпачков — 75 334, персов — 35 326, татар — 22 504, армян — 20 063.²¹

Крымская АССР занимала площадь 33 881 верст, из всего населения в 720 000 человек насчитывалось: русских — 180 000, украинцев — 180 000, татар — 166 320, евреев — 18 240, немцев — 12 480, остальных (армяне, греки, латыши и т. д.) — 192 960.²²

Бурят-Монгольская республика занимала территорию 250 тыс. верст, население 458 000 человек, из них: бурят — 233 000, русских — 225 000.²³

Якутская АССР, занимая территорию 3 431 600 верст, имела население 276 064 человека, из них: якутов — 88%, русских — 6, тунгусов (эвенков) — 4,5, прочих — 1,5%.²⁴

Карельская АССР располагалась на территории 100 998 верст, население 204 000 человек, из них: карел — 86 000, русских — 115 000, финнов — 2000, прочих — 1000.²⁵

¹⁹ См.: Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнат, стр. 30. Все цифровые данные приводятся точно по подлиннику.

²⁰ Там же, стр. 35.

²¹ Там же, стр. 47.

²² Там же, стр. 66.

²³ Там же, стр. 71.

²⁴ Там же, стр. 76.

²⁵ Там же, стр. 81.

Чувашская АССР располагалась на территории 15 111 верст с населением 869 000 человек, в том числе: чувашей — 773 410 (89%), русских — 26 070 (3%), татар, марийцев и др. — 69 520 (8%).²⁶

Марийская АССР занимала площадь 13 881 верст с населением 638 000 человек, из них: марийцев — 440 660 (70%), русских — 63 800 (10%), татар — 63 800 (10%), чувашей — 63 800 (10%).²⁷

Удмуртская АССР занимала территорию 25 430 верст с населением 740 614 человек, из них: вотяков (удмуртов) — 481 399, русских — 244 402, татар — 12 000 и других национальностей — 2813.²⁸

Многонациональный состав населения автономных республик и областей ставил перед Советским государством особую задачу — создавать на местах органы государственной власти, учитывал потребности национальных меньшинств. В связи с этим правительство Российской Федерации осуществило сложную работу, выделив во всех республиках, краях и областях районы и сельсоветы национальных меньшинств. Эта работа была в основном завершена к концу 1924 г. На территории РСФСР было образовано 65 районов с численно преобладающим населением из национальных меньшинств.²⁹

Что касается сети сельсоветов национальных меньшинств, то она была еще более разветвленной.³⁰

²⁶ Там же, стр. 86.

²⁷ Там же, стр. 90.

²⁸ Там же, стр. 96.

²⁹ В том числе: 16 татарских (2 в Средне-Волжском и 1 в Горьковском крае, 10 в Башкирской и 1 в Чувашской АССР, 1 в Мордовской и 1 в Марийской АО), 1 башкирский (на Урале), 1 татаро-башкирский (на Урале), 1 татаро-ногайский (в Сталинградском крае), 1 дагестанский (на Урале), 5 чувашских (2 в Средне-Волжском крае, 2 в Татарской и 1 в Башкирской АССР), 3 мордовских (в Средне-Волжском крае), 2 марийских (в Башкирской АССР), 4 карельских (в Московской области), 2 финских (в Ленинградской области), 2 вепских (1 в Ленинградской области и 1 в Карельской АССР), 1 коми-лопарский (в Ленинградской области), 7 узбекских (5 в Каракалпакской и 2 в Казахской АССР), 1 калмыцкий (на Северном Кавказе), 1 туркменский (в Азово-Черноморском крае), 1 бурятский (в Восточно-Сибирском крае), 1 горно-шорский (в Западной Сибири), 1 корейский (в Дальневосточном крае), 1 черкесский (в Азово-Черноморском крае), 2 армянских (в Азово-Черноморском крае), 2 греческих (в Азово-Черноморском крае, в Крымской АССР), 1 еврейский (в Крымской АССР), 1 белорусский (на Урале) и др. (Н. Нурмаков. Состояние и задачи работы среди национальных меньшинств РСФСР. М., 1934, стр. 81).

³⁰ Например, в Средне-Волжском крае существовало около 600 сельсоветов с численно преобладающим населением национальных меньшинств, в том числе: 227 мордовских (вне Мордовской автономной области), 101 чувашский, 171 татарский, 19 башкирских, 12 немецких, 15 казахских, 2 эстонских и др. В Западно-Сибирском крае было 50 немецких, 23 эстонских, 1 финский, 12 латышских, 8 литовских, 35 татарских, 2 хакасских, 49 казахских, 19 шорских, 1 марийский, 16 чувашских, 23 мордовских, 1 удмуртский, 71 белорусский, 5 коми, 1 башкирский, 1 польский сельсоветов. В Восточно-Сибирском крае — 4 эстонских,

В национально-государственном строительстве, так же как в осуществлении национальной политики в целом, Коммунистическая партия встречала серьезные препятствия в виде уклонов от правильной марксистско-ленинской линии к великодержавному шовинизму и местному национализму. Великодержавный шовинизм представлял собой проявление идеологии русской буржуазии и помещиков, свергнутых, но еще окончательно не ликвидированных как классы, их пренебрежительное отношение к нерусским народам. Находившиеся под влиянием этой идеологии некоторые члены партии из числа русских не учитывали в своей работе в национальных районах нужд и потребностей местного населения, особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной национальности. Видные представители этого уклона — Пятаков и Бухарин — возражали против образования в составе Советского государства союзных и автономных республик, считая это ненужным и вредным. В. И. Ленин, выступая на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.), доказал несостоятельность выдвинутого Пятаковым лозунга: «Наций никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев». «Конечно, это великолепная вещь, — заявлял В. И. Ленин, — и это будет, только совсем на иной стадии коммунистического развития».³¹ В. И. Ленин имел в виду эпоху победы коммунизма в международном масштабе, когда национальные границы сотрутся и нации сольются в безнациональное человечество. Ленин считал необходимым проводить такую национальную политику, которая усилила бы доверие наций друг к другу и при-

4 латышских, 1 польский, 8 татарских, 1 башкирский, 8 бурятских, 20 белорусских и др. В Дальневосточном крае — 77 корейских, 1 китайский, 1 эстонский, 1 латышский, 2 польских, 26 белорусских, 4 еврейских и др. В Ленинградской области — 5 немецких, 18 эстонских, 67 финских, 3 латышских, 4 карельских, 27 венских, 11 ижемских и т. д. На Урале — 13 литовских, 110 татарских, 4 казахских, 39 мордовских, 2 чувашских, 74 коми-пермяцких, 20 белорусских и др. В Западной области — 1 немецкий, 16 латышских, 2 эстонских, 1 литовский, 2 карельских, 11 еврейских. На Северном Кавказе (до выделения Азово-Черноморского края) — 56 немецких, 3 эстонских, 3 латышских, 10 греческих, 1 чешский, 2 татарских, 6 калмыцких, 8 туркменских, 3 грузинских, 30 армянских, 1 ассирийский, 3 горноеврейских, 1 цыганский. В Крымской АССР — 37 немецких, 7 греческих, 1 чешский, 3 армянских, 10 белорусских, 31 еврейский, 10 болгарских. В Киргизской АССР — 10 узбекских, 1 уйгурский. В Башкирской АССР — 2 немецких, 2 литовских, 275 татарских, 45 марийских, 15 удмуртских, 21 мордовский, 2 белорусских. В Казахской АССР — 40 немецких, 2 эстонских, 1 польский, 5 татарских, 31 узбекский, 40 уйгурских, 2 чувашских, 6 мордовских, 2 дунганских, 1 белорусский, 2 болгарских. В Татарской АССР — 91 чувашский, 15 мордовских, 12 марийских, 21 удмуртский и др. В Горьковском крае — 32 татарских, 14 марийских, 14 удмуртских, 22 мордовских, 1 пермяцкий. Значительное количество сельсоветов нацменьшинств было выделено и в других республиках, краях и областях РСФСР. Всего в РСФСР насчитывалось около 4000 сельсоветов нацменьшинств (там же, стр. 82).

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 181.

вела бы к искоренению их былой вражды. А это было возможно в тех конкретных исторических условиях только при предоставлении всем нациям права на самоопределение вплоть до отделения, предоставления всем народам права самим определить форму и уклад своей государственной жизни.

Основную тенденцию внутреннего развития народов России в послеоктябрьский период Ленин видел в том, что «нации двигаются от буржуазной демократии к пролетарской власти».³² Исходя из этого, он считал неправильным насильственно навязывать бывшим угнетенным и отсталым народам формы связи с Центральной Россией сверху и требовал, чтобы русские коммунисты на местах добивались установления этих связей с учетом пожеланий мест, на добровольных началах. «Трудящиеся массы других наций, — разъяснял Ленин, — были полны недоверия к великороссам, как нации кулацкой и давящей».³³

Следовательно, было бы совершенно неправильно во имя хозяйственного единства страны не устанавливать, как того требовали великодержавные шовинисты, границы союзных и автономных республик. Подлинного единства следовало добиваться пропагандой, агитацией, осуществлением добровольного союза. Возражая Пятакову, который фактически требовал вычеркнуть национальный вопрос из программы партии, В. И. Ленин говорил: «Это можно было бы сделать, если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить».³⁴

Осудив великодержавный уклон и подчеркнув необходимость осуществлять в национальной политике принципы пролетарского интернационализма, X съезд РКП(б) в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» записал следующее: «Федерация Советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность: а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и соответственно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбою федерации».³⁵

Опыт Советской России по применению различных видов федеративных связей, по переходу от федерации, основанной на

³² Там же.

³³ Там же, стр. 182.

³⁴ Там же, стр. 184.

³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 250.

советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Дагестан и т. д.), к федерации, базирующейся на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан, Армения, Грузия и т. д.), полностью подтвердил целесообразность и гибкость этого типа государственного устройства.

Великодержавный шовинизм был в рассматриваемое время наиболее опасным уклоном от марксизма-ленинизма в национальной политике партии, что подчеркнули X и XII съезды РКП(б). Но большую опасность представлял и местный национализм, который был проявлением идеологии господствующих классов бывших угнетенных народов. В дореволюционное время местный национализм имел положительную, демократическую сторону, а именно: содержал протест против национального гнета, и это демократическое содержание национализма угнетенных народов рабочий класс России всегда поддерживал. В послеоктябрьский же период, когда все народы России получили свободу и были уравнены в правах, это демократическое содержание уже исчерпало себя, а все остальные компоненты национализма как буржуазной идеологии — ненависть к другим народам, стремление обособиться от них, отделить «свой» рабочий класс от рабочего класса других народов, подорвать интернациональный союз трудящихся масс — продолжали действовать, причем получили и явно антисоветскую направленность. Некоторые коммунисты из местного коренного населения национальных районов России, еще помнившие тяжелый период национального гнета, подпадали под влияние идеологии национализма, преувеличивали значение национальных особенностей, пренебрегая классовыми интересами трудящихся и интересами укрепления интернационального сотрудничества трудящихся масс во имя социализма.

Коммунистическая партия решительно осудила этот уклон. X съезд РКП(б) отметил в своей резолюции по национальному вопросу, что «без преодоления колониаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплавляющие в своих рядах пролетарские и полупролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колониаторских шатаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах».³⁶

Преодоление уклонов к великодержавному шовинизму и местному национализму было тем более необходимо, что в стране в тот период в области национальных отношений начался слож-

ный процесс уничтожения фактического национального неравенства, т. е. неравенства в экономическом, социальном, политическом и духовном развитии народов. Решение задачи выравнивания уровней развития народов требовало упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства, ибо национальное неравенство покоит веками держалось на экономическом неравенстве. Учитывая эти обстоятельства, X съезд РКП(б) следующим образом определил задачи партии в области национальных отношений: «...помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения».³⁷

Национально-государственная структура Российской Федерации развивалась и совершенствовалась в соответствии с общественно-политическим и культурным развитием народов. Большой вклад в это дело внес XII съезд РКП(б). По его рекомендации наряду с существовавшими центральными органами Союза ССР, являвшимися представительством трудящихся масс всего Союза ССР независимо от их национальности, был создан специальный орган представительства национальностей на началах равенства — Совет Национальностей. Это дало возможность более точно учитывать нужды и потребности народов, своевременно оказывая им необходимую помощь. В Совет Национальностей избирались представители всех национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом всех национальностей, находящихся в составе населения этих республик.

Исполнительные органы были сконструированы также на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей всех республик и удовлетворение нужд и потребностей народов Союза ССР. Республикам были предоставлены достаточно широкие финансовые и, в частности, бюджетные права, создающие

³⁶ Там же, стр. 255—256.

³⁷ Там же, стр. 252.

возможность проявления их собственной государственно-административной, хозяйственной и культурной инициативы. Органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов. Были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное нерусское население и национальные меньшинства.

* * *

Советская власть и непосредственно русский рабочий класс прилагали огромные усилия для экономического возрождения и развития народов России. Коммунистическая партия ставила своей задачей в короткие сроки добиться подъема производительных сил в национальных районах, для чего намечала создать там условия для развития индустрии, добычи и обработки имеющихся на местах запасов сырья. В соответствии с этим Наркомнац содействовал различным изыскательным работам, проводившимся на местах с целью организации там промышленного производства.

Однако процесс хозяйственного развития национальных районов шел крайне медленно и прерывался в результате различного рода обстоятельств, прежде всего связанных с последствиями мировой и гражданской войн, а затем голода 1921/22 г., особенно поразившего Поволжье и Западную Сибирь.

Глубокая преданность русских рабочих и крестьян своему интернациональному долгу проявилась в той братской помощи, которую они оказали трудящимся других народов страны в борьбе за Советскую власть против контрреволюционных правительств и белогвардейских мятежей, в борьбе против голода, эпидемий, разрухи за восстановление народного хозяйства.

Красногвардейские отряды Москвы, Петрограда, Брянска, матросы Балтийского флота героически сражались против контрреволюции на Украине. В январе—феврале 1918 г. русские рабочие и моряки-балтийцы в союзе с трудящимися Украины и Северного Кавказа добились разгрома мятежа атамана Каледина, изгнали белогвардейские войска из Донбасса, с Дона и Северного Кавказа, свергли буржуазно-националистическую Центральную раду и восстановили на Украине и Северном Кавказе Советскую власть. В начале января 1918 г. русские (петроградские и др.) красногвардейские отряды ликвидировали мятеж атамана Дутова на Урале.

Русские рабочие внесли неоценимый вклад в дело установления Советской власти в Средней Азии, в победу социалистической революции в Белоруссии, в Сибири, на Севере, в Азербайджане, Грузии, Армении.

В первой половине 1918 г. съезд тувинского населения Урянхайского края принял решение о самостоятельности Тувы. Это решение было поддержано съездом русского населения Тувы, показавшего тем самым интернационалистическое отношение к малому, ранее угнетенному народу. Когда установившаяся в Туве народная власть в 1918 г. была свергнута белогвардейскими войсками, русские крестьяне Тувы вместе с тувинским аратством боролись против контрреволюции и с помощью Красной Армии весной 1921 г. восстановили Тувинскую Народную Республику.

Советская страна победила в гражданской войне прежде всего благодаря тесному союзу трудящихся масс всех народов России, причем главную тяжесть войны вынесли на своих плечах русские рабочие и крестьяне. Русский народ расчистил путь для восстановления народного хозяйства и строительства нового социалистического общества не только себе, но и другим народам.

О самоотверженности русского народа ярко свидетельствует та братская помощь, которую он оказал народам Туркестана, Поволжья и других национальных районов в преодолении голода, неурожая и других стихийных бедствий, а также в деле восстановления народного хозяйства, разрушенного в годы гражданской войны. Так, например, в 1918 г. в связи с неурожаем хлеба в Туркестане по распоряжению Наркомпрода РСФСР туда было отправлено 50 вагонов хлеба из Сибири, 200 — с Северного Кавказа, 100 — из Челябинска, 50 — из Кустанайско-Троицкого района. Из Ставропольской и Кубанской областей в Туркестан поступило 700 вагонов пшеницы и 700 вагонов кукурузы. ВСНХ РСФСР направил в Туркестан для удовлетворения продовольственных нужд населения и подъема экономики 100 млн рублей. В мае 1918 г. Совнарком РСФСР выделил Туркестану на оросительные работы 50 млн рублей. Огромные суммы выделило правительство РСФСР для восстановления и развития в Туркестане хлопководства, создания там текстильной промышленности, восстановления железнодорожной связи с центром. В 1920 г. центральные хозяйственные органы направили в Туркестан 33 эшелона с металлом, металлоизделиями, лесными материалами, бумагой, мануфактурой. Из центральных районов в Туркестан приехало около 2 тыс. квалифицированных специалистов для работы в нефтяной и текстильной промышленности, для строительства первой электростанции и т. д.³⁸

В апреле 1921 г. в связи с засухой и голодом в Поволжье (на территории с 25-миллионным населением) по распоряжению

³⁸ Б. Оронюк. Помощь Российской Федерации Турк-республике в социалистическом строительстве. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964, стр. 7—8, 13—15.

Совнарком РСФСР Татарской республике было выделено 300 тыс. пудов семян и другой сельскохозяйственной продукции.³⁹ Осенью 1921 г. Советское правительство отправило в голодающие губернии из фонда Наркомпрод 12 144 тыс. пудов озимых семян.⁴⁰ По инициативе В. И. Ленина был создан Всероссийский комитет помощи голодающим. Население голодающих районов освобождалось от обложения натуральным налогом. Рабочие Петрограда, Москвы, Ивановы, Тулы и других городов жертвовали в пользу голодающих свои скудные пайки, заработки, премии, организовывали Недели помощи голодающим, строили детские дома, интернаты, принимали эвакуированных детей на воспитание.⁴¹ И вся эта помощь осуществлялась в условиях, когда русское население центральных районов России само терпело голод, холод, не имело сносной одежды, обуви и т. д.

Советское правительство приложило много усилий к восстановлению в Татарии железнодорожного и водного транспорта, возрождению там промышленности и сельского хозяйства, развитию электрификации и т. д.

Голодающему населению автономной области Коми Советская власть направила из различных районов страны в 1922 г. 6235 тонн хлеба, а в 1923 г. — 24 518 тонн.⁴² Кроме того, коми народу была оказана большая финансовая и материально-техническая помощь в целях восстановления там разрушенного народного хозяйства.

Крестьянам Калмыкии Советское правительство в 1921 г. отпустило в виде долгосрочной ссуды 62 150 пудов семенного материала, выделило 11 372 единицы сельскохозяйственного инвентаря (плугов, сеялок, борон и др.), а также предоставило льготный кредит для восстановления животноводства. Трудящиеся Челябинской губ. отправили в Калмыкию из своих скромных резервов более 21 тыс. пудов семян зерна и 840 пудов картофеля.⁴³

Братская помощь русского народа трудящимся национальных районов выразилась также в активном содействии развитию в этих районах промышленности. Последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства в общественной и хозяйственной жизни требовала прежде всего, как отметили X и XII съезды РКП(б), планомерного насаждения промышленности на окраинах путем переноса предприятий к источникам

³⁹ М. А. Сайдашева. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. (1918—1923). М., 1969, стр. 118.

⁴⁰ Там же, стр. 25.

⁴¹ Там же, стр. 138.

⁴² Л. С. Шабалова. В великой семье народов. Сыктывкар. 1969, стр. 24, 26.

⁴³ Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970, стр. 109—110.

сырья. В восстановительный период общая сумма капиталовложений в местную промышленность национальных автономий составила 66 201 тыс. рублей. По годам эти вложения распределялись следующим образом: 1924/25 г. — 8 297 000 руб.; 1925/26 г. — 10 011 000; 1926/27 г. — 14 937 000; 1927/28 г. — 32 956 000 руб.⁴⁴

Таким образом, национальная политика партии и Советской власти обеспечивала экономический подъем и прежде всего развитие промышленности национальных районов.

Основной базой развития мелкой промышленности автономных республик и областей Российской Федерации явилось долгосрочное финансирование ее из центральных ресурсов, так как местные бюджеты были слишком маломощны. В восстановительный период населению национальных районов РСФСР со стороны центра была оказана большая организационная и материально-финансовая помощь. В этот период ряд крупных промышленных предприятий был перенесен из центральных районов на окраины, причем на этих предприятиях кадры формировались из местного населения. Советское правительство и Коммунистическая партия обеспечивали ежегодно значительную дотацию республикам по бюджету, с тем чтобы национальные районы могли развиваться в хозяйственном и культурном отношении более быстрыми темпами, чем центральные. В Башкирии, Киргизии, Туркестане, Дагестане в те годы была создана текстильная и кожевенная промышленность.

Все эти мероприятия способствовали укреплению доверия трудящихся масс национальных районов к Коммунистической партии, русскому народу, развитию в массах идеологии пролетарского интернационализма, сплочению трудящихся масс народов России в борьбе за социализм.

В автономных республиках и областях развивались капитальное строительство, разведка и добыча местных полезных ископаемых (цветные металлы, каменный уголь, нефть и т. д.); осуществлялись промышленная эксплуатация лесных богатств и переработка продуктов сельского хозяйства (животноводства, технических культур, маслосемян и кукурузы, а также овощноконсервное и плодоконсервное производство); внедрялись промышленные методы в рыбном и охотничьем промыслах, шелкомотальном производстве и т. д.; налаживалось местное производство стройматериалов (кирпичные заводы, стеклозаводы и др.).⁴⁵

О том, какие перспективы намечались, например, в развитии народного хозяйства Якутии, видно из письма Якутского обкома

⁴⁴ С. Такоев. Развитие промышленности и формирование национальных рабочих кадров в АССР и АО. — В кн.: Национальное строительство в РСФСР к XV годовщине Октября. М., 1933, стр. 19.

⁴⁵ Там же, стр. 21.

Рост промышленности и численности пролетариата автономных республик и областей РСФСР в 1924/25 и 1927/28 гг.

	Валовая продукция ценовой промышленности (млн. руб.)		Число рабочих (тыс. чел.)	
	1924/25 г.	1927/28 г.	1924/25 г.	1927/28 г.
Автономные республики:				
Татарская	41.0	73.9	10.1	14.6
Чувашская	3.7	7.3	1.1	1.2
Казахская	23.7	45.5	6.2	8.5
Киргизская	1.5	8.6	0.8	2.4
Башкирская	40.2	55.8	11.9	12.9
Крымская	22.5	51.7	6.0	10.9
Дагестанская	10.0	19.9	1.7	3.4
Республика немцев Поволжья	8.4	29.7	—	—
Карельская	13.0	25.0	3.7	9.0
Бурят-Монгольская	3.6	5.8	1.0	1.0
Якутская	—	0.1	—	—
Автономные области:				
Удмуртская	1.8	6.7	—	—
Марийская	1.4	2.7	—	—
Калмыцкая	—	3.0	—	—
Койн	0.2	1.0	—	—
Всего	171.0	336.7	42.5	63.9

Примечание. Тире — отсутствие данных.

Центральному Комитету РКП(б). В письме указывалось, что в 1924 г. партийные и советские органы Якутии главной задачей считали: 1) возрождение добычи золота и других ископаемых и использование природных ресурсов (Алданзолото, Ленриба, лесное хозяйство, добыча соли); 2) развитие транспорта, речного в частности; 3) пополнение государственных финансов (налоги, кредит, банк); 4) внедрение кооперативных начал.⁴⁶ Партийные и советские органы Якутии организовали перевод кочующих народов на оседлость (в частности, на севере края). Четвертая областная партийная конференция (1925) разработала мероприятия, содействующие поднятию экономики народов Севера. Им были предоставлены долгосрочные кредиты на закупку оленей и орудий охоты и рыболовства, а также для строительства жилищ, школ, больниц и т. д.⁴⁷

Следует отметить сравнительно быстрый рост промышленности автономных республик и областей РСФСР в годы восстановления народного хозяйства (табл. 3).⁴⁸

Вместе с развитием промышленности формировались и местные кадры рабочего класса. По переписи 1926 г. численность фабрично-заводского пролетариата составляла: в Татарской АССР — 14 233, в Башкирии — 13 486, в Крыму — 10 011, в Карелии — 6284, в Дагестане — 2819, в Бурят-Монголии — 1125, в Чувашии — 830, в Якутии — 629 человек.⁴⁹ Среди этой численно малой прослойки рабочих национальные кадры составляли лишь небольшой процент. С 1926 г. начинаются заметный рост общего количества пролетариата в национальных республиках (что отражает развитие здесь промышленности) и рост удельного веса национального пролетариата. Так, например, численность фабрично-заводского пролетариата в 1929 г. составляла в Башкирии 14 124 человека при удельном весе национального (башкирского и татарского) 16,4%; по Дагестану соответственно 4148 человек и 50,5%; в Чувашии — 1969 человек и 35,4%.⁵⁰

В 1928/29 г. численность рабочих в ценовой промышленности Башкирии, Бурят-Монголии, Дагестана, Карелии, Киргизии, Крыма и Татарии, вместе взятых, была 92 434 человека.⁵¹

Большую и разностороннюю работу провели партия и Советская власть среди сельского населения национальных республик и областей. Население этих районов было главным образом крестьянское, для которого вопрос о земле представлял жизненную

⁴⁶ Биче-Оол. Формирование тувинской и якутской социалистических наций в условиях некапиталистического пути развития. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 7.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ С. Такоев. Развитие промышленности..., стр. 22.

⁴⁹ Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930, стр. 110.

⁵⁰ Там же, стр. 110—111.

⁵¹ С. Такоев. Развитие промышленности..., стр. 32.

важность. Аграрный вопрос был настолько переплетен там с национальным, что разрешить национальный вопрос, не решая земельного (и наоборот), было невозможно. Проведенная в национальных районах земельная реформа решала одновременно и социальный вопрос (в смысле передачи бедноте земель), и, в определенной мере, национальный, так как ставила целью ликвидацию старого порядка землепользования, установленного царскими чиновниками, русскими колонизаторами, переселенцами, которые до революции осуществляли здесь не только национальный гнет в прямой форме, но и экономический, захватывая себе лучшие земли. Учитывая это, Наркомпац параллельно с выделением в автономную единицу той или иной национальной общности решал чрезвычайно сложный и запутан-

ный земельный вопрос, ликвидируя последние царского колониализма во всех его видах и проявлениях.

Вместе с тем Советское правительство, и в частности Наркомпац, всемерно содействовали рационализации сельскохозяйственного труда, развитию в нем индустриальных методов. С этой целью в национальные районы перебрасывались из центра сельскохозяйственные машины, осуществлялись большие меллоративные работы (например, в Туркестане, Дагестане), посылались кадры специалистов-землемеров, агрономов, ветеринаров.

При Наркомпаце был создан специальный федеральный комитет по земельным делам, в задачу которого входило наблюдение за применением Земельного кодекса на местах в соответствии с конкретными потребностями каждой национальности, а также улаживание всевозможных споров и конфликтов между национальностями по вопросам о территориальных границах, о земле и т. д.

Благодаря неустанной работе Советского правительства и Коммунистической партии, а также помощи русского народа народное хозяйство национальных автономных республик и областей РСФСР медленно, но неуклонно шло на подъем. В 1928/29 г. бюджеты автономных республик возросли значительно выше среднего уровня бюджета по РСФСР. Так, например, в 1928/29 г. бюджет Карельской АССР составлял 20,4 млн руб., Каракалпакской АССР — 2,7 млн, Мордовской автономной области — 11 млн руб. В целом финансовые ресурсы автономных республик и областей РСФСР составили в 1928/29 г. 250 млн руб.

Росли и душевые расходы по бюджетам: в 1928/29 г. средний душевой расход в автономных республиках составлял 12 р. 24 к.; при этом, например, в Башкирской АССР — 9 р. 80 к., а в Каракалпакской — 8 р. 46 к.⁵²

Большое внимание Советское правительство уделяло также строительству железных, шоссейных и водных путей сообщения в национальных районах.

Решениями X съезда РКП(б) предусматривалась организация всесторонней помощи национальным районам в переходе от отсталых экономических отношений к более высоким — от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, к артельной работе на Советское государство с привлечением кустарей, полупролетариев в профсоюзы, от кустарно-артельного производства к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к общественной обработке земли.⁵³

⁵² См.: И. Смирнов. Местные бюджеты АССР и АО РСФСР. — В кн.: Национальное строительство в РСФСР к XV годовщине Октября, стр. 69.

⁵³ КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 253.

При этом съезд высказался против механического перенесения в национальные районы методов экономического строительства, годных лишь для более высокой ступени хозяйственного развития в центре.

К концу 20-х годов благодаря усилиям Коммунистической партии, центральных и местных органов Советской власти удалось достигнуть серьезных успехов в деле внедрения социалистических форм хозяйства в национальных районах.

Колхозное строительство по Российской Федерации характеризовалось в 1928 г. следующими показателями. На 1 октября 1928 г. сельскохозяйственных артелей в РСФСР было 8718, из них: в Удмуртии — 65, в Марийской АССР — 23, в Татарской — 184, в Республике немцев Поволжья — 83, в Калмыцкой АССР — 9, в Крымской — 416, в Чеченской — 7, в Адыгейской — 2, в Карачаевской — 10, в Черкесской — 1. Товариществ по совместной обработке земли в РСФСР числилось 13 211, из них: в Удмуртии — 87, в Марийской АССР — 34, в Чувашии — 105, в Мордовии — 126, в Татарской АССР — 140, в Республике немцев Поволжья — 212, в Калмыцкой АССР — 17, в Крымской — 360, в Северной Осетии — 16, в Кабардино-Балкарии — 96, в Чеченской АО — 32, в Ингушской — 36, в Адыгее — 78, в Черкесской АО — 41.⁵⁴

Итак, в национальных районах РСФСР была осуществлена большая работа по восстановлению народного хозяйства, разрушенного войнами, засухой и голодом, по обеспечению подъема производительных сил, насаждению индустрии, проведению земельной реформы и наделению беднейших крестьян землей, строительству путей сообщения, организации кооперации. К 1928/29 г. благодаря проведению ленинской национальной политики в национальных районах была подготовлена почва для последующего проведения там индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В ходе борьбы против капиталистических элементов в промышленности, сельском хозяйстве и торговле в национальных районах, как и везде в РСФСР, складывалась социалистическая экономика и создавалась база для формирования нового типа экономической общности советских народов и наций — общности социалистического типа. Это было одним из решающих условий для перехода бывших отсталых народов некапиталистическим путем к социализму.

Под руководством Коммунистической партии в национальных районах был достигнут решительный успех в подрыве влияния на массы местных эксплуататорских элементов, произведено было отстранение их от участия в органах местного самоуправления. При этом особое внимание партия уделяла воспитанию нацио-

⁵⁴ См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах стр. 76—77.

нальных кадров рабочего класса, как ведущей силы формирующихся социалистических наций, а также укреплению и развитию национальных связей между трудящимися массами национальных районов и Центральной России.

В 20-е годы Коммунистическая партия большое внимание уделила культурному строительству среди отсталых народов. Эта работа проводилась в направлении, определенном решениями X и XII съездов РКП(б). XII съезд отметил, в частности, необходимость образования в национальных республиках и областях единой трудовой школы и издания массовой партийной литературы на родном языке, а также создания специальных университетов и высших учебных заведений для подготовки национальных кадров.⁵⁵

Первейшими мероприятиями Советской власти и партии в области культуры были создание и укрепление в национальных районах прессы, школ, театров, клубного дела и вообще культурно-просветительных учреждений. Была создана широкая сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера с целью ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников для всех отраслей управления, и прежде всего для культурно-просветительных учреждений.

Много труда потребовали введение всеобщего начального обучения и ликвидация неграмотности среди национальностей РСФСР. Ведь, например, среди мордовцев грамотных насчитывалось всего 9,3%, у чувашей — 7,1, у чеченцев — 1,7, у казахов — 1%. Уже в 1926 г. наблюдаются некоторые успехи в деле просвещения трудящихся масс нерусских народов. Грамотность у чувашей возросла до 32,4%, у мордвинцев — до 22,3, у казахов — до 7,2, у чеченцев — до 4,5% и т. д.⁵⁶

В начальных школах Российской Федерации обучение осуществлялось на 68 языках. Десятки национальностей создали свою письменность уже после революции. Кроме русского языка, в начальных школах Башкирской АССР обучение осуществлялось на башкирском, татарском, украинском, чувашском и марийском языках; в Татарской АССР — на татарском, чувашском, марийском, удмуртском, мордовском, украинском, немецком; в Крымской АССР — на татарском, украинском, немецком, еврейском, греческом, армянском, болгарском, эстонском, чешском, польском, итальянском; в Дагестанской АССР — на аварском, лакском, лезгинском, осетинском, черкесском, даргинском, армянском, немецком, кумыкском и т. д.⁵⁷

Школы на родном языке для национальных меньшинств создавались не только в национальных республиках и областях, но и непосредственно в русских районах. Например, в Ленинградской области обучение в начальных школах осуществлялось на русском, финском, эстонском, польском, латышском, еврейском, татарском, украинском, немецком и немецком языках; в Московской области — на русском, украинском, карельском, цыганском; в Ивановской области — на русском, белорусском, татарском; в Центральной Черноземной области — на русском, украинском, немецком, татарском, еврейском; в Западной области — на русском, украинском, немецком, эстонском, латышском, литовском, украинском, еврейском, цыганском, польском; в Западно-Сибирском крае — на русском, украинском, белорусском, татарском, немецком, эстонском, латышском, польском, казахском, башкирском, чувашском, мордовском, эвенкийском языках.

Культурно-просветительные учреждения, обслуживающие трудящихся национальных меньшинств, и в национальных республиках, и в русских областях работали на родном языке.⁵⁸

Эти факты свидетельствовали об огромном внимании, которое уделяли Коммунистическая партия и Советское правительство постановке народного образования среди национальных меньшинств, а также об истинном интернационализме русского народа. В те годы советские ученые пытались создать письменность для отсталых народов на базе латинизированного алфавита. Однако этот опыт себя не оправдал, и в 40-х годах для бесписьменных народностей был создан алфавит на основе русской графики.

Благодаря заботам Советского правительства школьная сеть Российской Федерации, в том числе в национальных республиках и областях, по окончании гражданской войны и преодолении последствий голода стала постепенно расширяться. Охват школами I ступени детей школьного возраста в Российской Федерации равнялся в 1915 г. 55,2%, а в 1927/28 г. достиг 68,4%. В автономных республиках внедрение всеобщего начального обучения детей характеризовалось такими данными: если в 1915 г. в начальных школах Башкирии обучалось 39,7% детей, то в 1927/28 учебном году обучением было охвачено 58,1%; соответственно в Бурят-Монгольской АССР — 35,9 и 58,5; в Дагестане — 6,6 и 39,6; в Казахской АССР — 19,7 и 42; в Карельской АССР — 57,7 и 89,5; в Крымской — 67,5 и 98; в Татарской — 45 и 63; в Чувашской — 45 и 80; в Якутской — 10,8 и 32,8%.⁵⁹

Параллельно шло строительство школ II ступени, где обучение проводилось также на родном языке коренного населения.

⁵⁵ См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 252, 442.

⁵⁶ См.: А. Рахимбаев. Культурное строительство среди национальностей РСФСР. — В кн.: Национальное строительство в РСФСР к XV годовщине Октября, стр. 85.

⁵⁷ Там же, стр. 87—88.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Национальная политика ВКП(б) в цифрах, стр. 276.

О внедрении в школах II ступени обучения на родном языке дает представление табл. 4.⁶⁰

В 1920 г. для подготовки национальных кадров учителей, партийных и советских работников в Москве были созданы Коммунистический университет трудящихся Востока и Всероссийская ассоциация востоковедения, Восточное и Западное издательства. Институт востоковедения был реорганизован с целью приближения его учебных программ к практическим задачам народного образования и просвещения на Востоке.

Советское правительство всемерно поддерживало и стремилось укрепить те высшие и средние учебные заведения, которые уже существовали на территории национальных республик и областей: например, Чувашский педагогический институт в Симбирске, Владикавказский политехникум, Среднеазиатский университет в Ташкенте.⁶¹

Коммунистическая партия учитывала, что без соответствующей подготовки кадров специалистов и квалифицированных работников из среды коренного населения невозможно обеспечить социально-экономическое возрождение и развитие бывших отсталых народов и продвижение их по пути к социализму. Поэтому в Москве, Ленинграде, Свердловске, Горьком и в других крупных центрах на заводы, а также в профтехнические учебные заведения привлекалось большое число практикантов, командированных из республик и областей для получения технических знаний и последующего их распространения на местах.

О росте грамотности и развитии просвещения среди трудящихся Российской Федерации к 1927—1928 гг. можно судить по развитию книжного дела в республике. В 1913 г. на русском языке в России было издано 264 629 наименований книг тиражом 98 849 108 экз., в 1928 г. — 25 043 наименования тиражом 220 198 474 экз. На татарском языке в 1913 г. было издано 269 наименований книг тиражом 1 052 100 экз., а в 1928 г. — 531 наименование тиражом 2 061 680 экз. На чувашском языке в 1913 г. было издано 57 наименований тиражом 106 900 экз., в 1928 г. — 115 наименований тиражом 462 272 экз. На марийском языке вышло из печати в 1913 г. 17 наименований тиражом 27 200 экз., в 1928 г. соответственно 64 и 146 550. На осетинском языке было издано в 1913 г. всего 4 наименования книг тиражом 2 270 экз., на аварском — 3 тиражом 6 500 экз., на якутском — 1 книга тиражом 1614 экз., а в 1928 г. соответственно на осетинском — 28 и 51 200, на аварском — 31 и 521 000 и на якутском — 33 и 6043.⁶²

⁶⁰ Там же, стр. 294, табл. 16.

⁶¹ Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац, стр. 26—27.

⁶² См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах, стр. 229.

Численность учащихся школ II ступени РСФСР по национальному составу, полу и языку обучения в 1927/28 г.

	Число учащихся		Из них обучаются		
	абс.	% женщин	на своем языке, %	на русском языке, %	на прочих языках, %
Автономные республики					
Башкирская	13189	44.22	77.50	20.73	1.77
башкиры	1680	22.86	42.02	54.23	3.75
татары	2293	39.38	14.35	79.50	6.15
русские	9216	49.32	99.67	—	0.32
Бурят-Монгольская	4449	40.37	79.12	20.84	0.04
буряты	1166	25.56	20.50	79.50	—
русские	3283	45.63	99.94	—	0.06
Дагестанская	2321	39.08	75.87	10.86	13.27
горцы	337	17.80	5.93	50.45	43.62
кумыки	320	11.56	34.38	17.50	48.12
тюрки	146	14.38	80.82	17.81	1.37
русские	1518	51.98	99.67	—	0.33
Карельская	2884	39.63	81.10	8.01	10.89
карелы и финны	536	35.26	—	43.10	56.90
русские	2348	48.68	93.62	—	0.38
Казахская	18296	44.61	94.20	5.26	0.54
казахи	1973	8.31	49.21	48.76	2.03
русские	16323	49.00	99.64	—	0.36
Киргизская	1534	44.78	97.98	1.69	0.33
киргизы	31	—	—	83.88	16.12
русские	1503	45.71	100.0	—	—
Крымская	10690	49.08	79.82	19.80	0.38
татары	2238	32.40	93.79	6.17	0.04
немцы	565	40.88	72.74	26.55	0.71
евреи	1870	55.45	2.09	97.81	0.10
русские	6017	54.08	99.45	—	0.55
Республика немцев Поволжья	3401	46.13	93.80	5.44	0.76
немцы	1843	41.94	89.96	10.04	—
русские	1558	51.09	98.33	—	1.67
Татарская	14651	47.40	92.80	6.31	0.89
татары	4400	38.89	77.39	21.00	1.61
русские	10251	51.05	99.41	—	0.59
Чувашская	10173	23.99	70.91	26.53	2.56
чувашши	7091	14.51	61.74	38.06	0.20
русские	3082	45.78	92.02	—	7.98
Автономные области					
Вотская (Удмуртская)	4293	51.20	92.10	7.90	—
вотяки (удмурты)	339	29.20	—	100.0	—
русские	3954	53.09	100	—	—

Таблица 4 (продолжение)

	Число учащихся		Из них обучаются		
	абс.	%, женщин	на своем языке, %	на русском языке, %	на прочих языках, %
Калмыцкая	570	26.14	30.53	69.47	—
калмыки	396	17.42	—	100.0	—
русские	174	45.98	100.0	—	—
Коми	2220	35.72	30.27	69.92	0.81
зыряно	1921	33.42	20.35	79.65	—
русские	299	50.50	93.98	—	6.02
Марийская	3695	26.12	81.03	15.95	3.03
марийцы	1773	11.28	66.78	33.22	—
русские	1922	39.80	94.17	—	5.83

На башкирском, удмуртском, коми, мордовском и некоторых других языках в 1913 г. вследствие отсутствия письменности вообще не было издано никакой книжной продукции. К 1928 г. эти народы добились в данном отношении значительных успехов: на башкирском языке было издано 118 наименований книг тиражом 282 890 экз.; на удмуртском соответственно 58 и 146 930, на языке коми — 56 и 123 350, на мордовском — 60 и 235 256.⁶³

Первые шаги на пути к ликвидации неграмотности трудящихся масс, создание письменности для десятков народностей и постановка в широком масштабе народного образования послужили в дальнейшем основой для проведения в национальных районах культурной революции и решения ее важнейших задач — превращения социалистической идеологии в идеологию всего общества, создания кадров национальной интеллигенции, строительства национальной по форме социалистической культуры — литературы, искусства и т. д.

Ленинская национальная политика Коммунистической партии уже в первое десятилетие Советской власти доказала свою жизнеспособность, гуманность, соответствие коренным пущам широчайших трудящихся масс прежде отсталых и угнетенных народов. Равноправие и суверенность народов, забота об их экономическом и культурном развитии спланивали трудящихся, и прежде всего рабочий класс, всех народов России в единую армию строителей социализма. «Такова диалектика марксистско-ленинской постановки национального вопроса: идти к сплочению, единству, всестороннему сближению наций через их полное освобождение от социального и национального гнета, через создание максимально благоприятных условий развития каждой из них».⁶⁴

⁶³ Там же, стр. 299.

⁶⁴ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 7.

ВОЕННО-ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В 1917—1918 гг.

Изучая историю образования Союза Советских Социалистических Республик, историки еще и еще раз осмысливают, анализируют события и явления, связанные с предпосылками этого важного акта в истории нашей Родины, стремятся четко определить роль и место различных институтов в его подготовке и свершении. В этой связи представляется целесообразным обратиться к некоторым недостаточным изученным вопросам истории создания и укрепления вооруженных сил Советского государства в первые годы его существования, ибо организация военной защиты завоевавший революции от покушений международного империализма, необходимость объединения и централизации деятельности Советов для решения этой задачи являлись одним из условий и предпосылок образования СССР.

За последние годы вышел ряд монографических исследований, в которых анализируются руководящая роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в создании Красной Армии, военно-организаторская деятельность Советского государства и основные проблемы советского военного строительства в период становления Советского государства.¹ В этих трудах находит отражение и роль местных Советов в создании и укреплении Советских Вооруженных Сил, но чаще всего в виде отдельных примеров, иллюстративно. Значительно шире военно-организаторская деятельность местных Советов освещается в краеведческой литературе по истории гражданской войны в той или иной местности. При этом большой фактический материал не всегда оце-

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1 и 2. М., 1968; Советы в период Октябрьской революции и гражданской войны. М., 1967—1968; КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., 1967; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968; В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. Изд. 2-е. М., 1969; Е. Н. Городецкий. Советское Вооруженное государство. М., 1965; С. М. Кляцкий. На защите Октября. М., 1965; Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970, и др.

нивается под углом зрения общих военно-политических задач и раскрытия общих закономерностей развития и принципов деятельности местных органов власти и их роли в организации вооруженной защиты страны.

Известно, какое большое значение придавал В. И. Ленин глубокому изучению и осмысливанию опыта деятельности Советов, показывающего, как в центре и на местах, «в каждой отрасли — военной, политической и экономической — приходилось завоевывать путь за идью каждую позицию для создания настоящего аппарата государственной власти».² Исследование военно-организаторской деятельности местных органов власти — Советов — позволяет проследить, как декреты, пользуясь выражением В. И. Ленина, превращались «в живую практику — в этом соль».³ В деятельности местных советских и военных органов процессе создания Красной Армии «материализовался»: решения и указания, приказы и директивы превращались в дела по мобилизации людей, формированию частей, обеспечению их всем необходимым и т. д. В результате вырастали боевые единицы, готовились резервы, налаживалось военное производство, укреплялась военная мощь советских республик.

Говоря об исключительно важной роли местных органов в военной области в рассматриваемый период, нельзя не учитывать, что задачу строительства Красной Армии приходилось решать ускоренными темпами, порой не дожидаясь указаний центра, в чрезвычайно сложной обстановке не только нашествия извне, но и часто возникавших внутри страны очагов гражданской войны. К тому же центральный военный аппарат тогда сам только еще складывался, не имел ни опыта, ни достаточного количества квалифицированных работников. Один из видных партийных и военных деятелей С. И. Гусев, непосредственно участвовавший в создании Красной Армии, отмечал, что красноармейские части «строились на местах (на фронтах) и затем постепенно сливались в единую централизованную армию. Центр только регулировал местное строительство и объединял его».⁴

Строительство вооруженных сил происходило одновременно с развертыванием национально-государственного строительства, при широком проявлении инициативы и творчества народных масс, на которые опирались местные Советы. В. И. Ленин в речи на IV сессии ВЦИК IX созыва (ноябрь 1922 г.) прямо указывал: «Мы убеждены, что если наша революция достигла настоящих успехов, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест мы всегда уделяли самое главное внимание».⁵ Изу-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 294.

³ Там же, т. 54, стр. 180.

⁴ С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия. Сборник статей. М., 1958, стр. 81—82.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 249.

чение деятельности местных органов Советской власти в 1917—1918 гг. позволяет установить, как накапливался на местах опыт советского военного строительства, какие положительные моменты этого опыта становились основой для соответствующих решений центральных органов, как преодолевались с помощью и под руководством ЦК партии, центральных советских и военных органов тенденции к сепаратизму и партизанские методы в военных вопросах.

Наконец, сами местные (как и центральные) органы власти под влиянием и при непосредственном участии партийных органов развивались, совершенствовались. Улучшался их состав, крепились связи с различными общественными организациями, происходили изменения роли и функций местных Советов в решении задач военного строительства. Под руководством Коммунистической партии складывалась стройная система советских местных органов военного управления, вырабатывалось единство не только структуры, но и подхода к осуществлению мобилизаций, формированию частей, снабжению их, организации боевой и политической подготовки в подчиненных войсках.

Подлинно научный анализ особенностей начального этапа строительства Советских Вооруженных Сил можно дать только на основе осмысления трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Изучение военного наследия основоположников марксизма показывает, что мысли Маркса и Энгельса имеют неограниченное значение для разработки военной программы пролетарской революции в целом. В. И. Ленин развил, конкретизировал и дополнил эти мысли применительно к условиям социалистической революции и советского государственного строительства в России. Ленинские положения явились базой практической деятельности Коммунистической партии и Советского государства по руководству созданием и работой местных Советов и местных органов военного управления. Остановимся кратко на этих основных положениях.

Социалистическая революция, учит марксизм, должна сломать старую государственную машину, старую армию, старый местный аппарат власти и управления и заменить их новыми. Мысли об этом содержатся в трудах К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», а также Ф. Энгельса — «Эльберфельдские речи», «Анти-Дюринг», «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 году», «Может ли Европа разоружиться?» и др. «Не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее...», — так определял Маркс основное условие окончательной победы революции.⁶ Блестящим подтверждением правильности этого вывода явился опыт Парижской коммуны. В. И. Ленин в работах «О за-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

дачах пролетариата в данной революции», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и других защитил учение Маркса о сломе государственной машины от извращения этого учения ревизионистами всех мастей и блестяще развил его. Как только совершилась Октябрьская революция, он, формулируя задачи власти Советов, указал, что в первую очередь «в корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций».⁷

Вместе с тем В. И. Лениным был глубоко разработан вопрос о сломе старой армии. В работах «Один из коренных вопросов революции», «Задачи революции» и в ряде других своих произведений он указал, что старый аппарат в ходе слома буржуазной государственной машины должен быть заменен новым, «истинно демократическим аппаратом Советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян»,⁸ которые берут в свои руки всю власть, все управление государством и его вооруженными силами.

В дооктябрьский период и в первые дни после победы социалистической революции Коммунистическая партия, В. И. Ленин в соответствии с Программой РСДРП предполагали сразу же после слома старой армии осуществить всеобщее вооружение трудящихся в виде милиционной армии. Такая форма организации вооруженной защиты завоеваний революции отвечала задачам внутренней и внешней политики Советского государства, направленной целиком на мирное строительство, на дружбу и братство народов всех стран. Мы ни на минуту не должны упускать из виду задачу отмены постоянной армии и всеобщего вооружения народа, — говорил В. И. Ленин на совещании представителей Петроградского гарнизона 29 октября 1917 г.⁹

Однако военно-политическое положение Советской республики, оказавшейся во враждебном капиталистическом окружении, отказ империалистических держав заключить всеобщий демократический мир, реальная угроза военного нашествия германского империализма, несмотря на начавшиеся мирные переговоры, — все это заставило партию и Советское правительство отложить планы милиционного строительства и приступить к спешному созданию постоянных вооруженных сил (в начале на добровольной основе, затем путем всеобщей воинской обязанности), способных отразить военный натиск международной империалистической реакции.

Необходимость строительства регулярной армии на основе принципов социализма и законов военной науки стала особенно

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2.

⁸ Там же, т. 34, стр. 202.

⁹ Там же, т. 35, стр. 40.

ясной в феврале—марте 1918 г., во время военного нашествия германского империализма. В. И. Ленин в напряженной борьбе с «левыми коммунистами», ратовавшими за войну без армии, без крепкого тыла, всесторонне обосновал неотложную задачу создания могучей Красной Армии и обучения военному делу всех трудящихся. Он неоднократно подчеркивал, что «для революционной войны нужна армия»,¹⁰ «серьезная, всепартийная, могучая». «Какими же путями создавалась такая армия? В. И. Ленин на VIII съезде партии говорил, что в вопросах «строения армии» приходилось идти «ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача». «Эти эксперименты, «нащупывания» и приходилось осуществлять местным партийным и советским органам, обогащавшим центр конкретным опытом военного строительства.

Руководящая роль в строительстве вооруженных сил победившего пролетариата принадлежала Коммунистической партии. Она вырабатывала основы военной политики Советской власти на базе создания и укрепления (а никоим образом не подмены) Советов как органов диктатуры пролетариата.

Для того чтобы военное строительство осуществлялось с максимальным успехом, необходимо было строжайшее проведение принципа централизма. В. И. Ленин считал строгий централизм и железную дисциплину важнейшими устоями Красной Армии. Он подчеркивал это в работе «Очередные задачи Советской власти», в речи на съезде председателей губернских Советов 30 июля 1918 г., «Проекте директивы ЦК о военном единстве», обращении «Все на борьбу с Деникиным!», в выступлении на IX съезде РКП(б) и в других произведениях периода гражданской войны. «Необходимым условием успеха этой войны, — сказано в проекте «Директивы ЦК о военном единстве» (май 1919 г.), — является единое командование всеми отрядами Красной Армии и строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик...»¹³

Осуществление централизованного строительства вооруженных сил пролетарского государства возможно лишь при наличии в центре и на местах специальных органов военного управления, являющихся проводниками политики партии и Советской власти по военным вопросам. В. И. Ленин неоднократно указывал на большое значение местных военных органов и их деятельности по строительству Красной Армии. В мае 1918 г. в письме местным Советам, подписанном В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, говорилось, что «создание вооруженной силы требует в качестве

¹⁰ Там же, стр. 369.

¹¹ Там же, стр. 368.

¹² Там же, т. 38, стр. 138.

¹³ Там же, стр. 400.

первого условия наличия хорошо налаженного аппарата военного управления на местах.¹⁴ А в 1921 г. в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» В. И. Ленин, говоря об огромной роли рабочего класса в формировании и руководстве Красной Армии, подчеркнул, что «создание военного и государственного аппарата, который способен был победоносно выдержать испытания 1917—1921 годов, — дело великое...».¹⁵

Руководствуясь марксистским учением, развивая и обогащая его, В. И. Ленин одновременно практически организовывал и направлял деятельность Советов в военной области. Ленинские выступления на съездах Советов и заседаниях ВЦИК, подготовленные им или с его участием, многочисленные декреты Совнаркома, постановления ЦК партии, речи и доклады на заседаниях столичных Советов и перед представителями местных органов власти, статьи, письма, телеграммы, записки — все это, вместе взятое, содержало целенаправленную программу действий центрального и местного советского аппарата в деле строительства Советских Вооруженных Сил. Достаточно в этой связи напомнить такое ленинское произведение, как воззвание СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!», написанное в связи с развернувшимся наступлением германских империалистических войск.¹⁶ Это — один из неподражаемых образцов сочетания предельно лаконичной, официально-конкретной государственной директивы и страстного партийного обращения к народу, содержащий план деятельности местных Советов в условиях величайшей военной опасности, нависшей над нашей Родиной. Организмическим дополнением и развитием этого плана явилась статья «На деловую почву», опубликованная в «Правде» от 1 марта 1918 г., где В. И. Ленин пишет о необходимости сосредоточения внимания местных Советов на вопросе о создании мощной регулярной Красной Армии и крепкого организованного тыла, без чего невозможно вести «настоящей» войны.¹⁷ Ленин требует от Советов не только сообщений «о готовности бороться с внешним врагом», но и трезвого учета материальных ресурсов и людских резервов, налаживания производства нового оружия и снарядов, обучения красноармейцев, организации работы транспорта, установления повсюду строжайшей революционной дисциплины, борьбы с внутренними врагами, пресечения особо губительного для военного дела фразерства. Подобного рода ленинские документы, отражающие конкретные задачи военно-организаторской деятельности местных Советов, создавались и в другие кульминационные моменты истории молодого Советского государства.

¹⁴ Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959, стр. 287.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 106.

¹⁶ Там же, т. 35, стр. 357—360.

¹⁷ Там же, стр. 408—409.

Для того чтобы конкретно представить действительный объем деятельности В. И. Ленина по руководству военно-организаторской работой местных Советов, приведем следующие данные. В Полное собрание его сочинений вошло свыше 230 писем, записок, телеграмм местным Советам, хронологически относящихся к периоду гражданской войны. Они адресованы 27 уездным и 46 губернским и областным Советам.¹⁸ География адресатов чрезвычайно разнообразна: Пенза и Нижний Новгород, Тамбов и Вятка, Урал и Сибирь, Украина, Азербайджан, Туркестан. Независимо от того, что советские республики тогда еще не были объединены в союзное государство, Ленин с особым вниманием относился к деятельности Советов районов с перусским населением, бывших национальных окраин России.

Переписка В. И. Ленина посвящена самым различным вопросам военно-организаторской деятельности местных Советов: развитию социалистической экономики в целом, в том числе оборонной промышленности (72),¹⁹ вопросам непосредственного снабжения Красной Армии (18), борьбы с контрреволюционными мятежами (40), работе среди населения и войск по разъяснению политического и военного положения страны и задач ее вооруженной защиты (28), проведению мобилизаций и формированию отрядов для ведения боевых действий и решения продовольственных вопросов (21) и т. д. Указанные документы — не только богатейший исторический источник, но и образец подлинно научного и делового подхода к решению проблем советского военного строительства на местах.

Показательно в данном отношении письмо В. И. Ленина председателю Тульского губисполкома Г. Н. Каминскому, военному комиссару Тульской губернии Д. П. Оськину и члену РВС Южного фронта В. И. Межлауку от 20 октября 1919 г., в котором изложен подробный план деятельности местных советских гражданских и военных органов в самый напряженный период борьбы с белогвардейцами на Южном фронте. В нем вождь большевистской партии указал на необходимость сосредоточения всех сил для обороны Тулы (возведение оборонительных сооружений, мобилизация рабочих, сокращение аппарата гражданского управления, обучение красноармейцев), организации «военно-снабженческой работы», интенсификации воспитательной работы «среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работников». Вместе с этим в письме указывались и основные

¹⁸ Подсчитано по Полному собранию сочинений В. И. Ленина, тт. 36—42, 50—52. Отметим также, что в Ленинский сборник XXXVII (М., 1970) дополнительно включено 49 записок В. И. Ленина партийным, советским и военным органам Ревеля, Тулы, Вологды, Уфы и других городов, в том числе 15 — в адрес местных Советов.

¹⁹ Цифры в скобках означают число ленинских документов. Подсчет автора.

способы деятельности: тесный контакт сторон, недопущение, а в случае возникновения немедленное улаживание конфликтов, выделение важнейших вопросов для наблюдения со стороны «дельных людей и партийно преданных товарищей».²⁰

Таким образом, возглавляя строительство социалистического государства и организацию его защиты от внутренних и внешних врагов, В. И. Ленин проявлял постоянную заботу об укреплении Советской власти и ее вооруженных сил на местах и осуществлял непосредственно практическое руководство военно-организаторской деятельностью Советов. Естественно, что он не мог вести переписку и лично давать указания по всем вопросам каждому из местных Советов, но в этом и не было необходимости. Главное заключалось в том, что ленинские идеи и указания лежали в основе решений Коммунистической партии и Советского государства, ленинским духом была проникнута деятельность центральных органов партии, ленинскими методами руководствовались все его соратники и сторонники — партийные, советские гражданские и военные деятели в центре и на местах.

* * *

Вывод основоположников марксизма о необходимости слома «бюрократически-военной машины» буржуазного государства В. И. Ленин считал «главным уроком» по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству.²¹ В связи с этим немалое место в его трудах занимала проблема слома старой армии и создания новой вооруженной организации победившего пролетариата. В ноябре 1918 г., обобщив годовой опыт развития Советского государства, В. И. Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» убедительно показал, насколько были неправы оппортунисты II Интернационала во главе с Каутским и русские меньшевики, выступавшие за сохранение старой армии, и насколько верным был курс большевиков на слом старой армии, как самого закоряченного инструмента поддержки старого строя. «Первой заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой, — писал В. И. Ленин. — Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию...; иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии...; иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне вырабатывая

новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса».²²

Победа Великой Октябрьской социалистической революции поставила задачу слома старого буржуазного государства и его армии в практическом плане. Однако решить сиюминутно ее не представлялось возможным, так как Россия находилась в состоянии войны с Германией. Поэтому II Всероссийский съезд Советов ограничился призывом солдат на фронте к стойкости и бдительности, выразил уверенность в том, что «революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма», пока не будет заключен мир.²³ Следовательно, революционные силы старой армии призывались к защите нового государства. Но, для того чтобы даже часть старой армии могла хотя бы временно выполнять эту функцию, ее нужно было немедленно демократизировать, т. е. уничтожить в ней старые классовые порядки и учреждения; иными словами, старую армию нужно было сломать, как аппарат буржуазного государства. Исходя из анализа конкретной обстановки, ленинский план слома старой армии включал ее полную демократизацию, уничтожение всех контрреволюционных и недемократических военных учреждений и постепенную ее демобилизацию с роспуском частей.

II Всероссийский съезд Советов не только поставил задачу полной демократизации армии, но и сделал первые практические шаги в этом направлении. 26 октября съезд принял постановление о создании фронтовых и армейских военно-революционных комитетов, распоряжением которых обязаны были подчиняться командующие фронтами и армиями; комиссары Временного правительства заменялись комиссарами Советской власти.²⁴ В Совете Народных Комиссаров, созданном съездом, был образован Комитет по военным делам. Советское государство с самого начала своего существования заявило о включении в свою компетенцию руководства военными делами, вооруженными силами страны. На местах вся власть переходила к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, «которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».²⁵ Этим актом Советам передавались, с одной стороны, все местные войска и местные военные учреждения, а с другой — на них возлагалась ответственность за осуществление слома старой армии.

Успешно решить задачи управления войсками, их демократизации и демобилизации можно было, лишь опираясь на поддержку масс солдат и имея органы, которые выражали бы интересы солдат и были бы достаточно компетентны в военных де-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 65—66.

²¹ Там же, т. 33, стр. 38.

²² Там же, т. 37, стр. 295.

²³ Там же, т. 35, стр. 12.

²⁴ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957, стр. 21.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

лах. Опыт военной работы большевистской партии, накопленный в ходе революционной борьбы перед Октябрем, подсказал, что такими органами могут стать Советы солдатских депутатов, солдатские секции и их исполкомы (или военные отделы исполкомов) местных Советов, а непосредственно в войсках — солдатские комитеты (от ротных до армейских и фронтовых). Последние, по справедливому заключению П. А. Голуба, были типичны с Советами и входили в единую систему политической организации трудящихся.²⁶

В период между февралем и октябрем 1917 г. образование солдатских секций Советов в результате объединения Советов солдатских депутатов и Советов рабочих (в некоторых местностях — крестьянских) депутатов было массовым явлением. Так, в четырех губерниях Урала в городах с 24 крупными гарнизонами к 1 июля 1917 г. существовали объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов, причем в 22 имелись солдатские секции, а в Мензелинске (Уфимская губерния) — общегарнизонный военный комитет.²⁷ В 14 губерниях центра страны в сентябре 1917 г. насчитывалось до ста Советов с солдатским представительством, а по стране в целом в 1917 г. 706 Советов объединяли рабочих и солдат, 235 Советов — рабочих, солдат и крестьян и только 33 Совета — отдельно солдат.²⁸ В объединенных Советах существовали, как правило, солдатские, или, как их иногда называли, военные секции. На заседаниях этих секций обсуждались вопросы, связанные с проведением демократизации армии, удовлетворением нужд солдат, укреплением дисциплины и т. д. Наиболее крупные солдатские секции (или Советы) имели свои исполнительные органы в виде исполкомов, президиумов и военных отделов, куда входили делегаты от частей и подразделений местных войск. Так, исполнительный комитет Нижегородского Совета солдатских депутатов (впоследствии — солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов) был образован из 44 представителей от частей гарнизона.²⁹ В составе исполкомов или при них создавались различные комиссии, к участию в работе которых привлекались многие солдаты. В Самарском Совете военных депутатов, например, действовали организационная, хозяйственная, строевая и редакционная комиссии, а также комиссия «для установления взаимоотношения между частями».³⁰

По мере большевизации Советов в предоктябрьский период военные секции и их исполнительные комитеты обрели некоторые черты органов управления местными войсками. Еще до Октября сложились предпосылки использования этих органов для решения военных задач Советской власти, что, в частности, было следствием участия некоторых из них в подготовке вооруженного восстания.³¹

Как только власть на местах переходила в руки Советов, они или находившиеся в их ведении военно-революционные комитеты распространяли эту власть на войска старой армии путем направления туда комиссаров и развертывания усиленной агитационной работы среди солдат. Так, 27 октября 1917 г. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов совместно с областным крестьянским Советом назначил прапорщиков Зайда и Архангельского и солдата Доброклопского комиссарами при начальнике гарнизона, о чем в этот же день были извещены все части, а затем объявлено в местной печати.³² Комиссары наблюдали, чтобы начальник гарнизона и его аппарат строго выполняли распоряжения Совета. Все приказы по гарнизону должны были подписываться кроме начальника одним из комиссаров. Подобным образом обстоит дело и в других городах. Различие было лишь в деталях. Приказы по Самарскому гарнизону скреплял своей подписью либо комиссар революционного комитета прапорщик Мельников, либо его помощник — солдат Василий Блюхер,³³ а в Нижегородском, Уфимском и ряде других гарнизонов их санкционировали коллегии «по управлению гарнизоном». Но это не меняло существа дела: во всех случаях Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для сохранения и упрочения своей власти подчиняли себе местные вооруженные силы.

Подчинение старой армии соответствующим местным Советам и назначение ими комиссаров в войска и военные учреждения были важнейшим шагом слома старой армии как аппарата эксплуататорского государства, открывавшим путь к использованию, хотя бы временному и частичному, демократизированных частей армии в интересах новой власти. Вместе с тем это было проявлением объективной закономерной общей тенденции к полноте власти Советов, осуществлявшемуся в более полной мере там, где Советы были большевистскими или же успешно вели борьбу

²⁶ П. А. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, стр. 34.
²⁷ ЦГВИА, ф. 1720, оп. 15, д. 810, лл. 219 об.—228. Подсчет автора.
²⁸ П. А. Голуб. Партия, армия и революция, стр. 30.
²⁹ Государственный архив Горьковской области, ф. 3048, оп. 1, д. 1, л. 71.

³⁰ Государственный архив Куйбышевской области, ф. 277, оп. 1, д. 1, лл. 2—2 об.

³¹ Академик Н. И. Минц отмечает, например, что на Западном фронте подготовку к восстанию возглавляли военный отдел при Мипском Совете и большевистская фракция при исполкоме фронтового комитета. (См.: История Великого Октября. Т. 2. М., 1969, стр. 389).
³² Государственный архив Свердловской области, ф. 62, оп. 1, д. 730, л. 223; Уральская жизнь (Екатеринбург), 1917, 29 октября.
³³ Государственный архив Куйбышевской области, ф. 277, оп. 1, д. 1, л. 115.

с меньшевиками и эсерами.³⁴ Практическое решение дальнейших задач по слову старой армии ложилось на комиссаров Советов, на солдатские секции Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в частях — на солдатские комитеты, зачастую сливавшиеся с Советами и выступавшие в роли их исполнительных органов.

Установление Советской власти на местах, осуществление Советами слова старой армии, прежде всего через ее демократизацию, а также переход к ним управления местными войсками и военными учреждениями закономерно привели к тому, что солдатские секции вышли за рамки «парламентских» функций, совмещая их с функциями управленческими. Такое объективно необходимое изменение характера деятельности солдатских секций местных Советов в полной мере вытекало из природы Советской власти как демократии высшего типа, соединяющей законодательные и исполнительные функции. В. И. Ленин с первых же месяцев существования Советской республики указывал на необходимость привлечения всех членов Совета к управлению. В апреле 1918 г. он отмечал как положительный факт, что «отделы Советов превращаются во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами».³⁵

Как происходил этот процесс, можно проследить на примере военно-организаторской деятельности ряда Советов.

Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов создал в начале ноября 1917 г. военный отдел исполнительного комитета, который возглавил депутат солдатской секции, член исполкома прапорщик П. П. Браницкий — беспартийный, но по всем принципиальным вопросам шедший за большевиками. Военный отдел в своей практической деятельности руководствовался указаниями местного большевистского партийного комитета. Уже с середины ноября 1917 г. он отдавал распоряжения по вопросам демобилизации солдат, организации караульной службы и выполнения нарядов по гарнизону, сохранения воинского имущества и охраны революционного порядка.³⁶ Эти функции отдел осуществлял через своих комиссаров, начальника гарнизона и его аппарат, коменданта города, им назначенного и ему подчиненного, а также через действовавших под его контролем старых военно-административных органов (в частности, управление местной бригады). Постепенно к военному отделу Совета все в большей степени переходят функции непосредственного управления военными делами в гарнизоне. С середины ноября при исполнении Совета устанавливается круглосуточное дежурство членов военного отдела для

оперативного распоряжения войсками. Отдел не только отдаст распоряжения о выборах командиров, но и утверждает избранных, подбирает и даже назначает отдельных должностных лиц. 24 ноября 1917 г. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов принимает постановление, согласно которому за военным отделом официально признается право на управление Екатеринбургским гарнизоном. На другой день был объявлен состав коллегии по управлению гарнизоном, состоявшей из пяти человек во главе с большевиком Я. М. Юровским, впоследствии видным партийным и советским деятелем на Урале. Первые несколько недель в военный отдел входил с совещательным голосом и бывший начальник гарнизона полковник Марковец. 4 декабря 1917 г. военный отдел издал «приказ № 1», призвавший солдат и офицеров выполнять все его распоряжения. В приказе излагались и ближайшие задачи отдела: проведение демократизации и демобилизации армии, забота о быте солдат, реорганизация гарнизона на советских началах и координация деятельности частей, упорядочение несения караульной службы.³⁷

Влиятельная военная секция имела в Совете Уфы. Ее исполнительный комитет с июня 1917 г. работал под руководством большевиков. После взятия власти Советом (26 октября 1917 г.) исполком военной секции быстро расширил свои функции, привлёк большое количество членов Совета в различные комиссии (по вопросам снабжения, аттестования кадров, борьбы с дезертирством, проверки госпиталей и т. д.).³⁸ 7 декабря 1917 г. губернский революционный комитет «пришел к заключению, что Уфимским гарнизоном должна управлять коллегия»,³⁹ а 19 декабря эта коллегия в составе 7 человек начала свою деятельность. В нее вошли представители ревкома (в их числе Э. С. Кадомцев, известный партийный и военный работник Южного Урала), военной секции, двух запасных полков, а также мусульманского Совета.⁴⁰ Последнее было особенно важно, так как создавало благоприятные условия для распространения большевистского влияния на солдат-мусульман и пресечения попыток местных буржуазных националистов использовать их в своих интересах.⁴¹

³⁷ Там же, л. 246.

³⁸ ЦГВИА, ф. 1720, оп. 1, д. 59, лл. 167, 170, 176.

³⁹ Вперед (Орган Уфимского комитета РСДРП(б)), 1917, 9 декабря.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 1720, оп. 1, д. 59, л. 188.

⁴¹ Заметим, что создание исполнительных военных органов при Советах рабочих и солдатских депутатов помогало пресечению попыток использования войск в буржуазно-националистических интересах и в других национальных районах. Характерным примером может служить создание в декабре 1917 г. Военно-революционного штаба местного Совета из солдат-украинцев Сердюцкого полка, осудившего политику Центральной рады (см.: Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917—апрель 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Киев, 1962, стр. 251—252).

³⁴ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VII, стр. 241.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 204.

³⁶ Государственный архив Свердловской области, ф. 62, оп. 1, д. 739, лл. 230 об.—231 об., 236, 242 об.

Исполком Читинского Совета солдатских и рабочих депутатов на совместном заседании с представителями солдатских комитетов 12 ноября 1917 г. обсудил вопрос «об установлении согласованности между исполнительным комитетом и частями войск» и принял решение, согласно которому части могли действовать только с его согласия.⁴² Солдатская секция, сохранившая наименование Совета солдатских депутатов, после перехода власти в руки Советов под руководством местных большевиков активизирует свою деятельность. Только за время с 3 ноября по 15 декабря 1917 г. она провела 12 заседаний, на которых было обсуждено 88 различных вопросов: 28 касались связей с различными общественными организациями и солдатскими комитетами, 27 — организационных вопросов, 7 — хозяйственных, 7 — финансовых, 17 — связанных с утверждением и назначением должностных лиц, 9 — с разбором заявлений военнослужащих, 2 — вопросов распорядка дня в воинских частях и 1 — организации культурно-просветительной работы среди солдат.⁴³ Характер обсуждаемых вопросов свидетельствовал не только о возрастании активности солдатских масс, но и о том, что Совет солдатских депутатов сосредоточивал постепенно в своих руках все управление военными делами: решал вопросы штатов, демобилизации солдат и расформирования частей, оказания помощи революционным силам в других городах, распределения оружия и т. д. и вместе с тем постоянно заслушивал о выполнении своих указаний председателя военной комиссии (военного отдела) Верховурова и других лиц, направлявшихся для решения тех или иных конкретных вопросов.

Расширение функций солдатских секций Советов имело место и в других городах, в том числе столичных. 12 декабря 1917 г. на пленарном собрании членов солдатской секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов обсуждался вопрос об организации работы военного отдела Совета. При обсуждении подчеркивалось, что солдатская секция должна явиться «верховным органом военной власти в гарнизоне»; секция обстоятельно рассмотрела вопросы об определении своих функций и организации работы. «Ближайшей задачей солдатской секции, — сказал, в частности, председатель военного отдела Совета Митрофанов, — является демократизация сверху до низу всех военных учреждений, направляющих жизнь гарнизона. С этой целью солдатская секция должна быть разбита на три основных отдела, которые взяли бы в свои руки дела штаба, ведомства снабжения, т. е. интендантства и медико-санитарного отдела. Солдатская секция выделяет из своей среды лиц, которые вступают в непосредственное и активное руководство этими органами военного управ-

ления. Там, где возможно, работа организуется на коллегиальных началах; лишь в тех случаях, когда по причинам чисто технического свойства это невозможно, допускается отступление от принципа коллегиальности».⁴⁴ Предложенный Митрофановым проект был принят. Если солдатская секция Петроградского Совета осуществляла распорядительные функции, то военный отдел исполкома был органом управления всеми военными делами гарнизона.

Исполнительный комитет имелся и в солдатской секции объединенного Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, созданного 14 ноября 1917 г.⁴⁵

Военные отделы создавались в исполнительных органах не только городских, но и губернских, областных и краевых Советов. Так, 12 ноября 1917 г. избрала «военную комиссию» из 8 человек солдатская секция Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;⁴⁶ впоследствии в эту комиссию направлялись на решение все важнейшие дела военного управления в губернии. Военный отдел имелся в исполнительном комитете Пермского губернского Совета, избранного 13 декабря 1917 г. и работавшего под руководством губкома РСДРП (б).⁴⁷ В составе исполкома Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов с августа 1917 г. существовал «комиссариат по военным делам». Он сохранился и после Октябрьской революции, хотя по своей малочисленности не мог развернуть активной деятельности.⁴⁸ В Белоруссии в ноябре 1917 г. в образованном там областном исполнительном комитете Советов Западной области (Облисполком) также был создан военный отдел.⁴⁹ В конце декабря 1917 г. краевой Совет Кавказской армии создал краевой комитет по демобилизации. Хотя по названию он имел специальное предназначение, но, судя по перечислению его функций в газете «Кавказский рабочий» от 29 декабря 1917 г., фактически осуществлял управление военными делами на территории действия Кавказской армии.⁵⁰

Повышение роли и изменений функций солдатских секций Советов после Октября, а также создание в составе исполнитель-

⁴⁴ Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 13 декабря.

⁴⁵ См.: Е. Г. Гимпельсон. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.). М., 1958, стр. 74.

⁴⁶ Центральный государственный архив Татарской АССР, ф. 98, оп. 1, д. 3, л. 2.

⁴⁷ Государственный архив Пермской области, ф. 732, оп. 1, д. 10, л. 317 об.

⁴⁸ Известия Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов (Екатеринбург), 1918, 16 января.

⁴⁹ Советы в первый год пролетарской диктатуры. М., 1967, стр. 182—183.

⁵⁰ См.: Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921). Тбилиси, 1958, стр. 177.

⁴² ЦГВИА, ф. 1468, оп. 7, д. 10, л. 46.

⁴³ Там же, дд. 10, 14. Подсчет автора.

ных комитетов Советов специальных органов — военных отделов, занимавшихся управлением военными делами, было не только массовым, но и закономерным явлением, обусловленным необходимостью осуществления слома старой армии и ее временного использования в интересах Советской власти. Процесс слома старой армии, в частности ее демократизации и демобилизации на примерах фронтов и полевых армий, обстоятельно освещен в советской исторической литературе.⁵¹ Остановимся лишь на некоторых моментах и покажем, как происходил этот процесс в тыловых частях и какую роль в нем играли военные отделы Советов.

Демократизация армии была начата еще в ходе Февральской революции. Но только победа Великой Октябрьской социалистической революции позволила провести полную ее демократизацию. В течение ноября—декабря 1917 г. вся масса армии, как писал В. И. Ленин, была охвачена революцией.⁵² Это выражалось в повышении роли солдатских общественных организаций и особенно комитетов, замене старых недемократических учреждений, выборе командиров, уничтожении ряда институтов, присутствующих в армиях эксплуататорских государств. В имеющейся литературе правильно указывается, что в первое время демократизация осуществлялась революционным творчеством снизу. Однако в некоторых исследованиях делается упор на то, что до 15 декабря 1917 г. не было никаких директивных указаний об едином порядке проведения демократизации. Действительно, законодательных документов, директив или приказов до середины декабря не издавалось. Но независимо от этого процесс демократизации и тогда уже происходил не стихийно, а под общим руководством большевистской партии и Советов. С. М. Кляцкий в своей монографии правильно подчеркнул в данной связи значение таких документов, как «Проект декларации Народных комиссаров по военным и морским делам, представленный утверждению Совета Народных Комиссаров» от 13 ноября 1917 г., и «Проект положения о демократизации армии», принятый Военно-революционным комитетом при Ставке 30 ноября. Оба эти документа сразу же были опубликованы в печати и телеграфно доведены до войск.⁵³ Вместе с тем следует обратить внимание на ряд документов из переписки Центрального Комитета РСДРП(б) с местными и войсковыми организациями. Отвечая на письма парторганизаций военных частей, Секретариат ЦК подсказывал

⁵¹ См.: Е. Н. Городецкий. 1) Рождение Советского государства, стр. 355—399; 2) Демобилизация армии в 1917—1918 гг. — История СССР, 1958, № 1, стр. 3—31; С. М. Кляцкий. На защите Октября, стр. 55—79; И. И. Милл. Октябрь на фронте. — Военно-исторический журнал, 1967, № 9, стр. 24—26; П. А. Голуб. Партия, армия и революция, и др.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 163.

⁵³ С. М. Кляцкий. На защите Октября, стр. 64—68.

им основные направления деятельности по вопросам демократизации: осуществление выборности командиров, расширение функций полковых и ротных комитетов и др.⁵⁴ В конце ноября—начале декабря 1917 г. ЦК РСДРП (большевиков) разослал всем местным партийным организациям циркулярное письмо, к которому прилагалась инструкция, разработанная Московским областным бюро. В ней указывалось, в частности, на необходимость проведения немедленных выборов всего командного состава гарнизонов, строгого учета всех воинских сил, оружия, снаряжения, разоружения ненадежных частей, назначения комиссаров во все местные военно-административные и военно-хозяйственные учреждения.⁵⁵ Данный документ, на наш взгляд, имеет особенно большое значение. Во-первых, он выражал отношение Центрального Комитета к важнейшим военным вопросам, в том числе и к демократизации армии. Во-вторых, он обращал внимание местных партийных организаций на необходимость непосредственно заниматься осуществлением демократизации и служил примером конкретности руководства. В-третьих, документ ЦК устанавливал единство в решении некоторых вопросов демократизации и, будучи оперативно доведен до мест, послужил основой для военной деятельности не только партийных организаций, но и местных Советов. Данный документ является одним из образцов того, как центральные учреждения использовали опыт местных органов, делали его достоянием всех.

Большую работу по установлению связи с местными органами власти, в частности с солдатскими секциями Советов и солдатскими комитетами, провел военный отдел ВЦИК. Он изучал настроение солдатских масс и в особенности их отношение к демократизации старой армии. В отчете военного отдела ВЦИК о своей деятельности между II и III Всероссийскими съездами Советов, написанном его председателем А. С. Енукидзе, указывалось, что из 512 наказов солдат, поступивших с 10 ноября 1917 г., касавшихся различных вопросов политического положения (о мире, об Учредительном собрании и др.), в 70 наказах речь шла о демократизации и в 81 — о демобилизации.⁵⁶ В своей работе среди солдатских масс военный отдел ВЦИК главное внимание обращал на укрепление общественных организаций в армии (солдатских секций, военных отделов, ротных и полковых комитетов), на развитие революционного сознания солдат и солдатской самостоятельности, а также на предотвращение различных эксцессов и расхищения народного достояния.⁵⁷

⁵⁴ См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917—февраль 1918 гг.). Сборник документов. Т. II. М., 1957, стр. 81, 82 и др.

⁵⁵ Там же, стр. 44—45.

⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 2, л. 8.

⁵⁷ Там же, л. 10.

Уже в ноябре—начале декабря 1917 г. в войска старой армии и в местные Советы поступило немалое количество руководящих указаний из центра по вопросам демократизации армии. Поэтому вряд ли целесообразно делить процесс демократизации на два этапа⁵⁸ — до выхода декретов Совпаркома от 15 декабря 1917 г. «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборах в начале и об организации власти в армии» и после их выхода. Данными декретами обобщались уже имевшийся опыт мест и законодательно закреплялись мероприятия по демократизации армии. Огромное значение этих декретов, на наш взгляд, следует видеть не во введении единого порядка демократизации, а в том, что ими определялось подчинение армии Совету Народных Комиссаров и законодательно закреплялось полновластие в армии Советов и солдатских комитетов.⁵⁹ Это было отражением одной из важнейших закономерностей социалистической революции: взявший в свои руки власть пролетариат обеспечивает прочность своей диктатуры соответствующей военной организацией — прежде всего немедленным подчинением себе имеющихся вооруженных сил, разоружением тех, которые невозможно использовать, а главное — коренным изменением классового характера военной организации, находящейся в полном ведении Советов как органов пролетарской диктатуры.

Благодаря активной деятельности местных Советов и солдатских комитетов демократизация старой армии была проведена в кратчайшие сроки. Одним из важнейших элементов демократизации явилось проведение выборов командного состава, благодаря чему войска старой армии выводились из подчинения представителей эксплуататорских классов — буржуазно-дворянского офицерского корпуса. В войсках Московского военного округа только за период с начала декабря 1917 г. по 4 января 1918 г. были избраны и утверждены приказом Командующего военным округом 51 командир полка, 10 командиров пехотных дружин и большое количество других должностных лиц.⁶⁰ При этом утверждение командиров проводилось по представлению местных Советов или солдатских комитетов. Так, командир 42-й пехотной запасной бригады был утвержден в должности по представлению Костромского Совета рабочих и солдатских депутатов, командир 77-го пехотного полка — по представлению полкового солдатского комитета⁶¹ и т. д. В результате к руководству войсками пришли пользовавшиеся авторитетом солдаты и офицеры,

⁵⁸ См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 364.

⁵⁹ См.: Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. М., 1942, стр. 135, 136.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 55, лл. 292, 297, 299, 308—311; д. 58, лл. 4—6. Подсчет автора.

⁶¹ Там же, д. 55, л. 292.

стоявшие на позициях Советской власти. Например, командующим 3-й армией был избран большевик прапорщик С. Анучин, начальником Иркутского гарнизона — большевик С. Лазо, командиром VI Сибирского армейского корпуса — большевик М. Васильев. Аналогичным образом на командные должности были выдвинуты и многие другие большевики, ставшие впоследствии видными советскими военачальниками.

Успех деятельности местных Советов в области демократизации старой армии в полной мере зависел от партийного состава того или иного Совета, его способности проводить в жизнь политику большевистской партии и Советского государства. При осуществлении полной демократизации и полного подчинения частей Советам большевикам приходилось вести борьбу с представителями соглашательских партий, а в тех Советах и комитетах, где преобладали меньшевики и эсеры, проведение демократизации задерживалось или осуществлялось с такими извращениями, которые фактически сводили ее на нет. Так, солдатский комитет управления Петроградской местной бригады, находившийся под влиянием меньшевиков, провел на общем собрании солдат 15 декабря 1917 г. резолюцию о выражении полного доверия всем офицерам и оставлении их на занимаемых должностях.⁶² В исполкоме Совета солдатских депутатов Одессы, где преобладали меньшевики и эсеры, хотя и принимались резолюции в поддержку решений II Всероссийского съезда Советов, но вся работа свелась к образованию многочисленных комиссий из солдат (всего было создано 4 секции и 11 комиссий) и назначению комиссаров.⁶³ 13 ноября Совет принял решение об организации местной «гражданской и военной власти» «по пропорциональному представительству от исполкома и украинских революционно-демократических организаций с представительством социалистических партий».⁶⁴ Дело кончилось роспуском имевшихся отрядов революционно настроенных солдат.

В случаях, когда в солдатских комитетах оказывалось большинство представителей враждебных Советской власти партий, местные Советы назначали перевыборы комитетов. Например, военный отдел Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов организовал перевыборы полкового и ротных комитетов 126-го запасного полка, находившихся под влиянием антисоветски настроенных представителей местной эсеровской организации.⁶⁵

Несмотря на большие трудности борьбы против соглашательских партий, благодаря руководству большевистских парторга-

⁶² Там же, ф. 1360, оп. 1, д. 2, л. 132.

⁶³ Там же, ф. 1837, оп. 9, д. 1, лл. 39, 43—45.

⁶⁴ Там же, л. 46.

⁶⁵ Уральский рабочий, 1917, 19 сентября.

низаций, большой подготовительной работе, поддержке Советской власти большинством солдат местным Советам и их военным отделам удалось в тыловых районах осуществить мероприятия по демократизации старой армии примерно в те же сроки, что и на фронте. Таким образом, процесс демократизации охватил всю старую армию — на фронте и в тылу, в центре и в отдаленных местностях, в том числе не только в Российской Федерации, но и в других советских национальных образованиях. I Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся 12 декабря 1917 г., в резолюции о провозглашении Советской власти на Украине поручил Временному Центральному Исполнительному Комитету распространить на территории Украинской республики распоряжения правительства Российской Федерации, касающиеся полной демократизации армии.⁶⁶ Газета «Правда», сообщая о том, что в Туркестанском крае укрепляется Советская власть, отмечала, что и там «идет полная демократизация армии».⁶⁷ В конце декабря 1917 г. В. И. Ленин с полным основанием утверждал, что «за несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии»,⁶⁸ а 11 января в выступлении на III Всероссийском съезде Советов он заявил, что «полная демократизация армии проведена».⁶⁹

Проведение демократизации армии, изоляция контрреволюционного офицерства позволили Советам через солдатские секции и военные отделы в определенной мере использовать части старой армии в интересах развития революции. Это использование шло по следующим основным направлениям: привлечение солдат к несению караульной службы в гарнизонах по охране государственных и военных объектов, для сопровождения и охраны военных и других грузов и к борьбе со спекуляцией; использование революционно настроенных солдат для вооруженной борьбы с контрреволюцией и создание из них первых подразделений новой армии; вовлечение находившихся под большевистским влиянием солдат для ведения агитационной работы среди населения и оказания помощи в установлении Советской власти в отдаленных местностях.

Подтвердим сказанное примерами. 2 ноября 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов г. Шуи Владимирской губернии отправил на помощь пролетариату в Москву 3 маршевые роты революционно настроенных солдат старой армии.⁷⁰ Более трех месяцев участвовали в боях с дотовскими мятежниками несколько

⁶⁶ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти, стр. 15.

⁶⁷ Правда, 1918, 16 января.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 191.

⁶⁹ Там же, стр. 269.

⁷⁰ Коммунистическая партия в период упрочения Советской власти (октябрь 1917—1918). Документы и материалы. М., 1960, стр. 109.

сот солдат 17-го Сибирского полка старой армии, прибывших в составе Северного летучего отряда на Южный Урал по указанию В. И. Ленина в ноябре 1917 г.⁷¹ Постановлением 1-го Вятского губернского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предписывалось: «Во всех частях войск, расположенных в пределах Вятской губернии, немедленно приступить к организации народных социалистических дружин из числа способных нести военную службу».⁷² В январе 1918 г. там на базе 106-го запасного нехотного полка уже была сформирована первая команда Красной Армии в количестве 50 чел.⁷³ С 1 февраля было приступлено к формированию роты Красной Армии из солдат 154-го запасного полка в Глазове.⁷⁴

Военный отдел Саратовского Совета отобрал в местном гарнизоне 300 наиболее политически грамотных и преданных делу революции солдат и послал их в качестве уполномоченных Совета во все волости губернии для оказания помощи в организации Советской власти.⁷⁵

Трудно переоценить значение проведенных Советами и их военными отделами мероприятий по демократизации старой армии. Однако, как это справедливо подчеркивается в исторической литературе, демократизация еще не означала ликвидации старой армии.⁷⁶ Демократизация разрушила старые учреждения в армии, обеспечила необходимое обновление офицерского корпуса, развитие самостоятельности солдатских масс и создала возможность для временного использования старой армии в интересах диктатуры пролетариата. Но солдатские массы устали от многолетней войны; крестьяне, составлявшие подавляющее большинство в армии, стремились побыстрее возвратиться домой, чтобы воспользоваться тем, что им дала революция, — землей. Особенно наглядно проявилась неспособность старой армии вы-

⁷¹ Отряд прибыл на Урал на основании известной записки В. И. Ленина о помощи оренбуржцам против Дутова. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 10; подробно об этом см.: Е. П. Тарасов, Николай Ильич Подвойский. М., 1964, стр. 57—69; П. Попов, Ю. Буранов, И. Шакирко. По приказу революции. Свердловск, 1966, стр. 6—8. После отражения первого выступления Дутова полк должен был быть расформирован. Но, поскольку обстановка оставалась напряженной, полк по просьбе уральцев оставался в полном составе в подчинении местных Советов и провоевал здесь до апреля 1918 г. (см.: ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 60, лл. 72, 97, 177).

⁷² Государственный архив Кировской области, ф. 875, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁷³ Там же, ф. 1585, оп. 8, д. 4, л. 81.

⁷⁴ Там же, д. 43, л. 35. Вопрос о вступлении солдат старой армии добровольцами в Красную Армию отмечен в монографии Н. Ф. Кузьмина «В. И. Ленин во главе обороны Советской страны» (М., 1958, стр. 63).

⁷⁵ См.: Д. А. Чугаев. Триумфальное шествие Советской власти. — В кн.: Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах. М., 1953, стр. 29.

⁷⁶ См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 372.

полнять серьезные боевые задачи в момент наступления немецкой армии.⁷⁷ Разложение старой армии было явным не только на фронте, но и в тылу.⁷⁸ Советское правительство, форсируя мирные переговоры с Германией, сочло необходимым наряду с демократизацией проводить последовательную плановую демобилизацию личного состава старой армии и расформирование ее частей. Непосредственное осуществление этой задачи легло на плечи военных отделов Советов или других исполнительных органов солдатских секций на местах.

Местные Советы, принимая решения для исполнения распоряжений центральных органов, выделяли специальные комиссии (бюро, отделы), координировавшие работу соответствующих ведомств в период массовых демобилизаций. Предметом особой заботы местных Советов было удержание солдат от стихийной демобилизации, соблюдение ее планового характера. Показателем в этом отношении опыт челябинских большевиков. Когда в декабре 1917 г. в Челябинске особенно сильно стали проявляться демобилизационные настроения, местный Совет рабочих и солдатских депутатов, неоднократно обсудив этот вопрос на своих заседаниях (с приглашением делегатов, прибывших с фронта), принял обращение к солдатам с призывом «оставаться на своем посту» и с осуждением тех, «кто его покидает». По решению Совета во всех подразделениях прошли солдатские митинги. Военная секция Совета в своем воззвании к солдатам разъяснила недопустимость преждевременной демобилизации. Были организованы собрания кадровых рабочих, которые также обратились к солдатам с призывом к единению и стойкости. Местная газета опубликовала указанные документы, а также письма солдат к своим товарищам.⁷⁹ Благодаря этому демобилизация в Челябинском гарнизоне прошла без каких-либо эксцессов.

Однако в некоторых гарнизонах Советы и их военные отделы не сумели действовать столь успешно. Так, под влиянием эсеров Осинский уездный съезд Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов в феврале 1918 г. принял резолюцию с требованием «немедленной демобилизации войск».⁸⁰

⁷⁷ См.: Д. В. Озобишин. От Бреста до Юрьева. М., 1966, стр. 63.
⁷⁸ Наличие больших масс запасников, их бездельность и трудности со снабжением толкали солдат в самовольные отлучки, на поиски заработков. Военный отдел Вятского губисполкома столкнулся с таким положением, что из полутора тысяч числящихся солдат в наличии было только 700, остальные находились в самовольной отлучке или просто батрачили. (См.: Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сборник документов и материалов. Ижевск, 1957, стр. 261).

⁷⁹ Известия Челябинского военно-революционного комитета, 1917, 10, 12, 14, 18, 22 и 30 декабря.

⁸⁰ Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, 1918, 23 февраля.

Заключение Брестского мира ускорило процесс демобилизации. В начале марта на основании постановления Народного комиссариата по военным делам приостановленная демобилизация была продолжена, и к апрелю личный состав войск старой армии был демобилизован. По мере демобилизации шло расформирование старых воинских частей. При этом местные Советы стремились провести его также организованно, с тем чтобы сохранить имевшиеся в войсках оружие, боевую технику, обмундирование, запасы продовольствия и денежные средства. Военные отделы Советов брали в свои руки учет материальных ценностей войск, снабжение их имуществом и вооружением, выделяя для этого специальных лиц (например, «комиссаров по охране оружия») и используя комиссии при солдатских секциях Советов и солдатских комитетов. Большую работу провели Советы по борьбе с попытками расхищения народного достояния солдатами, в частности оставления при себе оружия при увольнении с воинской службы.

Так, на плечи Советов легло проведение всех мероприятий по осуществлению такого важного элемента слома старой армии, как демобилизация ее личного состава и расформирование частей. Не случайно поэтому указания центральных органов по вопросам демобилизации направлялись непосредственно в адрес местных Советов. В телеграмме Наркомвоенна от 23 января 1918 г. и Наркомвнудела губернским и уездным Советам предлагалось произвести учет всех демобилизованных, зарегистрировать солдат, покинувших части до объявления демобилизации, взять под свой контроль распределение пайков.⁸¹ Распоряжением Наркомвоенна от 2 марта 1918 г. местным Советам вменялось в обязанность взять на учет оружие увольняемых⁸² и т. д., и т. п.

Наконец, отметим роль местных Советов в ликвидации старых органов военного управления. Разрушение старого государственного и военного аппарата В. И. Ленин считал важным условием становления и укрепления диктатуры пролетариата. Он говорил, что «диктатура пролетариата и Советская власть означают ясное сознание необходимости разбить, сломать вдребезги, буржуазный (хотя бы и республикански-демократический) государственный аппарат, суды, бюрократию, гражданскую и военную, и т. д.»⁸³ Слом старых центральных органов военного управления осуществлялся путем немедленной ликвидации явно контрреволюционных, упразднения ненужных и временного сохранения необходимых органов при условии замены негодных старых руководящих работников безусловно преданными большевистской партии и Советской власти людьми,

⁸¹ ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 326, лл. 8—9.

⁸² Там же, л. 15.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 58.

а также контроля со стороны политических комиссаров Советов за работой специалистов. В дальнейшем эти органы или заменялись новыми, или поглощались ими, реорганизуясь на новой основе, но сохраняя технический аппарат. Подобные тенденции наблюдаются и в процессе слома старого местного военного аппарата.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции местный военный аппарат в России складывался из 12 управлений военных округов, на которые была разделена территория страны, управлений местных бригад, в чьем ведении находились все местные войска и военные учреждения на территории данного «бригадного района», лишь иногда совпадавшего с территориями губерний, а также уездных управлений воинских начальников, которые ведали учетом военнообязанных и их семей, организацией приема новобранцев, их распределением, отправкой в войска, подготовкой запасников.⁸⁴ Кроме перечисленных органов, подчиненных Военному министерству, мобилизационными вопросами занимались также губернские и уездные присутствия по воинской повинности, подчиненные Министерству внутренних дел. Это был громоздкий военно-бюрократический аппарат, «усиливавший», по выражению В. И. Ленина, «власть чиновников и полиции над народом».⁸⁵ Естественно, что этот аппарат классового угнетения должен был подвергнуться слоому. Но, поскольку некоторые из этих органов располагали важными сведениями о людских ресурсах и т. п., большевистская партия и Советы стремились, во-первых, максимально контролировать и демократизировать эти органы, использовать ту их часть, которая осуществляла учетно-распределительные функции, а во-вторых, не допускать, чтобы они были использованы контрреволюционными элементами во вред Советской власти. Поэтому местные Советы тотчас после взятия власти направляли в органы военного управления своих комиссаров, которые наблюдали за их деятельностью и периодически информировали об этом направивший их Совет. В управлении военных округов были созданы коллегии комиссаров, носившие различное название, например Совет военных комиссаров (Петроградский военный округ), Совет комиссаров по управлению округом (Казанский военный округ), Военно-окружной комитет (Омский военный округ). Эти коллегии проделали огромную работу по очистке окружных аппаратов от антисоветских элементов. Командующими военными округами стали большевики — солдат Н. Муралов (Московский военный округ), прапорщик Н. Ершов (Казанский военный округ) и другие.

⁸⁴ См. подробнее: Столетие Военного Министерства. Исторический очерк развития военного управления в России. 1802—1902. СПб., 1902, стр. 491, 510, 522, 611.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 170.

22 января 1918 г. Наркомвоенном был издан приказ об упразднении военно-окружных советов военных округов с передачей их функций военным отделам Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.⁸⁶ Этот приказ узаконивал ликвидацию старой верхушки такого важного звена местных органов военного управления, как военно-окружное командование. Бесспорно, он имел большое значение для строительства Красной Армии. Во-первых, в нем еще раз подтверждалось, что монопольное право управления вооруженными силами во всех звеньях принадлежит только Советам. Во-вторых, он явился важным шагом к созданию единой системы военного управления в добровольческий период строительства Красной Армии по схеме: Совет Народных Комиссаров—Наркомвоен—Советы на местах—военные отделы. В-третьих, данным актом еще раз декларировалось, что партия и Советы строят новую армию на совершенно новых принципах, что при этом разрушается все то, что хотя бы только по форме напоминает трудящимся старую армию. Последнее давало определенный политический выигрыш в агитации среди масс за создание новой армии на добровольческих началах. В-четвертых, военные отделы Советов получали возможность использовать отдельные звенья бывшего аппарата (приказ предоставлял им «право приглашать в свой состав специалистов в качестве компетентных лиц»).

Чистка местного военного аппарата от антисоветски настроенных лиц шла не только в округах, но и в других его звеньях, где комиссары Советов в случае необходимости даже становились во главе этих учреждений. Параллельно с проведением выборности командного состава в войсках производились выборы начальствующих лиц и в органах военного управления. Так, 29 января 1918 г. общее собрание солдат Управления Орловского уездного воинского начальника избрало уездным воинским начальником рядового Бутырского (взамен подполковника Козырева), а заведующим пунктом военнопленных — прапорщика Долгоского, который и ранее занимал эту должность.⁸⁷ 18 декабря 1917 г. на совещании делегатов управлений и команд Петроградской местной бригады было принято решение, согласно

⁸⁶ Собрание узаконений..., стр. 296. См. также: С. М. Кляцкин. На защите Октября, стр. 107. Однако трудно полностью согласиться с автором в оценке значения приказа для строительства Красной Армии и, в частности, с тем, что «он разрушал всю старую систему военно-окружного управления, которая связывала местный военный аппарат, и лишала военное командование округов той неограниченной власти, которой оно пользовалось на территории своего военного округа». Разрушило старую систему революционное творчество масс, направлявшееся Коммунистической партией. Былой власти военно-окружные советы к этому времени уже не имели, так как на местах военные отряды подчинялись Советам и контролировались ими.

⁸⁷ ЦГВИА, ф. 1605, оп. 1, д. 195, л. 18.

которому высшей властью в бригаде объявлялся бригадный комитет. На основании этого решения были произведены выборы должностных лиц, в том числе начальника бригады.⁸⁸ 19 января 1918 г. прошли выборы начальника Тамбовской местной бригады и других должностных лиц ее управления.⁸⁹

Мероприятия по слову старого местного военного аппарата обеспечивали его демократизацию и подготавливали его полную ликвидацию. 20 января 1918 г. вышло постановление Народного комиссариата внутренних дел о ликвидации губернских и уездных присутствий по воинской повинности.⁹⁰ Дела по пенсному обеспечению семей фронтовиков, а также инвалидов войны передавались соответствующим комиссиям и отделам признания Советов, а дела по обложению военным налогом лиц, освобожденных от военной службы, — в финансовые отделы местных Советов.⁹¹ 25 января Народный комиссариат по военным делам издал приказ о расформировании управлений местных бригад.⁹² Но фактически ликвидация этих органов происходила и до выхода данного приказа, поскольку сразу же выявилась необходимость изъять из их подчинения местные войска. Так, в Екатеринбурге военный отдел Совета постановил упразднить должность начальника бригады еще в середине декабря 1917 г.⁹³ Что касается управлений уездных воинских начальников, то, поскольку они обладали наиболее важными учетными данными, приказом Наркомвоена от 25 января 1918 г. эти управления включались в состав уездных Советов и переименовывались в учетные отделы Советов.⁹⁴ Это мероприятие позволило сохранить для Советской власти и ценные учетные сведения, и специалистов по учету. Переименование управлений имело и политический смысл — оно показывало, что старые органы рекрутчины и солдатчины фактически ликвидировались, лишь часть их, выполнявшая учетно-распределительные функции, ассимилировалась Советами. Ликвидация управлений уездных воинских начальников произошла в основном в феврале — апреле 1918 г.

Большие трудности в осуществлении слома старых органов военного управления возникли в результате стремления к сепаратизму, который уже с первых месяцев Советской власти проявился у ряда работников местных партийных и советских органов (стремление к децентрализации управления, нежелание выполнять указания центра или выполнение их с большой задержкой и др.). Это можно проследить на ряде примеров из деятель-

ности Советов и партийных организаций Урала. В пермской большевистской газете наряду с правильными взглядами о необходимости устранения чиновничьего аппарата проводилась мысль о том, что «новый государственный аппарат будет строиться снизу, на принципе децентрализации власти, т. е. на принципе автономности мелких единиц».⁹⁵ В Ирбитском и Осинском уездах Пермской губернии местные органы сомневались в целесообразности реорганизации управлений уездных воинских начальников и значительно затянули это мероприятие.⁹⁶ Сепаратизм становился серьезным тормозом в вопросах государственного строительства вообще и военного строительства в частности. Уральские областные партийные и советские органы стремились бороться с его проявлениями, указывали местным Советам и парткомам на необходимость выполнения всех директив и указаний центра, но иногда они сами скатывались на сепаратистские позиции. Преодоление их потребовало больших усилий представителей центральных органов на местах.

Итак, в первые месяцы после Октября Коммунистическая партия и Советы осуществили слом старой армии. В ходе его местные Советы не только подчинили себе вооруженные силы, но и создали на базе солдатских секций и их исполнительных органов военные отделы исполкомов, которые практически проводили ликвидацию старых военных институтов и временно использовали старую армию в интересах диктатуры пролетариата. Военные отделы местных Советов и исполнительные органы солдатских комитетов в войсках фактически выполняли функции военного управления. Наличие таких органов имело большое значение для подготовки создания новой социалистической армии. Идея преемственности органов по осуществлению слома старой армии и новых органов нашла выражение в документах по подготовке строительства Красной Армии. Так, в «Положении, выработанном советским коллегией по военным делам с тов. Лениным, Дыбенко и Сталиным» от 22 декабря 1917 г., указывалось на необходимость оставить в солдатских комитетах только ядро работников, а остальных поставить во главе вновь сформированной армии.⁹⁷

Коммунистической партии и Советскому правительству удалось в определенной мере использовать революционные части старой армии для удержания фронта и для борьбы с первыми выступле-

⁸⁸ Там же, ф. 1360, оп. 1, д. 5, лл. 40—43.

⁸⁹ Там же, ф. 1644, оп. 1, д. 13, л. 5.

⁹⁰ Собрание узаконений..., стр. 273.

⁹¹ Там же, стр. 273, 386, 389.

⁹² Там же, стр. 307.

⁹³ Борьба (Екатеринбург), 1917, 18 декабря.

⁹⁴ Собрание узаконений..., стр. 307.

⁹⁵ Пролетарское знамя, 1917, 16 декабря.

⁹⁶ Государственный архив Свердловской области, ф. 1913, оп. 1, д. 29, л. 33; Государственный архив Пермской области, ф. 360, оп. 1, д. 1, лл. 45 об., 83 об.

⁹⁷ Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии, стр. 179.

ниями контрреволюции. Но главную военную силу Советской власти, ее вооруженный оплот составляла в первые месяцы после Октября Красная гвардия. Вопрос о роли красногвардейских формирований в установлении и упрочении Советской власти широко освещен в нашей исторической литературе. При этом показано, что такие формирования создавались под руководством большевистских партийных комитетов при местных Советах, которые для конкретного повседневного управления ими, как правило, образовывали специальные штабы Красной гвардии. Советы обеспечивали красногвардейские отряды всем необходимым, следили за организацией военного обучения красногвардейцев и в случае необходимости использовали формирования Красной гвардии для подавления контрреволюционных выступлений, поддержания порядка и охраны наиболее важных объектов. Не останавливаясь подробно на этих вопросах, подчеркнем лишь, что, будучи в полной мере классовой вооруженной организацией пролетариата, Красная гвардия явилась зачатком армии социалистического государства. «Вооруженные рабочие, — писал В. И. Ленин в конце 1918 г., — были зачатком новой армии, организационной ячейкой нового общественного строя».⁹⁸

Но Красная гвардия не была массовой регулярной вооруженной силой, способной решить задачу защиты социалистического государства от интервентов. Нельзя было рассчитывать в этом вопросе и на старую армию, хотя и демократизированную. Необходима была Советская армия — армии нового типа. Существенное значение для определения конкретных путей ее строительства имел проходивший в конце декабря 1917 г. — начале января 1918 г. общевойсковой съезд по демобилизации старой армии. В письме к делегатам съезда В. И. Ленин выразил уверенность, что «великая задача создания социалистической армии, в связи со всеми трудностями переживаемого момента, и несмотря на эти трудности, будет решена вами успешно».⁹⁹ Съезд обратился с призывом к солдатам, рабочим и крестьянам-беднякам вступить в новую революционную армию.

3 января 1918 г. ВЦИК принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанную В. И. Лениным. В Декларации декретировалось «вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов».¹⁰⁰ Это был первый законодательный акт Советской власти о строительстве новой армии. 12 января Декларация была утверждена III Всероссийским съездом Советов, а 15 января заседание Совета Народных

Комиссаров, проводившееся под председательством В. И. Ленина, рассмотрело и утвердило декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В декрете определялись предназначение, основные ближайшие и последующие задачи армии Советской республики, отражались важнейшие принципы ее строительства: открыто классовый характер, безраздельное руководство со стороны Советов, необходимость организованности и дисциплины, основанных на высокой сознательности, добровольческий принцип комплектования.

Решающую роль в создании Красной Армии должны были сыграть руководимые партией Советы. Для этого в Советах необходимо было иметь специальные органы, которые практически занимались бы вопросами не только строительства новой армии, но и управления всеми военными делами. Отсутствие таких органов означало бы на деле лишение Советов возможности управлять создаваемой вооруженной силой в интересах упрочения диктатуры пролетариата, использовать ее для развития социалистических преобразований и защиты дела социализма от проносов врагов. Поэтому создание военных отделов Советов явилось отнюдь не плодом чьих-то субъективных мнений или случайной находкой тех или иных лиц, а конкретным проявлением одной из объективных закономерностей социалистической революции: необходимости в интересах диктатуры пролетариата иметь свою вооруженную силу.

В. И. Ленин еще в книге «Государство и революция» показал конкретные черты нового государственного аппарата. Народ сможет, писал он, подавить эксплуататоров «при очень простой „машине“, почти что без „машины“, без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов — заметим, забегая вперед)».¹⁰¹ Если Советы — организации вооруженных масс, то естественно, что в них, а не помимо них должны были создаваться и органы управления этими вооруженными массами. Разоблачая оппортунизм Каутского, пытавшегося доказать неизбежность сохранения старого аппарата управления, Ленин писал: «Революция состоит в том, что пролетариат разрушает „аппарат управления“ и весь государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает „суеверное почтение“ к „министерствам“, но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов?».¹⁰² В. И. Ленин предвидел необходимость привлечения специалистов, в том числе для решения вопросов военного строительства, но эти «комиссии специалистов» могли создаваться

⁹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 295.

⁹⁹ Там же, т. 35, стр. 224.

¹⁰⁰ Декреты Советской власти, т. I, стр. 322.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 91.

¹⁰² Там же, стр. 114.

только «при полновластных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов».

В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» (сентябрь 1917 г.) В. И. Ленин, характеризуя сущность Советов как нового государственного аппарата, первым пунктом указал, что они дают «вооруженную силу рабочих и крестьян», теснейшим образом связанную с народом и несравненно более могучую в военном отношении.¹⁰³ После победы революции В. И. Ленин неоднократно возвращался к этой проблеме и не раз упоминал о неразрывной связи Советов и их вооруженных сил. Так, в черновом наброске проекта Программы к VII съезду партии одной из важнейших задач укрепления и развития Советской власти В. И. Ленин ставил «создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы = вооруженные рабочие и крестьяне)».¹⁰⁴

Коль скоро создание армии и управление ею явились прерогативой Советов, то именно в их составе, в их подчинении и должны были создаваться и местные органы военного управления. В соответствии с линией партии Наркомвоенпом еще 12 января 1918 г. было дано предписание всем местным Советам и солдатским комитетам немедленно создать военные отделы, организовать сеть вербовочных пунктов и открыть запись добровольцев в ряды Красной Армии.¹⁰⁵ Данное предписание, как показывает изучение многочисленных архивных источников и периодической печати того времени, с большим запозданием доходило до местных Советов. Но независимо от этого местные Советы уже с начала января 1918 г. начинают развертывать деятельность по созданию новой армии. Это было, с одной стороны, проявлением объективной необходимости, с другой — естественным проявлением решающей роли народных масс, их энтузиазма, инициативы и творчества в укреплении завоеваний Октября. Направить этот энтузиазм в нужное русло не всегда, а то и вообще невозможно было циркуляром сверху. Это могли лучше всего сделать партийные и советские органы непосредственно на местах. И там, где они оказывались на высоте в понимании обстановки, условий, решений центральных органов и вытекающих из конкретных условий своих задач, — там успешней решались все вопросы государственного строительства, в том числе и военного.

Те местные Советы, в которых существовали военные отделы, занимавшиеся сломом и временным использованием старой армии, как правило, принимали решения о том, чтобы данные военные отделы занимались и комплектованием Красной Армии,

ее снабжением и всеми остальными вопросами военного управления. Это имело большой смысл, так как обеспечивало необходимую преемственность в вопросах военного строительства; в таких случаях набор добровольцев, формирование красноармейских частей проводились на базе частей старой армии, в условиях, когда непосредственно к этому подключались солдатские комитеты или образуемые ими штабы Красной Армии. Так, военный отдел Пермского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов уже на 20 января назначил общегубернскую конференцию «Красной гвардии, Советских батальонов и железнодорожной охраны по вопросу о ликвидации старой армии и создании новой социалистической армии».¹⁰⁶ После конференции сразу же развернулась запись добровольцев.¹⁰⁷ Солдатский комитет штаба Петроградского военного округа 29 января на своем заседании выделил особую комиссию, которая совместно с комиссаром должна была заниматься преобразованием штаба округа в «штаб социалистической армии Петроградского округа».¹⁰⁸ Разработкой положения о новой социалистической армии занялся в конце декабря — начале января демократизированный штаб Московского военного округа. Позднее это положение было утверждено Московским Советом.¹⁰⁹

Однако военные отделы и другие организации, занимавшиеся под руководством Советов сломом старой армии, не могли развернуть в полной мере работу не только и не столько из-за отсутствия необходимых директивных указаний, а прежде всего потому, что ни солдатские массы, среди которых старые военные отделы или солдатские секции вели работу, ни сами военные отделы не были готовы к строительству новой армии ни объективно (большинство солдат старой армии не могло сразу проникнуться идеей защиты социалистического отечества), ни субъективно (не было достаточно налаженного аппарата, опытных и убежденных работников). Поэтому старые военные отделы и солдатские секции составили лишь базу для новых органов Советов, которым предстояло заниматься непосредственно созданием Красной Армии. В том, насколько сложно и с какими трудностями происходил этот процесс, можно убедиться на примере Нижегородского губернского Совета. Имевшийся здесь исполком солдатской секции и его президиум добросовестно занимались разбором заявлений солдат, обеспечением их положенным довольствием,

¹⁰⁶ Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918, 18 января.

¹⁰⁷ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, л. 50, л. 82.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 1343, оп. 1, д. 3, л. 3 об. Однако эта комиссия занималась фактически лишь вопросами ликвидации старых штабных учреждений и команд.

¹⁰⁹ В. В. Брытов. Рождение Красной Армии. М., 1961, стр. 15.

¹⁰³ Там же, т. 34, стр. 304.

¹⁰⁴ Там же, т. 36, стр. 72. См. также т. 38, стр. 50.

¹⁰⁵ Военно-исторический журнал, 1966, № 8, стр. 107.

демобилизацией личного состава и расформированием частей.¹¹⁰ Но когда дело коснулось формирования революционных отрядов для борьбы с Калединым, Совет оказался в затруднительном положении. Исполком 5 января 1918 г. вынес постановление об открытии записи добровольцев. Однако в установленные два дня осуществить это не удалось. На специальном совещании с командирами и комиссарами частей, председателями полковых комитетов было принято решение, одобренное президиумом губисполкома, о назначении от каждой роты 15 солдат, чтобы укомплектовать отряд полностью и в срок, — только так удалось решить эту задачу.¹¹¹ 24—25 января 1918 г. в ходе обсуждения вопроса о Красной Армии выносится решение о выделении специальной комиссии, основу которой составили представители солдатской секции и которая становится военным отделом губисполкома. Но уже 11(24) февраля 1918 г. президиум исполкома констатирует, что данный военный отдел несовершенно, его надо реорганизовать и пополнить свежими силами. В начале марта 1918 г. военный отдел губисполкома объединяется со штабом Красной Армии, существовавшим в составе ликвидировавшейся 3-й армии и имевшим уже в январе 1918 г. развитую структуру (агитационно-организационный и мобилизационный отделы, а также отделы снабжения и вооружения) и опытных работников. После этого работа объединенного военного отдела пошла активнее и действеннее. Но и ему пришлось встретиться с большими трудностями при наборе добровольцев из числа демобилизованных солдат старой армии.¹¹²

Следовательно, для того чтобы организовать работу по созданию Красной Армии, местные Советы должны были сформировать в своем составе такие органы (военные отделы), которые могли бы обеспечить выполнение этой ответственной, сложной и трудной задачи. 28 января 1918 г. Всероссийской коллегией по формированию РККА был опубликован в ряде газет («Правда», «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот») проект инструкции Советам рабочих и солдатских депутатов по созданию Красной Армии. Данной инструкцией подтверждался лепинский принцип безраздельного руководства армией со стороны Советов, определялось, что верховное руководство организацией Красной Армии принадлежит Совету Народных Комиссаров, а создание Красной Армии и управление ею на местах возлагалось на местные — волостные, губернские и областные (краевые) Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для этой цели

в Советах должны были создаваться военные отделы. В демобилизуемых частях старой армии вопросы организации РККА передавались в ведение солдатских комитетов, при которых образовывались штабы Красной Армии для ее создания. В военные отделы Советов предполагалось включать наряду с членами местных Советов представителей штабов Красной гвардии и военных штабов. Инструкцией определялось, что военные отделы и штабы должны состоять из секций: организационно-агитационной (для организации набора добровольцев), формирования и обучения (для руководства формированием, боевой подготовкой и всей внутренней жизнью создаваемых частей), учетной (для ведения учета людей, лошадей и технических средств), вооружения (кроме вооружения красноармейцев ей вменялись и обязанность контроль и организация производства оружия), снабжения, транспорта, санитарной и финансовой.¹¹³

Однако данная инструкция в качестве директивного документа поступила в местные Советы лишь в конце февраля — начале марта 1918 г. Поэтому и в названиях, и в структуре военных отделов существовал очень большой разбой. Это была лишь формальная сторона, имеющая, разумеется, определенное значение, но отнюдь не меняющая принципиально существа происходившего процесса массового образования военных отделов в составе местных Советов. В данном отношении мы больше склонны согласиться с выводом С. М. Кляцкина, сделанным им в его ранних работах, о том, что к февралю — марту 1918 г. военные отделы и штабы Красной Армии были в основном уже созданы,¹¹⁴ нежели с более поздними его заключениями, хотя и подкрепленными цифровыми данными, о недостатках в создании военных отделов (особенно уездных) в ряде районов страны.¹¹⁵

Исследования многочисленных источников позволяют установить, что, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку борьбы с контрреволюцией и сравнительно более позднее установление Советской власти в ряде местностей, военный аппарат в виде военных отделов или аналогичных им органов с другим названием образуется по всей территории страны примерно в одинаковые сроки, т. е. на протяжении двух месяцев, до конца

¹¹³ Организация Красной Армии в 1917—1918 гг. Сборник документов и материалов. М., 1943, стр. 28—30.

¹¹⁴ Исторический журнал, 1941, № 7—8, стр. 19.

¹¹⁵ См.: С. М. Кляцкин. На защите Октября, стр. 109—110. Приведенные в данной монографии сведения о создании военных отделов отражают лишь то, что было известно Наркомвоену, а не то, что было в действительности, так как подсчет сделан был автором лишь по информационным листам, без использования данных местных архивов, периодической печати тех лет, опубликованных сборников документов и других источников.

¹¹⁰ Государственный архив Горьковской области, ф. 56, оп. 1, д. 144, лл. 1, 5, 6, 8 и др.; д. 146, лл. 14, 17, 24.

¹¹¹ Там же, д. 6, л. 2; д. 7, л. 3 об.; д. 141, л. 9 об.

¹¹² Там же, д. 141, лл. 13, 24, 28; д. 7, лл. 15, 19; д. 39, л. 22; д. 146, лл. 21 об., 47; ф. 3048, оп. 1, д. 182, лл. 1, 4, 4 об., 11.

марта 1918 г.¹¹⁶ Так, в Пермской губернии, при наличии в ней 12 уездов, к началу марта военные отделы имелись в восьми, а до конца марта были созданы еще в трех.¹¹⁷ В Вятской губернии в феврале военные отделы были созданы в четырех из 11 уездов, в марте — еще в четырех уездах и только в остальных трех — на протяжении апреля.¹¹⁸

Речь идет в данном случае не о поправках арифметических расчетов, хотя они и важны для подтверждения массовости данного явления, а о том, чтобы сделать правильные выводы о типичности и об объективной закономерности процесса создания в составе местных Советов органов строительства Красной Армии и местного военного управления. Что же касается типичности, то она подтверждается тем, что образование военных отделов местных Советов происходило по всей территории страны, в том числе в различных национальных районах, в других республиках, образовавшихся на территории бывшего Российского государства. Так, на Украине в составе комиссариата по военным делам Республики Донецкого и Криворожского бассейнов в феврале 1918 г. был создан «центральный орган по формированию добровольческой социалистической рабоче-крестьянской Красной Армии»,¹¹⁹ в Таврической Советской республике (Крым) в марте создавался комиссариат по военным делам;¹²⁰ в Белоруссии военный комиссар Западной области 1 марта 1918 г. своим приказом обязал при всех Советах создать «особые мобилизационные комиссии», которые ведали набором добровольцев, их обучением и снабжением;¹²¹ Центральный Исполнительный Комитет Бессарабии 14 февраля 1918 г. потребовал от всех местных органов власти формировать революционные отряды и направлять их в распоряжение военных органов в Могилев-Подольске и Окинце;¹²² Военно-революционный комитет Кавказской армии, переехавший в январе 1918 г. из Тифлиса в Баку, фактически превратился в штаб Красной Армии в Закавказье.¹²³ Существовал в январе 1918 г. военный отдел и

¹¹⁶ При расчете продолжительности перехода необходимо учитывать перевод календаря на новый стиль.

¹¹⁷ См. подробнее: М. А. Молодцыгин. О некоторых вопросах военного строительства на Урале в первые годы Советской власти. — В кн.: Урал и оборона Советской страны. Свердловск, 1968, стр. 48.

¹¹⁸ Там же, стр. 49.

¹¹⁹ Борьба за власть Советов в Донбассе. Сборник документов. Сталино, 1957, стр. 322.

¹²⁰ Большевицские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти, стр. 686.

¹²¹ Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918—1920. Т. 1. Минск, 1968, стр. 36—38.

¹²² Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917—1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967, стр. 113.

¹²³ Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане. Баку, 1958, стр. 165.

в Областном комитете армии, флота и рабочих Финляндии, который взял на себя «охрану революции» и просил 26 января 1918 г. учредить в Финляндии особый военный округ¹²⁴ и т. д.

Доказательством типичности такого явления, как создание военных отделов в местных Советах, может служить и то, что в первые месяцы 1918 г. они образуются в самых различных территориально-административных единицах — от исполнительных комитетов Советов различных «республик» и областей до районов в крупных городах и даже в отдельных волостях. 28 (15) февраля приказом по Московскому военному округу было объявлено о создании военного отдела областного Совета, который получил наименование областного комиссариата по военным делам.¹²⁵ Он имел развитую структуру, руководил деятельностью военных отделов ряда губернских и уездных Советов и провел большую работу по формированию добровольческой Красной Армии. С 20 (7) февраля 1918 г. развернул свою деятельность Уральский областной военный отдел, тоже именовавшийся областным комиссариатом по военным делам. Численность сотрудников обласвоенкомата в феврале составляла всего 7 человек, в марте — 22, а к концу апреля выросла до 172 человек.¹²⁶ К тому времени в нем имелось 14 отделов: учетный, финансовый, вещевой, продовольственный, агитационно-организационный, формирования и обучения, квартирного довольствия, транспортного обоза, инженерный, вооружения, медико-санитарный, культурного просвещения, оперативно-топографический и хозяйственный.¹²⁷ Работая под непосредственным руководством Уральского обкома РСДРП (большевиков) и Уралоблсовета, обласвоенкомат добивался повсеместного создания военных отделов, сосредоточения в них управления всеми военными делами, учета вооружения, снабжения, дважды собирал совещания военкомов (председателей или представителей военных отделов) губерний и уездов для выработки единой точки зрения в военном строительстве.¹²⁸ Наряду с такими крупными военными отделами создавались местные военные органы при Советах меньших административных единиц. Скажем, в Петрограде в первых числах марта при всех районных Советах города были созданы штабы Красной Армии, занимавшиеся вербовкой добровольцев, хозяйственным снабжением и культурно-массовым обслуживанием воинов.¹²⁹ Наконец, начинают появляться и первые военные отделы волостных Советов. На Урале они были созданы в Шайтанской и Верхне-Уфалейской волостях Екатеринбургского уезда,

¹²⁴ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 42 л. 22.

¹²⁵ ЦГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 58, л. 91.

¹²⁶ Там же, ф. 25933, оп. 1, д. 10, лл. 1—2, 5—6.

¹²⁷ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 308.

¹²⁸ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 74, лл. 94—97.

¹²⁹ См.: Е. П. Путьрский и Е. Ф. Ерыкалов. Петроградские рабочие в борьбе за создание Красной Армии. Л., 1958, стр. 42.

Авзяно-Перовской волости Оренбургского уезда, Арк-Пашинской волости Пермского уезда, Арзамасцевской волости Саранульского уезда и ряде других.¹³⁰ Это были единичные случаи. Но данные единичные случаи как раз служили подтверждением общего, необходимого в процессе создания военных отделов.

Таким образом, при исследовании вопросов истории военного строительства добровольческого периода едва ли правомерно делать акцент на то, что на местах вообще отсутствовали органы военного управления, и видеть в этом одну из важнейших причин неудач в формировании Красной Армии на добровольческих началах в конце 1917—начале 1918 г. Разумеется, военные отделы Советов в своей работе имели огромные недостатки, но они явились объективно необходимым звеном в создании советской системы местных органов военного управления на том этапе, когда шло упрочение Советской власти. Позволим себе напомнить мнение видного советского военачальника С. С. Каменева, который в предисловии ко второму тому книги «Гражданская война 1918—1921 гг.» отверг мнение одного из авторов о том, что к весне 1918 г. в стране «на местах не было военных аппаратов», показав, что «в апреле были уже в целом ряде мест вполне сформированные военные комиссариаты».¹³¹ Эти комиссариаты сложились не на голом месте, а явились результатом деятельности военных отделов Советов.

Вместе с тем необходимо отметить, что при анализе создания военных отделов местных Советов и особенно их военно-организаторской деятельности в добровольческий период важно учитывать не только количественные показатели. Главное здесь состоит в том, что их деятельность во многом определялась партийным составом военных отделов, как и Советов в целом, отражавшим сложнейшие процессы классовой борьбы и определявшимся в конечном счете социально-экономическим положением в данной губернии или уезде.

Характерным примером может служить Вятская губерния. 97,2% ее населения составляли крестьяне.¹³² В 1917 г. из общего числа 550 500 крестьянских хозяйств безземельных было 19 105, т. е. менее 4%.¹³³ Большую роль в деревнях играл

¹³⁰ Государственный архив Кировской области, ф. 876, оп. 1, д. 14, л. 82; Государственный архив Пермской области, ф. 301, оп. 1, д. 1, л. 35; Государственный архив Свердловской области, ф. 1913, оп. 1, д. 15, л. 16; Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, 1918, 10 марта.

¹³¹ С. С. Каменев. Записки о гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963, стр. 213.

¹³² См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. V. Урал и Предуралье. СПб., 1914, стр. 166.

¹³³ См.: Труды Центрального статистического управления. Т. VI, вып. 3. Отдел сельско-хозяйственных переписей. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922.

кулак, сильно было влияние эсеров. Они проникали не только в земельные отделы и Советы в волостях и уездах, но и в различные губернские органы. Имело место мелкобуржуазное влияние и на вятских коммунистов: например, губернская партийная конференция, открывшаяся 28 февраля 1918 г., приняла предельно «левую» резолюцию.¹³⁴ Военный отдел в Вятской губернии существовал с начала января 1918 г., но состоял всего из двух членов губисполкома и нескольких технических работников.¹³⁵ Когда встал вопрос о создании новой армии, губисполком расширил состав отдела, поставил во главе его коллегии военный комиссариат, состоявший из представителя губисполкома военного комиссара П. Н. Евстафьева и представителей воинских частей. Однако комиссариат плохо справлялся со своими обязанностями, и 25 февраля губисполком принял решение об его переподчинении. Характерен состав нового комиссариата по партийности. Из 16 человек было: большевиков — 1 (заявивший впоследствии пост члена оргбюро); сочувствующих большевикам — 3 (впоследствии комиссар оргбюро, товарищ комиссара формирования и обучения, товарищ комиссара по делам военнопленных); левых эсеров, максималистов и им сочувствующих — 6 (впоследствии они заняли посты комиссара по военным делам и его товарища, комиссара формирования и обучения, комиссара по делам военнопленных и др.); беспартийных или не определивших свою партийность — 6.¹³⁶ Такой состав обуславливал не только серьезные шатания, но и острую политическую борьбу внутри комиссариата. Многие ведущие посты оказались в руках или неустойчивых беспартийных, или эсеров. В составе военного комиссариата были образованы отделы: организационно-агитационный, формирования, обучения и учетный, вооружения, снабжения, транспорта и санитарный, финансовый.¹³⁷ Но работал с полной отдачей только организационно-агитационный отдел, или, как его называли, «агитационно-организационная коллегия», или «военно-агитационная коллегия». Он был укомплектован сочувствующими большевиками лицами и находился под влиянием и руководством Вятского губернского комитета партии большевиков. С 7 марта отдел развернул организацию лекций, бесед, митингов, а затем приступил к набору добровольцев.¹³⁸ Что касается других отделов и руководства военкомата, то они фактически бездействовали. Фракция большевиков Вятского губисполкома, видя, что многие члены

¹³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 35, лл. 2—3; Партийный архив Кировского ОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 3, лл. 2—5.

¹³⁵ Государственный архив Кировской области, ф. 875, оп. 1, д. 52, л. 1.

¹³⁶ Там же, л. 27; д. 147, л. 28.

¹³⁷ Там же, ф. 1585, оп. 8, д. 22, л. 24.

¹³⁸ Партийный архив Кировского ОК КПСС, ф. 1, оп. 19, д. 160, лл. 1, 2, 15 об.

военного отдела (военкомата) из числа беспартийных или эсеров отрывались от масс и продолжали проявлять бездеятельность, добилась на заседании 22 марта 1918 г. принятия решения о том, что губернский военный комиссар и все ответственные лица военного отдела должны избираться Советом из числа «только партийных людей, стоящих на платформе Советской власти».¹³⁹ Однако провести это решение в жизнь оказалось не так-то просто. В ответ на него эсеровские элементы, заседавшие в военном отделе, решили показать свою власть, объявили город на военном положении, с помощью вооруженных отрядов обезоружили членов Совета и комитета большевистской партии. Чтобы прекратить такие действия, большевики обратились к солдатским массам; 28 марта они организовали собрание представителей воинских частей гарнизона, которое избрало специальную коллегию, без санкции которой не должен был исполняться ни один приказ военного комиссара. Собрание потребовало немедленного созыва губернского съезда Советов, постановило снять военное положение в городе и вернуть оружие членам Советов и комитетов большевистской партии.¹⁴⁰ Состав губернского военного отдела был заменен почти полностью. Военным комиссаром стал большевик П. Я. Симонов, избранный губисполкомом,¹⁴¹ остальные руководящие должности были укомплектованы членами РКП(б) или сочувствующими большевикам работниками, которые сумели наладить деятельность военного отдела. Данный пример показывает, насколько велики были трудности в создании и работе военных отделов Советов и насколько велика была роль Коммунистической партии, ее местных партийных организаций в успешном осуществлении Советами военно-организаторской деятельности.

Важнейшей задачей, которую решали местные Советы и их военные отделы в первые месяцы 1918 г., был набор добровольцев в создававшуюся Красную Армию. Поскольку этот процесс в целом широко описан в нашей исторической литературе, остановимся лишь на некоторых, сравнительно меньше исследованных и освещенных вопросах. Прежде всего следует отметить, что попытки формирования добровольческих отрядов социалистической армии ряд местных Советов предпринимал еще до выхода декрета Совпаркома от 15 января 1918 г. о создании РККА. Вызывалось это обычно необходимостью организации вооруженного отпора выступлениям контрреволюции и невозможностью по тем или иным причинам сформировать достаточно крупные отряды Красной гвардии. Исполнительный комитет Симбирского губернского

Совета рабочих и солдатских депутатов принял, например, решение о формировании добровольческой армии 1 января 1918 г. Характерно, что одновременно было решено возложить выполнение этой задачи на комиссию, созданную при рабочей секции Совета для формирования Красной гвардии, но пополнить состав комиссии квалифицированными специалистами — представителями из солдатской секции.¹⁴² Подобные примеры не единичны и служат хорошим подтверждением правильности избранного В. И. Лениным и Коммунистической партией курса военного строительства в первые месяцы Советской власти.

Бесспорна та определяющая роль, которую сыграла организующая деятельность центральных военных учреждений в смысле выработки единой структуры, документации, различного рода инструкций и директив. Но, думается, не это было тогда решающим, тем более что занимало у работников очень много времени, а на места поступало с большим запозданием, и инструкции приходилось выработать на местах самим Советам. Гораздо большее значение имели оперативное руководство военным строительством со стороны Центрального Комитета партии, его повседневная связь с местными партийными и советскими организациями.¹⁴³ Правильно подчеркивается в нашей литературе и положительное значение направления на места до четырехсот агитаторов и организаторов Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии.¹⁴⁴ Однако результат работы этих представителей центра определялся, очевидно, не тем, что они сами все организовывали, вели агитацию, набирали добровольцев, формировали отряды и даже разоружали авантюристов,¹⁴⁵ хотя, конечно, бывало всякое. Главное в их деятельности было умение войти в контакт с местными Советами, помочь им правильно определить свою роль в военном строительстве, подобрать необходимых работников, опираясь на которых можно было решать стоящие задачи. Большинство посланных в отдаленные районы представителей Всероссийской коллегии оставалось там длительное время и даже включалось в состав военных отделов Советов.

Местные Советы и их военные отделы проделали большую работу по агитации масс за вступление в Красную Армию. Особенностью этой работы в добровольческий период было то, что она необходимо была связана с разъяснением сущности Советской власти, ее политики, необходимости вооруженной защиты завоеваний революции и даже с борьбой за установление Советской власти. Поэтому агитационные и вербовочные органы военных

¹³⁹ Государственный архив Кировской области, ф. 875, оп. 1, д. 52, л. 55.

¹⁴⁰ Там же, ф. 1585, оп. 8, д. 14, л. 34.

¹⁴¹ Там же, ф. 875, оп. 1, д. 52, л. 55.

¹⁴² Государственный архив Ульяновской области, ф. 200, оп. 2, д. 21, л. 33.

¹⁴³ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VII, стр. 242.

¹⁴⁴ С. М. Кляцкий. На защите Октября, стр. 113.

¹⁴⁵ Там же.

отделов выступали как организаторы политического воспитания широких народных масс. И не случайно партийные комитеты уделяли большое внимание подбору и подготовке кадров агитаторов, посылали на эту работу лучшие силы, организуя совместно с военными отделами Советов курсы агитаторов, засыпая центральные органы требованиями о посылке опытных людей из Москвы, Петрограда, старых рабочих революционных центров.

Заслуживает особого внимания, на наш взгляд, тот факт, что местные Советы вели борьбу не только за количество добровольцев, но и за качественный состав формируемых частей Красной Армии.¹⁴⁶ При организации набора добровольцев принимались меры к лучшему определению уровня политической сознательности, подавшего заявление — типа бесед по различным вопросам, обязательных письменных рекомендаций от членов большевистской партии и, наконец, введения письменного, лично подписанного клятвенного обязательства. Проходившая в конце марта 1918 г. Петроградская общегородская конференция представителей Красной Армии специально выработала наказ, которым определялось, кто может быть принят в Красную Армию, и устанавливалась необходимость давать «письменное обязательство (в день поступления на службу) не оставлять службы ранее установленного обязательного срока, стоять на страже завоеваний революции и прав и власти трудового народа».¹⁴⁷ Подобные обязательства вводились во многих местностях. Советы вели борьбу и за повышение уровня политической сознательности красноармейцев, воспитание у них железной воинской дисциплины. Советом Московской области 16 марта 1918 г. было принято, например, специальное постановление, обязывающее военные власти спешно разработать дисциплинарный устав, а 2 апреля Московский областной Совнарком, обсудив вопрос о состоянии дисциплины в воинских частях, предложил всем Советам и командующему округом в кратчайшие сроки навести должный порядок и повысить организованность и боеспособность воинских частей.¹⁴⁸

Изучение работы местных Советов по набору добровольцев показывает огромные трудности, которые приходилось им преодолевать с помощью и под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и местных партийных организаций.

¹⁴⁶ Выяснение этого вопроса имеет особое значение, в частности, потому, что Троцкий в своем выступлении на I съезде военных комиссаров в июне 1918 г. предельно сгустил краски, говоря о пропихивании в добровольческую армию авантюристических, хулиганских, контрреволюционных элементов, — об этом было напечатано во всех буржуазных газетах, а впоследствии использовано фальсификаторами истории для охаивания добровольцев-красноармейцев в целом.

¹⁴⁷ Партийный архив Ленинградского ОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 80, л. 5.

¹⁴⁸ В. В. Бритов. Рождение Красной Армии, стр. 41.

Эти трудности были связаны и с общим социально-экономическим положением страны, и с недостаточным уровнем политической сознательности народных масс, и с борьбой против контрреволюции, против мелкобуржуазных партий, мешавших созданию Красной Армии, а также и с отсутствием опыта советского военного строительства, недостатком умения, пехваткой квалифицированных и преданных Советской власти специалистов. В ряде случаев, как уже было показано выше на примере Нижегородского Совета, не всегда сразу удавалось осуществить набор добровольцев. Некоторые Советы, чтобы обеспечить создание боеспособных отрядов Красной Армии, шли на зачисление в нее полностью подразделений Красной гвардии.¹⁴⁹ Бессспорно, отряды Красной гвардии составляли основу для формирования Красной Армии, но это не означало, что они «механически» зачислялись в состав красноармейских частей, хотя бывали случаи, что это делалось по коллективному решению красногвардейцев. Анализ хода набора добровольцев говорит о его зависимости от общей политической обстановки: в момент нависшей опасности над страной в связи с возобновившимся наступлением немцев приток добровольцев всюду, естественно, увеличился, а после подписания Брестского договора, наоборот, уменьшился. Наибольшее количество добровольцев в тыловых районах страны давали пролетарские районы. Так, хотя население Пермской и Вятской губерний было примерно одинаковым, более развитая в промышленном отношении и имевшая более сильную большевистскую партийную организацию Пермская губерния дала в два с лишним раза больше добровольцев, чем Вятская. Три четверти всех записавшихся приходилось на такие крупные города, как Пермь, Екатеринбург, Красноуфимск. Аналогичное положение было и в других губерниях Урала — в Оренбургской, например, 90% добровольцев приходилось на Оренбург, Челябинск, Троицк.¹⁵⁰ В целом же, несмотря на огромную работу партийных организаций и местных Советов, результаты набора добровольцев были далеко не всегда такими, как можно было бы ожидать и как порой это трактуется некоторыми исследователями. Так, до нашествия немцев в Петрограде в Красную Армию записалось лишь несколько тысяч солдат и рабочих.¹⁵¹ Урал, имевший мобилизационные возможности только по четырем призывным возрастам до 150 тыс. человек, к середине марта дал менее 2,5 тыс. добровольцев, а на 10 мая — 17 751.¹⁵²

¹⁴⁹ Такого рода постановление было принято, например, Тамбовским губернским исполкомом (Государственный архив Тамбовской области, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 33).

¹⁵⁰ ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 71, лл. 46 об.—17.

¹⁵¹ А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М.—Л., 1964, стр. 97—98.

¹⁵² ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 79; д. 337, лл. 363—364; оп. 2, д. 114, лл. 17—18; ф. 2, оп. 1, д. 71, лл. 126—127; ф. 11, оп. 8, д. 76, лл. 55—56.

К лету 1918 г. добровольческая Красная Армия (включая красногвардейцев и партизан), по данным Всероссийской коллегии, имела 322 278 бойцов, из которых вооруженных было около 199 тыс. человек, обученных — 31 тыс., а готовых к выступлению всего 15 тыс. человек.¹⁵³ Советы прилагали истинные титанические усилия, чтобы обеспечить создаваемые части Красной Армии оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием; организовать в них политико-просветительскую работу. Им удалось обеспечить высокую большевистскую прослойку и преимущественно рабочий состав войск, наладить их обучение. Но добровольческая Красная Армия, имевшая высокий моральный дух, фактически еще не была регулярной армией. Она не имела единой системы планового комплектования и формирования частей, обучения и воспитания, строго централизованного управления войсками. Находившиеся в подчинении местных Советов войска состояли из множества отрядов различной численности и структуры, плохо организованных и слабо управляемых.

Таким образом, в добровольческий период строительства советских вооруженных сил непосредственно на местные Советы легла вся тяжесть работы по набору добровольцев, формированию воинских частей и подразделений, укомплектованию их командными кадрами, организации обучения и воспитания бойцов, обеспечению Красной Армии всем необходимым. Говоря о решающей роли Советов в создании добровольческой Красной Армии, Н. И. Подвойский в выступлении перед военными руководителями Московского района обороны на специальном совещании 9 мая 1918 г. подчеркнул: «Ни к кому, кроме Совета, они не пойдут. Без Советов вы не создадите ни одного солдата».¹⁵⁴ Для осуществления практических мероприятий по формированию Красной Армии образуются военные отделы Советов, выполнявшие в добровольческий период функции местных органов военного управления. В. И. Ленин теоретически обосновал положение о том, что в условиях становления и упрочения Советской власти эти органы неизбежно, необходимо должны были создаваться в составе Советов как органов диктатуры пролетариата. К апрелю 1918 г. военные отделы имелись в подавляющем большинстве губернских и уездных Советов. Их создание и обеспечило непосредственное участие органов Советской власти в военном строительстве, привлечение к этому делу широких масс трудящихся, проявляющих революционную инициативу и творчество. Вместе с тем эта чрезмерная местная инициатива и творчество порой приводили к ошибкам, местничеству, сепаратизму. Преодоление трудностей и ошибок в создании военных отделов местных Сове-

тов и их практической работе по строительству Красной Армии было возможным в силу постоянной помощи местам со стороны Центрального Комитета партии, а также местных партийных органов — областных, губернских и уездных комитетов РКП(б). Они непосредственно руководили военным строительством, направляли на ответственные участки своих активных работников, организовывали обучение коммунистов военному делу, создавали партийные формирования, участвовали в партийно-политической работе среди бойцов, в наборе добровольцев.

* * *

Добровольческий период был объективно необходимым начальным этапом в строительстве Советских Вооруженных Сил. В этот период, несмотря на колоссальные трудности, партии и Советскому государству удалось создать ряд боеспособных формирований. Если в феврале 1918 г. В. И. Ленин писал, что «у нас нет армии», что «мы обороняться не можем»,¹⁵⁵ то в середине мая он заявил на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета, что «уже создана рабоче-крестьянская армия...», которая станет авангардом, если на Россию обрушится нашествие».¹⁵⁶ Таким авангардом или ядром, на которое опирались партия и Советы в дальнейшем военном строительстве, добровольческие части могли служить в силу того, что они комплектовались из наиболее сознательных представителей трудящихся масс. Но добровольческая Красная Армия не могла решить задачи защиты социалистического отечества в случае необходимости борьбы с сильными регулярными армиями интервентов и внутренней контрреволюции, ни на минуту не оставлявших попыток реставрировать капитализм в нашей стране вооруженным путем. Поэтому весной 1918 г. под руководством В. И. Ленина Коммунистическая партия и Советское правительство развернули подготовку к созданию массовой регулярной постоянной армии, которая должна была комплектоваться на основе всеобщей воинской обязанности или, как тогда говорили, повинности.

Одним из необходимых условий перехода на новый принцип комплектования было создание на местах таких военных органов, которым были бы под силу организация учета военнообязанных, проведение регулярных призывов, формирование большого количества воинских частей, обеспечение их и организация всей их деятельности. Военные отделы местных Советов в большинстве своем не обладали для этого необходимыми возможностями и особенно достаточным количеством подготовленных в специальном отношении кадров. Возникло определенное противоре-

¹⁵³ Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии, стр. 279.

¹⁵⁴ В. В. Бритов, Рождение Красной Армии, стр. 18.

¹⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 389.

¹⁵⁶ Там же, т. 36, стр. 344.

чие: с одной стороны, вооруженная сила должна быть в абсолютном подчинении Советов, как органов диктатуры пролетариата, — следовательно, и местный аппарат, занимающийся ее созданием и управлением, должен быть в Советах; с другой стороны, чтобы вооруженная сила победившего пролетариата могла служить надежной опорой его диктатуры, нужно было создавать ее на основе современных достижений военной мысли, как полностью регулярную, — следовательно, местный аппарат военного управления должен строиться на началах централизма, с широким привлечением военных специалистов и обладать определенной самостоятельностью.

Коммунистическая партия и Советское правительство нашли разрешение этого противоречия путем создания новой системы местных органов военного управления в виде окружных, губернских, уездных и волостных комиссариатов по военным делам. Данная система вводилась декретом Совета Народных Комиссаров, принятым 8 апреля 1918 г. и подписанным В. И. Лениным. Содержание этого декрета и его политическое значение подробно раскрыты в ряде работ.¹⁵⁷ Укажем лишь, что, согласно декрету, комиссариаты по военным делам создавались «для проведения в жизнь мероприятий по учету годного к военной службе населения, его призыву, формированию вооруженной силы Российской Советской Республики, обучению поголовно всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд, и удовлетворению материальных потребностей военного снабжения».¹⁵⁸ В декрете были подробно изложены соответствующие обязанности каждого вида военкоматов и устанавливалось строгое подчинение: волостных военкоматов — уездному, уездных — губернскому, губернских — окружному, окружных — Народному комиссариату по военным делам. К военным комиссариатам переходили все функции военного управления на соответствующей территории, которые раньше принадлежали военным отделам Советов. Однако это не означало, что военкоматы полностью выводились из сферы влияния Советов. Военные комиссариаты организовывались Советами, работали под руководством местных партийных и советских органов; представители всех губернских Советов входили в окружное постоянное совещание, созывавшееся при окрвоенкомате для «обсуждения важнейших дел». Создание комиссариатов по военным делам не освобождало Советы ни от ответственности за формирование своей вооруженной силы, ибо эта сила служила опорой Советской власти, ни от обязанностей по обеспечению организованного проведения при-

зывов или снабжения Красной Армии всем необходимым, ни от решения задач военного обучения населения. Но естественно, что введение специальных органов с централизованным подчинением вызвало определенные особенности в военно-организаторской деятельности местных Советов. Нужно было найти хороший деловой контакт с создаваемыми военными органами и не выпускать их работу из-под своего руководства и контроля, предоставляя им в то же время определенную самостоятельность в решении специфических задач и оказывая необходимую помощь в проведении всех мероприятий, имевших политическое, государственное значение, ибо они обеспечивали организацию защиты власти Советов.

В осуществлении ленинского декрета многим Советам пришлось встретиться с серьезными трудностями. Представители мелкобуржуазных партий встретили в штыки саму идею перехода ко всеобщей воинской повинности и создания для этого специальных органов на местах. Выходившая в Петрограде меньшевистская «Новая газета» писала, например, что «для проведения в жизнь всеобщей повинности придется воссоздать органы, осуществляющие призыв, т. е., другими словами, вернуться к старым воинским присудствиям и воинским начальникам, несколько лишь реформированным».¹⁵⁹ Не сразу поняли значение декрета и некоторые работники местных Советов. Так, военный отдел Уральского областного Совета вскоре после выхода в свет декрета от 8 апреля 1918 г. доложил в Народный комиссариат по военным делам о его полном проведении в жизнь.¹⁶⁰ Однако такое заявление было сделано лишь на основании того, что военные отделы Уральских Советов именовались военкоматами. На самом же деле партийные и советские органы области вплоть до середины мая ходатайствовали перед ВЦИК и Наркомвоеном о сохранении старой системы военного управления на Урале.¹⁶¹

Поскольку исполнение декрета во многих местах задерживалось, 18 мая 1918 г. местным Советам было направлено письмо, подписанное Председателем Совнаркома В. И. Лениным и Председателем ВЦИК Я. М. Свердловым, в котором еще раз обосновывалась необходимость создания военных комиссариатов и предписывалось выполнить эту задачу в недельный срок. Такое категорическое требование возымело свое действие — всюду было приступлено к созданию комиссариатов по военным делам. Но поскольку это дело было весьма сложным, окончательно многие из уездных военкоматов сформировались лишь к осени 1918 г., а волостные и еще позднее. В Казанской губернии, на-

¹⁵⁷ См., например: М. А. Молодцыгин. Создание местных органов военного управления. — Военно-исторический журнал, 1968, № 5.

¹⁵⁸ Декреты Советской власти, т. II, стр. 63.

¹⁵⁹ Новая газета, 1918, 30 мая.

¹⁶⁰ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 196, лл. 120—120 об.

¹⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 558, лл. 3—4; ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 247 об.

пример, из 13 уездных военкоматов 3 образовались в апреле 1918 г., 2 — в мае, 6 — в июне, а 2 — только в сентябре.¹⁶²

С образованием военных комиссариатов отпала необходимость существования в составе исполкомов губернских и уездных Советов военных отделов. Фактически соответствующие военкоматы могли и должны были выполнять полностью их функции. Однако период становления местных органов Советской власти был связан с немалыми организационными неурядицами. Не обошлось без них и в данном деле. На состоявшемся в конце июля 1918 г. Всероссийском съезде председателей губернских Советов была принята подготовленная Наркомвнуделом резолюция «Об аппарате местного управления в Советской России», по которой в исполкомах губернских и уездных Советов должны быть созданы 13 отделов, в том числе — военный.¹⁶³ Поскольку Наркомвнудел в своих документах подтверждал необходимость приведения структуры исполкомов в соответствие с указанной резолюцией, в ряде мест имелись попытки реорганизации военкоматов снова в военные отделы исполкомов. Так произошло, например, в Вятке. В октябре 1918 г. исполком Вятского губернского Совета принял решение о переименовании губернского и уездных комиссариатов по военным делам снова в военные отделы «с подчинением их общему руководству и контролю местных губернских и уездных исполнительных комитетов».¹⁶⁴ При этом вятичи ссылались на телеграмму Народного комиссариата внутренних дел. Окружной военный комиссариат вынужден был обратиться во Всероссийский Главный Штаб, тот — во ВЦИК. Наркомвнуделу была разъяснена недопустимость таких изменений,¹⁶⁵ и все стало на свое место.

Создавая военные комиссариаты, местные Советы прежде всего подбирали и назначали их руководящих работников — двух комиссаров, а также военного руководителя (если он не был прислан вышестоящим военным органом). Советские работники относились к этому с предельной ответственностью. В Самаре вопрос о кандидатах в губернский военный комиссариат трижды обсуждался на заседаниях губернского революционного комитета Советов под председательством В. В. Куйбышева — 21, 25 и 28 мая 1918 г., пока не были досконально обсуждены и выбраны из 8 кандидатов двое наиболее достойных товарищей (Гинтер, Будаков), которые и стали губернскими военными комиссарами.¹⁶⁶ В Казани первоначально был подобран и избран губисполкомом

только один из губернских военкомов — И. Межлаук.¹⁶⁷ В Симбирске 30 июня губернский исполнительный комитет принял решение «в целях усиления забот о нуждах и организации регулярной рабоче-крестьянской армии обновить губернский военный комиссариат» и направил туда на руководящую работу двух членов исполкома.¹⁶⁸

На заседаниях ряда губернских исполкомов обсуждались и утверждались кандидатуры уездных военных комиссаров, например в Тамбове, Симбирске.¹⁶⁹ Подбор кадров военкомов был серьезным политическим делом. Кандидатуры на эти посты согласовывались обычно с местными партийными органами, так как за эти посты порой шла борьба различных партий. В Петрограде, например, левые эсеры пытались протащить в руководство райвоенкоматов своих людей. В Пороховском районе они даже покинули заседание Совета, когда тот большинством голосов отверг их кандидатуру на пост военкома.¹⁷⁰ В некоторых местах (Новгородская, Тверская и другие губернии) был установлен такой порядок: перед тем как вопрос о кадрах уездных военкомов выносился на обсуждение всего исполнительного комитета, он рассматривался в большевистской фракции исполкома.¹⁷¹

Большую трудность местным Советам в укомплектовании кадров военкомов создавала их текучесть: многие приобретавшие опыт военной работы коммунисты возглавляли создававшиеся воинские формирования и уходили вместе с ними на фронт, а их место нужно было замещать новыми работниками. На 25 ноября 1918 г. из 28 уездных военкомов Пермской и Вятской губерний находились в этой должности 6 месяцев и более (т. е. с основания) всего 8 чел., 3—5 месяцев — 8 человек, а остальные — менее 3 и даже 2 месяцев.¹⁷² Для преодоления этой трудности уездные исполкомы снова и снова бывали вынуждены обращаться к партийным организациям «за пополнением».

Об усилении контроля за партийным составом руководства военкоматов со стороны большевистских организаций свидетельствует такой документ. 14 августа 1918 г. Московское областное бюро РКП(б) направило всем губернским партийным комитетам области циркулярное письмо, в котором потребовало срочно проверить состав губернских, уездных, волостных военных ко-

¹⁶² Центральный государственный архив Татарской АССР, ф. 98, оп. 1, д. 41, л. 210.

¹⁶³ Государственный архив Ульяновской области, ф. 212, оп. 2, д. 1, л. 1.

¹⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 137, л. 12.

¹⁶⁵ Там же, л. 12 об.

¹⁶⁶ Партийный архив Куйбышевского ОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 16, лл. 7, 21, 30.

¹⁶⁷ Е. П. Путирский, Е. Ф. Ерыкалов. Петроградские рабочие в борьбе за создание Красной Армии, стр. 65.

¹⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 53, л. 54; д. 48, л. 128; д. 76, л. 24.

¹⁶⁹ ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, д. 74, лл. 2 об.—3. Подсчет автора.

миссариатов, заведующих городскими военными отделами и заведующих агитационно-вербовочными отделами в уездных военных комиссариатах. «Везде на эти посты необходимо поставить коммунистов», — говорилось в письме.¹⁷³

Результаты усиленного партийного внимания и соответственной деятельности местных Советов по укреплению кадров военкомов заметно сказывались на их качественном составе. Не только в губерниях центра, но и в других местных военных организациях подавляющее большинство постов уездных военкомов занимали коммунисты. Это было тем более важно, что наряду с военными задачами уездным военкоматам приходилось решать важнейшие политические проблемы упрочения Советской власти в деревне — образования в сельских местностях не только волостных военкоматов, но и комитетов бедноты. Например, в инструкциях, выработанных 1-м Козловским уездным съездом комитетов бедноты, указывалось, что «в случае сопротивления со стороны кулаков комитеты бедноты обращаются за содействием в уездный военный комиссариат».¹⁷⁴

В. И. Ленин указывал на VIII съезде партии, что Октябрьская революция до лета и даже осени 1918 г. в деревне решала аграрный вопрос в интересах всего крестьянства, завершая задачи буржуазно-демократической революции.¹⁷⁵ На первых порах во многих волостных Советах руководящая роль принадлежала кулакам, которые «приклеивали себе тот или иной партийный ярлык — чаще всего левых эсеров».¹⁷⁶ Естественно, что такие Советы в деревне передко действовали в интересах кулаков. Нельзя было ожидать от таких Советов и правильной политики в военных вопросах, в частности в создании местных органов военного управления. Поэтому борьба за создание военных комиссариатов в волостях теснейшим образом была связана с борьбой за создание комитетов бедноты¹⁷⁷ и осуществление задач пролетарской революции в деревне, ибо, как говорил В. И. Ленин, «когда стали организовываться комитеты бедноты, — с этого момента наша революция стала революцией пролетарской (в деревнях, — авт.)».¹⁷⁸

Образование в волостях комиссариатов по военным делам иногда предшествовало, иногда совпадало по времени с организацией комбедов и сливалось в единое важнейшее политическое

¹⁷³ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (август—октябрь 1918 г.), стр. 133.

¹⁷⁴ Партийный архив Тамбовского ОК КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 22, л. 48.

¹⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 143.

¹⁷⁶ Я. М. Свердлов. О задачах Советов в деревне. Доклад на заседании ВЦИК 20 мая 1918 г. — Избр. соч. Т. 2. М., 1959, стр. 212.

¹⁷⁷ Декрет «Об организации и снабжении деревенской бедноты» был принят на заседании ВЦИК 11 июня 1918 г. (см.: Декреты Советской власти, т. II, стр. 412—419).

¹⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 143.

и государственное дело, которое правильно понимали и решали совместно партийные комитеты, местные Советы и военные органы. «Оповестите волости, что организация в деревне — это военные комиссариаты, которые будут поддерживаться беднотой, а средства на содержание их будут выдаваться военным ведомством через уездные комиссариаты», — писал Вятский губвоенком Ноллинскому уездвоенкому 31 июля 1918 г.¹⁷⁹ Уральский областной комитет РКП(б) при рассмотрении 1 августа 1918 г. вопроса о работе в районах принял решение об организации в каждой волости партийной ячейки и комитета бедноты, во главе которых должны стоять партийные организаторы, «которые оба вместе составляют военный комиссариат волости».¹⁸⁰ Данным постановлением подчеркивалась неразрывность решения партийных, советских и военных задач в деревне. К этому вопросу Уралобком РКП(б) возвратился еще раз при обсуждении 27 сентября вопроса о работе в деревне. На заседании комитета было высказано пожелание о более широком использовании возможностей агитаторов-коммунистов окружного военного комиссариата для регулярного контроля за деятельностью сельских партийчеек.¹⁸¹

Практически взаимосвязь в решении всех важнейших задач осуществлялась тем, что посылаемые агитаторы и организаторы партийных комитетов, местных Советов и военных органов занимались одновременно созданием и комитетов бедноты, и партийных ячеек, и волвоенкоматов. Нижегородский уездный военный комиссариат организовал летом и осенью 1918 г. 276 комитетов бедноты и 11 волостных ячеек коммунистов.¹⁸² По данным Высшей военной инспекции, к началу января 1919 г. Котельнический уездвоенкомат Вятской губернии организовал в уезде 3500 комитетов бедноты и 29 коммунистических ячеек, а Орловский — 2236 комбедов и 36 партийчеек.¹⁸³

Большую трудность в образовании волостных военных комиссариатов создавало непонимание их значения и необходимости со стороны части населения ряда волостей и некоторых представителей советских органов, которое приводило к отказу выполнять декрет от 8 апреля. Всероссийское бюро военных комиссаров¹⁸⁴ вынуждено было поставить этот вопрос через Нарком-

¹⁷⁹ Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сборник документов. Киров, 1957, стр. 538.

¹⁸⁰ Партийный архив Свердловского ОК КПСС, ф. 41, оп. 1, д. 233, л. 33.

¹⁸¹ Там же, л. 38.

¹⁸² Государственный архив Горьковской области, ф. 3048, оп. 1, д. 26, л. 5.

¹⁸³ ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 234, л. 793.

¹⁸⁴ Этот орган был создан при Народном комиссариате по военным делам приказом № 270 от 8 апреля 1918 г. для «согласования и объединения деятельности военных комиссаров и установления контроля над

воен перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. 30 мая 1918 г. Президиум ВЦИК рассмотрел отношение Наркомвоенна «об отказе некоторых волостных Советов проводить в жизнь декрет от 8 апреля 1918 г.» и вынес решение о недопустимости этого впрямь.¹⁸⁵

В связи с огромным значением создания волостных военных комиссариатов, являвшихся проводниками политики Коммунистической партии и Советов в деревне, особую роль играл и подбор кадров для волостных военкоматов. В этом опять-таки решающее слово принадлежало местным партийным комитетам и Советам. 3 августа 1918 г., например, состоялось объединенное заседание Гостлицкого волостного исполнительного комитета (Новгородская губерния, Крестецкий уезд), военного комиссариата, местной организации РКП(б) по выборам «должностных лиц волости», в том числе волостного военного комиссара.¹⁸⁶ Имели место и такие случаи, когда военком и военрук подбирались из жителей волости прибывавшими сюда агитаторами и организаторами уездных Советов, парткомов или уездвоенкоматов, а затем избирались на волостных сходах. Так было, к примеру, в Оволщенской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.¹⁸⁷ По мере усиления внимания со стороны партийных и советских органов к подбору кадров волостных военкоматов и возрастания усилий в практической работе по оказанию помощи этим органам со стороны уездных комиссариатов по военным делам росли и качественные показатели состава руководящих работников волостных военных органов. Если осенью 1918 г. среди волостных военкомов и военруков насчитывалось лишь до 25% коммунистов и им сочувствующих,¹⁸⁸ то год спустя положение уже было совершенно иным. Анализ пятидесяти взятых без выбора ашкет волостных военкомов Казанской губернии дал такую картину: по социальному положению — рабочих 48%, крестьян 52%, остальные — служащие; по партийности — коммунистов 38%, сочувствующих коммунистам 46%, остальные — беспартийные.¹⁸⁹ Это повышало возможность усиления партийного влияния на решение военных вопросов на местах, а также обеспечивало дальнейшее укрепление позиций Советской власти в деревне.

ним во всероссийском масштабе». См.: Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 г.—февраль 1919 г.). Документы. М., 1961, стр. 77.

¹⁸⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 138, л. 42.

¹⁸⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 23, л. 8.

¹⁸⁷ Там же, д. 80, л. 80.

¹⁸⁸ ЦРГА, ф. 8, оп. 1, д. 230, лл. 157—206; д. 242, лл. 1—50. Подсчет автора.

¹⁸⁹ Центральный государственный архив Татарской АССР, ф. 592, оп. 3, д. 1. Подсчет автора.

Положительно сказалось на активизации военно-организаторской работы Советов в сельских местностях такое мероприятие, как укрупнение военных органов, т. е. создание одного районного военного комиссариата на несколько волостей. Так, в Нижегородской губернии в Княжнинском уезде сформировали 7 волостных и 7 районных военкоматов (по 2—3 волости в каждом), в Балахнинском уезде на базе 21 волостного военкомата было образовано 7 районных.¹⁹⁰ В губерниях Урала укрупненные районные военкоматы, образованные в Усольском, Сарапульском, Оренбургском и других уездах, включали в сферу своих действий до 8—11 волостей. Здесь создавались военные комиссариаты и в горнозаводских округах: Богословском, Гороблагодатском и др. В некоторых случаях военкоматы районов и горных округов по составу и объему работы не уступали уездным. 8 июля 1918 г. решением Президиума Уралоблсовета Нижне-Тагильский район был по организации военного комиссариата приравнен к уезду. Несколько позднее такие же права получили Лысьвенский район и Гороблагодатский округ.¹⁹¹ Создание укрупненных военкоматов позволило разрешить кадровую проблему не только в количественном смысле, но и в качественном — во главе всех районных военкоматов были поставлены коммунисты.

Следовательно, после издания ленинского декрета от 8 апреля 1918 г. местными Советами в контакте и под руководством партийных комитетов была проведена большая работа по созданию новых местных органов военного управления — комиссариатов по военным делам, укомплектованию их преданными делу партии и Советской власти работниками. Образование военных комиссариатов сыграло огромную роль в обеспечении перехода ко всеобщей воинской повинности, в строительстве массовой постоянной регулярной армии. На это значение военкоматов указал V Всероссийский съезд Советов (июль 1918 г.) в своем постановлении об организации Красной Армии, которым был одобрен ленинский декрет и еще раз подчеркнута необходимость для местных Советов строго проводить его в жизнь.¹⁹²

Отложившиеся в центральных и местных архивах документы позволяют сделать вывод о том, что после создания военкоматов

¹⁹⁰ Государственный архив Горьковской области, ф. 3048, оп. 1, д. 26, лл. 6, 6 об.; подобное положение было и во всех других уездах губернии (см. там же, лл. 5—10).

¹⁹¹ ЦГАСА, ф. 28129, оп. 1, д. 1, л. 4; Партийный архив Свердловского ОК КПСС, ф. 41, оп. 1, д. 285, лл. 297—336; д. 4076, лл. 1, 4; Государственный архив Пермской области, ф. 546, оп. 1, д. 7, л. 1; Государственный архив Свердловской области (филиал в г. Серове), ф. 22, оп. 1, д. 43, л. 51.

¹⁹² Декреты Советской власти, т. II, стр. 542. В постановлении прямо указано, что военные комиссариаты созданы «в целях проведения обязательного обучения военному делу и обязательной воинской повинности». Это подтверждает, что уже в рамках добровольческого периода шла целенаправленная активная работа по подготовке перехода к созданию массовой регулярной армии.

большинство местных Советов сумело установить с ними необходимый контакт и продолжало держать военные проблемы в центре своего внимания, выполняя таким путем одно из важнейших требований В. И. Ленина периода гражданской войны: «снова и снова ставить на первое место порядка дня вопрос об усилении армии, пересматривать еще и еще раз, достаточно ли мы сделали, какие новые меры мы можем и должны предпринять».¹⁹³ Военные комиссары являлись, как правило, членами соответствующих исполкомов Советов, участвовали в обсуждении всех важнейших вопросов жизни уезда, губернии. С другой стороны, исполкомы заслушивали их выступления, вырабатывая меры помощи для решения военных вопросов.

При работе в новых условиях первое время были и некоторые непорядки, трения в отношениях между исполкомами местных Советов и местными военными комиссариатами, улаживать которые приходилось либо вышестоящим органам вплоть до центральных, либо местным партийным комитетам. Скажем, Боровичскому комитету РКП(б) пришлось воздействовать на местный Совет, чтобы он отменил свое неправильное распоряжение красноармейскому батальону о прекращении отправки вагонов с продовольствием в Петроград.¹⁹⁴ В Ярославской губернии был ряд случаев, когда уездные исполкомы вместо принципиального руководства контролировали каждый шаг военкоматов, вмешивались, не имея должной компетенции, в решение специальных вопросов, проявляя недоверие к ими же назначенным работникам. Обобщив материалы по этому вопросу, Ярославский окрвоенком М. В. Фрунзе направил в ЦК партии письмо с изложением сути дела и просьбой дать соответствующие указания работникам местных партийных комитетов, а через них и Советам о недопустимости подобных случаев.¹⁹⁵ Принятые меры привели к прекращению конфликтов.

Случалось, разумеется, когда и местные военные комиссариаты игнорировали соответствующие исполкомы Советов. Но в целом местные советские и военные органы работали в тесном контакте, и урегулирование возникавших конфликтов всегда шло по линии укрепления Советской власти, повышения авторитета ее местных органов. Решающую роль в этом играла принципиально правильная политика партийных органов.

Несмотря на выделение в качестве самостоятельных органов с централизованным подчинением, военные комиссариаты никоим образом не выходили из подчинения власти местных советов. Фактически они с самого начала работали как военные отделы соответствующих исполкомов Советов, но лишь с не-

сколько большей самостоятельностью в решении специфических вопросов, чем другие отделы. В таком звене, как волость, функции военкомата и исполкома настолько переплетались, что по объявленному приказом Реввоенсовета Республики 28 декабря 1918 г. новому положению о волвоенкоматах во главе их ставился председатель волостного исполкома.¹⁹⁶

В нашей исторической литературе широко освещено участие местных Советов в строительстве массовой регулярной Красной Армии по таким основным направлениям, как проведение мобилизации, борьба с дезертирством, организация всеобщего военного обучения и работы по возведению различных оборонительных сооружений, сбор оружия и содействие в снабжении Красной Армии всем необходимым, помощь раненым красноармейцам, а также семьям бойцов и командиров.¹⁹⁷ Поэтому остановимся лишь на некоторых моментах деятельности Советов, получивших наименьшее освещение.

Во-первых, отметим, что хотя переход ко всеобщей воинской повинности был объявлен постановлением ВЦИК от 29 мая 1918 г. и законодательно закреплен решениями V Всероссийского съезда Советов, а конкретные категории и сроки призывов определялись в каждом случае решениями центральных органов, обстановка вынуждала местные Советы в ряде случаев принимать решение о проведении мобилизации, не дожидаясь указаний центра. В Отчете о деятельности Мобилизационного управления Всероссийского Главного Штаба с 25 октября 1917 г. по 15 августа 1920 г. прямо указывалось, что «сначала местные органы власти, а затем и центральное правительство объявили призыв некоторых групп населения на обязательную военную службу».¹⁹⁸ Это подтверждается рядом примеров, в частности из деятельности уральских Советов. Пленум исполнительного комитета Уральского областного Совета еще 22 мая 1918 г. принял постановление «произвести частичную мобилизацию нескольких призывных годов рабочих и беднейших крестьян».¹⁹⁹ Когда разгорелся мятеж чехословацкого корпуса, партийные и советские органы Урала объявили всеобщую добровольческую мобилизацию, но она имела элементы обязательности: в ряде уездов Уфимской и Вятской областей местные Советы устанавливали норму представления от каждой волости по 10—25 добровольцев.²⁰⁰ 3 июня 1918 г. Уральский окружной военком С. А. Анучин телеграфировал в Невьянск, что «по реше-

¹⁹⁶ В апреле 1919 г. была, правда, внесена поправка, что волвоенкомом может быть член волостного исполкома.

¹⁹⁷ См.: Советы в период Октябрьской революции и гражданской войны. В трех книгах. Отв. ред. И. И. Минц. Кн. 2 и 3. М., 1967—1968.

¹⁹⁸ ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 36, л. 15.

¹⁹⁹ Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1918, 26 мая.

²⁰⁰ ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 235, л. 29.

¹⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 128.

¹⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 23, л. 62.

¹⁹⁵ Там же, д. 38, л. 23; д. 91, лл. 56—57.

нию Совета можно произвести мобилизацию одного-двух годов, однако без ущерба для производства».²⁰¹ Первые опыты местных Советов послужили основой для выработки центральными органами решений, указаний, инструкций по проведению призывов. В упоминавшемся уже документе Мобилизационного управления Всероссийского Главного Штаба говорится, что «после ряда частных призывов, произведенных в различных районах Республики по почину органов местного управления, центральная власть признала необходимым приступить к производству планомерных призывов трудового населения».²⁰² Однако мобилизации по решениям местных органов, особенно в прифронтовых районах, проводились и впредь.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что, несмотря на создание органов военного управления, В. И. Ленин, Коммунистическая партия и Советское правительство считали местные Советы в полной мере ответственными за проведение мобилизаций и призывов. В их адрес направлялись принципиальные указания, с них спрашивалось за результаты мобилизационной работы. Военные органы, организуя мобилизацию, всегда обращались к местным Советам. Например, командующий Северо-восточным участком Западной завесы М. С. Кедров 14 августа 1918 г. направил в адрес губернских исполкомов Вологды, Костромы, Вятки, Петрозаводска, Череповца и Ярославля просьбу информировать все уездные и волостные Советы о политической и военной обстановке и потребовать от них непосредственного участия в проведении мобилизации.²⁰³ Таких примеров можно привести множество по самым различным районам страны и фронтам гражданской войны.

В-третьих, хотя для создания массовой регулярной армии и был осуществлен переход к всеобщей воинской повинности, местные Советы продолжали использовать для увеличения количества войск и принцип добровольческого набора. Так, осенью 1918 г., откликнувшись на обращение местных партийных и советских органов, добровольно ушли в Красную Армию все рабочие в возрасте от 18 до 40 лет Верхне-Туринского завода и ряда других предприятий Урала.²⁰⁴ Широкое распространение получила добровольческая мобилизация летом и осенью 1918 г. в ряде уездов Пермской губернии, где в волостях создавались комбедами добровольческие крестьянские дружины, объединявшиеся затем в полкоматами в роты, батальоны. Однако это практиковалось далеко не везде: там, где имелось большое влияние кулаков, не удавалось создать ни комбедов, ни добровольческих дружин Красной Армии. Скажем, в Уржумском уезде Вятской губернии к началу

сентября 1918 г. из 24 волостей в 12 добровольцев не обнаружилось.²⁰⁵

Итак, даже краткое изложение некоторых проблем военно-организаторской деятельности показывает, насколько велика была роль местных Советов в создании массовых регулярных вооруженных сил страны. Не случайно В. И. Ленин, обращаясь к председателям губернских Советов 30 июля 1918 г., выражал уверенность, что «губернские исполкомы... создадут крепкую социалистическую армию».²⁰⁶ Под руководством Коммунистической партии и Советского правительства, при постоянном внимании и помощи со стороны центральных военных органов, в результате активной деятельности местных Советов, партийных организаций и военных органов, опиравшихся на энтузиазм и творчество народных масс, такая армия была не только создана, но и одержала всемирно-исторические победы над интервентами и внутренней контрреволюцией. В этом проявилась великая сила социалистического строя, несокрушимая мощь союза рабочего класса и крестьянства, дружбы народов нашей великой Родины. «Строительство нашей армии, — подчеркивал В. И. Ленин, — только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства, на основе классовых соотношений, которые сказываются в области любого строительства».²⁰⁷ В ходе военно-организаторской деятельности Советов на всей территории нашего государства сложилось военное единство народов всех советских республик, чем было подготовлено одно из важнейших условий их объединения в союзное государство.

²⁰¹ Там же, ф. 25933, оп. 4, д. 16, л. 213.

²⁰² Там же, ф. 11, оп. 8, д. 36, л. 15.

²⁰³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 15.

²⁰⁴ Государственный архив Свердловской области, ф. 1913, оп. 1, д. 24, л. 43.

²⁰⁵ Партийный архив Кировского ОК КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 161, лл. 109—112, 116, 119—120, 131, 133—143, 149, 151, 159, 161, 164.

²⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 22.

²⁰⁷ Там же, т. 40, стр. 76—77.

ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ СТРАНЫ

После окончания гражданской войны опасность нового военного нападения на советские республики со стороны империалистических государств не была полностью устранена. Поэтому сохранение завоеваний социалистической революции и строительство социализма в немалой степени зависели от дальнейшего укрепления обороны страны.

С переходом Советской страны к миру империалисты надеялись на мирное перерождение Советской власти, но вскоре убедились в несбыточности своих надежд и снова поставили в порядок дня военные методы борьбы против Советского государства. В. И. Ленин в «Письме к съезду» от 23 декабря 1922 г. предупредил партию о том, что в ближайшие годы борьба враждебных государств против Советской страны «должна сильно обостриться».¹

Это предвидение В. И. Ленина вскоре подтвердилось. Весной 1923 г. империалистическая Англия начала сколачивать единый фронт капиталистических государств против СССР.

Подавление революционного движения в конце 1923 г. и достигнутую в 1924 г. временную стабилизацию капитализма западноевропейские государства, США и Япония стремились использовать для окончательного поражения революционных сил в капиталистических странах и колониях и для вооруженной расправы с СССР. Советским республикам предстояло выдержать новый военный натиск ударных сил империализма. Для отражения нового военного нападения со стороны империалистов надо было еще больше укрепить оборону Советской страны. Благоприятные условия для решения этой задачи открывались в связи с образованием Союза ССР.

Создание СССР позволило усилить военную организацию социалистического государства. Установление единства территории, единого союзного гражданства, отнесение к ведению центральных

союзных органов вопросов обороны и руководства важнейшими отраслями народного хозяйства создали условия для превращения Советского Союза в неприступную для империалистических захватчиков крепость, в надежную опору трудящихся всего мира. В частности, образование СССР дало возможность:

— противопоставить капиталистическому лагерю сплоченную силу советских республик, создать единую систему государственного руководства делом обороны;

— ускорить развитие народного хозяйства, поднять экономическую мощь страны;

— более эффективно использовать материальные и людские ресурсы в интересах обороны, выделить на оборону большие средства;

— обеспечить фактическое равенство народов в области военного дела, привлечь к защите социалистического отечества все народы СССР, расширить социальную и национальную базу вооруженных сил;

— укрепить Красную Армию как армию дружбы и братства народов СССР.

Для подготовки страны к обороне на заседании Совпаркома СССР в середине июля 1923 г. в системе общесоюзного государственного аппарата был создан специальный орган — Совет Труда и обороны СССР (СТО СССР).² Согласно положению о СТО СССР,³ в его ведение входило руководство наркоматами СССР в области экономики и обороны страны в масштабе всего Советского Союза. Штаб РККА, освобожденный в результате военной реформы от функций административных и руководства боевой подготовкой войск, стал еще лучше решать задачи укрепления обороноспособности. Он мог теперь сосредоточиться на детальной разработке мероприятий по обороне страны, действуя «с гораздо более широкой точки зрения: с точки учета всех возможностей — экономических, политических и стратегических, которые имеются в распоряжении Советского государства».⁴

Образование СССР позволило приступить к разработке плана обороны для всей страны. 30 марта 1923 г. Пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании комиссии для рассмотрения плана обороны,⁵ а 4 июля заслушал ее доклад.⁶ В октябре 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании из представителей ВСНХ, наркоматов по военным и морским делам, фи-

² Собрание законов СССР, 1923, № 81, ст. 784. Далее — СЗ СССР.

³ Там же, № 95, ст. 946.

⁴ М. В. Фрунзе. Собр. соч. Т. 2. М.—Л., 1926, стр. 32.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 94, л. 2.

⁶ Там же, д. 100, лл. 1—2.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 344.

напсов, путей сообщения, Госплана, ВЦСПС, ОГПУ и других ведомств СССР комиссии обороны,⁷ в задачу которой входило согласование работы всех ведомств в области обеспечения обороны СССР.

Объединение советских республик в единое союзное государство дало советскому народу большие возможности для увеличения военно-экономического потенциала страны. Кооперирование производства, вовлечение в хозяйственный оборот огромных сырьевых, топливных и продовольственных ресурсов, концентрация и специализация промышленного производства с передачей управления крупнейшими предприятиями единому центру, создание единой транспортной сети — все это позволило значительно укрепить оборонную мощь Советского государства. Поскольку ход народнохозяйственного строительства широко освещен в советской исторической и историко-экономической литературе, в настоящей статье в этом плане рассматриваются лишь вопросы, прямо и непосредственно касающиеся обороноспособности.

Здесь прежде всего следует отметить увеличение финансирования военной промышленности. Если в 1923/24 г. на выпуск боевой техники было израсходовано 91 млн рублей, или 25 % военного бюджета, то в 1924/25 г. на техническое оснащение Красной Армии расходовалось 36 % военного бюджета.⁸ Это позволило увеличить производство военной техники и оружия.

Быстро наращивала производство авиационная промышленность. В 1924 г. в Советском Союзе была создана собственная база для серийного производства боевых самолетов. Если в 1922 г. за границей закупалось 90 % самолетов, а в 1923 г. — 50 %, то в 1925 г. вся потребность в самолетах была удовлетворена отечественной авиационной промышленностью. Советский Союз добился, таким образом, независимости от капиталистических государств в области самолетостроения.⁹⁻¹⁰ Был сделан также большой шаг вперед в налаживании собственного авиадвигателестроения. В 1925 г. 30 % авиадвигателей было выпущено на отечественных заводах (вместо 9 % в 1924 г.).¹¹⁻¹²

Увеличилось производство отечественного стрелкового оружия, что позволило в конце ноября 1924 г. принять решение о перевооружении Красной Армии новыми винтовками.¹³ Советский стрелковый батальон, отстававший по мощности огня от пехотных батальонов армий соседних буржуазных государств, теперь прев-

зошел их в огневой мощи.¹⁴ Красная Армия была также усилена артиллерией. Количество орудий в стрелковой дивизии увеличилось с 24 до 48.

С образованием СССР открылись новые возможности в укреплении Красной Армии и за счет сельского хозяйства. В середине 1923 г. был составлен общесоюзный план поставки в Красную Армию лошадей.¹⁵ С 1924 г. улучшается интендантское снабжение армии. Расширение посевов хлопка в Средней Азии и создание второго хлопкового района в Закавказье, увеличение производства шерсти и развитие текстильной промышленности в этих районах позволили добиться того, что с 1924 г. Красная Армия удовлетворилась вещевым довольствием по полной норме.¹⁶ «Командный состав сейчас получает хорошее суконное обмундирование, сапоги, что еще не так давно было для нас роскошью. Красноармейцы одеваются удовлетворительно и, что самое главное, в сроки»,¹⁷ — говорил К. Е. Ворошилов в докладе о 8-й годовщине Красной Армии 23 февраля 1926 г. Успехи в развитии сельского хозяйства отразились и на других сторонах материального снабжения армии. С 1924 г. стали улучшаться питание красноармейцев и материальное положение комсостава, заметно улучшился казарменный фонд.

Образование СССР позволило создать единую дорожную сеть всей страны, перераспределить средства на строительство дорог и подвижной состав с учетом интересов обороны всего Союза, расширить работы по восстановлению и развитию транспорта на наиболее важных участках и стратегических направлениях.

В связи с военными приготовлениями западных держав против СССР СТО в конце 1923 г. принял меры по строительству мостов через Днепр, Западную Двину и Березину.¹⁸ На возведение мостов было отпущено 1 989 000 рублей золотом.¹⁹ Строились мосты и через другие водные преграды. Только в Белорусской ССР в 1924—1925 гг. было возведено 248 мостов и капитально отремонтировано 142 моста.²⁰ Прокладывалась новая железная дорога Орша—Лепель в Белоруссии.²¹ Завершалось строительство Мерефо-Херсонской железной дороги на Украине.²²

Параллельно пересматривался перечень шоссе и групповых дорог, находящихся на государственном содержании.

¹⁴ Там же, л. 19.

¹⁵ См.: СЗ СССР, 1923, № 64, ст. 628.

¹⁶ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 29.

¹⁷ К. Е. Ворошилов. Оборона СССР, М., 1937, стр. 37.

¹⁸ См.: Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/23 год, М., 1925, стр. 217.

¹⁹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 41, л. 37.

²⁰ Очерки истории Компартии Белоруссии. Ч. II. Минск, 1967, стр. 70.

²¹ ЦГАСА, ф. 54, оп. 1, д. 670, л. 37 об.

²² См.: В. Я. Чубарь. Советская Украина. Харьков, 1925, стр. 21.

⁷ Там же, д. 122, л. 7.

⁸ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 15.

⁹⁻¹⁰ 50 лет Вооруженных Сил СССР, М., 1968, стр. 181.

¹¹⁻¹² М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. 3. М.—Л., 1927, стр. 160.

¹³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 326.

В 1923 г. в него были включены дороги Туркестана, Бухары, Приамурья, Забайкалья и Приморья. Общая протяженность государственных и стратегических дорог увеличилась с 33 962 до 39 440 верст.²³

Образование СССР превратило нашу страну в одно из крупнейших государств мира не только по величине территории, но и по количеству населения, что позволило привлечь к защите социалистического отечества новые миллионы людей. Из 131,3 млн человек, населявших СССР к моменту его образования, всеобщая воинская повинность распространялась только на 95,2 млн человек, или 73,3% населения Советского Союза.²⁴ Остальные 36,1 млн человек (26,7% населения) военной подготовки не имели и к обязательной военной службе не привлекались. Это был огромный резерв, соответствующая подготовка которого давала возможность значительно укрепить обороноспособность страны. Однако у некоторой части населения национальных окраин не было ясного понимания необходимости собственного участия в военной защите Союза ССР. Сказывался ряд обстоятельств: а) отсутствие ранее здесь воинской повинности; б) религиозные предрассудки; в) сохранение прежних межнациональных трений. Все это и порождало негативное отношение к военной службе. В этих условиях от Коммунистической партии требовалось как можно скорее обеспечить готовность и способность всех народов страны к защите их революционных завоеваний. Ведь от степени военной подготовки грамотного и политически сознательного гражданина-патриота во многом зависел исход возможного военного столкновения советских республик с мировым империализмом.

Объединение советских республик в единое государство создавало благоприятные условия для развития героико-патриотических черт народов СССР, воспитания широких масс самых отсталых слоев трудящихся в духе готовности к защите Советского Союза как отечества всех трудящихся, населяющих СССР. Активизация воспитательной работы среди коренного населения национальных районов привела к тому, что оно стало понимать интернациональный характер Союза ССР как оплота свободы и независимости

всех входящих в него народов и прониклось готовностью защищать Союз республик. Так, в июне 1924 г. Джетысуйский (Алма-Атинский) губком сообщал в ЦК РКП(б) о положительном отношении местного населения к защите Советского Союза: по пути следования маршевых команд призывников оно устраивало им торжественные встречи и обеды.²⁵ В 1925 г. такое явление стало повсеместным. «Проводы в Красную Армию повсюду проходили с большой торжественностью и теплотой», — указывалось в отчете Народного комиссариата по военным и морским делам СССР за 1924/25 г.²⁶

Для приобщения трудящихся национальных районов СССР к военному делу большое значение имело воспитание у них правильного отношения к Красной Армии и понимания ее роли в исторических судьбах народов СССР. Поэтому XII съезд РКП(б) предложил партийным организациям усилить связь между Красной Армией и населением.²⁷ ЦК РКП(б) в циркулярном письме местным партийным органам от 17 марта 1924 г. предложил особое внимание в агитационной работе обратить на разъяснение роли Красной Армии в национальном освобождении и раскрепощении народов СССР. «В областях и республиках, население которых до революции не привлекалось в армию, — подчеркивалось в письме ЦК, — необходимо особенно внимательное разъяснение задач Красной Армии, ее значения для трудящихся этих областей».²⁸

Партия в своей агитационно-пропагандистской работе раскрывала перед трудящимися новые черты Красной Армии как защитницы их революционных завоеваний, как армии дружбы народов СССР. Партийные организации ярко и доходчиво разъясняли жителям национальных окраин, что с образованием Советского Союза Красная Армия становится действительно единой многонациональной красноармейской семьей Союза ССР, общесоюзной интернациональной армией, вооруженной силой братских и равных советских республик. В статье «Красная Армия выполняет заветы Ленина» М. В. Фрунзе писал: «Союз Советских Республик есть Союз трудящихся разных национальностей. Красная Армия является его отражением... — это тоже союз, но союз боевой, в который трудящиеся всех наших советских республик посылают своих сыновей учиться военному делу и рука об руку, единой дружной стеной стоять на страже советской земли».²⁹

²³ См.: Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/23 год и за 1923/24 год. М., 1925, стр. 216, 266.

²⁴ До конца 1924 г. в Красную Армию на основе всеобщей воинской повинности призывались граждане следующих национальностей: русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, немцы, латыши, чуваш, башкиры и татары (крымские и закавказские татары, составлявшие примерно 1,8 млн человек, в Красную Армию не призывались). Грузины, армяне и азербайджанцы призывались лишь в том количестве, которое требовалось для комплектования национальных частей Закавказских республик (ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 270).

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 31, д. 28, л. 10.

²⁶ ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 2927, л. 69.

²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 468.

²⁸ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1969, стр. 213.

²⁹ Красная звезда, 1925, 21 января.

Национальные обкомы и губкомы партии и комсомола совместно с органами Политического управления РККА проделали в эти годы большую работу по установлению братских взаимоотношений между армией и местным населением.³⁰ Командиры и политработники организовывали проведение совместных мероприятий воспитательного характера, устраивали соревнования и воензированные игры.³¹ Активное участие в этом деле приняли национальные части. Например, объединенная военная школа среднеазиатских национальностей и узбекские национальные части только за один летний месяц 1925 г. провели в 112 населенных пунктах Зеравшанской области 174 митинга, 79 бесед, 24 спектакля, на которых присутствовало свыше 60 тысяч местных жителей.³²

Так, несмотря на трудности, успешно решалась задача установления братских взаимоотношений Красной Армии с местным населением национальных окраин СССР. Все народы Советского Союза увидели в ней свою защитницу. Провалились попытки империалистов и буржуазных националистов разжечь у нерусских народов недоверие к Красной Армии. Вновь подтвердились на практике слова В. И. Ленина: «Сколько бы ни обливали нас грязью буржуа и их сторонники, ... но раз такое сознание, что теперешняя армия есть защитница трудящихся, проникло в сознание даже таких темных масс, эксплуатируемых, то Советская власть крепка».³³

Для привлечения граждан всех национальностей СССР к защите социалистического отечества необходимо было обеспечить их военную подготовку и призыв на военную службу. А для этого требовалось прежде всего наладить военный учет населения.³⁴ В 1924 г. налаживается военный учет в национальных районах страны. В Закавказье, например, в апреле—июне была проведена реорганизация уездных военкоматов (повышалась разряд-

ность многих военкоматов и создавались новые).³⁵ С июня 1924 г. в ЗСФСР вводится приписка военнообязанных к призывным участкам.³⁶ Большую работу по организации военного учета и военной подготовки населения провел Киргизский (Казахский) краевой военкомат.³⁷ Вплоть до 1925 г. в Казахстане на военном учете состояли только граждане русской национальности. В феврале 1925 г. на военный учет были взяты казахи, отнесенные к среднему и старшему командному составу,³⁸ а в апреле проведена приписка граждан рождения 1904 и 1905 годов Киргизия (Казахстана) независимо от национальности.³⁹ В Средней Азии на военный учет ставились только допризывники,⁴⁰ причем до осени 1925 г. военный их учет производился через партийные, комсомольские и профсоюзные организации, союз «Комчи» и добровольные общества.⁴¹ Осенью 1925 г. входящая в эти организации молодежь была приписана к призывным участкам. Приписке подлежали граждане рождения 1903, 1904 и 1905 годов.⁴² Военный учет неорганизованной молодежи начался уже после введения на территории Средней Азии в 1925—1927 гг. закона «Об обязательной военной службе», принятого ЦИК и СНК СССР 18 сентября 1925 г.

Улучшение военного учета населения национальных районов позволило перейти к организации его военной подготовки через Всевобуч. После образования СССР рамки Всевобуча расширились. В 1923 г. декретом ЦИК и СНК СССР было утверждено положение «О военной подготовке трудящихся СССР», согласно которому военному делу должны были обучаться все военнообязанные. Но на практике в национальных районах военная подготовка населения осуществлялась плохо. В Азербайджане, например, в начале 1923 г. из 15 835 допризывников 1902 года рождения только 900 человек прошли полуторамесячную военную подго-

³⁰ Кадровые части Красной Армии располагались, как правило, в приграничной полосе, которая проходила по национальным районам. III Всесоюзное совещание политработников Красной Армии и Флота в октябре 1923 г. в качестве первоочередной задачи по подготовке условий для привлечения народов СССР к военной службе выдвинуло задачу укрепления и развития братских отношений между частями Красной Армии и населением национальных республик и областей. Февральский (1924 г.) Пленум ЦК РКСМ потребовал от комсомольских организаций проведения вечеров сближения между комсомольцами-красноармейцами и местными организациями (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 41, д. 148, л. 136).

³¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 57, л. 95.

³² Красная звезда, 1925, 10 сентября.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 485.

³⁴ В республиках Закавказья (особенно в Армении и Азербайджане) военный учет местного населения был неполным и неточным. В Казахстане и в Средней Азии он не проводился вообще.

³⁵ Вновь сформировались уездные военкоматы: Эриванский, Юго-Осетинский, Тифлисский, Зугдидский, Шаропаиский, Леххумский, Ахалкалакский, Спихахский, Рачинский и Бакинский (ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 156, лл. 7—17, 23—24).

³⁶ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 159, л. 4; д. 216, л. 32.

³⁷ Киргизский краевой военный комиссариат содержался по особому штату на правах военного округа. В конце 1924 г. в его ведении находилось 6 губериских и областных, 30 уездных и 9 участковых военкоматов. В апреле 1925 г. в связи с переименованием Киргизской АССР в Казахскую АССР Киргизкрайвоенкомат стал называться военкоматом Казахской АССР (ЦГАСА, ф. 54, оп. 1, д. 665, лл. 60, 113).

³⁸ Государственный архив Оренбургской области, ф. Р-1, оп. 1, д. 739, лл. 5, 6.

³⁹ Там же, д. 352, л. 29.

⁴⁰ Остальные граждане военной подготовки не имели, и ставить их на военный учет не было никакого смысла.

⁴¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 57, л. 35.

⁴² Там же, л. 96.

товку. В Армении из 6 тыс. допризывников было обучено лишь 300 человек. В целом по Закавказью занятия с допризывниками проводились только в Грузии, да и то не полностью.⁴³ 8 августа 1923 г. ЦИК и СНК СССР приняли декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся», в котором указывалось, что «обучающиеся военному делу трудящиеся должны быть надежным резервом, готовым в любую минуту стать под красные знамена на защиту Союза ССР». Согласно декрету, при местных Советах должны были создаваться комиссии содействия военной подготовке трудящихся. Это значительно активизировало военную подготовку населения национальных районов. В 1924—1925 гг. здесь организовались и оборудовались военно-учебные пункты, улучшается координация оборонной работы советских и общественных организаций.

Организацию Всевобуча в национальных районах отличал ряд особенностей, вызванных конкретными условиями жизни и быта народов этих районов. Там, где коренное население ранее в армии не служило или служило небольшая его часть, военная подготовка начиналась на год позднее, чем на остальной территории СССР. Это делалось потому, что у местного населения уровень образования и культуры был ниже, чем у русских. Далее, если в РСФСР, УССР и БССР подготовка допризывников осуществлялась военкоматами, то в Закавказье Всевобуч проводился в кадровых национальных дивизиях.⁴⁵ При полках этих дивизий были сформированы кадрованные батальоны (по 25 человек постоянного состава),⁴⁶ а в штабах дивизий создан аппарат для руководства подготовкой допризывников. В Средней Азии допризывная подготовка проводилась отдельно для коренного и европейского населения,⁴⁷ причем первая до середины 1925 г. имела «опытный характер» и проводилась по инициативе местных военных органов. К военному обучению привлекалась только организованная молодежь (члены РКП(б), РКСМ, профсоюзов, союза «Кошчи») и добровольцы.

Особенностью подготовки допризывников в национальных районах являлось и то, что она вводилась не сразу на всей территории республики или края (области), а по мере создания для этого соответствующих условий. Так, с конца 1925 г. постепенно вводилась обязательная допризывная подготовка молодежи коренного населения в Ташкентской, Самаркандской, Ферганской и Зеравшанской областях Узбекской ССР, в Полторацком, Мервском

и Ленинском округах Туркменской ССР и во всех округах Киргизской автономной области.⁴⁸

Ввиду низкого уровня грамотности допризывников национальных районов принимались меры к первоочередной ликвидации неграмотности среди тех из них, кто шел на военную службу.⁴⁹ Увеличение из года в год численности призываемых в Красную Армию граждан из среды национальных меньшинств грозило снижением ее качественного состава. Поэтому были приняты срочные меры к повышению грамотности допризывников. Все неграмотные среди них брались на особый учет. При военно-учетных столах исполкомов местных Советов на неграмотных допризывников составлялись именные списки,⁵⁰ и они направлялись на обучение в первую очередь.

В результате принятых мер удалось достигнуть значительных успехов в подготовке бывших угнетенных народов к защите социалистического отечества.

1. Увеличилось количество военнообязанных из представителей нерусской национальности. Если весной 1924 г. на военном учете состояло 26,26% допризывников нерусских национальностей, то осенью того же года их стало уже 36,76%. Число допризывников-украинцев за это время увеличилось с 18,6 до 20,84%, белорусов — с 2,15 до 3,43, татар — с 1,2 до 2,79.⁵¹

2. С каждым годом увеличивалось количество обученных военному делу. Так, если численность прошедших допризывную подготовку в Кубано-Черноморской области в 1923 г. равнялась 81,7%, то в 1924 г. процент обученных здесь составил 91,4%.⁵²

3. Значительно повысилась грамотность призывников. В 1924 г. среди призывных в армию было 19,4% неграмотных, а в 1925 г. — 12,4%.

4. Росло количество призываемых в Красную Армию из среды граждан бывших угнетенных народов, ранее не привлекавшихся к военной службе. Об этом свидетельствуют приведенные ниже данные численности призывников по различным военным округам.^{53а}

⁴⁸ Там же, тл. 35—36, 95—97.

⁴⁹ См.: М. В. Фрунзе. Собр. соч. Т. 3, стр. 284. Если в целом по СССР призыв 1924 г. дал Красной Армии 19,4% неграмотных, то Закавказье дало 51,8% неграмотных, Поволжье — 25,7%, Казахстан — 23,5, Средняя Азия — 21%. При этом надо учесть, что в Казахстане и в Средней Азии призыв проходил выборочно.

⁵⁰ Государственный архив Оренбургской области, ф. Р-1, оп. 1, д. 692, тл. 196—199.

⁵¹ См.: Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923/24 год, стр. 59, 64.

⁵² См.: Доклад инспекционной комиссии по инспектированию допризывной подготовки в Кубано-Черноморской области 24 октября—15 ноября 1924 г. (ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 355).

^{53а} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923/24 год, стр. 56, 62.

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 47, оп. 41, д. 481, л. 15.

⁴⁴ СЗ СССР, 1923, № 92, ст. 915.

⁴⁵ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 216, лл. 2, 3 об.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 47, оп. 41, д. 481, лл. 16, 53, 61.

⁴⁷ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 57, л. 35.

	1924 г.	1925 г.
Украинский	242584	252772
Западный	88628	78733
Северо-Кавказский	56297	63238
Отдельная Кавказская армия	32574	33144
Приволжский	212162	236697
Киркраввоенкомат	20646	23375
Туркфронт	6675	7481

Так, в результате образования СССР была решена труднейшая задача подготовки ранее угнетенных народов к обороне страны, что создало для Красной Армии дополнительный многомиллионный резерв. Это повысило обороноспособность Советского государства, увеличило его шансы выстоять в условиях капиталистического окружения, превратило Советский Союз в серьезную военную силу на мировой арене.

Образование СССР позволило создать единую систему советского военного управления, и в частности общесоюзный Наркомат по военным и морским делам. 10 января 1923 г. Президиум ЦИК СССР поручил Наркомату по военным и морским делам РСФСР представить в комиссию ЦИК проект положения о Наркомате по военным и морским делам СССР.⁵³ Но отсутствие Конституции СССР, которая определила бы компетенцию высших органов власти по вопросам обороны, затянуло выработку проекта. В военном ведомстве появилось мнение о ненужности создания военного аппарата СССР, поскольку военный аппарат РСФСР может полностью заменить его. Февральский Пленум ЦК РКП(б) 1923 г., заслушав доклад М. В. Фрунзе «О практических мероприятиях, связанных с образованием СССР», высказался за необходимость отделения органов управления Союза ССР от существующих органов РСФСР и поручил Политбюро ЦК принять меры по выполнению этого решения.⁵⁴ Пленум указал на необходимость строить наркоматы СССР на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей всех народов СССР. Это решение Пленума подтвердил затем XII съезд РКП(б)⁵⁵ и IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей.⁵⁶ На основе этих решений и создавался Наркомат по военным и морским делам СССР как Наркомат общесоюзный. Он был образован на первом заседании СНК СССР 13 июля 1923 г., а 25 сентября Пленум ЦК РКП(б) составил его коллегию⁵⁷ пополнил

представителями важнейших национальностей, входящих в Союз. В РВС СССР были введены К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин и др.⁵⁸ Постановлением СНК СССР от 5 февраля 1924 г. уполномоченными РВС СССР при СНК союзных республик были назначены Э. М. Складский (РСФСР), М. В. Фрунзе (УССР) и Г. К. Орджоникидзе (ЗСФСР), а 3 декабря И. А. Адамович (БССР). Наркомат по военным и морским делам взял на себя разработку и осуществление мер по обороне Союза Советских Социалистических Республик, а также организацию всех вооруженных сил и руководство ими. В октябре 1925 г. он был переименован в Наркомат обороны СССР.⁵⁹

В 1924—1925 гг. была осуществлена реорганизация местного военного управления. Она проводилась с учетом административного деления СССР по национальному признаку. В июле 1924 г. Наркомат по военным и морским делам внес в СНК СССР проект постановления о реорганизации местного военного управления,⁶⁰ согласно которому вместо губернских военкоматов предусматривалось создание управлений мобилизационных округов. Однако этот проект не учитывал национального признака. Так, например, территорию БССР предлагалось разделить на три корпусных мобилизационных округа, что приводило к упразднению Белорусского территориального военного управления как военного отдела ЦИК БССР.⁶¹ На территории Таджикской АССР создание самостоятельного территориального военного управления проектом вообще не предусматривалось.⁶² По этим причинам вопрос о создании территориальных военных управлений в национальных районах СССР был пересмотрен. После согласования его с правительствами национальных республик и областей СНК СССР 9 января 1925 г. утвердил план реорганизации местного военного аппарата.⁶³ Вместо военкоматов создавались территориальные управления с учетом национальных границ. Военно-административное деление было приведено в полное соответствие с гражданским районированием.

На территории БССР создавалось республиканское управление Белорусской ССР. В ЗСФСР были образованы три территориальных округа (Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР). Туркестанский фронт районировался применительно к новому национально-государственному размежеванию Средней Азии. В Казахстане сохранялся краевой военкомат с подчиненным

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 6316, оп. 12, д. 1, л. 39.

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 93, л. 3.

⁵⁵ XII съезд РКП(б) призвал партию не допустить игнорирования нужд и интересов национальных республик при образовании наркоматов СССР (КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 439—440).

⁵⁶ КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 491.

⁵⁷ Коллегией Наркомата по военным и морским делам СССР являлся Революционный Военный Совет СССР (РВС СССР).

⁵⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 103, л. 2.

⁵⁹ Военно-исторический журнал, 1970, № 6, стр. 119; № 12, стр. 107, 108.

⁶⁰ ЦГАСА, ф. 54, оп. 1, д. 646, лл. 3—5.

⁶¹ Там же, д. 689, лл. 56—57.

⁶² Там же, л. 73.

⁶³ См.: СЗ СССР, 1925, № 2, ст. 48. Практически эта мера была проведена в жизнь РВС СССР после согласования с ЦИК союзных республик (ЦГАСА, ф. 54, оп. 1, д. 646, лл. 52—54, 66, 74—75).

ему областных территориальных военных управлений. На территории РСФСР были созданы военные управления во всех автономных республиках. 7 декабря ВЦИК и СНК РСФСР передали управление военными делами автономных республик РСФСР территориальным управлениям этих республик.⁶⁴

Переход к новой системе местного военного управления был новым важным шагом в советском военном строительстве. Созданные в ходе реорганизации местного военного аппарата территориальные управления стали выполнять функции военных отделов соответствующих республик. Это позволило лучше увязать военные вопросы с экономическими и развернуть работу по привлечению всех народов СССР к военной службе.

С созданием СССР встал вопрос о дальнейшем строительстве единой многонациональной Красной Армии.

Задачу привлечения к военному делу народов, на которые ранее не распространялась воинская повинность, предполагалось решить путем создания национальных воинских частей и соединений. Именно такую линию наметил XII съезд РКП(б).⁶⁵ Решения XII съезда и IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей⁶⁶ легли в основу национального военного строительства Красной Армии. Однако по вине Троцкого этот процесс протекал стихийно и до середины 1924 г. развертывался медленно.⁶⁷ Создание национальных частей шло главным образом по инициативе местных партийных и советских органов республик. Троцкисты не хотели привлекать к военной службе ранее угнетенные народы, считая их массой еще «тяжеловеснее», чем крестьянство, а формирование национальных частей — «тактическим ходом», «пустой забавой», «игрой в удовлетворение национального самолюбия отдельных народов». Они доказывали, что национальные формирования будто бы снижают боеспособность Красной Армии, и поэтому следует ограничиться сформированием нескольких батальонов и рот.⁶⁸

Коммунистическая партия осудила такие взгляды. XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) потребовал, чтобы в национальных республиках и областях была усилена работа по выполнению решений XII съезда и IV совещания ЦК РКП(б).⁶⁹

Дело пошло по-иному после назначения на пост заместителя председателя Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе, который хорошо понимал необходимость организации национальных формирований для дальнейшего укрепления обороноспособности страны.

24 марта он утвердил план национальных формирований Красной Армии, в основе которого лежали следующие принципы:

— обязательную военную службу проходят все граждане СССР;

— народы, ранее привлекавшиеся к военной службе, немедленно формируют национальные части;

— остальные народы формирование национальных частей проводят по мере подготовки соответствующих условий: (готовность к несению военной службы; постановка военного учета, наличие подготовленного командного состава и др.);

— для подготовки национального командного состава формируются национальные военные школы или отделения при общих школах комсостава;

— при формировании национальных воинских частей учитываются географические условия жизни и наклонности того или иного народа.

К осени 1924 г. в составе Красной Армии уже имелись следующие национальные формирования:

- в ЗСФСР — 1-я и 2-я грузинские стрелковые дивизии;
- армянская стрелковая дивизия;
- азербайджанская стрелковая дивизия;⁷⁰
- в УССР — четыре правобережные украинские территориальные стрелковые дивизии;
- в БССР — одна белорусская территориальная стрелковая дивизия;
- в РСФСР — отдельный дагестанский кавалерийский эскадрон;
- отдельная Якутская стрелковая рота с кавалерийским взводом;
- крымская татарская стрелковая рота.⁷¹

Решение задачи привлечения к военной службе ранее угнетенных народов значительно ускорило после Пленума Реввоенсовета СССР (ноябрь—декабрь 1924 г.). Обсудив доклад М. В. Фрунзе,⁷² Пленум утвердил составленные ПУРОм и Штабом РККА тезисы «О национальном строительстве в Красной Армии»,⁷³ определил ближайшие задачи национального военного строительства на 1924—1925 гг., принял пятилетнюю программу

⁷⁰ 1-я грузинская, армянская и азербайджанская национальные дивизии были развернуты в 1923 г. из бригад как национальные формирования образовавшихся советских республик Закавказья. 2-я грузинская территориальная дивизия была сформирована на базе 2-го и 3-го стрелковых полков 1-й грузинской дивизии.

⁷¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 276.

⁷² Тезисы доклада М. В. Фрунзе на Пленуме РВС СССР 28 ноября 1924 года о национальных формированиях. См.: ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, лл. 276—281.

⁷³ Там же, лл. 269—275.

⁶⁴ СУ РСФСР, 1925, № 54, ст. 406.

⁶⁵ КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 441.

⁶⁶ Там же, стр. 493.

⁶⁷ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 279.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 181, л. 66; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 14; М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. 2, стр. 140.

⁶⁹ КПСС в резолюциях..., т. 3, стр. 55.

формирования национальных частей и поручил Президиуму РВС в кратчайший срок провести ее через правительственные органы.⁷⁴ Реввоенсовету Туркестанского фронта было поручено разработать по согласованию с правительствами национальных республик и с учетом местных условий отдельный план формирования национальных частей в Средней Азии и представить его в Реввоенсовет СССР.⁷⁵ Пленум Реввоенсовета определил следующие задачи национального строительства в Красной Армии на ближайшее будущее: реорганизовать существующие бухарские и хорезмские части в узбекские;⁷⁶ сформировать национальные части в Туркменской ССР, в Таджикской, Карельской, Бурят-Монгольской и Якутской АССР; создать на базе существующих частей Красной Армии, дислоцированных на территории Украины, Белоруссии, Татарской и Башкирской АССР, соответствующие территориальные соединения и части; расширить и укрепить национальные войска в Дагестанской АССР.⁷⁷

Одним из решающих условий успешного развертывания национальных частей и соединений была подготовка национальных военных кадров. РВС СССР уделял этому вопросу особое внимание. Были приняты меры к увеличению представительства нерусских национальностей в военно-учебных заведениях РККА. Так, если на 1 октября 1923 г. в военных школах обучалось 23,7% нерусских курсантов, то в 1925 г. их стало 33,9%.⁷⁸ 9 июля 1924 г. РВС СССР издал приказ «О национализации военно-учебных заве-

⁷⁴ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 220. III съезд Советов СССР 20 мая 1925 г. утвердил пятилетнюю программу национального военного строительства. «Съезд одобряет работу РВС в области национального строительства Красной Армии, — говорилось в резолюции съезда, — и поручает ЦИК и СНК СССР обеспечить выполнение намеченной программы национальных формирований как отвечающей интересам всех народов СССР в деле защиты общего их социалистического отечества» (СЗ СССР, 1925, № 35, ст. 249).

⁷⁵ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 221.

⁷⁶ 5 июня 1924 г. расширенный Пленум РВС СССР при участии членов РВС военных округов принял решение о включении войск Бухары и Хорезма в состав Красной Армии (ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 61, л. 555). Из них сформировались следующие узбекские национальные части: отдельный стрелковый батальон, отдельный кавалерийский дивизион, отдельный кавалерийский эскадрон, отдельная стрелковая рота и отдельная выночно-горная батарея (ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 39, л. 33; ф. 54, оп. 1, д. 910, л. 24 об.; д. 656, л. 112). В Туркменской ССР были созданы туркменская национальная школа подготовки младшего комсостава (г. Ташкент) и отдельный туркменский кавалерийский эскадрон (ЦГАСА, ф. 54, оп. 1, д. 910, л. 24 об.). В Таджикской АССР был сформирован отдельный таджикский кавалерийский эскадрон (там же, л. 25).

⁷⁷ 18 июня 1924 г. Президиум РВС СССР, заслушав доклад М. В. Фрунзе, одобрил ходатайство ЦИК и СНК Дагестанской АССР о формировании второго дагестанского кавалерийского эскадрона (ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 61, л. 216).

⁷⁸ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 112, л. 26.

дений», на основании которого открылся ряд новых национальных военных школ.⁷⁹ В ноябре 1924 г. были созданы военно-учебные заведения для татар, башкир, поляков, корейцев, казахов, народов Средней Азии и Северного Кавказа.⁸⁰ Из общего количества 21 554 курсантов Красной Армии по состоянию на 1 октября 1924 г. в национальных военных школах обучалось 4734 курсантов,⁸¹ или более 21% всего курсантского состава. Для подготовки контингента поступающих в военные школы открылись четыре подготовительные национальные военные школы: украинская; закавказская, ташкентская и казахская.⁸²

Национальные военные школы в основном комплектовались представителями коренной национальности. Так, из 209 человек, посланных в военные школы в 1924 г. из Башкирской АССР, татар и башкир было 182 человека.⁸³ Часть военно-учебных заведений Красной Армии переводилась на подготовку комсостава из среды коренного населения. Например, объединенная военная школа им. КирЦИКа (г. Оренбург) с 1925 г. переводилась на подготовку комсостава из казахов. В 1925 г. на подготовительный курс этой школы были зачислены исключительно одни казахи.⁸⁴

В 1925 г. состав курсантов национальных военно-учебных заведений на 76,6% был из представителей нерусской национальности.⁸⁵ Численность курсантов в них увеличилась до 9460 человек.⁸⁶ Кроме того, 385 человек училось в национальных военно-политических школах.⁸⁷

В результате комплектования военно-учебных заведений гражданами из среды нерусских национальностей значительно изменился национальный состав командно-политического и административного состава РККА. На 1 апреля 1925 г. он был следующим:⁸⁸ русских — 69,42%, украинцев — 9,84, белорусов — 4,62, грузин — 1,83, евреев — 1,63, поляков — 1,42, латышей — 1,37, армян — 1,35, немцев — 0,61, эстонцев — 0,53, казахов — 0,24, чу-

⁷⁹ С 1 апреля 1924 г. общее число военно-учебных заведений Красной Армии сократилось с 56 до 49, а число национальных военных школ увеличилось с 7 до 13 (ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 39; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923/24 год, стр. 86). Кроме того, существовало пять национальных военно-политических школ (грузинская, армянская, азербайджанская, закавказская и татарская).

⁸⁰ До осени 1924 г. в РККА были учебные заведения только для украинцев, белорусов, грузин, армян и азербайджанцев.

⁸¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 174—177.
⁸² Там же, л. 40, 177, 178; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923/24 год, стр. 87—88.

⁸³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 27, л. 100.

⁸⁴ Красная звезда, 1925, 30 апреля.

⁸⁵ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 112, л. 26.

⁸⁶ Там же, оп. 3, д. 2927, л. 107, 108.

⁸⁷ Там же, ф. 54, оп. 1, д. 910, л. 93 об.—94.

⁸⁸ В этих данных учтена численность курсантов.

вашей — 0.18, узбеков — 0.18, мордвин — 0.1, туркмен — 0.08, башкир — 0.07, карел — 0.07, молдаван — 0.06, прочих — 2.21%.⁸⁹

Одновременно с этим в Красной Армии проводилась большая работа по воспитанию личного состава в духе дружбы и братства народов СССР, перевод уставов и военно-политической литературы на национальные языки, усиление связей воинских частей с партийными и советскими органами национальных республик и областей и т. д.

В 1925 г. началось выполнение пятилетней программы национального военного строительства, которая предусматривала увеличение штатной численности 1-й и 2-й грузинских, армянской и азербайджанской дивизий; развертывание татаро-башкирского стрелкового полка в татаро-башкирскую территориальную дивизию; развертывание на базе егерского батальона карельской егерской бригады; формирование в Якутской АССР территориального стрелкового полка, на Северном Кавказе — сводной кавалерийской территориальной дивизии горских национальностей, в Средней Азии — трех кавалерийских и одной стрелковой дивизии, в Бурят-Монгольской АССР — территориальной кавалерийской бригады, в Казахской АССР — кавалерийской части. За пять лет национальные формирования Красной Армии предусматривалось увеличить с 17 477 до 46 314 человек.⁹⁰ При этом основной упор был сделан на привлечение к военной службе граждан тех национальностей, которые ранее в Красной Армии не служили.

Формирование национальных частей привело к увеличению в составе Красной Армии численности воинов нерусской национальности. Если на 1 октября 1922 г. они составляли 21.3%,⁹¹ то в начале апреля 1925 г. — 36.1,⁹² а на 1 октября 1925 г. — 38.8%.⁹³ Однако национальные формирования имели временное значение и после выполнения им своего назначения — приобщения нерусских национальностей к защите социалистического отечества — перестали существовать.

Таким образом, к концу 1925 г. более 1/3 красноармейцев и командиров Красной Армии принадлежали к нерусской национальности, в то время как за три года до этого (в октябре 1922 г.) они составляли только 1/5 часть ее численности. С выполнением пятилетней программы национального военного стро-

⁸⁹ Личный состав РККА в социально-демографическом отношении. М., 1926, Приложение 2.

⁹⁰ См.: ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 278. Численность национальных войск Красной Армии была: на 1 октября 1924 г. — 12 859 чел., на 1 декабря 1924 г. — 17 477, на 1 сентября 1925 г. — 48 073, на 1 августа 1926 г. — 19 273 чел. (ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 16, л. 165; оп. 3, д. 2927, л. 4; ф. 54, оп. 1, д. 31, л. 8).

⁹¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 5, д. 74, л. 13.

⁹² Личный состав РККА в социально-демографическом отношении, стр. 11—12.

⁹³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 2927, л. 61.

ительства национальные контингенты заняли видное место в составе Красной Армии и заметно повлияли на ее общую боеспособность, что имело большое значение в деле укрепления обороноспособности СССР. «К обороне границ Советского Союза, — отмечал К. Е. Ворошилов, — привлечены новые миллионные массы трудящихся, к тому же населяющих наиболее уязвимые со стороны международного империализма окраины». ⁹⁴ Значительно увеличилось мобилизационные возможности СССР, расширилась социальная база Красной Армии. Было достигнуто фактическое равенство народов Советского Союза в одной из важнейших областей политической и государственной жизни — в области военной. Все народы нашей страны получили право с оружием в руках защищать социалистическое отечество. Красная Армия превратилась в боевой союз народов СССР, стала воплощением их нерушимой дружбы и единства.

⁹⁴ К. Е. Ворошилов. Оборона СССР, стр. 265.

РОЛЬ СОВЕТОВ В СУДЕБНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ (ОКТАБРЬ 1917—ИЮНЬ 1918 гг.)

Создание советского суда — одна из важных составных частей строительства советского государственного аппарата. Принципиальные особенности этого процесса были глубоко и всесторонне раскрыты В. И. Лениным в его послеоктябрьских произведениях — в докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров 24 (11) января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов, работе «Очередные задачи Советской власти» (в том числе и в ее первоначальном наброске) и в некоторых других. В названных произведениях указано прежде всего на коренное отличие создающегося советского суда от суда буржуазного. По ленинскому определению, старый суд «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка».¹ «Поэтому, — указывал В. И. Ленин, — безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно».² Новый суд, создающийся вместо старой судебной системы, характеризовался Владимиром Ильичем тремя основными чертами. Во-первых, это «орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению». Во-вторых, «орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства». В-третьих, «орудие воспитания к дисциплине».³ Задачи советского суда: борьба «против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протастить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспе-

чить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся. Мы были бы смешными утопистами, если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т. е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или — без принуждения».⁴

Непременным условием успешного строительства советского суда В. И. Ленин считал участие в этом деле широких масс трудящихся, развязывание их революционной инициативы и самостоятельности. «Пусть кричат, — заявлял он, — что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества».⁵ Высоко оценил В. И. Ленин почти трудящихся, создававших революционные суды до принятия соответствующих декретов Советской власти: «... революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизнеспособность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата».⁶

Революционное творчество масс, учреждавших новый революционный суд, осуществлялось ими главным образом через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы — эта готовая форма пролетарской государственности — были теснейшим образом связаны с массами, аккумулировали их революционную энергию и направляли ее на претворение в жизнь выдвинутых партией большевиков задач по социалистическому строительству, в том числе и судебному. Новый суд создавался именно как советский суд. И не случайно В. И. Ленин, характеризуя значение Октябрьской революции для утверждения новой судебной системы, отметил: «На место старого суда она стала создавать новый, народный суд, вернее, советский суд (разряда наша, — Ю. Т.), построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством».⁷

Между тем в историко-правовой и исторической литературе, посвященной судебному строительству в первый год диктатуры пролетариата,⁸ вопрос о роли Советов как организаторов нового

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, т. 35, стр. 270.

⁶ Там же, т. 36, стр. 197.

⁷ Там же, стр. 163.

⁸ Эта тема довольно широко освещена в трудах советских правоведов и историков. В библиографическом справочнике «Великая Октябрьская социалистическая революция (март 1917—март 1918 гг.)... Указатель советской литературы. 1917—1964» (М., 1967) учтено 48 работ, в той или

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 270.

² Там же, т. 36, стр. 162—163.

³ Там же, стр. 197.

революционного суда не был предметом специального рассмотрения. В настоящей статье предпринята попытка восполнить, хотя бы отчасти, этот пробел.

* * *

Советы начали учреждать революционные суды тотчас же после свержения власти Временного правительства. Среди них первыми были районные Советы рабочих и солдатских депутатов Петрограда. На этот путь они вступили под влиянием обстановки, сложившейся непосредственно после победы Октябрьского вооруженного восстания. В конце октября и в ноябре 1917 г. потерпевшие поражение контрреволюционные силы шли на самые жестокие и грязные приемы и методы с тем, чтобы реставрировать власть буржуазии. Они пытались дезорганизовать порядок в столице путем контрреволюционного саботажа чиновников государственного аппарата, злобной антисоветской кампании, поднятой буржуазной прессой, умышленной организации голода и активизации уголовно-анархических элементов. Н. И. Подвойский, характеризуя обстановку в столице в это время, писал в своих воспоминаниях: «Город оказался беззащитной добычей погромного элемента, хулиганья, погромной агитации и пожевых расправ. Это была мутная вода, в которой контрреволюции легко было удить рыбку и пачкать грязью лицо революции».⁹ Слова Подвойского перекликаются со свидетельством комиссара юстиции Пороховского района о том, что в ноябре 1917 г. в районе были широко развиты хищение спирта и пьянство, в связи с чем «шло воровство, всевозможные азартные игры, на почве которых происходили бесчинства и в сильной степени развивалось хулиганство».¹⁰

Лучшие, большевистски настроенные представители петроградских рабочих и солдат, сосредоточенные в районных Советах, сознавали, что такого рода преступность представляет большую опасность для революции, и не могли, понятно, остаться равнодушными к ней. Наряду с другими срочными мерами, направленными на установление и поддержание строгого революционного порядка, районные Советы стали учреждать революционные суды. Уже 28 октября 1917 г. Выборгский районный Совет извещал районную думу: «Для борьбы с грабежами, мародерст-

вной мере касающихся судебного строительства в рассматриваемый период (тетрадь 9, стр. 82—85). За последующие годы литература по истории советского суда на начальном этапе его существования пополнилась еще несколькими трудами, и в их числе обстоятельной монографией Е. Н. Городецкого «Рождение Советского государства» (М., 1965), в которой выделен специальный раздел «Рождение революционного суда» (стр. 318—352).

⁹ Красная летопись, 1923, № 6, стр. 96.

¹⁰ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 123.

вом, хулиганством, пьянством и пр. Выборгский районный Совет постановил организовать временные народные суды».¹¹ Районный Совет определил и состав суда. В него должны были делегироваться представители самого Совета, фабзавкомов, районной управы, совета домовых комитетов, районного бюро профсоюзов.¹² На подобных же основаниях были созданы революционные суды Советами Петрофского, Петроградского, Спасского и Пороховского районов Петрограда.¹³

Революционные суды организовывались Советами рабочих и солдатских депутатов и в других пролетарских центрах — в Москве, Самаре, Ревеле и др. Даже Советы глухих провинциальных городов (Ачинск, Енисейск и др.) не остались в стороне от общего потока судебного-организационного творчества.¹⁴

22 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров был издан декрет № 1 о суде. Этим декретом упразднялись вся старая судебная система, прокуратура и адвокатура, за исключением института мировых судей, относительно которого было специально оговорено, что он не упраздняется, а лишь приостанавливает свою деятельность. Вместо упраздняемых судебных установлений декретом вводился местный суд в составе постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, избираемых впредь до введения прямых демократических выборов местными Советами. К компетенции местного суда было отнесено разрешение гражданских дел с ценой иска до 3000 рублей и уголовных дел, если к подсудимому применялось наказание не свыше двух лет лишения свободы. В качестве кассационной инстанции для местных судов декретом вводились уездные и столичные съезды местных судей. Для разрешения дел по контрреволюционным преступлениям, а также дел о спекуляции, мародерстве и хищничестве декрет предусматривал учреждение революционных трибуналов в составе председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами. Рассмотрение дел, подсудных революционным трибуналам, возлагалось на следственные комиссии при местных Советах. Декретом не предусматривалось создание специальных учреждений, осуществлявших защиту и обвинение на суде. В качестве защитников и обвинителей как на суде, так и в стадии предварительного следствия допускались все неопороченные граждане, пользующиеся гражданскими правами. В статье 5 декрета указывалось, что суды «решают дела именем Российской Республики и

¹¹ ЛГАОРСС, ф. 148, оп. 13, д. 8, л. 4.

¹² Правда, 1917, 1 ноября.

¹³ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 115—123.

¹⁴ См. подробнее: Ю. С. Токарев. К истории народного правотворчества в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917—февраль 1918). — Исторические записки, 1955, № 52, стр. 70—79.

руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Специальным примечанием к этой статье оговаривалось, что отмененными признаются все законы, которые противоречат декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-Крестьянского правительства, а также программам-минимум РСДРП и партий эсеров.¹⁵

При сопоставлении перечисленных положений декрета с данными об организации трудящимися самостоятельных революционных судов видно, что декрет явился как бы обобщением и законодательным закреплением правотворческого опыта Советов, накопленного ими за период октября—ноября 1917 г. Выборность судей Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, разрешение судебных дел на основе революционной совести и революционного правосознания, отмена старых материально-правовых и процессуальных законов — все эти положения декрета еще до его издания были применены Советами в ходе строительства революционного суда. Но это, естественно, не означало, что декрет был чем-то вроде среднего арифметического непосредственной судебной-организационной практики на местах. Декрет № 1 о суде творчески выбрал из разнообразного и пестрого местного опыта самое ценное и отбросил неуживное. Он свел этот опыт в единую систему и тем самым придать судебному строительству централизованный характер. Декрет провозгласил в качестве основополагающих принципов судебного строительства то, что в непосредственной практике организации судов было намечено лишь в самых общих чертах.

Тяжесть реализации декрета № 1 о суде легла на плечи местных Советов. «Центральная власть в этом процессе непосредственного участия принимать не могла и ограничилась лишь общими директивами»,¹⁶ — говорилось по данному поводу в отчете Народного комиссариата юстиции за 1918 г. Советами как непосредственно, так и через созданные ими отделы (комиссариаты) юстиции была проделана большая и напряженная работа по ликвидации старых судебных установлений, приему дел у них, созданию местных судов и революционных трибуналов, обеспечению их кадрами и вообще всем необходимым для налаживания судебной деятельности.

На долю местных Советов и их отделов юстиции выпала также работа по реорганизации судов, созданных по почину масс до издания декрета № 1 о суде. Те из них, которые учреждались как временные, т. е. на период времени до издания центральной

властью закона о новом суде, в большинстве своем ликвидировались, а на их месте создавались суды, предусмотренные декретом. Некоторые же революционные суды и следственные комиссии не были ликвидированы, а лишь подверглись соответствующей реорганизации.

В конце декабря 1917 г. Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда принял решение о ликвидации временного революционного суда. Этот суд был заменен местными судами, избранными районным Советом. Организация местных судов была возложена на специальных комиссаров Совета, которые приняли дела мировых судей, отказавшихся признать Советскую власть. Дела мировых судей и временного революционного суда были распределены по камерам местных судов.¹⁷

Временный суд был ликвидирован и в Пороховском районе Петрограда. «Оставить такое судопроизводство, как во временном революционном суде и военно-революционном суде, было невозможно, так как решения названных судов были окончательны, и только иногда, лишь по требованию Советов рабочих и солдатских депутатов, как центрального, так и районного, названные суды вновь рассматривали свое решение... В январе месяце был учрежден народный суд, который и принял все решенные и нерешенные дела военно-революционного суда»,¹⁸ — сообщалось в отчете комиссара юстиции Пороховского района.

В Кронштадте после издания декрета № 1 о суде существовавший до этого местный суд общественной совести ликвидирован не был, но подвергся соответствующей реорганизации. Д. И. Курский писал в этой связи: «По получении первого Декрета о суде суд общественной совести принял его к руководству, но без ломки самой организации суда. В конце декабря в Кронштадте был организован и революционный трибунал, в состав которого вошли представители от местного Совдепа и члены суда общественной совести, избранные политическими организациями».¹⁹ В Самаре временный революционный суд в начале января 1918 г. был реорганизован в революционный трибунал.²⁰

Аналогичным порядком происходила реорганизация и других судов, образованных по инициативе масс до издания декрета № 1 о суде.

Разумеется, издание декрета № 1 о суде не закрывало дорогу для дальнейшего развития творчества Советов в области судопроизводства. Декрет закрепил лишь основные, отправные моменты в деле строительства нового суда. Он не разрешал в деталях все

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957, стр. 124—126.

¹⁶ Пролетарская революция и право, 1918, № 1, стр. 33.

¹⁷ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 119—170.

¹⁸ ЛГАОРСС, ф. 511, оп. 1, д. 1, л. 84.

¹⁹ Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. М., 1948, стр. 16.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 322, л. 407.

вопросы, которые могли возникнуть и возникали в ходе судебного строительства. Поэтому для собственного правотворчества Советов оставалось еще обширное поле деятельности. В. И. Ленин указывал: «Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности».²¹ Это ленинское положение вполне применимо и к проведению в жизнь декрета № 1 о суде. Советы на местах своим непосредственным творчеством внесли много дополнений к декрету, а также новых положений, которые были учтены в последующем судебно-правовом законодательстве. Вот некоторые примеры.

Новгородский губернский исполнительный комитет, получив декрет, поручил судебной комиссии выработать проект положения о революционных судах для Новгородской губернии применительно к требованиям декрета. Проект обсуждался на заседании губисполкома 16 декабря 1917 г., где и был принят.²² В статье 1 положения говорилось: «Впредь до издания исчерпывающих законоположений об организации нового суда, основанного на демократических началах, учреждаются взамен упраздняемых Новгородского и Череповецкого окружных судов временные революционные суды в гг. Новгороде и Череповце». Далее положение детально определяло организационную структуру, материально-правовые и процессуальные основы деятельности революционных судов. В частности, суды должны были разрешать дела, подсудные ранее окружным судам, и, кроме того, дела, «не считавшиеся ранее преступными, как, например, дела провокационного характера и т. п., а также и дела о расхищении и присвоении продовольственных припасов независимо от стоимости их».

Суды делились на уголовные и гражданские отделения. Каждое отделение состояло из председателя, двух его товарищей и девяти заседателей, избранных губернским исполнительным комитетом. Защита на суде и в стадии предварительного следствия осуществлялась поверенными сторонами. Обвинение поддерживалось

членами контрольно-следственной комиссии, созданной взамен упраздненной прокуратуры. Помимо обвинительных функций, контрольно-следственная комиссия осуществляла надзор за производством предварительного следствия следователями, расследование отдельных категорий преступлений, надзор «за соблюдением общественных интересов» и исполнением приговоров, предание суду и др.

Относительно разрешения судом вопросов виновности и наказания, а также судьбы гражданского иска в положении предусматривалось: «Признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями, в качестве же необязательного для себя руководства суд может пользоваться уложением о наказаниях и уголовным уложением»; «При решении дел (гражданских, — Ю. Т.) суд руководствуется Уставом гражданского судопроизводства»; «Вопрос о виновности и о мере наказания решается судом по большинству голосов, при равенстве же голосов предпочтение отдается мнению, наиболее благоприятному для обвиняемого». Приговоры временных революционных судов объявлялись окончательными и ни кассационному, ни апелляционному обжалованию не подлежали.

Сопоставление приведенных данных с декретом № 1 о суде позволяет заключить, что положение о временных революционных судах Новгородской губернии во многих отношениях дополнило декрет. В частности, в нем содержались правовые нормы, определявшие основания и порядок разбирательства тех уголовных и гражданских дел, правила разрешения которых отсутствовали в декрете (правда, в декрете оговаривалось, что порядок рассмотрения дел, подсудных ранее окружным судам, будет определен особым декретом). Следует также отметить, что конструкция Новгородского временного революционного суда во многом совпала с конструкцией народного окружного суда, введенного позднее декретом № 2 о суде.

Примером творческого применения декрета может служить также издание Комиссарнатом по судебным делам Московского Совета рабочих и солдатских депутатов инструкции о Московском революционном трибунале.²³ В инструкции приводились конкретные категории дел, подсудных трибуналу. К ним были отнесены: организация восстаний против Советской власти, активное противодействие Советскому правительству или неподчинение ему, клевета в печати или в публичных собраниях с целью вызвать панику либо недоверие к правительству; совершение грабежей; скупка, сокрытие, порча, уничтожение предметов массовой потребности и т. д. Короче говоря, в инструкции был дан перечень преступлений, подсудных трибуналу, чем существенно

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 56—57.

²² Известия Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1917, 30 декабря. В юридической литературе распространено ошибочное утверждение о том, что положение о революционных судах Новгородской губернии было принято до получения в Новгороде декрета № 1 о суде. На это прямо указывали П. П. Михайленко (Революционное творчество народных масс в создании советского суда и советского уголовного права в СССР. Львов, 1955, стр. 19), В. В. Малькович (Творческая роль масс в создании первых законов Советской власти. — Советское государство и право, 1957, № 8, стр. 20) и некоторые другие авторы. Между тем из протоколов заседаний Новгородского губисполкома, опубликованных в «Известиях Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», видно, что положение о революционных судах в Новгороде и Череповце было принято уже после того, как губисполком получил текст декрета № 1 о суде.

²³ Известия Московского Совета рабочих депутатов, 1917, 8 декабря.

дополнялся декрет № 1 о суде. Кроме того, инструкция определила и круг наказаний, к которым относились: штраф, лишение свободы, удаление из Москвы и ее пригородов, объявление врагом народа и лишение политических прав, секвестр или конфискация имущества. Это также явилось ценным дополнением к декрету.

Примеров творческого применения декрета № 1 о суде можно привести еще множество. Повсюду, куда бы он ни приходил, его дополняли, развивали, уточняли сообразно местным условиям. В этом нашла проявление творческая активность Советов, разбуженная социалистической революцией.

Строительству нового народного суда упорное сопротивление оказали буржуазная прокуратура, магистратура и адвокатура. Будучи до Октябрьской революции высокопоставленными, привилегированными чиновниками, тщательно отбиравшимися царским и Временным правительствами из среды дворянской и буржуазной интеллигенции, прокуроры и судьи в своем большинстве крайне враждебно относились к Октябрьской революции. Как сообщала правозасеровская газета «Воля народа», Петроградский союз судей принял постановление о неподчинении судей «никаким распоряжениям и указаниям» органов Советской власти и об оказании «всякого содействия» контрреволюционному комитету «спасения родины и революции».²⁴ Подобного рода сообщение приводилось и в газете «Самарские ведомости» от 4 ноября 1917 г.: Самарский съезд мировых судей протестовал против взятия власти «безответственной группой большевиков» и ратовал за организацию местного комитета «общественной безопасности», противопоставляемого большевистскому Самарскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Весть о победе Октябрьской революции была подобным же образом встречена большинством буржуазных судей, следователей, адвокатов, прокуроров и в других городах.

Враждебно встретив Октябрьскую революцию, чиновники ведомства юстиции активно включились в борьбу против Советской власти. Они приняли деятельное участие в работе контрреволюционных комитетов «спасения родины и революции», в организации антисоветских мятежей и т. п. Многие буржуазные юристы вступили на путь контрреволюционного саботажа. Следует при этом отметить, что их саботаж отличался по форме от саботажа чиновников других ведомств. Если последние оставляли, как правило, работу, то в ведомстве юстиции работа «продолжалась». Зная, что новая власть подвергнет слому буржуазную судебную машину, чиновники учреждений упраздненного Министерства юстиции старались сохранить ее в неприкосновенности. Они надеялись, что Советская власть продержится недолго, а пока же

делали все возможное для ее свержения. Понятно, что деятельность старых судебных учреждений направлялась не в интересах новой народной власти. Следователи продолжали «расследовать» дела о «посягательствах» крестьян на помещичью собственность, об участниках июльских выступлений и т. п. Суды выносили приговоры и решения именем несуществующего Временного правительства.

Издание декрета № 1 о суде, провозгласившего слом буржуазного судебного аппарата, привело к еще большей активизации антисоветской деятельности чиновников ведомства юстиции, которые, за немногим исключением, упорно саботировали декрет, всячески старались сорвать его осуществление.

Непосредственно после издания декрета саботаж судебных чиновников выражался чаще всего в прямом неподчинении требованиям декрета. Судьи, прокуроры, следователи и адвокаты явочным порядком продолжали занятия в упраздненных декретом учреждениях, и прекратить их деятельность было возможно лишь насильственным путем, а иногда и путем применения вооруженной силы. Когда же представители Советской власти удаляли саботажников, то, перед тем как уйти, последние умышленно путали и уничтожали делопроизводство и расхищали государственные деньги.

В Петрограде, например, на состоявшемся 26 ноября 1917 г. общем собрании присяжных поверенных города было принято постановление: «1) Признать, что напечатанный в газете „Правда“ декрет, как исходящий от организации, не признаваемой за власть, не имеет силы закона; 2) признать, что члены присяжной адвокатуры Петроградского судебного округа должны продолжать свою профессиональную деятельность до того момента, когда применением насилия судебные учреждения будут вынуждены приостановить свои действия».²⁵ Петроградские адвокаты были дружно поддержаны судьями, прокурорами, следователями, которые объединились в своей борьбе против проведения в жизнь декрета № 1 о суде. Ликвидировать ввиду этого старые судебно-следственные учреждения Петрограда было возможно лишь насильственным путем, что и было сделано следственной комиссией Петроградского воспо-революционного комитета в дни с 29 ноября по 5 декабря 1917 г.²⁶

В борьбу против осуществления декрета включились и петроградские мировые судьи. Почти все они отказались работать в местных судах и постарались сделать все возможное, чтобы осложнить деятельность этих судов в будущем. В докладе комиссара юстиции Петроградского районного Совета отмечалось, что

²⁵ Новая речь (бывш. «Речь»), 1917, 28 ноября.

²⁶ Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 6 декабря.

²⁴ Воля народа, 1917, 2 ноября.

мировых судей пришлось «чуть ли не силой выгонять из камер. Все дела они страшно запутали, уничтожить же мало удалось. Ни одного из старых служащих в камерах не осталось».²⁷

Аналогичным образом вели себя мировые судьи 2-го Городского района Петрограда. «Мировые судьи, хотя и знали из декрета о суде о ликвидации мировых судебных установлений, продолжали работать до последнего дня и не приготовили дел для сдачи. Камеры приходилось печатывать чуть не насильственным образом. Некоторые из мировых судей отказались от подписи акта о наложении печатей на камеры, заявляя о незаконности вторжения представителей пролетарской власти в их царство... Принятые камеры оказались в полном хаосе, казалось, — намеренном. Из камер были предусмотрительно унесены все штемпеля, канцелярские принадлежности. Денежные суммы были сданы в казначейство в расчете, что их будут выдавать оттуда лишь по ассигновкам с подписью мирового судьи»,²⁸ — сообщалось в отчете народного суда 2-го Городского района.

Не менее активно участвовали в контрреволюционном саботаже юристы Самары. Как сообщал комиссар юстиции Самарской губернии, при закрытии Самарского окружного суда выяснилось, что 2816 судебных дел были брошены в хаотическом состоянии в отделах; чиновники прокуратуры и судебные следователи со всеми своими канцеляриями покинули здания.²⁹

Во Владимире общее собрание отделений Окружного суда, состоявшееся 12 декабря 1917 г., обсудив постановление Владимирского Совета рабочих и солдатских депутатов от 12 декабря 1917 г. об упразднении окружного суда в силу декрета СНК, постановило: «Упраздненными себя не считать; уступая силе, деятельность суда, нотариата, нотариального архива и других ведомственных суду лиц и учреждений приостановить и никакого участия в сдаче делопроизводства и имущества не принимать».³⁰ И так было почти в каждом городе.

После того как старые судебные следственные учреждения были в своей основной массе ликвидированы, саботаж буржуазных юристов принял новую форму. В связи с тем, что Советская власть не располагала подготовленными кадрами судебных работников, чинам упраздненных декретом судебным следственным учреждений было предложено работать в новых судах и следственных комиссиях. Однако большинство из них от работы в новых судах отказалось, рассчитывая, что Советская власть не сможет своими силами организовать судебную деятельность.

Относительно саботажа юристов Нижнего Новгорода в отчете губернского комиссара юстиции говорилось: «19 декабря судебные деятели бывшего Нижегородского окружного суда (включал сюда и адвокатуру) — все без изъятия заявили только что назначенному исполкомом Совета комиссару юстиции о своем нежелании работать в большевистских судах. К ним присоединились мировые судьи как города Нижнего Новгорода, так и уездов, в большинстве своем судебные приставы и канцелярские служащие бывшего Окружного суда. Последние, однако, скоро вернулись к своей работе и несут ее, за исключением некоторых, и по сию пору. Судебные же деятели в составе магистратуры, прокуратуры и адвокатуры образовали „союз судебных деятелей“, члены коего прежде всего обязывались не работать в народных судах, организуемых на началах декретов Совета Народных Комиссаров. И до сегодняшнего дня ни один из членов союза, обнимающего всех бывших судебных деятелей губернии, не нарушил данного союзу обязательства».³¹

Так же было и в Ярославле, где судьи, отказавшись работать в новых судах, организовали «бюро юристов-практиков», впрочем, вскоре закрытое отделом юстиции Ярославского Совета.³²

По свидетельству Д. И. Курского, в Москве «не нашлось ни одного судьи, который стал бы продолжать работу после издания первого декрета о суде и сделанного им предложения».³³

Саботаж чиновников судебного ведомства получил поддержку со стороны партий меньшевиков и эсеров. После издания декрета № 1 о суде они начали вести систематическую борьбу против проведения декрета в жизнь. Их пресса злобно обрушилась на декрет, доказывая его «незаконность», «утопичность» намерений большевиков построить новый суд на началах решающего участия широких масс трудящихся в осуществлении правосудия. В тех местных Советах, где эсеры и меньшевики сохраняли еще депутатские места, они всемерно пытались сорвать деятельность Советов по введению нового революционного суда. Так, на заседании Нижегородского губернского исполнительного комитета 16 декабря 1917 г., где обсуждался проект положения о революционных судах, фракция меньшевиков заявила: «Признавая необходимость реорганизации окружного суда, мирового съезда и других судебных учреждений, считаем, что эта реформа должна быть произведена Учредительным собранием в общегосударственном размахе. Полагаем, что образование революционного суда явится примером не правосудия, а бессудия, и потому фракция социал-демократов (объединенных) в создании и в ра-

²⁷ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 122.

²⁸ Там же, стр. 124.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 322, л. 359.

³⁰ Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917—1918 гг.). Сборник документов. Владимир, 1957, стр. 126—127.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 27, л. 43.

³² Материалы НКЮ. Вып. V. М., 1918, стр. 23.

³³ Д. И. Курский. Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству. — Советская юстиция, 1932, № 33, стр. 29.

боте этих судов участия принимать не будет».³⁴ Однако усилия новгородских меньшевиков сорвать введение в губернии революционных судов оказались тщетными. Против утверждения положений о революционных судах голосовало всего лишь 6 членов губисполкома, в то время как подавляющее большинство голосовало за утверждение положений.

Таким образом, в борьбе против осуществления первого декрета о суде объединились все силы, стоящие за реставрацию прежних капиталистических порядков. Советской власти, создававшей новый пролетарский суд, противостоял фронт врагов, начиная от контрреволюционной буржуазии и кончая мелкобуржуазными партиями. Но Советская власть сумела сломить все преграды на пути к утверждению нового суда.

Несмотря на сложные и трудные условия, в которых проходили слом старого и строительство нового аппарата государственной власти в центре и на местах, Советская страна менее чем за полгода покрылась довольно густой сетью местных судов и революционных трибуналов, заменивших собой подвергнутую слому старую судебную систему. В отчете отдела судостроительства Народного комиссариата юстиции (подписан 25 июня 1918 г.) констатировалось: «К марту 1918 г. декрет № 1 проводился уже на местах в жизнь в общегосударственном масштабе. На первом месте здесь были, конечно, крупные центры — Петроград, Москва, Западная Сибирь. В Петрограде и в Москве местные суды по декрету № 1 организованы в полном объеме».³⁵ Одновременно Советской власти удалось обеспечить судебный аппарат необходимыми кадрами преимущественно из среды рабочих и крестьян. В том же отчете отдела судостроительства НКЮ по этому поводу говорилось: «Места строили новый пролетарский суд, отводя решающий голос в нем народным заседателям, избираемым на тот или другой краткий срок. Участию же технического элемента, например, прежним судьям на Урале или в Западной Сибири, отводилась подчиненная роль сведущих людей, причем неизменно круг заседателей ограничивался советскими избирателями».³⁶

После заключения Брестского мира в центре внимания Коммунистической партии и Советского государства находились задачи организации управления — учет и контроль производства и распределения, укрепление трудовой и государственной дисциплины, борьба с мелкобуржуазной анархией во всех ее проявлениях.

Государственное управление включает в качестве своей составной части судебную деятельность. «... Судебная деятельность

есть одна из функций государственного управления»,³⁷ — указывал В. И. Ленин. Поэтому когда главной задачей Советской власти стала организация управления, то одновременно перед Советским государством возникла проблема организации судебного управления, организационного укрепления суда. В период ноября 1917—февраля 1918 гг. была проделана значительная работа в этой области, но то, что было сделано, далеко не удовлетворяло требованиям новой обстановки. В новых условиях на организацию судебного управления, на организационное укрепление суда необходимо было обратить особо серьезное внимание, ибо на данном этапе развития роль суда неизмеримо возросла. Если в период «красногвардейской атаки на капитал» подавление свергнутых классов осуществлялось главным образом военным путем, т. е. путем прямого вооруженного подавления контрреволюционных выступлений буржуазии, то, после того как открытое сопротивление буржуазии было в основном сломлено, на первое место выдвинулся суд. «По мере того как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, — типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд», — писал В. И. Ленин.³⁸

А между тем новый суд имел существенные недостатки, без устранения которых нельзя было успешно разрешать новые задачи. «Но наши революционные и народные суды, — указывал В. И. Ленин, — непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое».³⁹

В соответствии с ленинскими установками Советам предстояло проделать большую работу по укреплению суда, по превращению его в орган, максимально способствующий социалистическому строительству. Вместе с тем перед Советской властью встала задача усиления путем использования суда борьбы с мелкобуржуазной анархией, в чем бы она ни проявлялась. Суд должен был построить свою деятельность в направлении самой суровой борьбы со спекулянтами, лодырями, прогульщиками, расхитителями народного добра, хулиганами, лицами, допускающими злоупотребления на службе, и другими категориями преступников.

Как же преломились эти задачи в правотворчестве Советов? В какие новые формы вылилось оно в связи с постановкой новых задач? Нужно отметить, что такая форма правотворчества, как создание непосредственно местными Советами самостоятель-

³⁴ Известия Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1917, 30 декабря.

³⁵ Пролетарская революция и право, 1918, № 1, стр. 39.

³⁶ Там же.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 197.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

ных судебно-следственных органов и нормативных актов, определявших материально-правовые и процессуальные основы их деятельности, в новых условиях изжила себя. В период с февраля по июль 1918 г. был издан ряд законодательных актов по судебному строительству: декрет о суде № 2,⁴⁰ декрет о революционных трибуналах,⁴¹ инструкция Народного комиссариата юстиции «Об организации и действии местных народных судов»⁴² и некоторые другие, в которых содержались более или менее полные данные относительно судостроительства, материально-правовых и процессуальных основ деятельности судебных и следственных органов. Поэтому надобность в создании каких-либо общих нормативных актов по этим вопросам непосредственно местными Советами и другими местными организациями отпала.

Однако осталась и успешно развивалась другая форма народного правотворчества — создание нового революционного права в процессе судебной деятельности, иными словами, деятельность широкого круга советских судей из среды рабочих и крестьян, руководствовавшихся при разрешении судебных дел революционной совестью и революционным правосознанием, поскольку те или иные правовые вопросы не были разрешены в советском законодательстве. Как раз по этой линии и проходило подчинение народного правотворчества задачам борьбы с расхитителями народного добра, взяточниками, хулиганами и другими преступными элементами. Изучение правотворчества в этом плане — тема специального исследования.

Что же касается организационного укрепления суда, построения суда на основах действительного участия широких масс трудящихся в осуществлении правосудия, то выполнение этой задачи легло в основном на местные Советы, действовавшие преимущественно через свои отделы (комиссариаты) юстиции. Работа отделов юстиции по организационному укреплению суда проходила главным образом в плане наблюдения за правильным проведением в жизнь декретов о суде на местах. Дело в том, что нередко на почве неправильного понимания (а кое-где и умышленного искажения) декретов в судебном строительстве имелись существенные недостатки, без устранения которых невозможно было эффективно использовать суды и следственные органы для выполнения задач Советской власти на новом этапе развития. К недостаткам такого рода прежде всего относилось учреждение судов в количестве, намного превышающем действительную в них потребность. Если, согласно законодательству, местные суды должны были создаваться в количестве, не превышающем

число прежних мировых судов, то на практике это получилось иначе: суды учреждались не только в волостях, но даже в отдельных деревнях.

Так, состоявшийся 8 января 1918 г. съезд Советов Себежского уезда Витебской губернии, обсудив декрет № 1 о суде, постановил: «Предписать всем волостным Советам организовать в каждой волости местный гражданский суд».⁴³

Съезд Советов Кузнецкого уезда Томской губернии 21 марта 1918 г. утвердил положение о волостных народных судах, согласно которому в каждой волости учреждался суд, состоявший из 9 членов и 9 кандидатов к ним, избираемых общими собраниями граждан прямым голосованием.⁴⁴

Подобным же образом были организованы волостные суды в Шенкурском уезде Архангельской губернии. В «Известиях Архангельского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» была опубликована «Инструкция устройства суда на местах в Шенкурском уезде»,⁴⁵ согласно которой сельские сходы волостей избирали народных заседателей по два на каждое общество; списки избранных препровождались в отдел народного трибунала волостного Совета, последний «назначает сколько потребуется лиц для разбора судебных дел в уездном городе, а остальных по очереди назначает для разбора судебных дел волости, по шести человек на каждое судебное заседание».

Волостные суды были созданы повсеместно в Тверской губернии. Из протоколов состоявшегося 25 февраля 1918 г. губернского съезда уездных комиссаров юстиции видно, что в Старицком и Бежецком уездах в каждой волости действовали самостоятельные суды.⁴⁶ Так же было и в других губерниях (Олонецкой, Вологодской, Петроградской, Воронежской и т. д.).

Само собой разумеется, что существование излишнего количества судов серьезным образом затрудняло централизацию судебной деятельности и управления. Организационные формы и характер деятельности судов, учрежденных на местах вопреки законодательству, зачастую не соответствовали требованиям правовой политики Советской власти, провозглашенной в декретах о суде. В первую очередь это относилось к судам в волостях. Будучи крайне разнохарактерными как в организационном отношении, так и в отношении принципов деятельности, волостные суды не могли обеспечить проведения единообразной государственной политики при разрешении уголовных и гражданских дел.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 6, д. 58, л. 5.

⁴⁴ Там же, д. 438, л. 37.

⁴⁵ Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918, 12 мая.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 415, л. 7.

⁴⁰ Декреты Советской власти, т. I, стр. 466—474.

⁴¹ Там же. Т. II, М., 1959, стр. 233—234.

⁴² СУ РСФСР, 1918, № 53, стр. 597.

В ущерб интересам пролетарского централизма эти суды стали фактически автономными единицами, выпадавшими из общей судебной системы Советского государства. Они по существу не контролировались и не управлялись вышестоящими органами власти, не имели кассационных инстанций, нередко руководствовались инструкциями, которые существенно расходились с декретами о суде. В ряде мест Советы присваивали себе несвойственные им судебные функции, что также неблагоприятно отражалось на осуществлении правосудия.

Большие недостатки имелись также в практике организации и деятельности революционных трибуналов. Подобно местным судам, революционные трибуналы создавались в количестве, превышающем действительную в них потребность. Помимо губернских городов и других крупных центров, трибуналы учреждались в уездных городах, а порой и в волостях. Деятельность трибуналов часто не соответствовала целям, поставленным перед ними декретом № 1 о суде. Если декрет относился к ведению трибуналов разрешение дел, связанных с контрреволюционными выступлениями буржуазии, саботажем и спекуляцией, то на практике трибуналы рассматривали все категории уголовных дел, а иногда и гражданские дела. В «Краткой записке о судах революционного времени в Тимском уезде Курской губернии» указывалось: «В практике Тимского уездного трибунала проходили и дела уголовные, и гражданские тяжёлые процессы».⁴⁷ Из списков дел, назначенных к слушанию в Архангельском революционном трибунале, видно, что трибунал разрешал уголовные дела по обвинению в воровстве, присвоении казенных денег, оскорблении, подлогах, присвоении имущества, а также гражданские дела.⁴⁸ Практика революционных трибуналов других городов мало чем отличалась от практики Архангельского и Тимского революционных трибуналов.

Эти недочёты устранялись отделами юстиции местных Советов. Состоявшийся 14 мая 1918 г. II съезд комиссаров юстиции Тверской губернии постановил: «Признавая недопустимым дальнейшее существование волостных судов, немедленно приступить к упразднению на местах волостных судов, признавая необходимым организацию местных народных (районных) судов на совершенно одинаковых началах для всей губернии».⁴⁹

Казанский губисполком (именовавший себя Советом народных комиссаров Казанской губернии), заслушав 2 мая 1918 г. доклад губернского комиссара юстиции, постановил: «Совнарком признает, что главной и основной задачей Комиссариата юсти-

ции является возможно скорейшее открытие повсеместно судов, построенных на основах, возведённых декретами Совнаркома Российской Республики. Совнарком Казанской Республики предлагает комиссару юстиции обратить внимание на оказание помощи беднейшему населению и установить непосредственное наблюдение за судебными установлениями, принимая все меры к устранению тех многочисленных дефектов, какие замечаются в работе новых учреждений».⁵⁰ Аналогичные решения были приняты и другими местными Советами.

Большая работа была проделана Советами и комиссариатами юстиции в части сокращения числа революционных трибуналов, а также организации их работы в строгом соответствии с требованиями декретов о суде. Состоявшийся 26 февраля 1918 г. съезд комиссаров юстиции Московской области в принятом наказе предусмотрел упразднение уездных революционных трибуналов.⁵¹ Такое же решение было принято 10 марта 1918 г. на съезде уездных комиссаров юстиции Тверской губернии.⁵²

Суммируя местную практику по перестройке революционных трибуналов, I Всероссийский съезд губернских и областных комиссаров юстиции принял развернутое постановление о революционных трибуналах. В нем предусматривались сохранение революционных трибуналов только в губернских городах и крупных центрах, изъятие из подсудности трибуналов общеуголовных дел, отмена деления трибуналов на трибуналы по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и трибуналы по делам печати.⁵³ Решения, принятые съездом, легли в основу декрета о революционных трибуналах.

После издания декрета о революционных трибуналах отделы юстиции ещё шире развернули работу по сокращению излишнего числа трибуналов, принимая меры к перестройке их работы применительно к требованиям декрета. Комиссар юстиции Иваново-Вознесенской губернии доложил губернскому съезду Советов, что к сентябрю 1918 г. «во исполнение декрета Совнаркома число революционных трибуналов доведено до одного».⁵⁴

В отчете заведующего отделом юстиции Орловского губисполкома сообщалось: «В мае месяце с. г. организованы, согласно декрету о суде № 1, почти во всех уездах губернии революционные трибуналы и следственные при них комиссии. Из них в настоящее время функционируют Орловский, Брянский и Елецкий, все же остальные в разное время закрыты».⁵⁵

⁴⁷ Там же, д. 155, л. 146.

⁴⁸ Протоколы I и II съездов комиссаров юстиции Московской области. М., 1918, стр. 11.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 415, л. 8.

⁵⁰ Материалы НКЮ. Вып. 1. М., 1918, стр. 13.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 153, л. 41.

⁵² Там же, д. 255, л. 249.

⁴⁷ Материалы НКЮ, вып. V, стр. 17.

⁴⁸ Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918, 25 мая.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 415, л. 14.

Комиссар юстиции Курской губернии в своем докладе II Всероссийскому съезду областных и губернских комиссаров юстиции указывал: «К данному времени, согласно декрета центральной власти, упразднены все уездные революционные трибуналы и следственные комиссии при них».⁵⁶

В результате упорной и настойчивой работы как отделов юстиции местных Советов, так и непосредственно самих Советов, благодаря активной поддержке судебно-организационных мероприятий Советской власти со стороны широкого круга местных работников юстиции к концу первого полугодия 1918 г. ошибки и просчеты в организации и деятельности советского суда удалось в основном устранить. Это сыграло положительную роль в последующий исторический период — в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда перед советским судом встали серьезнейшие и труднейшие задачи, связанные с крайним обострением классовой борьбы в стране.

Опыт судебного строительства в РСФСР был творчески использован при создании советского суда в братских советских республиках.

В. А. ШИШКИН

ОБРАЗОВАНИЕ СССР И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ МИРОМ (1922—1923 гг.)

В ряду важнейших причин, обусловивших слияние советских республик в единое многонациональное социалистическое государство, была и необходимость их сличения в области внешнеполитических и внешнеэкономических отношений с капиталистическим миром.

Подлинного единства действий в рамках ограниченных соглашений о военно-экономических союзах между РСФСР и другими советскими республиками добиться было чрезвычайно трудно, тем более что империалистические державы Запада стремились использовать малейшую возможность для внедрения на рынки тех республик, где иностранный капитал имел сколько-нибудь прочные позиции до революции, и надеялись создать новые плацдармы для экономической и политической экспансии. В этих планах не последнюю роль играл и расчет на сепаратизм, проявляемый отдельными руководителями некоторых советских республик, не всегда осознававшими важность единого и сплоченного выступления в области внешнеэкономических связей перед лицом враждебного капиталистического окружения.

Чрезвычайно показательна в этом отношении телеграмма секретаря Кавказского бюро ЦК С. Орджоникидзе из Баку от 29 сентября 1920 г., адресованная В. И. Ленину. В ней говорилось о недопонимании некоторыми руководящими работниками Азербайджана всей важности обеспечить экспорт нефти в централизованном порядке, предоставив право вывоза исключительно органам Наркомвнешторга РСФСР. Далее в телеграмме сообщалось, что после обсуждения этого вопроса на заседании ЦК Компартии Азербайджана было принято решение, поддержанное Н. Наримановым, о том, что «в интересах усиления» советских республик на международном рынке необходимо предоставить право экспорта нефти Российской Федерации. Руководители Азербайджана согласились предоставить это право НКВТ РСФСР «на основе заключенного военно-экономического союза между Азербайджаном и Россией».¹

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 464, лл. 76—77.

⁵⁶ Там же, оп. 2, д. 27, л. 36.

Имели место и другие случаи непродуманных действий руководителей и внешнеэкономических органов некоторых других советских республик, которые серьезно ослабляли их позиции на международной арене.

В Грузии, например, без ведома ЦК РКП(б) в 1921 г. были заключены соглашения о сдаче в концессию фирме «Стандарт Ойл» батумских нефтяных резервуаров и об открытии на территории республики филиала Оттоманского банка. ЦК РКП(б) дал указание об их расторжении. Позднее В. И. Ленин в записке В. А. Смольянинову в связи с получением текста договора о полевой концессии на разработку лесных участков, заключенного правительством Грузии, предложил «выяснить, соблюдено ли грузинскими товарищами условие (ведь было такое? партийное?) не заключать концессий без нашего согласия?»²

Естественно, что в рамках единого государства, внешние дела которого находились бы в ведении союзных органов, были бы полностью исключены возможности появления такого рода невыгодных для советских республик соглашений и договоров с капиталистическими странами. Понимание важности единства действий в области внешней политики и на мировом рынке большевистским руководством советских республик привело уже 22 февраля 1922 г. к заключению первого в истории существования советских республик «Соглашения о представительстве и защите Правительством РСФСР интересов Советских Республик Азербайджана, Армении, Белоруссии, Бухары, Грузии, Украины, Хорезма и Дальневосточной Республики на Генуэзской конференции». По этому соглашению, «на основании связывающих все вышеперечисленные независимые Республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой неразрывных братских и союзных связей и для наиболее действительного обеспечения на указанной конференции интересов этих Республик» РСФСР поручалось представлять на конференции и защищать интересы этих восьми республик, а также подписывать от их имени договоры и соглашения с другими странами. К соглашению было приложено заявление ВЦИК, подписанное М. И. Калининым, в котором выражалось удовлетворение этим решением и говорилось о готовности правительства РСФСР принять все меры к защите интересов этих республик.³

Совместное выступление в Генуе лишний раз продемонстрировало эффективность объединения внешнеполитических и внешнеэкономических действий советских республик как условия, благодаря которому удалось обеспечить защиту их интересов на международной арене и повысить способность противостоять натиску враждебного капиталистического окружения.

Вместе с тем оно свидетельствовало о необходимости от временных соглашений в этой области, каким было соглашение «о дипломатическом единстве», переходить к постоянному осуществлению внешних функций всех советских республик как единой, цельной и согласованной политики на международной арене. Естественно, что это можно было сделать только после их объединения в одно союзное государство.

30 декабря 1922 г. Первый съезд Советов СССР принял решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Объединение всех советских республик в единый союз означало укрепление социалистического государства в политическом, военном, хозяйственном отношениях и позволяло Советскому правительству с еще более прочных позиций отстаивать свои интересы и принципы на международной арене. Согласно Договору об образовании СССР, в ведение его высших органов передавались все функции, связанные с внешними политико-экономическими отношениями: представительство Союза ССР в международных делах, объявление войны и заключение мира, заключение займов и концессионных договоров, установление системы внешней торговли, законодательство в отношении прав иностранцев и т. д.⁴ Образование СССР способствовало и более быстрому возрождению экономики страны.

В 1923 г. был сделан большой шаг в области восстановления народного хозяйства страны. Индекс объема продукции ценовой промышленности СССР составил по сравнению с довоенным 1913 г. уже 39,1%, превысив уровень 1920 г. почти в 3 раза.⁵ Еще больших успехов добилось сельское хозяйство. Посевные площади в 1923 г. достигали 91,7 млн га (против 77,7 млн га в голодном 1922 г.) и составили свыше 87% довоенного уровня, а сбор зерновых в этом же году был приблизительно равен 70% среднегодовых валовых сборов 1909—1913 гг.⁶ Значительно улучшилось положение транспорта, который к концу гражданской войны был на грани полного развала.

Объединение всех советских республик в Союз ССР вызвало существенную перестройку органов внешнеэкономических сношений, направленную на централизацию внешнеэкономических операций, концессионного дела, представительства интересов союзной промышленности на мировом рынке. До образования СССР некоторые советские республики имели собственные торговые представительства за рубежом и осуществляли самостоятельные

⁴ 4-й съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. М., 1922, стр. 8.

⁵ СССР и капиталистические страны. Статистический сборник технико-экономических показателей народного хозяйства СССР и капиталистических стран за 1913—1937 гг. М.—Л., 1939, стр. 127.

⁶ См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М., 1956, стр. 133—134.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 154.

³ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, стр. 110—112.

операции. В первую очередь это касалось Украины и Закавказской Федерации.

Примерно со второй половины 1921 г. стали создаваться торговые представительства Украины в Германии, Польше, Чехословакии, Австрии, Италии и др. Торговый оборот этих представительств Украины был крайне невелик по отношению даже к весьма скромному экспорту и импорту РСФСР этого времени. Разрозненность действий не лучшим образом сказывалась на условиях сделок, заключаемых советскими торговыми работниками за рубежом. Поэтому в Берлине представительства РСФСР и УССР объединили свои усилия, создав единый экспортный аппарат. Кроме того, уже в 1922 г. подавляющее большинство заграничных товаров Украина получала через Российскую Федерацию согласно постановлению СТО о распределении общероссийского импорта.⁷ Иными словами, координация и централизация внешней торговли этих советских республик стали назревшей задачей еще до образования СССР. Подобным же образом обстояло дело и в области внешней торговли Закавказской Федерации. Здесь в 1922 г. сложился в известной степени двойственный внешнеторговый аппарат, было два органа внешней торговли. Один из них — Управление уполномоченного НКВТ РСФСР в Закавказье — осуществлял работу по заданию Москвы, сосредоточив, в частности, в своих руках регулирование всех операций нефтепродуктами, другой — Внешторг Закавказья — вел главным образом мелкие экспортно-импортные операции и имел торговых представителей при торгпредствах РСФСР в Риме и Константинополе. Единство было достигнуто в 1922 г. только в области таможенного дела. В силу особых исторических условий, связанных с более поздней победой Советской власти в Закавказье, здесь еще не действовал в полном объеме принцип монополии внешней торговли, а преобладала частная внешняя торговля, доля же Закавказского во внешнеторговом обороте федерации не превышала в 1922 г. 10% экспорта и 3,5% импорта.⁸

После образования СССР и создания объединенного Наркомвнешторга произошло слияние всех советских торговых представительств за рубежом. В целях же максимального учета интересов союзных республик и ряда районов страны был создан институт уполномоченных НКВТ при совнаркомовых республик, организована система местных органов Наркомвнешторга.⁹ Новая структура не исключала в отдельных случаях прямого представительства союзных республик там, где это было необходимо.

Так, Укрвнешгосторг сохранил свои ячейки в Лондоне и Берлине.¹⁰ Проведенные организационные меры значительно укрепили внешнеторговый аппарат СССР. К маю 1923 г. он насчитывал около 5 тыс. сотрудников, из которых в центральном аппарате было занято 980 человек, на местах — 1453, в пятнадцати заграничных торговых представительствах — 1517. Самыми крупными из них были торгпредства в Германии (600 человек) и Англии (500 человек).¹¹ Таким образом, была достигнута полная централизация внешней торговли, обеспечено проведение единой торговой политики всех советских республик на мировом рынке.

В этот же период была осуществлена и реорганизация органов, занятых рассмотрением концессионных вопросов. Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1923 г. и затем постановлением СНК СССР от 21 августа 1923 г. был учрежден Главный концессионный комитет при Совнаркоме СССР. В его компетенцию и входили все переговоры о концессиях, а также контроль за исполнением заключенных договоров.¹² Для предварительного рассмотрения предложений на концессии в 1923 г. были созданы концессионные комиссии при Берлинском и Лондонском торгпредствах.¹³ Наконец, в 1923 г. постановлением СТО было разрешено право операций (импортных, экспортных или тех и других) на внешних рынках строго ограниченному числу государственных предприятий или их объединений. В их числе были Нефтеиндустриальный, Лесоэкспортное бюро, Госторг, Льюцентр, Хлебопродукт, Текстильный синдикат и др.¹⁴ Благодаря этому обеспечивалось монопольное выступление на внешнем рынке в качестве продавцов или импортеров различных категорий товаров их главных производителей или потребителей — предприятий отечественной промышленности — и тем самым создавались лучшие условия сделок, контроль за качеством продукции и т. д.

Образование Союза ССР (перестройка органов внешнеэкономических сношений) и постепенное восстановление народного хозяйства самым благоприятным образом сказались на внешней торговле Советского государства, значительно увеличив ее экспортные возможности. Достаточно отметить, что экспорт СССР в 1923 г. составил (по стоимости) 218 млн золотых рублей, превысив вывоз 1922 г. более чем в 2,6 раза. Впервые за весь пе-

¹⁰ Внешняя торговля, 1924, № 1, стр. 22.

¹¹ Торгово-промышленная газета, 1923, 17 мая.

¹² СУ РСФСР, 1923, № 20, ст. 246; Документы внешней политики СССР. Т. VI. М., 1961, стр. 413—416.

¹³ Отчет о деятельности ВЦИК X созыва за 1923 год. М., 1924, стр. 24—25.

¹⁴ А. Ляхов. Внешняя торговля по действующему праву Советской России. М., 1923, стр. 101—102.

⁷ См.: Торговая газета, 1922, 31 марта; Внешняя торговля, 1922, № 1, стр. 9—11; № 19, стр. 9—10.

⁸ См.: Внешняя торговля, 1922, № 4, стр. 4—7; 1923, № 26, стр. 19; 1925, № 28, стр. 13.

⁹ Положение о НКВТ СССР от 13 ноября 1923 г. М., 1924.

риод существования Советской власти внешняя торговля в 1923 г. стала характеризоваться активным балансом.¹⁵ Образование СССР и связанное с ним политическое и хозяйственное укрепление страны сыграли также решающую роль в преодолении того кризиса в экономических отношениях с капиталистическим миром, который выявился на рубеже 1922—1923 гг. Этот кризис был вызван недовольством западных держав твердой позицией советской делегации в Генуе и Гааге, отклонением договора о концессии с Л. Уркாரтом,¹⁶ которые показали беспочвенность расчетов империалистических кругов на возможность эксплуатации народного хозяйства советских республик на полуколониальных принципах.

Проявлением «экономического разочарования» или охлаждения Запада к идее хозяйственного общения с Советской Россией были многочисленные выступления буржуазной печати, доказывавшей невозможность после Генуи и Гааги иметь дело с «советами», затруднения в отношениях Советского государства с деловым миром и правительствами ряда стран и, наконец, использование империалистическими кругами острейших форм торгово-политического бойкота Советского государства.

Уже в то время, когда выявилась тщетность попыток капиталистических экспертов в Гааге навязать Советской России кабальные условия соглашения, одна из французских газет была вынуждена констатировать провал тактики «экономического прощипывания» капиталистических монополий в СССР. «После фиаско Генуи, — говорилось в ней, — следует фиаско в Гааге. И то и другое стало неизбежным».¹⁷ Отклонение концессии Уркарта лишь подлило масла в огонь, раздуваемый буржуазной прессой с целью доказать невозможность в сложившейся обстановке вести экономические дела с Советским государством. Этому немало способствовал и сам Уркарт, который заявил, что Советское правительство дает «новый повод деловым людям всего мира смотреть на Россию как на страну совершенно безнадежную со стороны эксплуатации промышленности и помещения капитала», и угрожал, что «ни один грош британского капитала» не попадет в Россию, пока «мой договор не будет ратифицирован».¹⁸ Его позицию разделяли английская консервативная печать и в значительной мере пресса других капиталистических стран. Так, «Морнинг пост» писала, что отклонение концессии Уркарта «делает

очевидным полную невозможность заключения прочих договоров с ныне существующим Советским правительством».¹⁹ Ей вторила американская «Чикаго дейли трибюн», которая следующим образом комментировала уркартовский эпизод: «Этим актом Россия взяла обратно свое решение возобновить коммерческие сношения с внешним миром».²⁰

Однако дело не ограничилось газетной шумихой. Очень скоро советские внешнеторговые организации стали ощущать проявления «экономического разочарования» партнеров по торговле в своей практической работе. Заметно сказалось оно и на позиции политических кругов ряда государств по вопросу о нормализации торговых отношений с Советской Россией. В отчете лондонского «Аркоса» (1923 г.) отмечалось, например: «Симпатия и благоприятное отношение к РСФСР, возникшие в английских торгово-промышленных кругах, в период, когда они рассчитывали на осуществление „уркартовского договора“, стали значительно измениться после выяснения, что договор этот не будет ратифицирован... Общее недоверие к русским делам, и в частности к Аркосу, сказывается в том, что многие фирмы, которые раньше работали с Россией и проявляли за последнее время большое желание возобновить эту работу, стали при разговорах о кредитах уклоняться от прямых ответов или соглашаться давать товар в кредит при условии обеспечения этого кредита каким-либо товаром».²¹

В этот период осложнились экономические отношения Советского государства с целым рядом европейских государств: Германией, Италией, Швецией, Чехословакией.²²

Однако наиболее острыми формами проявления кризиса в экономических отношениях между капиталистическим миром и Советским государством в этот период были так называемая нефтяная блокада и «британский ультиматум», который во многом был вызван также недовольством английской буржуазии состоянием ее хозяйственных отношений с СССР.

Преодоление этого кризиса, прорыв «нефтяной блокады» и урегулирование экономических отношений с Великобританией стали возможными благодаря укреплению позиции Советского государства на международной арене, связанному с образованием СССР, и вследствие использования советской дипломатией

¹⁵ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. Статистический обзор. М., 1960, стр. 14.

¹⁶ Подробнее см. нашу работу: В. И. Ленин и концессии Лесли Уркарта. — В кн.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. М., 1970, стр. 336—347.

¹⁷ Journal des Débats, 14 VII 1922. Речь в статье идет о надеждах капиталистического мира на перерождение Советов в условиях изпа.

¹⁸ Manchester Guardian, 11 X 1922.

¹⁹ Morning Post, 10 X 1922.

²⁰ Chicago Daily Tribune, 9 X 1922.

²¹ CAMBT, ф. 1, оп. 1327, д. 43, лл. 123—124. «Аркос» (All Russian Cooperative Society, Ltd) — акционерное общество, принадлежавшее СССР, которое в это время осуществляло торговые операции СССР с Англией.

²² Подробнее см. нашу работу: Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969, стр. 341—342.

и внешнеэкономическими ведомствами всех тех преимуществ, которые создавало это обстоятельство для борьбы за интересы своей многонациональной Родины. Остановимся подробнее на этих событиях, которые явились важнейшим испытанием для внешнеэкономической политики Советского государства в период его становления как Союза Советских Социалистических Республик.

Отказ советской делегации в Генуе и Гааге согласиться на восстановление в правах собственности бывших владельцев иностранных предприятий в России, а также беспокойство в связи с постепенным восстановлением советской нефтяной промышленности (а следовательно, и нефтеэкспорта) явились главными причинами организации осенью 1923 г. империалистическими монополиями Запада нефтяной блокады Советского государства. Ее предыстория вкратце такова.

В 1917—1920 гг. капиталистический мир стремился покончить с Советской властью силой оружия, и в этот период предпринимались неоднократные попытки ряда капиталистических стран, прежде всего Англии, утвердить свое господство в нефтяных районах Баку, Грозного и т. д. Вместе с тем, пользуясь положением бывших русских владельцев нефтяных предприятий, крупнейшие нефтяные монополии Запада стали скупать акции некоторых российских обществ. Так, англо-голландский трест «Ройял Датч-Шелл», который до революции играл видную роль в разработке нефтяных месторождений Грозного, Каспия и Закавказья, округлил свои «владения», присоединив к ним благодаря покупке акций некоторые предприятия Манташева, Лианозова, Питоева и других русских капиталистов. В свою очередь американский нефтяной трест «Стандард Ойл» завладел половиной бывшей собственности крупнейшей нефтяной компании дореволюционной России — «Бр. Нобель», а франко-бельгийские объединения приобрели «права» на бывшие владения Чермоева.²³ До поры до времени старые и новые «владельцы» не обращали серьезного внимания на Советское правительство, полагая, что возврат их собственности будет обеспечен военными средствами. С начала 1921 г., когда стало ясно, что все попытки уничтожить Советскую власть не удалась и она прочно контролирует положение в главных нефтедобывающих районах, западные монополии переходят к тактике сепаратных переговоров с Советским правительством, надеясь вернуть бывшую собственность, а в случае удачи обойти своих конкурентов и приобрести монопольное положение в области добычи и экспорта русской нефти. Уже в мае 1920 г. представитель американской компании

«Стандард Ойл» в беседе с Л. Б. Красиным в Лондоне зондировал почву относительно закупки русских нефтепродуктов из Баку. В сообщении об этой беседе Л. Б. Красин отмечает явное желание «Стандард Ойл» «подложить свинью Англии в этом деле».²⁴ В январе 1922 г. Л. Б. Красин встретился с генеральным консулом США в Лондоне Скиннером и руководителями «Стандард Ойл». На совещаниях обсуждался вопрос о предоставлении американцам нефтяных концессий в Советской России.²⁵ Со своей стороны трест «Ройял Датч-Шелл» уже в начале 1921 г. внес в ВСНХ предложение о предоставлении ему права на экспорт нефтепродуктов из Советской России и эксплуатацию нефтяных месторождений. Предложение обсуждалось Президиумом ВСНХ и Совпарком.²⁶ Заключение англо-советского соглашения 16 марта 1921 г. натолкнуло руководителей «Ройял Датч-Шелл» Генри Детердинга на мысль попытаться в той или иной форме вернуть свою бывшую собственность в России. Его планы встретили полную поддержку английского правительства. 19 октября 1921 г. Форин Оффис направил Л. Б. Красину письмо о желании группы получить концессию на ее бывшие предприятия. Заявляя о своем полном одобрении и поддержке этого проекта, Форин Оффис выразил надежду, что «переговоры в ближайшее время приведут к удовлетворительному соглашению».²⁷ Вскоре представитель группы «Шелл» полковник Бойль предпринял поездку в Баку и затем вступил в длительные переговоры с Л. Б. Красиным, которые ко времени Генуэзской конференции привели уже к той стадии, когда группа «Шелл» внесла свой проект предстоящего соглашения.²⁸

Просочившиеся в печать сведения о якобы уже имевшем место соглашении между «Ройял Датч-Шелл» и Советским правительством²⁹ вызвали бурную реакцию со стороны руководителей «Стандард Ойл» и Государственного департамента, опасавшихся, что концессия нанесет ущерб американским притязаниям на участие в русских нефтяных делах, ослабит их требования полной реституции (восстановление в правах) иностранной собственности и даст «Ройял Датч-Шелл» монополию в этой области. Со 2 по 14 мая 1922 г. этот вопрос занимает видное

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958, стр. 552.

²⁵ Foreign relations..., 1922, vol. II, p. 773—774; H. O'Connor. World crisis in oil. N. Y., 1962, p. 82.

²⁶ ЦИА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 408, лл. 6, 57—58.

²⁷ L. Fischer. The Soviets in world affairs. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world 1917—1929. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1951, p. 324.

²⁸ Ibid., p. 325.

²⁹ Л. Б. Красин официально опроверг сообщения буржуазной печати о подписании договора между РСФСР и «Ройял Датч-Шелл» (см.: Известия, 1922, 9 мая).

²³ См.: М. Брукс. Нефть и внешняя политика. М., 1949, стр. 149—150; ЦГАНХ, ф. 2309, оп. II, д. 6, л. 27; Papers relating to the foreign relations of the United States, 1922. Washington, 1938, vol. II, p. 773—774. Далее — Foreign relations.

место в деятельности Госдепартамента, выражением чего были переписка государственного секретаря Юза с наблюдателем США на Генуэзской конференции послом в Италии Чайлдом, встреча Юза 4 мая с руководителем «Стандард Ойл» Бэдфордом, составление меморандума об интересах США в русской нефтяной промышленности.³⁰ Отметив в ряде телеграмм Чайлду, что «огромные интересы Америки имеются во всех областях нефтяной промышленности России», Госдепартамент предписал ему предпринять энергичный демарш перед Ллойд Джорджем и главами других делегаций против возможных сепаратных соглашений по нефтяным вопросам с Советским правительством, которые затрагивали бы интересы остальных бывших собственников.³¹ Чайлд сумел объединить на основе требования полной реституции всей бывшей иностранной собственности в России (в том числе и в области нефтедобычи) делегатов Франции и Бельгии.³² Последние отражали настроения франко-бельгийских нефтяных групп, также выступавших за возврат бывших нефтяных предприятий иностранным владельцам в полном объеме.³³ Эта закулисная деятельность американского империализма на Генуэзской конференции,³⁴ стремившегося с помощью Франции и Бельгии парализовать любые попытки своих конкурентов отказаться от требования реституции и вступить в сепаратные соглашения по нефтяным делам с Советским правительством, и была одной из причин организации «нефтяной блокады» РСФСР. Другой причиной являлись серьезные опасения всех империалистических нефтяных группировок лишиться каких-либо надежд на возврат бывшей собственности в связи с возрождением нефтяной промышленности Советской России и ее нефтеэкспорта. С 1921 г. начинается неуклонный рост производства нефти во всех основных нефтедобывающих районах страны.³⁵ При этом уже в 1921 г. добыча нефти составила около половины довоенного уровня, в 1922 г. — около 55%, а в 1923 г., после образования СССР, примерно две трети.³⁶ В 1923 г. Советский Союз вышел на 3-е место в мире по добыче нефти, значительно опередив в этом отношении такие страны, как Румыния и Иран,

и уступая лишь США и Мексике.³⁷ Вместе с восстановлением нефтяной промышленности стал возрождаться экспорт русских нефтепродуктов. Первые партии советских нефтепродуктов, появившиеся на мировом рынке осенью 1921 г.,³⁸ еще не вызвали особых волнений у нефтяных монополий Запада. Не принимая всерьез Советское государство как экспортера нефтепродуктов, они пытались лишь нажиться на этих случайных, как им казалось, запородах, предлагая смехотворно низкие цены, доходившие до 60% тогдашних мировых цен, и требуя всевозможных дополнительных гарантий по транспортировке, погрузке, своевременному выполнению контракта и т. д.³⁹ Между тем советский нефтеэкспорт постепенно развивался. В марте 1922 г. Всароссийский нефтяной синдикат (Нефтесиндикат), НКВТ и тресты основных добывающих районов учредили акционерное общество по сбыту нефти на внешних рынках — «Нафтэкспорт».⁴⁰ «Нафтэкспорт» создал в Берлине специальное представительство, занявшееся реализацией нефтепродуктов в Германии, Англии, Бельгии, Голландии и установившее первые контакты с нефтеимпортерами Италии и Скандинавии.⁴¹ В октябре 1922 г. все права реализации нефтепродуктов на внешних рынках были переданы непосредственно Нефтесиндикату, который после образования СССР стал общесоюзным производителем и экспортером этого сырья и арендовал писталляции для хранения нефти в Германии, Латвии, Эстонии и Бельгии.⁴² В результате успешного восстановления нефтяной промышленности и проведенных организационных мер советский нефтеэкспорт резко возрос: в 1921/22 хозяйственном году были вывезены первые 52 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов (примерно 5% нефтеэкспорта 1913 г.), в 1922/23 — более 84 тыс. тонн (9% от уровня 1913 г.) и в 1923/24 хозяйственном году уже свыше 711 тыс. тонн (75% довоенного вывоза).⁴³ Успехи советской нефтяной промышленности вызвали у нефтяных монополий Запада и русских эмигрантов-нефтепромышленников тревогу за судьбу бывшей собственности, поскольку ее полное восстановление ставило под вопрос не только получение прежних владений на принципах реституции, но и даже на концессионных началах. Вместе с тем рост нефтеэкспорта Советского государства неожиданно выдвигал

³⁰ См.: Foreign relations..., 1922, vol. II, p. 772—791.

³¹ Ibid., p. 774—776.

³² Ibid., p. 788—805.

³³ См.: Le Temps, 12, 23 VII 1922.

³⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М., 1953, стр. 310—318; В. Ф. Лопатин. Провал антисоветских планов США. Генуя—Гаага, 1922. М., 1963, стр. 205—209.

³⁵ В 1920/21 хозяйственном году (октябрь 1920—октябрь 1921 гг.) было добыто 232 млн пудов нефти, в 1921/22 — 276 млн, в 1922/23 — 315 млн, в 1923/24 — 362 млн пудов (см.: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Статистический справочник. М., 1925, стр. 442—443).

³⁶ Там же, стр. 741.

³⁷ Там же.

³⁸ Известия, 1921, 7 сентября.

³⁹ См.: Доклад о деятельности Главного представительства Нафтэкспорта за границей от 16 октября 1922 г. ЦГАНХ, ф. 2309 (Нефтяной торговый синдикат Союза ССР), оп. 1, д. 37, лл. 36—37.

⁴⁰ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 71, лл. 52—53.

⁴¹ Там же, оп. 18, д. 28, л. 71.

⁴² ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 1, д. 31, л. 19; оп. 12, д. 27, л. 20; ф. 4372, оп. 11, д. 15, л. 71; Экономическая жизнь, 1923, 16 марта.

⁴³ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М. 1960, стр. 45, 67.

нул на мировой рынок нового, весьма нежелательного конкурента империалистических нефтяных трестов.⁴⁴

Гаагская конференция, в ходе которой советская делегация не только вновь отвергла требование реституции бывшей собственности, но и предложила концессионный план, объекты которого отнюдь не всегда совпадали с интересами претендентов на русские нефтеносные земли, заставила империалистические группировки поспешить с организацией «нефтяной блокады» Советского государства. 21 июля 1922 г. в Лондоне состоялась встреча представителей большой нефтяной «тройки» — Тигла («Стандард Ойл»), Генри Детердинга («Ройял Датч-Шелл») и Густава Нобеля («Бр. Нобель»). Участники совещания пришли к соглашению о необходимости создать «единый нефтяной фронт» против большевиков.⁴⁵

В составленном Тиглом так называемом «Лондонском меморандуме» три нефтяных треста обязывались в любых переговорах с Москвой по нефтяным делам требовать реституции бывшей собственности с возмещением за убытки, причиненные после национализации их предприятий, или полной компенсации за нее. Каждый из участников соглашения не мог начать такого рода переговоры, не поставив в известность об этом остальных.⁴⁶ В сентябре 1922 г. единый нефтяной фронт империалистических группировок был оформлен окончательно. По инициативе группы «Ройял Датч-Шелл» и общества «Бр. Нобель» 19 сентября в Париже под председательством Генри Детердинга состоялась конференция представителей 18 английских, французских, русских, бельгийских и других обществ, заинтересованных в нефтяных делах России. Собравшиеся заявили, что «они образуют единый фронт для защиты прав и интересов» русской нефтяной промышленности и по предложению Детердинга приняли резолюцию, составленную на основе «Лондонского меморандума».⁴⁷

Некоторое время спустя (по данным Нефтесиндиката, в ноябре—декабре 1922 г.) на новом совещании участников «единого фронта» было выдвинуто предложение о полном бойкоте советского нефтеэкспорта и всяких сделок в этой области. Представители «Стандард-Ойл» и «Ройял Датч-Шелл» в этом совещании участия не принимали, в связи с чем было решено просить их присоединиться к объявленному бойкоту.⁴⁸ По мне-

⁴⁴ Нефтеэкспортные возможности СССР возрастали в этот период бурными темпами также в связи с тем, что внутреннее потребление было гораздо ниже, чем в развитых капиталистических странах (восстановление, а тем более строительство социалистической промышленности в начальной стадии плана только еще начинались).

⁴⁵ Н. О'Соннор. World crisis in oil, p. 82.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ См.: В. А. Шиликин. Советское государство и страны Запада, стр. 344.

⁴⁸ См.: Правда, 1923, 8 февраля; ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 11, д. 15, л. 150.

нию работников Нефтесиндиката, бойкот советского нефтеэкспорта был объявлен с молчаливого одобрения обоих нефтяных трестов, поскольку он устранял с мирового рынка растущего конкурента и позволял «Стандарду» и «Шеллу» не только диктовать условия продажи нефтепродуктов Советской России, но и при лучшем исходе добиться кабального соглашения с нею в области эксплуатации русской нефтяной промышленности.⁴⁹ Любопытные сведения о реакции «Ройял Датч-Шелл» на предложение присоединиться к бойкоту советского нефтеэкспорта приводила консервативная английская газета «Таймс». По мнению ее обозревателя, Детердинг не считал, что резолюция 19 сентября 1922 г. запрещает «Шеллу» закупать русские нефтепродукты. Вместе с тем он, по-видимому, был согласен с тактикой бойкота, поскольку она исходила от других фирм и не задевала интересов его треста. На обращение «единого фронта» в конце 1922 г. присоединиться к бойкоту он заявил, что «Ройял Датч-Шелл» в настоящее время не покупает нефтепродуктов в России и что он собирается убедить «Стандард Ойл» одобрить этот курс.⁵⁰

На первых порах «нефтяная блокада» и бойкот советского нефтеэкспорта проводились довольно последовательно. Советские внешнеторговые организации начали испытывать затруднения со сбытом нефтепродуктов в целом ряде государств.⁵¹ Внезапно расстроилась уже согласованная крупная сделка со «Стандардом» о закупке последним большой партией бензина и смазочных масел у Нефтесиндиката. Накануне подписания контракта представитель «Стандард Ойл» прислал письмо в берлинскую контору Нефтесиндиката, где говорилось, что «его американские доверители потеряли временный интерес к русским нефтепродуктам и поэтому дальнейшие переговоры считаются американцами излишними».⁵² В свою очередь «Ройял Датч-Шелл» неожиданно прекратил близкие к завершению переговоры в Лондоне о закупке 100 тысяч тонн керосина у Нефтесиндиката.⁵³

Однако очень скоро внутренние противоречия нефтяных монополий Запада, а также активная и умелая нефтеэкспортная политика Советского Союза привели к прорыву «нефтяной блокады» и краху политики бойкота советских нефтепродуктов. В сентябре 1922 г. трест «Азнефть» заключил концессионный договор с американской Барнсдальской корпорацией на разведку

⁴⁹ См.: Правда, 1923, 11 апреля.

⁵⁰ Times, 4 V 1923.

⁵¹ ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 3, д. 37, л. 62; д. 71, л. 65.

⁵² Доклад члена правления Нефтесиндиката В. Ю. Кудиша на заседании президиума Госплана 5 мая 1923 г. (ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 11, д. 15, л. 150).

⁵³ Там же, л. 149.

и организацию эксплуатации нефтеносных земель в Советской России. Хотя договор касался тех земель, которые и прежде были собственностью государства, этим актом серьезно ослабли позиции «единого фронта», в резолюции которого от 19 сентября имелся пункт, запрещающий отдельные соглашения о концессиях даже на государственные земли. Действия Барисдальской корпорации вызвали серьезную озабоченность участников «единого фронта».⁵⁴

Следует отметить, что для руководителя Барисдальской корпорации М. Дея концессия на нефтегазразведку бывших государственных земель вовсе не являлась той главной целью переговоров, о которой он высказывался в печати и в ответах на запрос правительства США.⁵⁵ Действия Дея были не столь повинными, как это казалось на первый взгляд, и, по всей вероятности, за его спиной стояли более могущественные нефтяные магнаты США, пожелавшие до поры до времени оставаться в тени. Так, в письме Л. Б. Красина Г. В. Чичерину от 26 августа 1922 г. сообщалось, что М. Дей предложил передать его корпорации все лучшие нефтеносные площади вместе с нефтеперегонными заводами и нефтепроводом Баку—Батум. Эти притязания были категорически отвергнуты.⁵⁶ В феврале 1923 г. советский представитель в Англии Н. К. Клышко приводил в телеграмме Красину новое предложение М. Дея: «Он говорит, — писал Клышко, — что представляется возможным войти в соглашение с одной группой нефтепромышленников, наиболее заинтересованных раньше в наших кавказских промыслах, с тем, чтобы разбить кольцо нефтепромышленников, объявивших нам бойкот на двукратных парижских своих конференциях».⁵⁷ Хотя при этом выдвигалось условие удовлетворить эту группу в какой-либо форме за убытки от национализации, этот факт достаточно ясно показал, что центробежные силы могут развалить «единый фронт» в любой момент, когда кому-нибудь из его участников представится возможность вступить в более или менее выгодную сделку с Советским правительством.

Прочность позиции Советского правительства, его последовательная политика в нефтяном вопросе, проведение которой было возможно после образования СССР, предопределили развал «нефтяной блокады». В 1923 г. было достигнуто соглашение об эксплуатации сахалинской нефти с другой американской группой — Г. Синклера.⁵⁸ В начале марта 1923 г. «единый фронт»

получил новый удар. В Москву прибыл представитель «Стандард Ойл» Додж для ведения переговоров.⁵⁹

На вопрос об участии «Стандард Ойл» в «едином фронте» Додж заявил корреспонденту «Известий», что ему об этом ничего не известно и что трест вполне свободен в своих действиях по отношению к Советской России и не связан никакими постановлениями. То же самое он заявил и относительно бойкота советского нефтеэкспорта.⁶⁰ Если переговоры с Доджем и не привели к практическому результату, то они достаточно убедительно показали слабость этого раздираемого взаимной конкуренцией и противоречиями империалистического объединения перед лицом единого в своей нефтяной политике Союза ССР.

Однако самый серьезный удар «нефтяная блокада» получила со стороны другого ее инициатора — Генри Детердинга. Участники «единого фронта» на заседании 26 марта 1923 г. были поставлены в известность, что «Ройял Датч-Шелл» близка к соглашению о закупке крупной партии нефтепродуктов в Советской России.⁶¹ Этот шаг Детердинга можно объяснить следующим образом. Несмотря на бойкот, представительство Нефтесиндиката СССР на внешних рынках, используя спрос и желание некоторых крупных независимых нефтеимпортных фирм в Германии, Франции, Италии и самой Англии освободиться от диктата могущественных мировых нефтяных монополий, довольно успешно осуществляло экспорт небольших партий нефтепродуктов.⁶² Естественно, что такие задачи были по силам только объединенным в Союз ССР республикам. Поскольку полностью прекратить советский экспорт было невозможно (тем более что Советское правительство вело переговоры в Англии с фирмой «Г. Селль» о смешанном обществе по реализации нефтепродуктов на комиссионных началах), Детердинг сам решился на сделку с Нефтесиндикатом. При этом он преследовал две цели. Во-первых, путем покупки на некоторое время «снять» Советский Союз с нефтяного рынка и, во-вторых, пользуясь «блокадой», закупить советские нефтепродукты возможно дешевле, чтобы использовать их в борьбе со своими конкурентами на мировом рынке. Поэтому в переговорах с Нефтесиндикатом «Ройял Датч-Шелл» предложила крайне низкую цену и выдвинула предложение закупить весь керосин, чтобы Советское государство в течение определенного срока отказалось выходить на внешние рынки.⁶³ Последнее предложение было отвергнуто, и в конце концов 29 марта 1923 г. было достигнуто соглашение о покупке «Ройял Датч-Шелл»

⁵⁴ См.: Oil News, 7 X 1922.

⁵⁵ См.: Papers relating to the foreign relations of the United States. 1923. Washington, 1923, vol. II, p. 809—811.

⁵⁶ ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1326, д. 70, л. 390.

⁵⁷ Там же, оп. 1327, д. 93, лл. 1—2.

⁵⁸ Foreign relations..., 1923, vol. II, p. 798—807, 811.

⁵⁹ См.: Известия, 1923, 6 марта.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Times, 4 V 1923.

⁶² См.: ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 11, д. 21, лл. 9—11; д. 72, лл. 90—92.

⁶³ ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 11, д. 15, лл. 147—149.

у Нефтесиндиката по нормальным мировым ценам 70 тыс. тонн керосина с правом повысить это количество до 200 тыс. тонн.⁶⁴ При этом англо-голландский трест явно ошибся в расчетах, полагая, что такой закупкой можно «снять» СССР с мирового нефтяного рынка.⁶⁵

Это по существу означало провал «нефтяной блокады» спустя три-четыре месяца с момента ее организации. Лучшим свидетельством тому был большой рост нефтеэкспорта, превысившего уже в 1924/25 хозяйственном году уровень 1913 г. почти в полтора раза.⁶⁶ Главным фактором успешной борьбы против нефтяной блокады явилась, следовательно, целенаправленная политика, которая показала все преимущество единого многонационального Союза ССР перед разрозненными действиями империалистических нефтяных монополий. И эта борьба привела к полному краху политики «нефтяной блокады» СССР.

Другим острейшим проявлением кризиса в экономических отношениях СССР с капиталистическими странами было резкое ухудшение на рубеже 1922—1923 гг. англо-советских отношений, приведшее в мае 1923 г. к вручению Советскому правительству пресловутого «ультиматума Керзона». Появление ноты Керзона в значительной степени стало возможным благодаря обстановке так называемого экономического разочарования, главной отличительной чертой которого в Англии было недовольство торгово-промышленных кругов результатами договора 1921 г. и исходом переговоров с Урклартом. На этой стороне вопроса мы и остановимся подробнее.

Англо-советский договор 16 марта 1921 г. был заключен правительством Ллойд Джорджа в соответствии с концепцией о возможности внутреннего перерождения или «приручения» большевизма посредством торговли с Западом. Введенная в РСФСР почти одновременно с подписанием договора новая экономическая политика, казалось, подтверждала правильность схемы, торговля — «разложение коммунизма» — «реставрация капитализма в России». Но свыше полутора лет действия договора, Генуя, Гаага и, наконец, эпизод с Урклартом показали полную несостоятельность подобных расчетов. Это вызвало глубокое недовольство прежде всего крупного финансово-промышленного капитала, дельцов Сити, подогреваемых бывшими британскими кредиторами и собственниками предприятий в России. «Экономическое разочарование» охватило также довольно значительные слои средних торговцев и промышленников. Причинами этого, помимо краха

политики так называемого экономического проникновения, были недовольство монополией внешней торговли РСФСР, на основе которой велись дела в Англии, небольшим (ввиду голода, отсутствия платежных средств) объемом советских закупок почти во всех отраслях британской индустрии (кроме угледобывающей) и до некоторой степени ошибки практических работников Внешторга. Относительно последних можно судить по письму морского эксперта СССР при Лондонской торговой делегации Е. А. Беренса в Наркомвнешторг от 27 мая 1923 г. Он считал, например, недостаточно интенсивной работу делегации по установлению контактов и заключению сделок прежде всего с крупными фирмами и основными производителями, которые формировали настроение в торгово-промышленном мире страны. Чаще всего контрагентами «Аркоса» являлись мелкие посредники. В целом же Е. А. Беренс совершенно правильно характеризовал ошибки работников НКВТ как болезнь роста. «Те ошибки, — писал он, — которые в России проходят или незамеченными, или же относятся к разряду домашних недоразумений, здесь, в центре мировой торговли, производили далеко идущие следствия, к числу которых относится и настоящий кризис... Наши „учатся“ торговать, сидя в Сити, на глазах у всех».⁶⁷

Атмосфера «экономического разочарования», сложившаяся в Англии к началу 1923 г., последовательно нагнеталась реакционными консервативными кругами во главе с Керзоном и весьма искусно использовалась ими для подготовки политического конфликта с СССР.

Антисоветская кампания носила явно инспирированный характер, а ее методичность и последовательность позволяют без особого труда разглядеть планомерную подготовку деловых кругов Англии к возможному разрыву англо-советского соглашения 16 марта 1921 г. Приведем ряд примеров в чисто хронологическом порядке, которые вместе составляют довольно полную картину использования сложившейся обстановки реакционными кругами британского империализма.

27 ноября 1922 г. на запрос одного из членов палаты депутатов о том, какие меры по восстановлению дипломатических отношений с Россией предпринимает правительство в целях укрепления коммерческих связей между двумя странами, помощник министра иностранных дел Мак-Нейл ответил, что торговля с РСФСР вовсе не ограничивается из-за отсутствия признания ее де-юре.⁶⁸ 23 ноября 1922 г. в палате депутатов новый премьер-министр Бонар-Лоу заявляет, что главными условиями признания

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Выше отмечалось, что в 1923/24 хозяйственном году советский нефтеэкспорт составил свыше 711 тыс. тонн, что более чем втрое превосходило продажу «Ройл Датч-Шелл» даже в ее оптимальном варианте.

⁶⁶ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг., стр. 45, 67.

⁶⁷ ЦГАВМФ, ф. Р-1, оп. 3, д. 2108, лл. 128—129.

⁶⁸ Parliamentary debates. House of Commons. Official Report. 5th Session, London, 1923, vol. 159, col. 255.

Советской России являются реституция или компенсация бывшей собственности, отказ от политической пропаганды, признание долгов.⁶⁹

1 января 1923 г. «Morning Post» печатает письма в редакцию с нападками на «Аркос», который якобы является ширмой для коммунистической пропаганды в Англии.⁷⁰

В этом же месяце Л. Б. Красину дается понять, что его стремление встретиться с Керзоном с целью обсуждения вопросов, интересующих обе стороны, не встречает поддержки английского правительства.⁷¹

Тогда же Форин Оффис, несмотря на протесты Торговой делегации РСФСР в Лондоне, последовательно отказывает в выдаче виз целой группе советских работников экономических ведомств, направляющихся в Англию по торговым делам.⁷² В конце января «Morning Post» требует взаимного отзыва торговых представительств из Москвы и Лондона ввиду ограниченности торгового оборота между двумя странами.⁷³

В середине февраля Торговая палата Лондона, многие из членов которой являлись контрагентами «Аркоса», отклоняет его заявление о приеме в Палату на том основании, что она «разочарована позицией Советского правительства в отношении долгов британским подданным».⁷⁴ В конце февраля и на протяжении марта—апреля в консервативной печати публикуется серия статей и писем с доказательствами невозможности вести торговлю с Россией, критикой «Аркоса» и т. д.⁷⁵

14 марта на запрос депутата Бакстона по поводу недопущения правительством в Великобританию закупщиков и торговцев, представляющих экономические ведомства СССР, представитель Форин Оффис дает в высшей степени двусмысленный ответ, что «истинные» или «добросовестные» закупщики и торговцы не встречают препятствий для въезда в страну,⁷⁶ намекая тем самым на возможность приезда из Советской России неких лиц, скрывающихся якобы под маской деловых людей, с «подрытыми» целями. В тот же день на запрос другого депутата о том, существует ли еще англо-советское торговое соглашение и осуществляется ли оно удовлетворительно, Мак-Нейл ответил, что договор еще существует, но, как показывает статистика

товарооборота между двумя странами, является весьма «несовершенным инструментом».⁷⁷

19 марта на предложение депутата Кенворти предпринять шаги для обеспечения нормальных политических и экономических отношений с СССР, как это делается, например, Германией, премьер-министр ответил: «Правительству точно неизвестно о необходимости предпринять любые такие шаги».⁷⁸ В том же месяце, во время прений в палате общин, в речи Мак-Нейла, полной выпадов против Советского правительства, явно проступает тенденция доказать, что торговля между двумя странами «практически находится в состоянии застоя» и что даже восстановление дипломатических отношений не улучшит дела.⁷⁹

9 и 16 апреля в палате общин поднимаются явно провокационные вопросы об отзыве британской миссии из Москвы, на что следуют уклончивые ответы Мак-Нейла, что эти вопросы еще рассматриваются правительством. Аналогичная тема в эти дни занимает и консервативную печать.⁸⁰

11 апреля появляется инспирированное Керзоном обращение Ассоциации британских кредиторов к правительству с предложением отозвать британскую миссию из Москвы и прекратить действие договора 16 марта 1921 г., поскольку «Аркос» вполне справляется с товарообменом между двумя странами. Это предложение было поддержано и русской секцией Лондонской торговой палаты.⁸¹

18 апреля 1923 г. Мак-Нейл заявляет в палате общин, что вопрос о денонсации англо-советского соглашения еще не рассматривается кабинетом, и соглашается с одним из депутатов, что экспорт советской пшеницы «выглядит аморальным» в связи с недавним голодом.⁸²

24 апреля на вопрос либерала капитана Беркли: «Нельзя ли заключить, что товарооборот между СССР и Англией возрастет, если их отношения будут базироваться на более дружественной основе?» — следует решительный ответ министра торговли Ллойд Грима: «Нет, сэр. Мой опыт говорит о том, что пока русское правительство отказывается установить положение, при котором может быть дан кредит, дела могут вестись только на основе платежа наличными».⁸³ 2 и 7 мая в парламенте выдвигаются

⁶⁹ Ibid., col. 674.

⁷⁰ Morning Post, 1 I 1923.

⁷¹ Р. Ф. Карпова. Л. Б. Красин — советский дипломат. М., 1962, стр. 147—148.

⁷² ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1327, л. 96, л. 162.

⁷³ См.: Daily Herald, 27 I 1923.

⁷⁴ Manchester Guardian, 14 II 1923.

⁷⁵ Times, 28 II 1923; Morning Post 2, 6, 9, 13, 16 III 1923; 6, 19 IV 1923.

⁷⁶ Parliamentary debates. House of Commons. Official Report, vol. 161, col. 1526.

⁷⁷ Ibid., cols. 1586, 1588.

⁷⁸ Ibid., col. 2083.

⁷⁹ Ibid., vol. 162, cols. 841—848.

⁸⁰ Ibid., cols. 875, 1654, 1709; Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. М., 1954, стр. 301.

⁸¹ Financial Times, 11 IV 1923.

⁸² Parliamentary debates. House of Commons. Official Report, vol. 162, cols. 1181, 2019, 2020.

⁸³ Ibid., vol. 163, col. 255.

ивно инспирированные предложения правительству рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании в Англии советской торговой делегации, представляющей правительство, «лишившее британских подданных в России всех их владений»; о лишении советских представителей дипломатических привилегий, о необходимости обратить внимание на небольшой объем товарообмена между двумя странами и т. д. Представители правительства на это отвечают, что данные соображения приняты во внимание и что кабинет в настоящее время рассматривает весь комплекс этих вопросов.⁸⁴ Наконец, перед самой отправкой британской ноты от 8 мая Ходжсону для вручения Советскому правительству ее содержание было сообщено виднейшим представителям Сити с целью заручиться их поддержкой.⁸⁵

Приведенные факты позволяют судить не только о наличии «экономического разочарования», но и о совершенно сознательном и планомерном его обострении и использовании реакционными кругами британского империализма, готовившего по ряду политических соображений конфликт с СССР. Следует отметить, что Керзон и его соратники добились значительных успехов в обработке общественного мнения довольно широких слоев торгово-промышленного мира Великобритании. Конечно, некоторая часть английской буржуазии предостерегала от далеко идущих шагов в направлении обострения отношений с Советским государством. Ее взгляды отражала газета «Манчестер гардиан».⁸⁶ Однако трезвые голоса части деловых кругов заглушались воинственными предложениями консервативной прессы, сумевшей убедить большинство в том, что торговля с СССР мало пострадает от денонсации договора 16 марта 1921 г. и отзыва официальных представительств. При этом газеты ссылались на пример Франции и США, торговля которых с СССР обходилась без соглашений и полномочных представительств, и утверждали, что «Аркос» вполне справится с торговыми операциями между двумя странами.⁸⁷

«Экономическое разочарование» английской буржуазии создало, таким образом, соответствующую обстановку для обострения отношений с СССР, предпринятого затем в мае 1923 г. британским консервативным правительством.

⁸⁴ Ibid., cols. 1341, 1342, 1895—1896.

⁸⁵ Об этом сообщил в советскую торговую делегацию глава фирмы «Бэкос» Ф. Маршалл, выступавший против разрыва политических и экономических отношений с СССР (ЦАМВТ, ф. 4, оп. 1327, д. 56, л. 101).

⁸⁶ В номере от 7 мая 1923 г. ею отмечалось: «Нет никаких оснований предполагать, что разрыв торгового соглашения нанесет ущерб британской торговле, разрывая торговое соглашение и возвращаясь к блокаде России. Это торговое соглашение не оправдало всех возлагавшихся на него надежд, но все же кое-что дало. Через несколько лет Россия будет в состоянии возобновить экспорт зерна, в чем мы нуждаемся так же, как и она» (Manchester Guardian, 7 V 1923).

⁸⁷ См. цитированное письмо Е. А. Беренса (ЦАМВТ, ф. Р-1, оп. 3, д. 2108, л. 130).

История англо-советского конфликта, вызванного «ультиматумом Керзона», достаточно полно изложена в работах ряда советских авторов.⁸⁸ Главными причинами урегулирования конфликта, отмечаемыми советскими историками, были: твердая, но вместе с тем гибкая и миролюбивая политика СССР, отвергнувшего ультиматум как способ разрешения спорных вопросов, но согласившегося пойти на ряд уступок ради нормализации отношений между двумя странами; широкий протест рабочего класса и Коммунистической партии Англии против антисоветской политики консерваторов; выступление против разрыва торгового договора лейбористов и части деловых кругов. Недостаточное внимание, однако, уделено до сих пор изучению тактики воздействия на торгово-промышленные круги, которая была применена советскими представителями в Англии после образования СССР и способствовала постепенному осознанию деловым миром необходимости предотвратить разрыв торгового соглашения 16 марта 1921 г. Это обстоятельство, также содействовавшее урегулированию англо-советского конфликта, заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Вскоре после получения «ноты Керзона» Советское правительство направило в Англию для принятия всех мер к ликвидации конфликта Л. Б. Красина. Выбор кандидатуры последнего определялся не только его дипломатическими талантами и связями, но также и его авторитетом крупнейшего деятеля Советской России в области экономики на посту наркома внешней торговли. Образование СССР и успехи, достигнутые в восстановлении народного хозяйства, позволили Красину выступить с прочных позиций. В интервью корреспонденту «Роста», опубликованном незадолго до вылета Красина в Лондон, он рассеял всякие заблуждения относительно того, что торговля между двумя государствами будет вестись через «Аркос» после разрыва отношений де-факто и денонсации договора 16 марта 1921 г. «Мы теряем интерес к английскому рынку, — заявил Красин, — и вынуждены будем организовать наши закупки и продажи нашего экспортного сырья в других европейских пунктах». При этом он отметил, что правительство поручило ему в случае разрыва отношений ликвидировать весь торговый аппарат СССР в Великобритании. В этих же целях вместе с ним в Лондон направлялись директор «Аркоса» Ю. А. Грожап и руководитель «Северолеса» (крупнейшего контрагента английских импортных и брокерских лесоторговых обществ) С. Либер-

⁸⁸ См.: Н. И. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах, стр. 421—448; Р. Ф. Карпова. Л. Б. Красин — советский дипломат, стр. 147—153; Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства, стр. 299—322 и др.

ман.⁸⁹ Аналогичное заявление было сделано Красиным и в Англии, куда он прибыл вечером 14 мая 1923 г. В этом заявлении, кроме того, внимание деловых кругов страны было обращено на хорошие перспективы экспорта зерна в ближайшее время, который стал возможным вследствие хозяйственного и политического укрепления Советского государства после образования СССР.⁹⁰

В первые же дни пребывания в Лондоне Красин начал переговоры с некоторыми крупнейшими английскими фирмами о значительных поставках советских экспортных товаров.⁹¹ Несколько дней спустя в печати появилось интервью заместителя представителя РСФСР в Великобритании Я. А. Берзина о советско-английских торговых отношениях. Берзин еще раз решительно подчеркнул, что «разрыв торгового соглашения означал бы конец всей торговли между Британией и Россией», и с полной определенностью довел также до сведения деловых кругов, что ни через «Аркос», ни через страны-посредники коммерческие отношения между двумя странами поддерживаться не будут. Берзин привел данные об объеме англо-советской торговли, отметив при этом, что общая тенденция как раз говорит о его быстром возрастании от месяца к месяцу и опровергает домыслы ряда газет относительно того, что России «нечем платить». Он подтвердил также намерение Внешторга увеличить в 1923 г. экспорт зерна и леса.⁹² Заявления советских представителей полностью соответствовали реальным фактам. Действительно, хотя торговый оборот между двумя странами еще сильно отставал от довоенного, он возрастал, и очень быстро.⁹³ Ухудшение англо-советских отношений накануне и в период конфликта тотчас же отразилось на состоянии торговли между двумя странами и привело к ее сокращению. Так, если в октябре—декабре 1922 г. доля Англии составляла 39% всего экспорта Советской России, то в январе—марте она снизилась до 10,8%, а в апреле—июне — до 8,5%. Импорт из Англии в СССР оценивался за октябрь—декабрь 1922 г. в 13,5 млн руб., за январь—март уже только в 5,6 млн и за апрель—июнь — в 7,7 млн руб.⁹⁴

Заявления Красица и Берзина, подчеркивавших рост англо-советской торговли, ее хорошие перспективы и предупредивших, что денонсация договора приведет к ее полному прекращению, оказали влияние на торгово-промышленные круги страны. Произошел явный сдвиг в сознании широких слоев делового мира в сторону сохранения договора 16 марта 1921 г. как базы для дальнейшего развития коммерческих отношений с СССР. Хорошей иллюстрацией этого служат результаты опроса, проведенного газетой «Манчестер гардиан» среди представителей английской промышленности и торговли по вопросу о возможных последствиях разрыва торгового договора. Хотя многие представители деловых кругов еще продолжали считать, что англо-русская торговля не прекратится и после денонсации договора или что потеря русских заказов не нанесет большого ущерба, большинство опрошенных высказалось в пользу его сохранения. Против разрыва договора энергично высказались ливерпульские торговцы хлопком, многие химические фирмы, текстильные фабрики Ланкашира и Йоркшира, представители экспортного объединения «Бэкос» и т. д.⁹⁵

Таким образом, известные перемены в настроении деловых кругов, произошедшие в период кризиса, вызванного «потой Керзона», наряду с другими обстоятельствами, среди которых было укрепление политических и экономических позиций Советской власти в результате образования СССР, способствовали урегулированию англо-советского конфликта. Весьма крупную роль в переломе настроений британских торгово-промышленных кругов по отношению к Советскому Союзу сыграла поездка в Москву делегации английских финансистов и промышленников, директоров экспортной фирмы «Бэкос», обслуживавшей около 100 предприятий Англии с общим акционерным капиталом в 50 млн ф. ст.⁹⁶ Поездка была согласована в переписке между директором «Бэкоса» А. Г. Маршаллом и Л. Б. Красиным в июне 1923 г.⁹⁷ В августе 1923 г. делегация, возглавляемая двоюродным братом премьер-министра Ф. Л. Болдуином, в составе десяти директоров «Бэкоса», являвшихся одновременно представителями крупнейших английских фирм, прибыла в Советский Союз. Ее целью было изучение возможностей торговли и деловых отношений с СССР. По словам участников поездки, членам делегации была предоставлена полная возможность получить любую информацию. Они, кроме того, встретились почти со всеми народными комиссарами, предоставившими в распоряже-

⁹⁵ Manchester Guardian Commercial, 47, 24 V 1923; ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1327, д. 58, лл. 165—176.

⁹⁶ Эта роль специально отмечалась в отчете Наркоминдела II съезду Советов СССР. См.: Годовой отчет за 1923 год к II Съезду Советов. М., 1924, стр. 105.

⁹⁷ См.: ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1326, д. 3, л. 95—96, 98.

⁸⁹ Известия, 1923, 12 мая.

⁹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. VI. М., 1962, стр. 309—311.

⁹¹ См.: Р. Ф. Карпова. Л. Б. Красин — советский дипломат, стр. 152.

⁹² Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 320—321.

⁹³ По данным НКВТ, оборот между двумя странами выражался (по стоимости) следующими цифрами: в 1920 г. — 2,8 млн ф. ст., в 1921 г. — 9,1 млн, в 1922 г. — 45,3 млн ф. ст. (ЦАМБТ, ф. 15, оп. 6, д. 66, л. 1). Данные английской статистики хотя и несколько отличались от вышеприведенных, также показывали резкое возрастание оборота: в 1921 г. — 4,8 млн ф. ст., в 1922 г. — 11,7 млн ф. ст. (Statesmen's Yearbook. London, 1925, p. 1259).

⁹⁴ Внешняя торговля СССР (за 1923 год). Сборник. М., 1924, стр. 230—231, 244—245.

ние английской делегации исчерпывающие разъяснения и материалы по интересующим ее экономическим вопросам.⁹⁸ По возвращении на родину члены делегации сделали 3 ноября отчет в Сити о своей поездке и дали интервью многочисленным корреспондентам. Общие впечатления представителей «Бэкоса» были самыми благоприятными. Они констатировали быстрое восстановление всех отраслей народного хозяйства после образования СССР, укрепление его финансов, возрастающую роль внешней торговли. «Члены делегации, — говорилось в заявлении печати, — вернулись домой полностью убежденными, что ... имеются большие возможности для британской торговли в России... Оба государства могут работать рука об руку в соответствии с интересами своих народов».⁹⁹ Выводы английской делегации о возможности равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Великобританией несомненно оказали воздействие на деловые круги Англии. Достаточно отметить, что отчет «Бэкоса» и интервью с членами его делегации были опубликованы, по свидетельству корреспондента «Роста», сорока лондонскими и провинциальными газетами, многие из которых сопроводили эти материалы передовыми статьями или комментарием о необходимости решительно усилить экономические отношения с СССР.¹⁰⁰

1923 г. внес также много нового в практику торговли и концессионных отношений между двумя странами. Хотя конфликт, вызванный «ультиматумом Керзона», на некоторое время резко сократил коммерческие отношения двух государств и привел даже к незначительному уменьшению торгового оборота между ними (15,1 млн. ф. ст. в 1923 г. против 15,3 млн. ф. ст. в 1922 г.), в 1923 г. были заложены хорошие основы для его увеличения в следующем году более чем в 2 раза (34,2 млн. ф. ст.).¹⁰¹

Образование СССР и связанное с этим актом политическое и хозяйственное укрепление Советского государства не прошли бесследно и для экономических отношений между ним и другими странами Запада. Большое значение для ознакомления деловых кругов капиталистических стран с действительным положением экономики СССР и его возможностями как партнера в хозяйственной области имела Первая Всесоюзная сельскохозяйствен-

⁹⁸ См. интервью Болдуина и Маршалла корреспонденту «Морнинг пост» (Morning Post, 4 IX 1923).

⁹⁹ См.: Morning Post, 4 IX 1923; Times 3, 4 IX 1923. Несколько позднее, в ноябре 1923 г., один из руководителей делегации опубликовал меморандум «Англо-русская торговля и ее возможности», в котором высказывался в интересах развития экономических отношений с СССР за предоставление ему кредитов и признание де-юре. См.: Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства, стр. 335—336.

¹⁰⁰ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 28, л. 93.

¹⁰¹ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 85, л. 121.

ная и кустарно-промышленная выставка в Москве (15 августа—21 октября 1923 г.). Она стала весьма важным фактором для окончательного преодоления недоверия капиталистических кругов Запада к возможности деловых отношений с СССР и совпала с началом нового этапа в их взаимоотношениях, основным содержанием которого было постепенное признание буржуазными государствами равноправия двух экономических систем собственности как единственно возможной почвы для хозяйственного обмена между ними.¹⁰² Одной из задач Всесоюзной выставки, помимо демонстрации достижений народного хозяйства всех республик, только что объединившихся в Союз ССР, было «установление связи с иностранными рынками».¹⁰³ При главном комитете, созданном для подготовки выставки, был организован иностранный отдел, который имел свои заграничные представительства в 18 капиталистических государствах.¹⁰⁴ Они распространяли информацию и материалы о предстоящей выставке в Москве, рассылали приглашения многочисленным фирмам и объединениям, вели переговоры с ними. Работе иностранного отдела Всесоюзной выставки активно помогали НКВТ и Наркоминдел. В апреле 1923 г. Л. Б. Красин специальным циркуляром обязал торгпредов СССР за границей оказывать содействие в транспортировке экспонатов иностранных фирм в Москву, а в июне М. М. Литвинов направил полномочным представителям распоряжение, предлагавшее предельно упростить порядок выдачи въездных виз иностранным гражданам, отправляющимся на выставку.¹⁰⁵ В иностранном отделе выставки всего приняла участие 401 фирма из 20 капиталистических государств.¹⁰⁶

Во время работы выставки и после ее закрытия иностранный отдел зарегистрировал 456 сделок по продаже фирмам-экспонентами своих изделий советским организациям.¹⁰⁷ Однако главное значение для развития экономических отношений между СССР и капиталистическим миром имели не эти конкретные сделки, а то глубокое впечатление, которое произвела выставка на ее иностранных участников и многочисленные делегации из

¹⁰² См.: Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам внешней политики, стр. 253—256, 265; Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 496—498.

¹⁰³ Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка с иностранным отделом. Материалы и документы. Вып. 2. М., 1923, стр. 17.

¹⁰⁴ ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 106, л. 4; д. 94, л. 10.

¹⁰⁵ Там же, д. 18, л. 5; д. 37, л. 45.

¹⁰⁶ Справка иностранного отдела выставки от 2 сентября 1923 г. (ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 37, л. 360); Внешняя торговля, 1923, № 33—34, стр. 31.

¹⁰⁷ ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 436, лл. 1—142 (торгово-регистрационная книга иностранного отдела выставки).

разных стран,¹⁰⁸ убедившихся в бурном подъеме всех отраслей народного хозяйства Союза ССР. Отзывы деловых людей Запада, политических деятелей и корреспондентов отражали почти единодушное удивление успехами, достигнутыми Советским Союзом в столь короткий срок, и отмечали растущее значение СССР в международном разделении труда. Сенатор М. Лафаллет (США) заявил, например, что «выставка машин явилась для него полной неожиданностью. Она могла бы произвести самое благоприятное впечатление на любой из выставок США». Он отметил также «ее совершенно исключительное значение» в деле возобновления экономических отношений между СССР и США.¹⁰⁹ Журналистка Анна Луиза Стронг в статье «На московской выставке» писала: «Я посетила ее около 12 раз. Это нечто гениальное... Что больше всего поражает иностранцев — это громадное количество предметов, произведенных правительственными фабриками... И в отношении строительства происходит то же самое; это-то больше всего и поражает иностранцев, не предполагавших, что Россия так быстро сумеет восстановить свою промышленность».¹¹⁰ Аналогичные отчеты о выставке поместили немецкие и американские газеты.¹¹¹ Познакомившийся с выставкой незадолго до ее открытия бирмингемский фабрикант Форд заявил представителям английской печати, что Россия сделала значительные успехи в восстановлении своей экономики. Он выразил готовность вести дела с советскими организациями на основе кредита и сообщил, что уже заключил сделку в России, открыл текущий счет в Госбанке и «не чувствует никакого беспокойства относительно безопасности своих капиталов».¹¹²

Преодоление кризиса в экономических отношениях с капиталистическими странами, самым тесным образом связанное с образованием Союза ССР и вызванным этим актом политическим и хозяйственным укреплением Советского государства, нашло убедительное проявление и в статистике внешней торговли. Если сравнить полугодие, которое отмечено наибольшим взрывом «экономического разочарования», совпавшее по времени с решающими шагами по объединению советских республик в Союз ССР (октябрь 1922—март 1923 г.), с последующим полугодием, когда новое союзное государство выступило на международной арене уже как единое целое, то получается отчетливое

представление о переломном моменте в развитии экономических отношений социалистического и капиталистических государств. Во втором полугодии импорт СССР (по стоимости) показал значительное увеличение по сравнению с первым полугодием из 9 капиталистических стран (всего учитывалось 14 государств), а экспорт при том же количестве стран возрос в 11 из них.¹¹³ Эта тенденция к укреплению взаимовыгодных хозяйственных связей с капиталистическим миром, выявившаяся после объединения советских республик в единый Союз ССР, продолжала развиваться и дальше и во многом предопределила юридическое признание СССР большинством капиталистических стран уже в следующем, 1924 году. Такие серьезные успехи на международной арене едва ли могли быть достигнуты в столь короткий срок без объединения всех советских республик в Союз ССР и передачи благодаря этому в ведение его верховных органов основных функций, связанных с представительством интересов союзного государства в мировой политике. Это обстоятельство специально отмечалось в докладе Наркомвнешторга СССР о работе за 1922—1924 гг., подготовленном для Совета Народных Комиссаров к XIII съезду РКП(б). В нем, в частности, говорилось: «Результаты такого единства фронта общеполитического и фронта торгового — налицо. Полный прорыв блокады, укрепление международных связей Советского Союза и признание его капиталистическим миром — все эти факты единодушно свидетельствуют об успешности дипломатической и внешнеторговой линии Советской политики».¹¹⁴

¹⁰⁸ Только с 20 августа по 20 сентября выставку посетило 411 деловых людей из 21 страны; в том числе 107 человек из Германии (Внешняя торговля, 1923, № 37—38, стр. 28).

¹⁰⁹ Накануне, 1923, 11 октября; ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 94, л. 160.

¹¹⁰ Накануне, 1923, 12 октября.

¹¹¹ См.: Deutsche Allgemeine Zeitung, 10 IX 1923; Jurnal of commerce, 15 X 1923; Внешняя торговля, 1923, № 37—38, стр. 10.

¹¹² Birmingham Post, 13 VIII 1923.

¹¹³ Внешняя торговля СССР (за 1923 год). М., 1924, стр. 230—231, 244—245.

¹¹⁴ Доклад Наркомвнешторга СССР в СНК о работе за 1922—1924 гг. (к 13-му партсъезду). ЦГАНХ, ф. 413, оп. 1, д. 426, л. 327.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ (1920—1923 гг.)

В литературе по истории образования СССР, за исключением отдельных общих работ, недостаточно отражена деятельность Советского государства по культурному подъему широких масс трудящихся в начале 20-х годов — в период, когда проблема политического, интернационального воспитания и культурного роста миллионов рабочих и крестьян многочисленных наций, населявших Советскую страну, приобретала важное значение как один из существенных факторов дальнейшего упрочения диктатуры пролетариата, укрепления советской государственности и образования единого союзного государства.

В специальных трудах, посвященных подготовке образования СССР,¹ в общих работах по истории восстановительного периода практическая деятельность в области культурного строительства либо вообще не затрагивается, либо освещается вне связи с проблемой создания Союза Советских Социалистических Республик.² Несколько полнее подобная связь прослеживается в исследованиях о государственной деятельности В. И. Ленина, его роли в подготовке объединения независимых советских республик в единое союзное государство.³

¹ И. С. Чигарев. Партия большевиков — организатор Союза ССР. М., 1949; Д. Л. Златопольский. Образование и развитие СССР как союзного государства. М., 1954; О. И. Чистяков. Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М., 1955; С. И. Якубовская. Строительство союзного Советского социалистического государства. 1922—1925 гг. М., 1960.

² СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Исторические очерки. М., 1955; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921—1932 гг. М., 1967; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., 1970.

³ Я. И. Гилилов. В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства. М., 1960; А. М. Гак. В. И. Ленин и организация подготовки технических кадров. — В кн.: Из истории революционной деятельности В. И. Ленина. М., 1960; В. И. Бессонова. В. И. Ленин и борьба за всеобщую грамотность (1919—1924 гг.). — Там же; Э. В. Голкина. 1) Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М.,

В то же время в общих и специальных работах по истории культурной революции и истории культурного строительства в СССР,⁴ в многочисленных трудах о развитии социалистической культуры в национальных республиках и областях⁵ значительный материал по некоторым вопросам культурно-строительной работы также излагается вне связи с проблемой подготовки создания Союза ССР. К тому же материал, относящийся к 1920—1923 гг., занимает в большинстве работ сравнительно скромное место и порой носит исключительно местный характер.

В настоящей статье автор стремился, опираясь на материалы документальных публикаций⁶ и статистических изданий⁷ и

1960; 2) Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 годах. М., 1960.

⁴ Г. Г. Карпов. 1) О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954; 2) Ленин о культурной революции. Л., 1970; М. П. Ким. 1) Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955; 2) 40 лет советской культуры. М., 1957; Культурная революция на Урале. Свердловск, 1966; Л. И. Боженко. Культурно-просветительная работа в Сибири (1921—1925 гг.). Томск, 1967; П. И. Кабанов. Культурные преобразования в Курской области (1917—1967 гг.). Воронеж, 1968, и др.

⁵ Развитие социалистической культуры в союзных республиках. Сборник статей. М., 1962; А. А. Абилов. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1969; А. Л. Киселев. Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959; У. П. Оболадзе. Общеобразовательная школа в Советской Грузии в 1921—1930 гг. Краткий очерк. Тбилиси, 1959; Г. Ш. Каймаразов. Культурное строительство в Дагестане (1920—1940 гг.). Махачкала, 1960; А. Э. Куправа. Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921—1925 гг.). Сухуми, 1964; С. С. Данияров. Культурное строительство в Советском Киргизстане (1918—1930 гг.). Фрунзе, 1963; С. Ю. Юсупов. Очерк истории культурно-просветительной работы в Советском Киргизстане. Фрунзе, 1965; Н. А. Пашаев. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана. Баку, 1965; А. А. Курбанов, О. Д. Кузьмин. 40 лет по пути Ленина в области народного образования в Туркменистане. Ашхабад, 1965; К. С. Худавердян. Культурная революция в Советской Армении (1920—1940). Ереван, 1966; Развитие украинской культуры за годы Советской власти. Киев, 1967. (На укр. яз.); Я. Н. Безносиков. Культурная революция в Коми АССР. М., 1968; П. М. Михайлов. Культурная революция в Чувашии. Чебоксары, 1957, и др.

⁶ Образование СССР. Сборник документов. 1917—1924. М.—Л., 1949; Культурное строительство в Киргизии. Сборник документов и материалов. т. 1 (1918—1929). Фрунзе, 1957; Культурное строительство Адыгеи (1922—1937 гг.). Сборник документов и материалов. Майкоп, 1958; Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.). Сборник документов и материалов. Т. 1. Алма-Ата, 1965; Культурное строительство в Воронежской губернии (1918—1928 гг.). Сборник документов. Воронеж, 1965; Культурное строительство в Чувашской АССР. (Сборник документов). Кн. 1 (1917—1937 гг.). Чебоксары, 1965; Советская печать в документах. М., 1961; Культурное строительство в Удмуртии. Сборник документов (1917—1940 гг.). Ижевск, 1970; Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917—1936 гг.). Сборник документов и материалов. М., 1971, и др.

⁷ Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М.—Л., 1940; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М.,

используя существующие работы по истории культурного строительства в СССР, осветить опыт деятельности руководимого В. И. Лениным Советского государства по строительству новой социалистической культуры в период подготовки создания Союза Советских Социалистических Республик, показать значение работы по культурному подъему народных масс для политического и идейного сплочения трудящихся советских республик, попытаться проследить линию их интернационального воспитания в ходе практической деятельности государственных органов и общественных организаций по просвещению рабочих и крестьян с 1920 и до начала 1923 г., когда на основании Постановления I съезда Советов СССР об утверждении Декларации и Договора об образовании СССР развернулась практическая работа по созданию Советского Союза и подготовке его Конституции. В статье освещается деятельность Советского государства по главным направлениям культурного строительства — культурно-просветительная работа, ликвидация неграмотности, становление общеобразовательной школы, первые шаги в организации советской высшей школы.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в Советской стране начинается и грандиозная культурная революция, которая, по мысли В. И. Ленина, есть «целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы».⁸ На второй день существования молодой Советской республики, 27 октября 1917 г., Второй Всероссийский съезд Советов выносит постановление об образовании «рабочего и крестьянского правительства» во главе с В. И. Лениным. В состав правительства в качестве комиссара народного просвещения вошел видный деятель партии, соратник В. И. Ленина А. В. Луначарский.⁹ Победившая пролетарская революция с самого начала определила большое государственное значение дела народного просвещения, вопросов культуры в стране, где к власти пришли трудящиеся.

Уже в ноябре—декабре 1917 г. Советская власть приступила к решению самых неотложных задач культурного строительства. Первые шаги по ликвидации массовой неграмотности населения, введение всеобщего обязательного начального обучения детей, создание кадров новой, трудовой интеллигенции, приобщение рабочих и крестьян к лучшим достижениям искусства, литературы и науки — в каждой из этих областей культурной

1924; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Статистический справочник. М., 1924—1925.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 372.

⁹ Там же, т. 35, стр. 29.

жизни страны разворачивается кипучая работа, в которой сразу же стали принимать участие миллионы трудящихся. Особое значение приобретает работа по политическому просвещению масс, так как сила и прочность Советского государства определялись прежде всего сознательностью трудящихся, их способностью осмыслить, понять значение происходивших исторических событий. Указывая на это обстоятельство, В. И. Ленин отмечал, что государство рабочих и крестьян «сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».¹⁰

Декреты Советского государства «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», отменившие сословные привилегии в области образования и освободившие дело народного просвещения от мертвящего вмешательства церкви, открыли возможности для широкой демократизации всего дела культурного строительства. Исключительную роль для широчайших масс трудящихся, самой отсталой и забитой в культурном отношении их части, сыграли декреты Советской власти о равноправии женщин и отмене всех ограничений, связанных с принадлежностью к нерусской национальности.

Развязанные силами внешней и внутренней контрреволюции гражданская война и иностранная интервенция помешали быстрой реализации выработанной Коммунистической партией и Советским правительством программы широкого культурного подъема масс. И хотя в трудных условиях вражеской блокады, в обстановке напряженной борьбы молодой Республики Советов за свое существование ни на один день не прекращалась разнообразная по формам, сложная по содержанию и задачам работа в области культуры, все же масштабы, размах и организации этой работы в обстановке военного времени не могли отвечать основной цели культурной революции.

Только в 1920 г., когда главные силы контрреволюции были разгромлены, Советское государство получило возможность уделить необходимое внимание и вопросам культурного строительства, выделив для этого необходимые силы и средства.

Переход к мирной работе потребовал дальнейшего усиления роли Советского государства в руководстве всем делом просвещения и политического воспитания широчайших масс рабочего класса и крестьянства, всех трудящихся. В связи с этим создается новый, специальный орган — Главный политико-просветительный комитет РСФСР (Главполитпросвет), в котором было сосредоточено руководство политико-просветительной работой, до того осуществлявшееся рядом центральных и местных учреж-

¹⁰ Там же, стр. 21.

дений, что вело к параллелизму, распылению культурных сил по ведомственному признаку. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев 28 октября 1920 г. вопрос об организации Главполитпросвета, в постановлении, написанном В. И. Лениным, подчеркнуло, что главенствующая роль в деятельности этого органа принадлежит партии.¹¹

Учрежденный согласно Декрету Совнаркома РСФСР от 12 ноября 1920 г. в составе Наркомпроса, Главполитпросвет, возглавляемый Н. К. Крупской, становится руководящим центром огромной работы среди населения всей Советской страны. Созданные вскоре в РСФСР губерnsкие, уездные, городские политпросветотделы, главполитпросветотделы советских социалистических республик Украинской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской и Белорусской развернули большую практическую работу по просвещению и политическому воспитанию трудящихся.

X съезд партии четко определил основную задачу Главполитпросвета: массовая коммунистическая пропаганда и агитация. Съезд специально обратил внимание на необходимость использования политпросветов для повышения политического и культурного уровня членов партии, комсомольцев, подчеркнул, что вся их работа должна быть увязана с профсоюзами — с тем, чтобы обеспечить политическое просвещение и культурный рост руководящей силы советского общества — рабочего класса.¹² «Для успешного выполнения своей основной задачи, массовой коммунистической пропаганды и агитации Главполитпросвет должен приобрести гибкость партийного аппарата, чуткость к запросам масс, подвижность, соединяя эти качества с систематичностью, точностью, быстротой и работой по известному плану», — говорилось в резолюции X съезда РКП(б) по вопросу о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии.¹³

Деятельность политпросветов сразу же приобрела большой масштаб, и к концу 1921 г., когда они функционировали повсеместно, только на территории РСФСР в политпросветах было занято около 475 тыс. работников.¹⁴ Быстро расширяется сеть политпросветучреждений. По сравнению с 1919—1920 гг. число изб-читален возросло по РСФСР к 1 октября 1921 г. с 13 307 до 28 132, клубов и народных домов — с 4019 до 6733, агитпунктов — со 140 до 365; три коммунистических университета и 255 совпартшкол, готовивших работников партийного и совет-

ского аппарата, обеспечивали руководящими кадрами политико-просветительные и культурные учреждения.¹⁵

Неурожай 1921 г. и вызванный им голод, породив обострение хозяйственных трудностей, привели к тому, что Советское государство вынуждено было временно резко сократить целый ряд расходов, и в том числе заметно уменьшить государственное финансирование всего дела народного просвещения, переводя большую часть соответствующих учреждений и организаций на местный бюджет. В результате в системе политпросветов по РСФСР к концу 1922 г. на госбюджете оставалось всего 10 тыс. работников — из числа 475 тыс., имевшихся в 1921 г.¹⁶

Вынужденное снятие с государственного бюджета большинства культурно-просветительных учреждений особенно тяжело сказалось на сельской местности и в национальных районах страны, где средства местного бюджета были еще очень скудны, культурные силы незначительны, а потребность и масштабы культурной работы особенно велики.

Сеть культпросветучреждений по РСФСР в целом уменьшилась на 75%, а по отдельным губерниям даже на 90%.¹⁷ В наибольшей степени сократилось число пунктов и школ ликбеза, изб-читален, библиотек. Число библиотек в течение 1922 г. сократилось до 6247 против 14 885, насчитывавшихся в ноябре 1920 г., причем стационарные массовые библиотеки остались в основном в городах, где они перешли на бюджет профсоюзных и хозяйственных организаций.¹⁸ Была свернута почти вся сеть различного рода курсов для рабочих и крестьян: общеобразовательных, сельскохозяйственных, ликвидаторов неграмотности и др.¹⁹ Во многих губерниях были закрыты почти все избы-читальни: так, в Витебской губернии оставалось всего 6% существовавших до 1922 г. изб-читален, в Курской — 10, в Калужской — 14%.²⁰

В этих сложных условиях Главполитпросвет РСФСР, другие республиканские политпросветы, местные его органы стремились в максимальной степени сохранить свои учреждения там, где культурная отсталость населения была особенно значительна. Благодаря помощи, оказанной со стороны РСФСР, в Туркестане удалось из 274 культурно-просветительных учреждений сохра-

¹⁵ Т. А. Ремизова. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921—1925 гг.). М., 1962, стр. 32.

¹⁶ Там же, стр. 33.

¹⁷ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 7 стр. 164.

¹⁸ Библиотечное дело в СССР. Сборник статей. М., 1957, стр. 33; Е. Медынский. Библиотечная сеть перед революцией и в настоящее время. — Красный библиотекарь, 1927, № 10, стр. 17.

¹⁹ Народное просвещение, 1923, № 1, стр. 40—41.

²⁰ М. С. Андреева. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917—1933 гг.). М., 1963, стр. 41.

¹¹ Ленинский сборник. XXXVI. М., 1959, стр. 138.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 242.

¹³ Там же, стр. 243.

¹⁴ Н. К. Крупская. Очередной (третий) Всероссийский съезд политпросветов. — Педагогические сочинения. Т. 7. М., 1959, стр. 164.

нить 142, в Якутской автономной области из 224 подобных учреждений было закрыто лишь 64.²¹

Коммунистическая партия и Советское государство дали решительный отпор всякого рода ликвидаторским настроениям в отношении политико-просветительной культурной работы в массах. Были отвергнуты предложения и попытки передать всю эту работу в городе в ведение профсоюзов, а на селе — кооперации. Большое значение в преодолении подобного рода тенденций сыграли состоявшийся в октябре 1921 г. II Всероссийский съезд политпросветов и выступление на этом съезде В. И. Ленина. Оценивая роль и задачи Главполитпросвета как особого и специального органа государства диктатуры пролетариата, Ленин сказал: «Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может претвориться в жизнь. Либо гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономического фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться. Задача подъема культуры — одна из самых очередных. И это задача политпросвета».²²

Съезд политпросветов подчеркнул в принятых решениях, что ни о каком отступлении на фронте просвещения и культуры не может быть и речи, наметил конкретные задачи по всем важнейшим направлениям политико-просветительной и культурной работы в массах.

Новые условия потребовали от работников культурно-просветительного фронта внимательной проверки форм и методов своей деятельности. «Сокращение бюджета заставило пересмотреть и политпросветучреждения под углом их сравнительной ценности, — писала тогда Н. К. Крупская. — С другой стороны, необходимость опираться в финансовом отношении на само население вскрыла, что наши учреждения в общем и целом слишком слабо работали, не сумели стать для населения чем-то таким, без чего нельзя обойтись, связь их с массой оказалась при серьезной проверке жизнью слишком слабой».²³

После того как усилиями местных партийных и советских органов были приняты меры по изысканию средств из местного бюджета и в результате привлечения средств населения, организации широкой помощи учреждениям культуры, дальнейшее сокращение их сети к концу 1922 г. приостанавливается. Уже в 1923 г. эта сеть начинает вновь разворачиваться и число культпросветучреждений, в первую очередь сельских изб-читален, постепенно растет.

²¹ Коммунистическое просвещение, 1923, № 1, стр. 127.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 169.

²³ Н. К. Крупская. Политико-просветительная работа. Сборник статей. 1920—1923. М., 1924, стр. 24.

Самые различные формы и методы политико-воспитательной и культурно-просветительной работы, несмотря на значительные трудности, получили распространение в первые годы восстановительного периода. Клубы и народные дома, избы-читальни и дома крестьянина, народные университеты и агитпункты, библиотеки и читальни, вся система ликбеза, теснейшим образом увязывали свою практическую работу прежде всего с задачами политического просвещения и агитации. Ведущее место во всей этой работе занимали рабочие клубы в городах и избы-читальни на селе.

Важную роль в культурно-политическом просвещении широких народных масс играли клубные учреждения Москвы и Петрограда. В Москве одним из наиболее массовых был партийный клуб Хамовнического района, открытый летом 1922 г. В этом клубе проводились доклады о борьбе с буржуазной идеологией, о политическом положении в Европе, по вопросам внутреннего положения Советской страны. Во многих клубах столицы действовали самостоятельные рабочие театральные студии.²⁴ Успешно разворачивалась работа клубов при крупнейших заводах и фабриках Москвы.²⁵ В Петрограде к апрелю 1920 г. насчитывалось 110 клубов, из которых 88 были основаны после Октябрьской революции. Наиболее успешно действовали рабочие клубы, находившиеся в пролетарских районах города. Большая культурно-просветительная работа проводилась и красноармейскими клубами Петрограда.²⁶ Клубы Москвы и Петрограда вели широкую атеистическую пропаганду среди населения.²⁷

С большим размахом, опираясь на широкий актив, развернули свою деятельность рабочие клубы в одном из старейших индустриальных районов страны — на Урале. В клубе, обслуживающем рабочих Верхне-Исетского завода, одного из старейших в стране, насчитывалось 240 постоянных членов клуба (в их числе было также много железнодорожников). В клубе проводились заводские и цеховые собрания, устраивались лекции, беседы, вечера ответов и вопросов, работали кружки политграмоты, марксистский кружок повышенного типа, кружок профдвижения, а также многочисленные кружки художественной самодеятельности, в которых участвовали и члены семей рабочих. Важное место в деятельности клуба занимали кружки ликбеза, около 600 посетителей клуба пользовались услугами его библиотеки.²⁸ Чрезвычайно велика была тяга трудящихся и к художествен-

²⁴ Т. А. Ремизова. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921—1925 гг.), стр. 229—231.

²⁵ Там же, стр. 240—241.

²⁶ Очерки истории Ленинграда. Т. IV. М.—Л., 1964, стр. 591.

²⁷ Т. А. Ремизова. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921—1925 гг.), стр. 235.

²⁸ Культурная революция на Урале, стр. 79.

ному творчеству. В начале 1921 г. в 10 клубах Екатеринбургского уезда действовали музыкальные секции, в одном из клубов возникла особая литературная студия.²⁹

Заметную роль в организации и налаживании культурно-просветительской работы играли культурно-просветительные общества, объединявшие передовую интеллигенцию, грамотных рабочих и крестьян. В своей деятельности общества опирались на клубы, избы-читальни, народные дома. Только в Курской области уже в конце 1919 г. действовали 392 культурно-просветительных общества.³⁰

Большую культурно-просветительную работу среди населения вели библиотеки. Создание в 1921 г. во многих губернских центрах библиотечных коллекторов позволило улучшить комплектование массовых библиотек необходимой литературой, что имело особенно важное значение для сельских библиотек. Широкое распространение приобретают библиотеки-передвижки. Только губернская библиотека Курска за 1921—1923 гг. направила в уезды свыше 170 передвижек с книжным фондом в 7 тыс. экземпляров. В библиотеках устраивались громкие читки книг и газет, книжные выставки, проводились литературные вечера и «политические суды». О направлении всей этой работы свидетельствовали хотя бы названия устраивавшихся выставок: «Ликвидируем неграмотность», «Ленин и крестьяне», «Диктатура рабочего класса», «Коммунистический интернационализм», «РКП(б) — организатор рабочего класса» и другие.³¹

В содержании агитационно-пропагандистской работы заметное место стала занимать производственная пропаганда, а также пропаганда сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Так, осенью 1921 г. на Кольчугинских копях в Кузбассе было проведено 136 профессиональных дней, собраний и конференций по вопросам производственной пропаганды.³² В Алтайской губернии весной 1922 г. около 27 тыс. человек прошло через систему месячных агрономических курсов.³³

Серьезные трудности в организации и проведении культурно-просветительской работы Советское государство встречало в отдаленных и окраинных, преимущественно национальных районах страны. Длительное хозяйничанье белогвардейцев и интервентов, малочисленность культурных сил, крайняя культурная отсталость широких масс крестьянского населения — все это требовало особых усилий, огромных средств для налаживания работы по поли-

тическому просвещению и культурному подъему населения в этих районах страны.

Большие трудности приходилось преодолевать в Сибири, где до 40—50% населения составляли нерусские нации и народности.³⁴ Только к концу 1921 г. на огромной территории сибирских губерний удалось завершить создание политпросветов.³⁵ Для того чтобы решить проблему кадров, в ряде губерний с начала 1922 г. начинается подготовка лекторов, в программу обучения которых обязательно входили и вопросы культурно-просветительской работы. В течение 1922 г. учреждения культуры и политпросвета получили значительное пополнение из числа 700 выпускников сибирских совпартшкол, что позволило заметно улучшить руководство деятельностью клубов, библиотек, избы-читален, домов крестьянина.³⁶

В условиях Сибири с ее громадными пространствами и неразвитыми коммуникациями важное значение в развертывании культпросветработы приобрели агитационно-инструкторские поезда и пароходы. Три таких парохода только за лето 1921 г. обслужили население 44 крупных населенных пунктов по берегам Оби и Иртыша, где, помимо организаторской работы и инструктора, члены выезжавших бригад проводили митинги, лекции, демонстрировали кинофильмы.³⁷

Несмотря на огромные трудности, сеть культпросветучреждений в Сибири быстро растет: уже летом 1922 г. она достигла 10,7 тыс. единиц — в два с половиной раза больше, чем в ноябре 1920 г., когда началось ее планомерное расширение.³⁸

Особые сложности проведение политико-просветительной и культурной работы вызвало в национальных республиках и областях. Развертывание этой работы в условиях перехода к мирному хозяйственному строительству проходило на основе братской взаимопомощи наций и народностей.

Более развитые в культурном отношении нации: грузины и армяне в Закавказье, узбеки в Средней Азии, татары в Среднем Поволжье, украинцы — помогали в ликвидации культурной отсталости соседним нациям и народностям. Наиболее значительную помощь в этом отношении оказывал русский народ, щедро делившийся с другими народами Советской страны культурными кадрами и ценностями, богатым опытом. Все это способствовало преодолению вековой разобщенности наций и народов, помогало изживанию и преодолению шовинизма и национализма, воспитывало чувства интернационализма и братской солидарности, став

²⁹ Там же, стр. 78.

³⁰ П. И. Кабанов. Культурные преобразования в Курской области (1917—1967 гг.), стр. 91.

³¹ Там же, стр. 112—113.

³² Л. И. Боженько. Культурно-просветительная работа в Сибири (1921—1925 гг.), стр. 53.

³³ Там же, стр. 54.

³⁴ Там же, стр. 76.

³⁵ Там же, стр. 29—30.

³⁶ Там же, стр. 33—34.

³⁷ Там же, стр. 81—82.

³⁸ Там же, стр. 76.

важным фактором развития стремления народов к объединению в единое союзное государство.

Обширная работа по развитию политического просвещения и культурному подъему масс развертывается с 1920 г. в республиках Закавказья.

Состоявшийся в октябре 1920 г. II съезд Коммунистической партии Азербайджана указал на необходимость создания в республике сети клубов, библиотек, изб-читален.³⁹ Уже в следующем, 1921 году в Баку насчитывалось 40 клубов, еще год спустя — 90.⁴⁰ Учитывая исключительно важное значение для культурно-просветительной работы библиотек, Советское правительство Азербайджана в 1920 г. вынесло решение о создании на базе имевшихся в республике книжных фондов Республиканской общественной библиотеки, ставшей центром развития библиотечного дела в Азербайджане. Специальным декретом Азревкома за подписью Н. Нариманова от 31 декабря 1920 г. все библиотеки на территории республики были переданы в ведение Наркомпроса.⁴¹

Знаменательным событием в условиях Азербайджана, где было сильно влияние мусульманской церкви и женщины находились в состоянии полнейшей культурной отсталости и бесправия, стало создание в Баку в начале 1920 г. первого женского клуба. Именно в этом клубе берет начало движение за отказ от чадры. В клубе возникли различные кружки: политические и художественные, была организована швейная фабрика, работа на которой указывала женщинам-азербайджанкам путь своего правового, экономического и культурного раскрепощения.⁴²

В условиях Закавказья с его многонациональным составом населения серьезное политическое значение в 1920—1923 гг. приобрела проблема интернационального воспитания трудящихся различных наций.

Огромную работу по преодолению националистической идеологии развернул с первых шагов своей деятельности Главполитпросвет Армении, организованный в 1921 г. Большое место здесь заняло разъяснение значения объединения трех закавказских республик в федерацию, состоявшегося в 1922 г. С целью централизации всей работы среди национальных меньшинств при Наркомпросе Армении в 1922 г. создается специальное Бюро национальных меньшинств, которое взяло на себя и всю политико-про-

светительную работу (включая ликбез) среди азербайджанцев, курдов и других народов.⁴³

Особую заботу Советское правительство Армении проявляло о развитии культуры на селе, где проживала основная масса армян. В 1922 г. в республике открылись первые 6 сельских библиотек,⁴⁴ появились на селе и первые клубы.⁴⁵ Большое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде, проведение которой требовало большой осторожности и вдумчивости.

Первые шаги в деле политического просвещения и культурного подъема делаются начиная с 1920—1921 гг. и среди горцев Северного Кавказа. В январе 1921 г. Коллегия подотдела просвещения национальных меньшинств Кубано-Черноморского областного отдела народного образования специально рассмотрела вопрос о работе среди национальных меньшинств области. Наряду с другими мероприятиями было решено организовать специальный клуб для национальных меньшинств, с секциями.⁴⁶ По решению Адыгейского оргбюро РКП(б) с конца 1923 г. развернулась внешкольная политико-просветительная работа на родном языке в аулах.⁴⁷

Специфические особенности характеризовали деятельность Советских органов в области культуры в республиках и районах с преобладанием кочевого населения, преимущественно национального. На обширной территории Киргизской (Казахской) АССР к началу 1922 г. функционировало 1256 изб-читален, 662 библиотеки, 35 народных домов, действовало 16 совпартшкол и 11 политико-просветительных курсов, на которых обучалось свыше 3 тыс. человек. Но эта, значительная сама по себе сеть не могла охватить своим воздействием большую часть казахского населения, не знавшего тогда оседлой жизни. Поэтому в республике в кочевья и станы стали выезжать «красные повозки», началась организация «красных караванов», представлявших своеобразные походные очаги культуры.⁴⁸ Начиная с 1921 г. в Казахстане организуется подготовка кадров для культпросветработы из коренного населения.⁴⁹ Когда же государственное финансирование этой работы по указанным выше причинам временно было резко сокращено, III съезд Советов КазССР по докладу Наркомпроса республики обратился к населению с призывом открывать на свои сред-

³⁹ К. С. Худавердян. Культурная революция в Советской Армении. (1920—1940), стр. 126.

⁴⁰ Культурное строительство Армянской ССР. Статистический сборник. Ереван, 1962, стр. 101.

⁴¹ Там же, стр. 104.

⁴² Культурное строительство Адыгеи (1922—1937 гг.), стр. 47.

⁴³ Там же, стр. 66.

⁴⁴ Культурное строительство в Казахстане — (1918—1932 гг.), т. 1, стр. 362.

⁴⁵ Там же, стр. 365.

³⁹ И. А. Пашаев. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана, стр. 123.

⁴⁰ Развитие социалистической культуры в Азербайджане (1920—1957 гг.). Баку, 1957, стр. 58.

⁴¹ И. А. Пашаев. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана, стр. 125.

⁴² Там же, стр. 124.

ства избы-читальни, библиотеки, пункты ликбеза, учитывая, что госбюджет обеспечивает содержание только 15 из них.⁵⁰

Братская помощь других народов помогла приступить к созданию первых учреждений культуры на территории Таджикистана, где в дореволюционное время начисто отсутствовали какие бы то ни было учреждения культуры, а население было поголовно неграмотным. Из РСФСР туда было направлено 12 тыс. экземпляров книг и плакатов, значительная часть которых была распространена в кишлаках. Из узбекского города Карши в Душанбе поступило 3 тыс. книг, ставших основой первых таджикских библиотек.⁵¹

Серьезное внимание в 1920—1923 гг. уделялось партийными и государственными органами развертыванию учреждений культуры в сельских районах национальных республик и областей, где, как правило, число их было ничтожно. Благодаря этому, например, по 5 уездам Вотской (Удмуртской) автономной области к осени 1921 г. действовало 683 избы-читальни и 101 библиотека, а также 7 агитпунктов, 10 клубов и 6 газетных столов (число же подобных учреждений по 5 городам области составляло всего два десятка).⁵² Состоявшаяся в феврале 1921 г. уездная партийная конференция Печорского уезда Коми края выдвинула в качестве неотложной задачи — открыть во всех деревнях народные дома или избы-читальни, снабдить их литературой.⁵³ В результате самые отдаленные села и деревни, находившиеся в сотнях километров от уездных центров, получили свои небольшие очаги культуры.

Когда же вследствие финансовых затруднений в 1922 г. под угрозой оказалось существование большинства культурно-просветительных учреждений, местные партийные и советские организации национальных районов приняли меры к изысканию средств и возможностей для сохранения существовавшей их сети и укрепления материальной базы путем привлечения средств населения, профсоюзных, хозяйственных и кооперативных организаций. Подобные меры, например, были осуществлены на основании решений состоявшейся в октябре 1922 г. VI Чувашской областной партийной конференции.⁵⁴

С 1923 г., когда Советское государство, преодолев хозяйственные и финансовые трудности предыдущего года, смогло вновь усилить внимание к вопросам культурного строительства, принимаются первые меры по организации просвещения народов Край-

него Севера, пребывавших в состоянии крайней отсталости. Важное значение для развертывания культурной работы среди этих народов имели решения состоявшегося в январе 1923 г. Первого Всероссийского съезда губернских национальных работников, руководивших просвещением национальных меньшинств, где обсуждался и вопрос о культурно-просветительной работе среди народов Севера. В качестве первоочередных задач выдвигались создание сети учреждений «социалистического воспитания» среди кочевых народов, изучение их языков с целью составления учебников для бесписьменных народов.⁵⁵

Одной из важнейших составных частей огромной работы по просвещению трудящихся являлась работа по ликвидации массовой неграмотности населения. Унаследованная от царской России, где три четверти жителей в возрасте старше 9 лет не умели ни читать, ни писать,⁵⁶ неграмотность представляла серьезное препятствие на пути строительства нового, социалистического общества. В условиях, когда Советская страна переходила к мирному труду по восстановлению разрушенного в годы гражданской войны народного хозяйства, неграмотность миллионов тружеников города и деревни, имевшая особенно значительные масштабы в национальных республиках и областях, превращалась в тормоз решения хозяйственных и политических задач. В одной из бесед с К. Цеткин В. И. Ленин указывал на прямую связь ликвидации неграмотности с задачами восстановления: «Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления».⁵⁷

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции в Советской стране развертывается работа по обучению грамоте сотен тысяч рабочих и крестьян; руководящим центром которой стал специальный Отдел по введению всеобщей грамотности, созданный в составе Наркомпроса в декабре 1917 г.

Но в условиях гражданской войны и интервенции ликвидация неграмотности населения не могла, естественно, приобрести необходимого размаха. Не хватало средств, кадров учителей, письменных принадлежностей, учебников. Сказывалось и отсутствие единого плана работы в этой области.

Опубликованный 30 декабря 1919 г. за подписью В. И. Ленина декрет Совнаркома РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» ставил дело ликбеза на государственную основу, определял содержание, масштабы предстоящей в этой области культурного строительства работы на последующие годы. Согласно декрету, все взрослые в возрасте до 50 лет, не умеющие читать и писать, подлежали обязательному обучению

⁵⁵ М. Е. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955, стр. 214—215.

⁵⁶ Культурное строительство СССР, стр. 7.

⁵⁷ Клара Цеткин. О Ленине. Сборник статей и воспоминаний. М., 1933, стр. 36.

⁵⁰ Там же, стр. 43.

⁵¹ История таджикского народа. Т. III, кн. 1. Переход к социализму. (1917—1937). М., 1964, стр. 149.

⁵² Культурное строительство в Удмуртии, стр. 110.

⁵³ Я. Н. Безносиков. Культурная революция в Коми АССР, стр. 83.

⁵⁴ Культурное строительство в Чувашской АССР, кн. 1 (1917—1937 гг.), стр. 100.

грамоте. Для обучающихся рабочий день сокращался на два часа с сохранением заработной платы. Всем организациям было предложено оказывать всяческое содействие ликбезу.⁵⁸

Коллегия Наркомпроса РСФСР 21 января 1920 г. утвердила инструкцию, которая разъясняла отдельные положения декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подчеркивая, что «вся работа должна базироваться на самостоятельности самого населения». Местным Советам было вменено в обязанность разработать конкретные планы организации работы по ликбезу, выявить тех, кто подлежал обучению в первую очередь, подготовить кадры обучающихся, организовать в каждом населенном пункте, где имеется не менее 15 неграмотных, свою школу грамотности или ликпункт.⁵⁹

Масштабы предстоявшей работы были очень значительны. Проведенная в августе 1920 г. Всероссийская перепись населения показала, что по сравнению с 1897 г., когда проводилась предыдущая перепись, сдвиги в отношении грамотности оказались малозначительными. Грамотность населения по РСФСР и Украине к 1920 г. достигала 40,9% у мужчин и 24,4% у женщин.⁶⁰ На территории Туркестанской республики эти показатели опускались до 11,7 и 5,7%.⁶¹ Было учтено 42 млн неграмотных в РСФСР, 12 млн — на Украине, 3,2 млн — в Туркестане. Перепись позволила обнаружить важную в социальном отношении и вполне закономерную особенность: грамотность в городе была значительно выше, чем в деревне, т. е. уровень грамотности рабочих был выше, чем у крестьян; среди последних наибольший слой неграмотных наблюдался у бедняков. Из 17 млн неграмотных по РСФСР в возрасте 17—40 лет 13 млн приходилось на село.⁶²

По мере удаления от центральных районов грамотность населения понижалась. Если по европейской части России грамотность достигала 33%, то на Северном Кавказе она понижалась до 28,1%, а в Западной Сибири — до 21,8%.⁶³ В национальных республиках и областях доля грамотных была ниже, чем в губерниях с русским населением. В Татарской АССР грамотность составляла 25,3%, в Чувашской автономной области — 23,2, в Марийской АССР — 26,2, в Киргизской (Казахской) АССР — всего 16,1%.⁶⁴ Из числа учтенных переписью 1920 г. 27,5 млн неграмот-

ных по РСФСР почти 6,2 млн проживали в автономных республиках и областях.⁶⁵

Для того чтобы сосредоточить всю работу по организации ликбеза в одном органе, декретом Совнаркома от 19 июля 1920 г., подписанным В. И. Лениным, при Наркомпросе РСФСР создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности.⁶⁶ На периферии создаются местные комиссии подобного назначения. Специальным постановлением Совнаркома всем организациям было предложено снабжать Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликбезу всем необходимым в первую очередь.⁶⁷

Государственная постановка проблемы ликбеза, внимание к ней В. И. Ленина, огромная помощь со стороны Советов, профсоюзов, комсомола, постоянная поддержка со стороны партийных органов — все это позволило придать работе по ликвидации неграмотности необходимую планомерность, значительный масштаб, обеспечить уже в 1920—1921 гг. первые успехи в обучении трудящихся грамоте.

Широкий размах работы по организации ликбеза позволил уже весной и летом 1920 г. произвести первые выпуски из школ грамоты. 150 тыс. взрослых были обучены в Казанской губернии, 57 тыс. — в Череповецкой, 50 тыс. — в Иваново-Вознесенской, 18 тыс. — в Тверской.⁶⁸ Особую страницу в истории борьбы с неграмотностью составила работа по обучению бойцов Красной Армии и Военно-Морского Флота. Благодаря хорошей организации к исходу гражданской войны в большинстве военных округов и в крупных воинских частях почти все бойцы были обучены грамоте. К осени 1920 г. грамотность в Красной Армии достигла 82,6%, на флоте — 94,2%.⁶⁹

Для того чтобы определить число неграмотных, подлежащих обучению, и соответственно планировать всю работу по ликбезу, Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликбезу разослала на места специальную инструкцию.⁷⁰ За 1920 г. на места было направлено свыше полумиллиона букварей, почти 280 тыс. разрезных азбук, свыше 625 тыс. плакатов, более 70 тыс. книг политграмоты и много другой учебной и политико-просветительной литературы для школ и пунктов ликбеза.⁷¹

Все это позволило добиться высокой эффективности в работе по ликбезу. В Саратовской губернии, где летом 1920 г. было

⁵⁸ Правда, 1919, 30 декабря.

⁵⁹ В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность. М., 1970, стр. 49—50.

⁶⁰ Грамотность в России. М., 1922, стр. 7—9 (сведения не включали данные по Кавказу и Крыму).

⁶¹ В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность, стр. 94.

⁶² Коммунистическое просвещение, 1923, № 3, стр. 162.

⁶³ Грамотность в России, стр. 8.

⁶⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. М., 1924, стр. 51.

⁶⁵ Грамотность в России, стр. 10.

⁶⁶ В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность, стр. 74.

⁶⁷ Там же, стр. 76.

⁶⁸ Там же, стр. 71—72.

⁶⁹ М. Зиновьев. А. Плешакова. Как был выполнен ленинский декрет. М., 1961, стр. 18.

⁷⁰ В. И. Бессонова. В. И. Ленин и борьба за всеобщую грамотность, стр. 294.

⁷¹ Там же, стр. 305.

зарегистрировано 2,4 млн неграмотных,⁷² специальным постановлением губисполкома на всех предприятиях организовывались ликпункты, для учебы на которых рабочие ежедневно освобождались на 2 часа. Уже весной того же года в Саратовской губернии было открыто 5 тыс. школ ликбеза, в Саратове — еще 1 тыс.⁷³ В Курской губернии, где было выявлено 600 тыс. неграмотных только в возрасте 20—25 лет, в начале 1921 г. успешно прошла Неделя ликвидации неграмотности, привлекая внимание общественности к проблеме ликбеза; в результате к концу года около 67 тыс. трудящихся стали обучаться грамоте.⁷⁴

Рабочие и крестьяне проявляли огромную тягу к грамоте и охотно записывались в школы ликбеза. Очень ярко отношение крестьян к ликбезу отразила резолюция Нижнеудугского волостного съезда Землянского уезда Воронежской губернии: «Одобрив постановление СНК о ликвидации безграмотности, вменяем в обязанность сельсоветам широко поставить в известность население о привлечении неграмотных в школы взрослых по волости, ибо просвещение народа — дело защиты рабочей власти.⁷⁵»

С огромными трудностями ликбез столкнулся в национальных республиках и областях. В Казахстане, где еще в 1918—1919 гг. в Верном и Уральске открываются первые школы для взрослых, коренное, почти целиком сельское, население до 1920 г. ликбезом совершенно не охватывалось: не было необходимых кадров, пособий, средств.⁷⁶ Но уже 4 октября 1920 г. в Верном в местной газете появилось объявление об открытии курсов, рассчитанных на обучение грамоте 50 женщин-мусульманок.⁷⁷ В течение 1920/21 учебного года в Казахстане было обучено грамоте 72 тыс. человек.⁷⁸ Летом 1921 г. только в Оренбургско-Тургайской губернии действовало 1219 школ ликбеза, в том числе 1127 — в сельской местности; среди последних 31 школа была национальной; 42 школы ликбеза для жителей местной национальности насчитывались в Кустанайской губернии; в Букеевской губернии из 429 школ ликбеза 139 являлись казахскими.⁷⁹

Весной 1921 г. начали работать курсы по ликвидации неграмотности взрослых в ряде вилайетов бывшей Восточной Бухары;

где таджикское население было сплошь неграмотным; тогда же в Таджикистане создаются и первые общества по борьбе с неграмотностью.⁸⁰

Развертывание ликбеза среди ряда малых народов осложнилось отсутствием своей национальной письменности, а следовательно, и необходимых учебных пособий, что при незнании значительной частью коренного населения русского языка превращалась в серьезное препятствие в борьбе с неграмотностью. Именно в силу подобного обстоятельства в Адыгейской автономной области, где перепись 1920 г. учла 42 тыс. неграмотных, практически ликбез среди местного населения развернулся только в 1923 г.⁸¹ В Коми автономной области в силу тех же причин до конца 1921 г. обучением грамоте были охвачены только те жители, кто знал разговорный русский язык.⁸² Отсутствовала письменность у курдов, населявших ряд районов Армении, не было ее у кабардинцев и у многих других народов Кавказа и Закавказья, Крайнего Севера и Дальнего Востока. В Кабардинской области, для того чтобы быстрее развернуть обучение грамоте, в 1920 г. был выработан кабардинский алфавит. Это позволило сразу же приступить к ликбезу, что имело особенно важное значение в условиях этой небольшой области, где в 1920 г. грамотных среди кабардинцев насчитывалось 2,1%, а у балкарцев — всего 0,9%. В дальнейшем, начиная с 1924 г., в области вместо арабского шрифта был введен шрифт на латинской графической основе, над созданием которого в 1921 г. начал трудиться выпускник Петроградского университета Т. А. Шерлоков.⁸³

Успехи в обучении грамоте населения за 1920—1921 гг. были весьма значительны: только за полтора года существования Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликбезу на 88,5 тыс. ликпунктов под руководством 200 тыс. преподавателей и инструкторов научились читать и писать свыше 4,8 млн человек.⁸⁴

Хозяйственные трудности 1921—1922 гг. и святие большинства культурно-просветительских учреждений с государственного бюджета резко сказались на работе по ликбезу. Число пунктов ликвидации неграмотности сократилось к середине 1922 г. в среднем на каждый уезд со 105 до 5, а количество школ грамоты на территории РСФСР уменьшилось на 22%. Особенно заметно сказались эти последствия в национальных районах. Так, в Удмуртии, где в 1920/21 учебном году было обучено 17 900 неграмотных,

⁷² Там же, стр. 294.

⁷³ Там же, стр. 293.

⁷⁴ П. И. Кабанов. Культурные преобразования в Курской области (1917—1967 гг.), стр. 19—21.

⁷⁵ Культурное строительство в Воронежской губернии (1918—1928 гг.), стр. 12.

⁷⁶ Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.); т. 1, стр. 101.

⁷⁷ Там же, стр. 105.

⁷⁸ Социалистическое строительство Казахской АССР. Экономико-статистический справочник за 1920—1935 гг. М.—Алма-Ата, 1936, стр. 291.

⁷⁹ Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.), т. 1, стр. 112—113.

⁸⁰ История таджикского народа, т. III, кн. 1, стр. 149.

⁸¹ Культурное строительство Адыгеи (1922—1937 гг.), стр. 14.

⁸² Я. Н. Безносиков. Культурная революция в Коми АССР, стр. 57.

⁸³ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1967, стр. 141—143.

⁸⁴ М. С. Андреева. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительской работы в СССР (1917—1933 гг.), стр. 43.

в следующем году — только 500.⁸⁵ Сократилась работа по ликбезу в Сибири, Поволжье, в центральных губерниях.⁸⁶

На помощь делу ликбеза пришли общественные организации, широкие слои трудящегося населения Советской страны. Важное значение приобретает возникшее еще в предыдущие годы рабочее шефство. В Петрограде в 1922 г. из 149 школ ликбеза 85 были прикреплены к фабрикам и заводам. В Москве предприятия шефствовали над 272 такими школами.⁸⁷ Значительную помощь органам ликбеза на селе рабочий класс стал оказывать через «Всероссийское общество культурной смычки», развернувшее разнообразную шефскую работу.⁸⁸

Проходивший в декабре 1922 г. X Всероссийский съезд Советов по специальному докладу Наркомпроса РСФСР обязал все советские учреждения оказывать всемерное содействие ликбезу, обратив особое внимание на обучение грамоте молодежи. Вскоре после съезда ряд губисполкомов, рассмотрев состояние дела ликбеза, наметил конкретные задачи по его улучшению и развитию.⁸⁹

На местах население энергично поддержало призыв об оказании помощи ликбезу. Так, в 1922/23 учебном году население Пермской и Челябинской губерний содержало на свои средства 344 ликпункта из имевшихся 426. Фабрики и заводы Екатеринбургской и Пермской губерний взяли на свой бюджет 247 пунктов ликбеза.⁹⁰

С конца 1922 г. сеть учреждений ликбеза начинает вновь расширяться. К 1 апреля 1923 г. в РСФСР насчитывалось свыше 3 тыс. ликпунктов со 105-тыс. учащихся против 1 тыс. пунктов с 25 тыс. обучавшихся в них на 1 октября 1922 г.⁹¹

Исключительно важное значение для дальнейшего планомерного развертывания работы по ликбезу имели указания В. И. Ленина, сформулированные им в работе «Странички из дневника» на основе ознакомления с состоянием грамотности в Советской России по материалам вышедшего в 1922 г. обзора Центрального статистического управления «Грамотность в России». «Оказалось, — писал Ленин, — что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс

⁸⁵ В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность, стр. 106.

⁸⁶ Л. С. Фрид. Очерки по истории культурно-просветительной работы в РСФСР (1917—1929 гг.). Л., 1941, стр. 93.

⁸⁷ М. С. Андреева. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917—1933 гг.), стр. 45.

⁸⁸ В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность, стр. 118—119.

⁸⁹ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939, стр. 272.

⁹⁰ Культурная революция на Урале, стр. 17—18.

⁹¹ М. С. Андреева. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917—1933 гг.), стр. 47.

наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным».⁹² Ленин подчеркнул, что, для того чтобы покончить с неграмотностью, необходимо увеличить государственные расходы на нужды народного образования, улучшить материальное положение учителей, развивать рабочее шефство над селом, шире привлекать к этому делу всех грамотных людей. В. И. Лениным была выдвинута идея составления перспективного плана ликвидации неграмотности. Проект такого плана, разработанный Главполитпросветом, был в мае 1923 г. обсужден на II Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности. Было решено к 10-летию Октябрьской революции полностью ликвидировать неграмотность населения РСФСР в возрасте от 18 до 35 лет.

Это решение было поддержано ЦК РКП(б) и Советским правительством. Декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 14 августа 1923 г. «О ликвидации неграмотности» признал эту задачу «наиболее важной и ударной задачей народного просвещения в настоящих условиях, тесно связанной с хозяйственным возрождением страны», определил с осени 1923 г. твердую сеть школ ликбеза и малограмотных, что создало прочную государственную основу для решения исторической задачи ликвидации такого тяжелого наследства, как массовая неграмотность населения.⁹³

Успехи в борьбе с неграмотностью, достигнутые за 1920—начало 1923 гг., имели важное политическое и народно-хозяйственное значение. Сотни тысяч рабочих и крестьян, овладев грамотой, получили возможности приобщения к знаниям для сознательного участия в строительстве социализма. Политико-просветительная работа, которая составляла неотъемлемую часть работы по обучению неграмотных и малограмотных, способствовала вовлечению трудящихся в политическую и общественную жизнь страны, одним из самых выдающихся событий которой явилось образование Союза Советских Социалистических Республик.

В сложных условиях протекала в начале восстановительного периода жизнь советской общеобразовательной школы.

С целью определения конкретных задач по реализации принятой на VIII съезде партии программы в области народного образования в конце 1920—начале 1921 г. Центральный комитет РКП(б) провел партийное совещание по вопросам школьного строительства. Было решено в качестве основного типа признать 7-летнюю школу вместо 9-летней; старшие же классы сливались с профтехническими школами.⁹⁴ Установленное в результате

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 363.

⁹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства за 1923 г., № 72, стр. 706.

⁹⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII: М., 1967, стр. 284.

временное снижение возрастной нормы общего образования с 17 до 15 лет объяснялось крайне тяжелым экономическим положением страны, огромной культурной отсталостью масс, особенно нерусских народов национальных окраин, необходимостью ускоренной подготовки кадров для народного хозяйства.

В 1921—1922 гг. общеобразовательная школа была переведена в основном на местный бюджет. На помощь школе пришла советская общественность, что позволило несколько смягчить последствия вынужденных мер в отношении финансирования школы и обеспечить продолжение ее нормальной работы. Трудящиеся стали проводить в помощь школе специальные субботники, сбор средств, заготовку топлива, ремонт школ. В сельской местности во многих местах вводятся натуральное самообложение и трудовая повинность крестьян для нужд школы.

X губернский съезд Советов Воронежской губернии обязал уездные и волостные исполкомы Советов провести в первой половине 1922 г. все необходимые меры для подготовки школ к новому учебному году, обеспечить рациональное использование учителей в сократившейся несколько сети школ.⁹⁵ В соседней Курской губернии к февралю 1922 г. школы получили от населения 197 тыс. пудов хлеба и свыше 155 тыс. руб. деньгами.⁹⁶ В Екатеринбургской губернии свыше 2,7 тыс. работников просвещения обеспечивались продовольственным пайком самим населением.⁹⁷

Несмотря на принимавшиеся меры, школьная сеть в течение 1922 г. заметно сократилась. В Нижегородской губернии, например, число учащихся в школах уменьшилось со 178,7 до 143,3 тыс.⁹⁸ На 40% сократилось количество учеников в общеобразовательных школах Пермской, Челябинской и Екатеринбургской губерний.⁹⁹ Трудное положение сложилось в национальных районах, где школьная сеть, возникшая в основном уже в годы Советской власти, еще не окрепла, где ощущался острый дефицит учителей и приходилось преодолевать яростное сопротивление введению светской школы со стороны мусульманского духовенства. Так, на территории Дагестана, где в середине 1920 г. было создано 900 школ с 32 тыс. учеников, в 1922 г. осталось всего 117 школ, с 9,2 тыс. обучавшимися в них детьми.¹⁰⁰

⁹⁵ Культурное строительство в Воронежской губернии (1918—1928 гг.), стр. 45—46.

⁹⁶ П. И. Кабанов. Культурные преобразования в Курской области (1917—1967 гг.), стр. 16.

⁹⁷ Культурная революция на Урале, стр. 32.

⁹⁸ А. К. Желтов. Народное образование в Горьковской области за 30 лет. Горький, 1948, стр. 29.

⁹⁹ Культурная революция на Урале, стр. 31.

¹⁰⁰ История Дагестана. Т. III. М., 1968, стр. 190.

На треть сократилась сеть школ и число учащихся в них в Чувашии.¹⁰¹

Но никакие трудности не могли сдержать тягу к образованию со стороны народов, освободившихся в результате Великой Октябрьской социалистической революции от бесправия, темноты и культурной дискриминации. В Удмуртии в начале 1923 г. из 488 школ 300 содержалось за счет крестьян, в значительной части удмуртов, дети которых к этому времени составляли до 50% учащихся школ.¹⁰² Несмотря на сопротивление мусульманского духовенства, местных националистов, уже в 1922 г. открываются первые 37 начальных и средних школ на территории Бухарской Народной Республики; были открыты там и 3 специальные женские школы.¹⁰³ С весны 1921 г. начали работать первые пять школ в кишлаках Таджикистана. Тогда же в Душанбе открылись первые курсы для подготовки учителей.¹⁰⁴

Неоценимую помощь делу школьного строительства в наиболее отсталых, национальных районах страны оказали братские народы РСФСР.

В Ташкенте, в Узбекском институте просвещения было заброшено 25 мест на подготовительном отделении для слушателей из Бухарской республики — узбеков и таджиков. Туркмены из этой республики обучались в Туркменском институте просвещения, также находившемся в Ташкенте.¹⁰⁵ С 1920 г. в Ташкенте начинается издание школьных учебников на туркменском языке.¹⁰⁶ Центральные органы РСФСР и Туркестанской АССР оказывали большую помощь школьному строительству на территории бывших Бухарского эмирата и Хивинского ханства — самых отсталых в политическом, экономическом и культурном отношениях районах Средней Азии. Из Ташкента в Хиву были направлены первые 10 педагогов, а также учебные пособия на 1 тыс. учащихся. Помощь из РСФСР и Ташкента позволила создать общеобразовательную школу на территории бывшего Хивинского ханства: весной 1923 г. там действовало уже 29 узбекских, таджикских и туркменских школ, в которых обучалось свыше 1300 детей. Для подготовки учителей правительство РСФСР в 1921 г. отпустило Хивинской Народной Республике ссуду в 40 млн руб. В 1921 г. были открыты учительские институты в Бухаре и Чарджоу.¹⁰⁷

¹⁰¹ П. М. Михайлов. Культурная революция в Чувашии, стр. 13.

¹⁰² Культурное строительство в Удмуртии, стр. 9, 133.

¹⁰³ История таджикского народа, т. III, кн. 1, стр. 148.

¹⁰⁴ Там же, стр. 148—149.

¹⁰⁵ История Туркменской ССР. Т. II (апрель 1917—1957). Ашхабад, 1957, стр. 265.

¹⁰⁶ Там же, стр. 269.

¹⁰⁷ История Туркменской ССР, т. II, стр. 264—266.

С целью ускоренной подготовки учителей во многих национальных районах создаются краткосрочные курсы: в Туркменской АССР,¹⁰⁸ в Дагестане,¹⁰⁹ в Киргизии,¹¹⁰ Кабардино-Балкарии¹¹¹ и в других автономных республиках и областях. С 1922/23 учебного года сеть подобных курсов постепенно начинает заменяться педагогическими техникумами, которые и стали на многие годы основным типом учебного заведения для подготовки учителей национальных школ.

Создание сети национальных школ позволило увеличить приток в общеобразовательные школы населения коренной национальности. Вслед за начальными школами во многих национальных районах появляются и средние школы с обучением на родном языке. Так, в Казахстане, где до Октябрьской революции детей казахов в средней школе почти не было, в 1922/23 учебном году около 2 тыс. мальчиков и девочек казахов училось в средней школе.¹¹²

Успехи в работе по ликвидации массовой неграмотности населения, развитие советской общеобразовательной школы создавали возможности для развертывания работы по решению одной из важнейших проблем социалистического строительства — проблемы высококвалифицированных кадров специалистов. Острота и значение этой проблемы после окончания гражданской войны и интервенции, в период перехода Советской страны к мирному созидательному труду, определялась двумя обстоятельствами: во-первых, часть старой интеллигенции по-прежнему проявляла враждебное или выжидательное отношение к новому общественному строю, и поэтому использование ее Советским государством наталкивалось на известные трудности; во-вторых, переход к восстановительным работам и перспективы социалистического строительства настоятельно требовали подготовки новых кадров специалистов, преданных делу рабочего класса, достаточно многочисленных для того, чтобы возглавить все участки экономики и культуры.

Учет технических сил в стране, проведенный Народным комиссариатом труда в 1922—1923 гг., показал, что имелось 38 385 специалистов — значительно меньше, чем в 1913 г. Почти половина из них проживала в Петрограде и Москве.¹¹³ Особенно

недоставало специалистов в отдаленных районах страны: в Сибири, Средней Азии и Казахстане, на Севере.

Для того чтобы привлечь старых специалистов на сторону государства рабочих и крестьян, Советское правительство в течение 1920—1921 гг. принимает по инициативе В. И. Ленина ряд постановлений, предусматривавших улучшение материальных условий жизни деятелей науки и техники, инженерно-технического персонала (заработная плата, жилищные условия). По предложению В. И. Ленина Советским правительством была учреждена Центральная комиссия по улучшению быта ученых — ЦЕКУБУ, которая сделала очень много для улучшения условий труда и быта ученых.¹¹⁴ Эти меры позволили привлечь значительную часть специалистов на работу в органы народного хозяйства и культуры.

Вместе с тем часть интеллигенции оказывалась вовлеченной в действия, направленные против власти рабочих и крестьян. Летом 1921 г. в Петрограде была раскрыта заговорщическая антисоветская группа, руководимая профессором Таганцевым, носившая название «Петроградской боевой организации»;¹¹⁵ в 1922 г. с призывом отказываться от содействия Советскому государству выступила Всероссийская ассоциация инженеров, объединившая верхушку технической интеллигенции страны. Сильным было среди интеллигенции и влияние идеологии «сменовеховства».¹¹⁶

Поэтому Советское государство, настойчиво и терпеливо привлекая на свою сторону лучших представителей старой интеллигенции, основной упор уже в первые годы мирного хозяйственного и культурного строительства делает на подготовку новых специалистов.

Утвержденные декретом Совнаркома РСФСР за подписью В. И. Ленина в августе 1918 г. правила приема в высшие учебные заведения отменяли плату за обучение, устанавливали систему стипендий, широко открывали доступ в высшую школу детям рабочих и крестьян. С целью скорейшего решения проблемы кадров технических специалистов уже в годы гражданской войны был учрежден ряд новых высших учебных заведений: Иваново-Вознесенский политехнический институт, Московская горная академия, Технологический институт в Брянске, Политехнический в Казани.¹¹⁷

Особое внимание Советское государство уделяло проблеме

¹⁰⁸ Там же, стр. 60.

¹⁰⁹ История Дагестана, т. III, стр. 190.

¹¹⁰ А. К. Каниметов, Р. Р. Айнекенов. Развитие высшего образования в Киргизии за годы Советской власти. Фрунзе, 1966, стр. 10.

¹¹¹ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней, стр. 141.

¹¹² Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.), т. 1, стр. 168.

¹¹³ А. Бейли. Кадры специалистов в СССР, их формирование и рост. М., 1935, стр. 43.

¹¹⁴ С. А. Федюкин. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М., 1960, стр. 30.

¹¹⁵ В. Н. Лякин, П. П. Петров, К. Г. Рогов, Н. П. Чурсинов. Враг не достигнет цели. Л., 1963, стр. 24.

¹¹⁶ С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965, стр. 148—149.

¹¹⁷ А. М. Гак. В. И. Ленин и организация подготовки технических кадров, стр. 239—240.

развития высшего образования в национальных республиках. Декретом Азербайджанского революционного комитета в ноябре 1920 г. был образован Политехнический институт в Баку.¹¹⁸ В сентябре того же года открылся Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте, ставший первым центром подготовки высококвалифицированных специалистов в Средней Азии и Казахстане.¹¹⁹

С целью упорядочения дела подготовки технических кадров Советское правительство в течение 1919—1920 гг. осуществило ряд мер по улучшению организации и руководства деятельностью вузов. Большое значение имело учреждение декретом за подписью В. И. Ленина (от 29 января 1920 г.) при Наркомпросе РСФСР Главного комитета профессионально-технического образования — Главпрофобра, в ведение которого были переданы все технические учебные заведения РСФСР. К концу марта в ведении Главпрофобра находились 32 вуза. С целью ускорения выпуска специалистов был временно установлен 3-летний срок обучения в технических высших учебных заведениях.¹²⁰

В строительстве советской высшей школы и подготовке кадров трудовой интеллигенции заметную роль уже к пятой годовщине Советского государства играли рабочие факультеты при вузах — рабфаки. Возникнув еще на втором году существования власти рабочих и крестьян, в феврале 1919 г., когда активно развивался процесс демократизации высшей школы, рабфаки стали важнейшим средством подготовки рабочих и крестьянской молодежи для обучения по программам вузов. К концу 1919 г. в стране насчитывалось 12 рабфаков с 2149 слушателями. По мере освобождения от власти белогвардейцев Поволжья, Украины, Сибири, с восстановлением там Советской власти рабфаки появились в Омске, Томске, Уфе, Одессе, Тамбове и их число возрастало в течение 1920 г. до 45, а количество слушателей — до 14 тыс.¹²¹ Уже в 1921 г. состоялись первые выпуски из рабфаков, и высшая школа получила хорошо подготовленное пополнение из числа трудящейся молодежи.¹²² С целью координации и руководства деятельностью рабфаков при Наркомпросе РСФСР в 1920 г. был создан Отдел рабочих факультетов.¹²³ Внимательно следивший за

деятельностью рабфаков В. И. Ленин в феврале 1921 г. писал: «Предлагаю Малому СНК специально заняться вопросом о рабочих факультетах, всесторонне его рассмотреть и добиться максимального улучшения положения рабочих факультетов».¹²⁴

Большое внимание и забота о рабочих факультетах, проявленные Советским государством, обеспечили быстрое развитие их сети. В 1921/22 учебном году рабочие факультеты имелись во всех основных высших учебных заведениях. Общее число рабфаков достигло 64, в них обучалось 30 тыс. человек.¹²⁵

Создание рабфаков началось и во многих национальных республиках. На Украине к концу 1921 г. действовало 12 рабфаков.¹²⁶ В начале 1923 г. открылся первый рабфак в Армении — при Эриванском народном университете.¹²⁷ Свыше 700 слушателей насчитывал в 1923 г. рабочий факультет при Среднеазиатском университете в Ташкенте.¹²⁸

Деятельность рабфаков развертывалась в сложных и трудных условиях. Помимо общих трудностей — недостатка учебных помещений, топлива, учебных пособий, слушатели и преподаватели рабочих факультетов сталкивались с сопротивлением и пренебрежением со стороны части старой профессуры, администрации некоторых высших учебных заведений. Для рабфаковцев неоставалось общежитий, мало выделялось стипендий, отсутствовали программы и методические пособия. Но никакие препятствия не могли помешать быстрому развитию и укреплению рабочих факультетов, которые к 1922—1923 учебному году стали неотъемлемой и прочной частью крупнейших вузов страны.

Высшая школа с каждым годом получала все большее и большее пополнение из числа выпускников рабфаков: в 1920 г. их окончил немногим более 200 человек, в 1921 г. — 1919, в 1922 г. — 3641.¹²⁹ Их воспитанники, набравшиеся по строго классовому признаку, постепенно стали занимать все более широкое и прочное место в среде студенчества.

Создание широкой сети рабфаков и подготовительных курсов позволило значительно расширить прием в высшую школу. Уже в 1920 г. число учащихся в вузах превысило 216 тыс. против 112 тыс. в царской России в 1913 г.¹³⁰ Широко открылся доступ

¹¹⁸ Н. А. Пашаев. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана, стр. 70.

¹¹⁹ А. М. Гак. В. И. Ленин и организация подготовки технических кадров, стр. 240.

¹²⁰ Там же, стр. 246—247.

¹²¹ В. И. Бессонова. Создание и развитие рабочих факультетов в 1919—1921 гг. — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник статей. М., 1957, стр. 155—156.

¹²² А. М. Гак. В. И. Ленин и организация подготовки технических кадров, стр. 244.

¹²³ В. И. Бессонова. Создание и развитие рабочих факультетов, стр. 166.

¹²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 72.

¹²⁵ А. М. Гак. В. И. Ленин и организация подготовки технических кадров, стр. 244.

¹²⁶ Развитие украинской культуры за годы Советской власти, стр. 55.

¹²⁷ К. С. Худавердян. Культурная революция в Советской Армении (1920—1940), стр. 143.

¹²⁸ История Узбекской ССР. Т. III. Ташкент, 1967, стр. 375.

¹²⁹ В. И. Бессонова. Создание и развитие рабочих факультетов, стр. 176.

¹³⁰ Культурное строительство СССР, стр. 105.

в высшую школу для женщин. В Первом московском государственном университете они составляли в 1920 г. почти 40%.¹³¹

1920—1923 гг. были ознаменованы быстрым развитием высшего образования в национальных республиках. В Эривани в конце 1920 г. начинает работу университет, все попытки открытия которого в период господства дашнаков не увенчались успехом. Год спустя в составе Эриванского университета открылся педагогический факультет, ставший центром подготовки учительских кадров для армянских школ.¹³² В Баку решением правительства Азербайджанской ССР от 26 августа 1921 г. был создан педагогический институт. Тогда же открывается и Азербайджанский институт дошкольного воспитания, вскоре преобразованный в Женский педагогический институт.¹³³ Более 57 тыс. студентов обучалось к концу 1920 г. в 38 вузах Украины (против 19 до Октябрьской революции).¹³⁴

Значительное число молодежи из национальных районов, особенно из Средней Азии, стало направляться на учебу в крупные вузовские центры. В 1923 г. из Бухарской Народной Республики на учебу в вузы Москвы выехало 500 юношей и девушек местных национальностей.¹³⁵ Ежегодно большие группы учащихся из республик Средней Азии принимал Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве (КУТВ), коммунистические университеты Свердловска, Харькова, Казани. Так, осенью 1923 г. из Туркестанской АССР на учебу в КУТВ было направлено 24 узбека, 24 туркмена, 29 казахов, киргизов и представителей других национальностей.¹³⁶

Становление и развитие советской высшей школы в первые годы восстановительного периода проходило в обстановке серьезных трудностей. В 1921—1922 гг. особенную остроту приобрел вопрос об отношениях со старой профессурой. Политбюро ЦК РКП(б) вынуждено было 2 февраля 1922 г. специально рассмотреть вопрос о положении в вузах и об ошибках, допущенных в этом отношении руководством Главпрофобра.¹³⁷

Для того чтобы парализовать распространение в среде студентов буржуазной идеологии, противостоять нэпманским настрое-

ниям, воспитывать будущих специалистов в духе марксистско-ленинского мировоззрения, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли специальные меры по перестройке преподавания общественных наук, усилению воспитательной работы в высшей школе. В марте 1921 г. по инициативе В. И. Ленина были приняты декреты «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» и «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов». Во всех вузах было введено преподавание исторического материализма, истории пролетарской революции, истории Советского государства и права, экономической политики диктатуры пролетариата. Открытие в 1921 г. Института красной профессуры позволило начать широкую подготовку преподавательских кадров для высшей школы.¹³⁸ Большую роль в становлении и укреплении высшей школы играли партийные организации вузов. Создание в 1922 г. Центрального и губернских бюро коммунистического студенчества «в целях учета опыта работы комстуденчества и использования его партийей в деле строительства высшей школы, а также для политико-просветительной работы среди беспартийного студенчества, вовлечения его в дело содействия строительству высшей школы и укрепления материального быта студенчества» позволило объединить усилия студентов-коммунистов для решения стоявших перед советской высшей школой задач.¹³⁹

Ко времени создания СССР высшая школа Советской страны уже несколько стабилизировалась в своей деятельности и успешно решала задачу подготовки кадров новой советской интеллигенции. Чрезвычайно важное значение имел и тот факт, что в результате предпринимавшихся партией и правительством мер социальный состав студенчества резко изменился. В 1923 г. половину принятых в вузы составили рабочие и крестьяне, около 44% — представители трудовой интеллигенции; всего 6% новых студентов было из семей нетрудовых элементов,¹⁴⁰ и для них была установлена плата за обучение.

Исключительно большое внимание уделяли Советское государство, лично В. И. Ленин вопросам развития печати. В 1921—1923 гг. было сделано очень многое для укрепления печати, ее массовости, для повышения воспитательного значения печати.

¹³¹ В. В. Украинцев. КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963, стр. 65.

¹³² К. С. Худавердян. Культурная революция в Советской Армении (1920—1940), стр. 55, 121.

¹³³ История Азербайджана. Ч. I. Баку, 1963, стр. 452.

¹³⁴ Развитие украинской культуры за годы Советской власти, стр. 31, 33.

¹³⁵ История Туркменской ССР. Т. II. Ашхабад, 1957, стр. 267.

¹³⁶ История Узбекской ССР, т. III, стр. 377.

¹³⁷ Э. Б. Гейкина. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923, стр. 428—429.

¹³⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VIII, стр. 274—275.

¹³⁹ Л. А. Шилов. Создание и укрепление партийных организаций вузов и их участие в борьбе за политическое завоевание высшей школы в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). — Вестник ЛГУ, 1965, № 3, стр. 18.

¹⁴⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VIII, стр. 274.

Особенно важное значение имел факт появления именно в этот период во всех наиболее крупных национальных республиках периодической печати и книгоиздательства на родном языке.

В. И. Ленин, придававший всегда огромное значение печати, выдвигал в вопросы распространения газет и журналов, неоднократно давал указания о направлении и содержании ряда центральных газет, подчеркивая при этом необходимость широкого освещения и обобщения в печати местного опыта политической, советской, хозяйственной, культурной работы.¹⁴¹

В конце 1921 г., когда была введена платность всех периодических и непериодических изданий, перед печатью были поставлены новые задачи. Особенно остро стоял вопрос о контроле за деятельностью частных издательств, число которых в связи с введением нап быстро возрастало. Когда в конце 1921 г. на основании решения ЦК РКП(б) организуется Политотдел Госполитиздата для обеспечения контроля за содержанием издававшихся книг, газет и журналов, Политбюро ЦК в присутствии В. И. Ленина дало директиву руководителю этого отдела, старому большевику Н. Л. Мецгеру: «Указать т. Мецгеру, что он ни в коем случае не должен ограничивать в печатании книг темп, кто сочувствует марксизму, Коминтерну и т. п., но в то же время не допускать изданий явно реакционных направлений, к каковым причисляются книги религиозные, мистические, антинаучные, политически враждебные и т. п.»¹⁴²

Остро стоял вопрос о тиражировании изданий, так как ощущался недостаток бумаги, типографий. В 1922 г. в связи с общими экономическими и финансовыми трудностями временно сокращаются число и тиражи многих периодических изданий. Если на первое января в стране издавались 833 газеты общим тиражом 2659 тыс. экземпляров, то к середине года число газет было сокращено до 360, а их общий тираж — до 1051 тыс. экземпляров.¹⁴³

В этих условиях особенно важное значение приобрел вопрос о содержании, политическом лице, о силе воздействия на советского читателя выпускавшихся газет и журналов. XI съезд партии, принявший специальное постановление «О печати и пропаганде», указав, что в обстановке проведения нап усилилось буржуазное влияние не только на мелкобуржуазные слои населения, но и на наиболее отсталую часть пролетариата, признал необходимым усилить внимание к печати, направить на работу

в редакции наиболее подготовленных работников.¹⁴⁴ Широко развивалось в этой связи рабселькорское движение. Было организовано издание ряда партийно-политических, научно-популярных и литературно-художественных журналов. С 1921 г. стал выходить журнал «Пролетарская революция», специально посвященный проблемам истории большевистской партии. В 1922—1923 гг. начали издаваться такие журналы, как теоретический журнал «Под знаменем марксизма», журнал для молодежи «Молодая гвардия», журналы «Коммунистическая революция» и «Печать и революция», литературно-художественные журналы «Новый мир», «Октябрь» и ряд других. Госиздат предпринял издание серий книг по самым различным проблемам: «Библиотека марксизма», «Библиотека материализма», «Научно-популярная библиотека», серии книг всемирной и русской классики и другие. По решению ЦК РКП(б) издательство Главполитпросвета было реорганизовано в специальное партийное издательство популярно-агитационной, антирелигиозной и марксистской литературы.¹⁴⁵

Перед газетами была поставлена задача — перейти к широкой пропаганде производственных вопросов, повседневно освещать хозяйственную жизнь, быт и труд рабочих и крестьян.

Огромное значение для дальнейшего развития советской государственности, для подготовки строительства единого многонационального союзного государства имело создание и развитие печати в национальных республиках. Еще в 1919 г. В. И. Ленин писал: «Мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке».¹⁴⁶ Исходя из этого, X съезд партии в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» указал на необходимость помочь всем народам создать «у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке».¹⁴⁷

Бурно развивалась печать на Украине. В начале 1921 г. на территории этой республики издавалось 30 газет, журналов, периодических бюллетеней. Стал выходить Орган ЦК КП(б) У — журнал «Коммунист», газеты «Пролетарий» и «Сельская правда», специальная газета «Молодое село», рассчитанная на сельскую молодежь. С 1922 г. стал издаваться журнал «Литература, наука, искусство». Быстро росли тиражи книг: уже в 1921 г. были изданы книги 987 названий общим тиражом 4,3 млн экземпляров.¹⁴⁸

¹⁴¹ Э. Б. Гелкина. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923, стр. 432—433.

¹⁴² Там же, стр. 437.

¹⁴³ А. К. Белков. Большевицкая печать в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. М., 1950, стр. 5.

¹⁴⁴ КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 361—362.

¹⁴⁵ Там же, стр. 362.

¹⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 114.

¹⁴⁷ КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 252.

¹⁴⁸ Развитие украинской культуры за годы Советской власти, стр. 65, 67.

С целью организации выпуска литературы на местных языках в Азербайджане в 1921 г. при Наркомпросе был создан издательский отдел, преобразованный вскоре в республиканское государственное издательство.¹⁴⁹ Из 108 наименований книг, вышедших в АзССР за 1920—1923 гг., 89 были на азербайджанском языке.¹⁵⁰ В эти годы в республике газеты издавались уже на трех языках: азербайджанском, русском и армянском.¹⁵¹ Начавшее в 1921 г. свою деятельность Государственное издательство Армении выпустило в течение этого года первые 10 книг на родном языке.¹⁵² С конца 1920 г. стала издаваться на дагестанском языке газета «Советский Дагестан». Затем начали выходить газеты и на других языках народов, населяющих Дагестан: кумыкском, аварском, лакском, азербайджанском.¹⁵³ В 1921 г. появилась первая газета на туркменском языке — «Туркменистан».¹⁵⁴

Там, где оказывалось невозможным сразу организовать издание газет и книг на местных, национальных языках в силу отсутствия необходимых кадров, шрифтов, сначала предпринималось издание газет для местного населения на русском языке, а затем по мере возможности организовывалось издание газет, журналов, книг на национальных языках. Именно так обстояло дело первоначально в Киргизии,¹⁵⁵ Коми крае,¹⁵⁶ Туркмении.¹⁵⁷

Популярность советской печати росла чрезвычайно быстро, ее основными читателями все больше и больше становились трудящиеся города и деревни. Газета, журнал, книга были мощными проводниками влияния Коммунистической партии, пропаганды научного мировоззрения, активными участниками хозяйственного и культурного строительства, развертывавшегося в Советской стране в период создания СССР.

В арсенале средств и каналов политического воспитания и культурного роста широких народных масс ко времени образования Союза Советских Социалистических Республик появляется и радио. 21 октября 1922 г. началась эксплуатация построенной в Москве первой в Советской России радиотелеграфной ламповой станции. Уже 17 октября через эту станцию был

передан большой радиоконцерт, в котором приняли участие А. В. Нежданова, Н. А. Обухова, Б. М. Евлахов. Вскоре через московскую станцию налаживается регулярная передача последних известий, политической информации,¹⁵⁸ всего того, что В. И. Ленин определял как «газета без бумаги и без расстояний».¹⁵⁹

Благодаря вниманию со стороны В. И. Ленина в начале 20-х годов в Советской стране стала развиваться звукозапись. Отдел звукозаписи Центропечати уже к началу 1920 г. записал на грамофонные пластинки выступления около сорока видных деятелей партии и Советского государства — М. И. Калинина, К. Цеткин, Л. Б. Красина, Н. В. Крыленко, Н. А. Семашко, Н. И. Подвойского и др. Особенно большой заслугой работников звукозаписи была запись на пластинки тринадцати речей В. И. Ленина, осуществленная в течение 1919—1921 гг. и сохранившая для грядущих поколений живой голос Ильича.¹⁶⁰

В трудных и сложных условиях, когда имевшиеся скудные средства и силы направлялись в первую очередь на решение самых неотложных нужд культурного строительства — ликвидация, общеобразовательная школа, организация подготовки кадров новых специалистов, — Советское государство находило возможности и для решения проблемы становления и развития советского искусства: театра, музыки, кино, изобразительных искусств. Бережное сохранение и критическое использование лучших достижений искусства прошлого, формирование нового, социалистического искусства, основанного на принципах реализма и партийности, всемерная поддержка национального искусства — по этим линиям осуществлялось государственное руководство развитием искусства Советской страны.

Ярким выражением большой заботы рабоче-крестьянской власти о культурных богатствах явилось создание с 1 января 1920 г. централизованного управления государственными театрами — Большим, Малым, Художественным в Петрограде, которые стали именоваться академическими — в признание их огромного значения как центров театральной культуры.¹⁶¹

Театр, музыка, кинематография, изобразительное искусство становятся ареной борьбы нового, созвучного времени и потребностям широких народных масс искусства со всякого рода «левацкими» направлениями, выражением которых являлись, в частности, идеология и практика «Пролеткульта», деятели ко-

¹⁴⁹ Н. А. Пашаев. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана, стр. 107.

¹⁵⁰ Народное образование в Азербайджане в 1920—1927 гг. Баку, 1928, стр. 99—100.

¹⁵¹ Там же, стр. 115.

¹⁵² К. С. Худавердян. Культурная революция в Советской Армении (1920—1940), стр. 75.

¹⁵³ История Дагестана, т. III, стр. 119.

¹⁵⁴ История Туркменской ССР, т. II, стр. 269.

¹⁵⁵ К. Каракеев. Из истории культурного строительства в Киргизстане. Фрунзе, 1968, стр. 123—124.

¹⁵⁶ Я. Н. Безносиков. Культурная революция в Коми АССР, стр. 97—98.

¹⁵⁷ История Туркменской ССР, т. II, стр. 262.

¹⁵⁸ Э. Б. Генкина. Ленин — председатель Совнаркома и СТО, стр. 131.

¹⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 130.

¹⁶⁰ Л. Ф. Волков-Ланит. Голос, сохранившийся навеки. М., 1960, стр. 19, 24.

¹⁶¹ Г. А. Хайченко. Путь советского театра. М., 1967, стр. 9.

торого отвергали значение наследства прошлого для социалистической культуры. В то же время приходилось вести борьбу и с различными мелкобуржуазными течениями в искусстве, число которых умножилось в связи с проведением нэпа, сказываясь в первую очередь на театре, где возникло множество частных предприятий, а частично и в кино.

Государственная поддержка дала возможность сформироваться в эти годы многим театральным и музыкальным коллективам, ставшим в последующий период гордостью советского искусства: симфоническому оркестру Петроградской филармонии, Театру им. Вахтангова, Театру им. И. Я. Франко и Театру им. М. К. Заньковецкой на Украине, Театру им. Ш. Руставели в Грузии, Белорусскому государственному театру драмы, Армянскому драматическому театру им. Г. Суицкяна и многим другим. Появились национальные театры в Узбекистане, Татарии, Чувашии, Якутии, Азербайджане и в других национальных республиках. На сценах театров ставились первые пьесы советских драматургов, в концертных залах звучали новые произведения Р. М. Глиэра, Н. Я. Мясковского, посвященные героическому прошлому Родины, революции.

С рядом созвучных эпохе работ выступили также старые мастера изобразительных искусств, как В. К. Кустодиев, К. Юон, Г. Петров-Водкин, А. П. Остроумова-Лебедева. С именем И. Бродского, сделавшего в начале 20-х годов несколько прижизненных зарисовок В. И. Ленина, в дальнейшем было связано основание Лениннаны в изобразительном искусстве.¹⁶² После того как X съезд партии в резолюции «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» указал на необходимость широко привлекать в этих целях кино,¹⁶³ в стране развернулась работа по созданию государственной сети кинематографов, был организован прокат первых советских художественных фильмов.

После принятия в августе 1920 г. ВЦИК и Совнаркомом РСФСР специального постановления «О музейном строительстве» во многих городах открылись новые музеи, в коллекции которых поступило большое количество предметов искусства из бывших помещичьих усадеб, домов городских богачей. Первые музеи, художественные студии, музыкальные школы возникали в республиках Закавказья, Средней Азии, где искусство впервые стало предметом государственной заботы, средством приобщения широких масс трудящихся всех народов к сокровищам культуры.

В трудных и сложных условиях перехода к мирному хозяйственному строительству в Советской стране развернулась раз-

нообразная по формам и методам, охватывавшая все важнейшие стороны культурной жизни работа. В течение нескольких лет были сделаны первые шаги по ликбезу, развивалась общеобразовательная школа, в том числе национальная, было приступлено к решению неотложных задач по подготовке кадров новой, социалистической интеллигенции, большой размах приобрели различные формы культурно-просветительной работы, заметные достижения наблюдались в развитии литературы и искусства.

Деятельность Коммунистической партии и Советского государства в области культуры в 1920—1923 гг. имела важное значение для политического воспитания рабочих и крестьян, способствуя популяризации и разъяснению политики Коммунистической партии, преодолению национальной разобщенности, и стала важным фактором интернационального воспитания трудящихся всех наций и народностей, объединившихся в декабре 1922 г. в единое союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Успехи культурного строительства в начале 20-х годов сыграли заметную роль в подготовке решающего наступления на фронте культурной революции, широко развернувшейся в последующий период, и которая привела к замечательному расцвету культуры всех народов Советского Союза. «За полвека существования СССР у нас сложилась и расцвела единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины. В то же время любая из советских национальных культур питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их».¹⁶⁴

Дальнейшие успехи в развитии советской социалистической культуры закладывают основы новой, коммунистической культуры, которая служит трудящимся всех наций и народностей.

¹⁶² Искусство, рожденное Октябрем. М., 1967, стр. 14, 15, 29.
¹⁶³ КПСС в резолюциях... т. 2, стр. 243.

¹⁶⁴ Л. Н. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 21.

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ

Ленинское учение о государстве диктатуры пролетариата, истории его становления и развития в нашей стране, а также о сущности советской политической системы является объектом ожесточеннейших атак со стороны буржуазных социологов. Против ленинской концепции Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, т. е. орудия в руках рабочего класса для построения социализма, не менее рьяно выступали и выступают правые социалисты, оппортунисты и ревизионисты всех мастей. Сразу же после установления в России Советской власти «опровергнуть» ее соответствие марксизму поспешили меньшевики, а вслед за ними К. Каутский. Выдвинутая ими и позднее трансформированная Троцким и Зиновьевым фальшивая формула «диктатура партии», искажающая действительные взаимоотношения между рабочим классом и его политическим авангардом, была призвана обосновать капитулянтский тезис о невозможности построения социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране — в России. С нападками на советскую систему государственной власти выступили и деятели «рабочей оппозиции», которые с анархо-синдикалистских позиций доказывали необходимость устранения Коммунистической партии и Советского государства от руководства экономикой.¹

Ныне в роли главных критиков ленинского учения о государстве диктатуры пролетариата подвизаются преимущественно буржуазные идеологи. Естественно, что многие схемы, идеи, методы этой критики взяты ими из арсенала противников ленинской концепции Советской власти прошлого: от Каутского до оппозиционеров в рядах РКП(б). Это особенно характерно для буржуазной исторической науки и так называемой «советологии», подвешивающих нападкам историю Советского государства последних лет с использованием некоторых «исторических» штампов. Раз-

¹ См. подробнее: В. М. Курцын. Критика левооппортунистических извращений ленинского учения о социалистическом государстве. — Вопросы истории КПСС, 1969, № 8, стр. 18—31.

мах «работы» буржуазных идеологов на этом поприще весьма велик. Появляются десятки книг «советологов» о прошлом и настоящем Советского государства и советской политической системы, в которых ставятся вопросы о сущности и классовой природе этого государства на разных этапах его развития, об особенностях его социальной, экономической и политической жизни.

Советские юристы, философы, экономисты сделали немало для опровержения буржуазных концепций, призванных объяснить с антикоммунистических позиций сущность Советского государства на современном этапе его развития, характер его экономики, политики, идеологии, особенности советской политической системы.² Достижения советской исторической науки в этой области скромнее. Труды, в которых дается критика работ буржуазных историков о сущности Советского государства и его классовой структуре, пока еще весьма малочисленны.³

Между тем, ознакомление с произведениями буржуазных историков показывает, что именно буржуазная историография весьма активно проявляет себя в постановке и изучении указанных проблем и создает схемы и концепции, используемые «советологами» для искажения этих вопросов уже применительно к современной политической системе СССР.⁴ Особенно заметен интерес современной буржуазной историографии к вопросу о сущности Советской власти в начале 20-х годов, в период, который характеризовался чрезвычайно сложным экономическим, социальным, политическим положением Советской России, рядом весьма существенных изменений в положении классов, поворотом к новой экономической политике, созданием многонационального Союза ССР.⁵

² См.: В. Ф. Цага. Современные псевдонаучные теории социализма. М., 1966; М. Н. Перфильев. 1) Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., 1968; 2) Народ и партия едины. (Против буржуазных «советологических» спекуляций). М., 1971; Ленинское учение о диктатуре пролетариата. М., 1970, стр. 11—12, 17, 100, 114, 154, и др.

³ См.: В. М. Харламова. Разоблачение буржуазной фальсификации взаимоотношений КПСС с массовыми организациями трудящихся. — В кн.: Против фальсификации истории КПСС. М., 1964, стр. 87—130; И. В. Щербань. Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период. — В кн.: Страницы великого пути. Из истории борьбы партии за победу коммунизма. Ч. II. М., 1969, стр. 96—125.

⁴ Такова, например, концепция так называемого «тоталитаризма», подробная критика которой содержится в статье Е. Чехарина «Теоретические спекуляции идеологов антикоммунизма. О буржуазной критике политической организации социалистического общества». (Коммунист, 1969, № 10, стр. 101—112).

⁵ Последний вопрос, включая и проблему национальной политики КПСС, также вызывающий повышенный интерес буржуазной историографии, уже был предметом серьезного критического анализа в работах советских авторов. См., например: М. П. Росенко. Извращение принципов ленинской национальной политики в СССР — составная часть современного антикоммунизма. — В кн.: Против буржуазной фальсификации

Все это делает актуальной предпринятую в данной статье попытку проследить и подвергнуть критическому рассмотрению трактовку в современной буржуазной историографии ряда вопросов, касающихся сущности и классовой природы Советского государства в начале 20-х годов.⁶ Выявление основных направлений в интерпретации этой проблемы буржуазными авторами тем более необходимо, что наибольшему искажению подвергаются те вопросы, которые недостаточно изучены советской исторической наукой.⁷

Советское государство, возникшее в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, является орудием диктатуры пролетариата. Свергнутые в ходе этой революции эксплуататорские классы используют все силы и средства, чтобы реставрировать свое господство, оказывают повой власти отчаянное сопротивление. Диктатура пролетариата, действуя как государственная власть, вынуждена пресекать все эти попытки. Но государство диктатуры пролетариата не исчерпывает свое назначение подавлением сил старого порядка, оно выступает организатором строительства нового общества и в этом смысле является государством переходного периода от одной общественно-экономической формации к другой.

Диктатура пролетариата есть прежде всего понятие государственное. Это государство, в котором пролетариат организуется как господствующий класс. Учение о диктатуре пролетариата является продолжением и логическим завершением марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе, о революционно-преобразующей роли пролетариата в истории, о его гегемонии в революции. Пролетариат выступает в качестве гегемона революционной борьбы трудящихся еще в условиях капитализма. При этом вовсе не обязательно, чтобы он составлял большинство населения страны. Его сила, его способность стать во главе этой борьбы неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения. «Это — потому, — писал В. И. Ленин, — что пролетариат экономически господствует над центром и первым всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что

истории советского общества. Л., 1967; И. С. Зенушкина. Советская национальная политика и буржуазные историки. (Становление советского многонационального государства (1917—1922 годы) в современной американской историографии). М., 1971, и др.

⁶ В основу работы положено рассмотрение главным образом английской и американской исторической литературы, которая в настоящее время в значительной мере определяет характер изучения истории СССР всей западной буржуазной историографией.

⁷ Оценивая советскую историографию истории классов и политических партий в первые годы нэпа, авторы коллективного труда «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» (М., 1970) отмечают, например, что «цельной научной картины того, что представлял собой рабочий класс СССР на переходе от войны к миру, нет» (стр. 385).

пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме».⁸ Кроме того, пролетариат, как класс, уже в условиях капитализма отличают революционность, организованность, дисциплинированность, чувство коллективизма.

Однако, являясь в условиях капитализма гегемоном революционной борьбы трудящихся, пролетариат не был руководителем общества. Исторический опыт показывает, что руководство обществом принадлежит классу, выступающему в качестве собственника средств производства, а таким классом в условиях капитализма является буржуазия, которая господствует в экономике и руководит государством. В результате победы Октябрьской революции и установления диктатуры пролетариата господствующим классом становится пролетариат. Рабочий класс остается основной производительной силой общества, каким он был уже при капитализме, но одновременно он является и руководителем нового общества, строящего социализм. В этом его принципиальное отличие от всех предшествующих господствующих классов, которые, будучи руководителями общества и государства, в силу своего экономического господства не были в то же время производительными классами. Новое лицо рабочего класса в государстве диктатуры пролетариата четко очерчено В. И. Лениным: «Пролетариат стал, свергнув буржуазию, и завоевав политическую власть, господствующим классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обществеными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров».⁹

Оценивая диктатуру пролетариата как понятие прежде всего государственное, В. И. Ленин вместе с тем не сводил ее только к государственной власти, а видел в ней целую «систему», «механизм» политической организации общества в условиях перехода от капитализма к социализму. В основе этой системы лежало использование всех наличных сил и организаций пролетариата в целях осуществления им политической власти в обществе. Естественно, что для руководства обществом пролетариат сам нуждается в научном руководстве, его развитие осуществляется не стихийно, а направляется авангардом, Коммунистической партией. «На нашу партию, как на организованный авангард пролетариата, — писал В. И. Ленин, — легла задача объединения борьбы рабочего класса и руководство его борьбой за победу рабоче-крестьянской Советской власти».¹⁰

Руководящее положение марксистской партии в системе диктатуры пролетариата по отношению ко всем другим организа-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

⁹ Там же, т. 39, стр. 279.

¹⁰ Там же, стр. 305.

циям рабочего класса и трудящихся масс и к государственным органам В. И. Ленин объяснял рядом факторов. Партия была передовым отрядом рабочего класса, высшей формой его организации. Она состояла из наиболее сознательных и политически активных представителей рабочего класса, трудового крестьянства, интеллигенции. В ее рядах были собраны самые деятельные, наиболее достойные люди из всех слоев трудящихся. Поэтому они не допускали возникновения в партии узковедомственных или узкопрофессиональных тенденций. Партия была вооружена передовой, революционной, научной марксистско-ленинской теорией, которая позволяла ей правильно оценивать ход исторического развития, намечать цели и методы их достижения.¹¹ Оценивая в этом смысле роль Коммунистической партии, В. И. Ленин писал: «Диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию».¹²

Ленинское учение о диктатуре пролетариата исходит из диалектики взаимоотношений экономического базиса и политической надстройки общества. Признавая, что переход от капитализма к социализму является исторически закономерным процессом развития экономических отношений производства, марксизм-ленинизм никогда не считал, что экономика стихийно, сама по себе сможет решить основные задачи общественного развития, привести к успеху социализма без направляющего воздействия надстройки. Ленинская формула «политика — это концентрированная экономика» раскрывает эту диалектику и взаимосвязь базиса и надстройки, показывает огромное значение субъективного фактора, организующего начала сознательной общественной деятельности.¹³ Поскольку политика, согласно одному из определений В. И. Ленина, — это «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства»,¹⁴ то ясно, сколь велика роль государства диктатуры пролетариата в развитии экономики, в укреплении и становлении экономического базиса нового общества. Оно обладает такими возможностями воздействия на экономическую жизнь страны, которыми другие, эксплуататорские, государства не располагают. В ведении государства диктатуры пролетариата находится фонд социалистической собственности, позволяющий запясть командные высоты в области экономики. Роль политической надстройки, и прежде всего государства диктатуры проле-

тарната, в развитии и укреплении экономического базиса сказывалась уже в начале 20-х годов, несмотря на крайне тяжелое положение народного хозяйства и самого пролетариата. В. И. Ленин ставил тогда перед государством задачу активного воздействия на экономическую жизнь, считая необходимым для рабочего класса осуществлять свою диктатуру так, «чтобы он себя, как класс, чувствовал прочно, чтобы чувствовал почву под ногами».¹⁵ Именно поэтому он наделивал партию и государство на восстановление крупной промышленности с целью укрепления экономической базы государства диктатуры пролетариата.¹⁶

Современная буржуазная историография не может противопоставить рассмотренным выше ленинским положениям о государстве диктатуры пролетариата сколько-нибудь цельной собственной концепции. Разные авторы в своем толковании сущности Советского государства в начале 20-х годов опираются на одно или несколько исходных положений, не пытаясь, как правило, рассмотреть проблему во всей ее полноте. Каждое из этих положений представляет собой попытку искажения какого-либо из аспектов ленинского учения о государстве диктатуры пролетариата применительно к раннему этапу его развития. Ознакомление с целым рядом работ зарубежных историков и «советологов» позволяет выявить основные направления и методы их подхода к данной проблеме.

В основе схем, призванных объяснить сущность советского государственного строя в начале 20-х годов, в современной буржуазной историографии лежит концепция о так называемой «диктатуре пролетариата без пролетариата». Эта концепция покоится на двух положениях, в тех или иных вариациях проявляющихся в работах зарубежных авторов. Первое из них, характерное для наиболее реакционной части буржуазных историков и почти всех «советологов», состоит в тенденциозном подходе к оценке взаимоотношений между большевистской партией и рабочим классом, стремлении представить этот класс в качестве простой игрушки в руках «партийной элиты», не имеющей якобы ничего общего с его интересами и чаяниями, а политику партии в отношении пролетариата — как сумму тактических средств во имя утверждения собственного господства.

Второе положение, опирающееся на данные об относительной слабости российского пролетариата и его сравнительной малочисленности в первые годы Советской власти, о его частичном деклассировании и распылении вследствие гражданской войны, возводит эти процессы в абсолют, всячески преувеличивает

¹¹ См. подробнее: П. М. Спурников. В. И. Ленин о руководящей роли Коммунистической партии в системе диктатуры пролетариата. — В кн.: Вопросы стратегии и тактики в трудах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. М., 1974. стр. 5—50.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 42.

¹³ См. подробнее: Ленинское учение о диктатуре пролетариата, стр. 150—155.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 340.

¹⁵ Там же, т. 43, стр. 310.

¹⁶ Там же, стр. 81, 309—311.

и раздувает их, делая вывод об отсутствии социальной базы для диктатуры пролетариата, составлявшей сущность советского государственного строя.

Остановимся сначала на этих двух положениях, а затем перейдем к оценке в целом концепции «диктатура пролетариата без пролетариата» и посмотрим, как она отразилась на анализе классовой структуры советского общества 1920—1922 гг.

Как же современная реакционная буржуазная историография оценивает роль рабочего класса Советской России в тот период и отношение партии к нему? Наиболее типичной в этом плане является книга известного «советолога», научного сотрудника Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, профессора А. Улама «Ленин и большевики». Рассматривая вопрос о взаимоотношениях большевистской партии и пролетариата, А. Улам исходит из посылки, что она не является частью или авангардом рабочего класса, а представляет собой некую кастовую, элитарную группу, которая лишь использует этот класс в своих тактических целях. Суть его схемы сводится к следующему. После победы Октябрьской революции и в период гражданской войны партия ищет поддержки у рабочего класса с единственной целью — удержаться у власти. Поэтому рабочих начинают убеждать в том, что они — хозяева страны, что советское государство — «это их государство». В частности, рабочий контроль призван был дать понять рабочему его новое положение в обществе. Этому же способствовала и продрозверстка, которая якобы заставила крестьян смотреть на рабочих, как на новое привилегированное сословие, как на «новый правящий класс».¹⁷ С окончанием гражданской войны, когда, по мнению А. Улама, непосредственная потребность поддержки большевистской партии со стороны рабочего класса уменьшается, для партии, считает он, появляется возможность указать рабочим «их настоящее место» и даже «начать фронтальную атаку на существующее положение дел». Поэтому, продолжает он далее, большевиками выдвигается теория о том, что промышленностью должны руководить специалисты и государственные органы, а дело рабочих и их профсоюзов — быть придатком государственной системы. С этого времени, утверждает Улам, любая их попытка вмешательства в управление производством «расценивалась как синдикализм и не была терпима». Сохранились, продолжает он, лишь некоторые возможности для продвижения отдельных рабочих, такие как получение образования и переход в ряды специалистов. Рабочий же класс в целом, считает А. Улам, ока-

зался на старых позициях, присущих капиталистическому строю, ибо из класса-гегемона он превратился в класс, эксплуатируемый государственным капитализмом.¹⁸

В сущности ту же схему взаимоотношений партии и рабочего класса, зачастую даже еще более циничную, можно найти и у других представителей реакционного направления современной буржуазной историографии.¹⁹ Поскольку подавляющее большинство историков этого направления выдвигает такого сорта схемы в качестве аксиомы и нередко ограничивается простой их констатацией, обратимся к критике достаточно пространных рассуждений А. Улама.

Прежде всего рассмотрим исходные положения его схемы, которая представляет собой прямое извращение политики партии и государства диктатуры пролетариата по отношению к рабочему классу, а затем остановимся на некоторых частных вопросах, затронутых американским «советологом».

Во-первых, попытка А. Улама наметить вопреки историческим фактам какие-то два этапа в политике партии по отношению к рабочему классу (в период гражданской войны и с момента ее окончания) совершенно несостоятельна. По существу единственный «довод» автора в поддержку этого домысла состоит в том, что якобы на первом этапе партия, хотя бы из тактических соображений «терпела» вмешательство рабочего класса в управление производством, а на втором этапе, будто бы меньше нуждаясь в прямой поддержке пролетариата, отобрала у него это право. Рубежами А. Улам, вероятно, считает разгром анархо-синдикалистских взглядов «рабочей оппозиции» и решение XI съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. Однако политика партии в отношении анархо-синдикализма была принципиальной и единой как до, так и после окончания гражданской войны. Критика анархо-синдикалистских настроений в конце 1920 г. не была связана с каким-то новым отношением партии к рабочему классу, со стремлением «поставить его на место», как это представляется А. Уламу, а была проявлением последовательной позиции В. И. Ленина и большинства ЦК по этому вопросу. В самом деле, как можно уложить в схему А. Улама тот факт, что 4 марта 1918 г. В. И. Ленин на заседании Совнаркома решительно выступил против анархо-синдикалистских притязаний руководителей ЦК профсоюза водного транспорта, которые требовали сосредоточить управление этой отраслью экономики в руках профсоюза. В. И. Ленин заявил тогда, что эти требования «ничего общего с социализмом не имеют. Задача социализма — переход

¹⁷ A. Ulam. Lenin and the bolsheviks. The intellectual and political history of the triumph of communism in Russia. London, 1966, p. 468. (Мы пользуемся английским изданием книги А. Улама. В США она вышла годом раньше под другим названием: The bolsheviks. N. Y., 1965).

¹⁸ A. Ulam. Lenin and the bolsheviks..., p. 468, 479, 519.

¹⁹ См., например: M. Eastman. Love and revolution. My journey through an epoch. Second printing. N. Y., 1964, p. 228, 230.

всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим».²⁰ В мае того же года В. И. Ленин подверг резкой критике проект «Положения об управлении национализированными предприятиями», разработанный на заседании секции организации производства I Всероссийского съезда Совнархозов, в котором «левые коммунисты» проводили мысль о неправомерности подчинения всех предприятий данной отрасли всероссийскому центру.²¹ В. И. Ленин оценивал это как «областнический анархо-синдикализм». «Коммунизм, — писал В. И. Ленин, — требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране. Поэтому общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли».²² Подход В. И. Ленина и партии к этому вопросу в 1918 г. в принципе ничем не отличался от позиции, занятой ими в конце 1920 — начале 1921 г. в связи с требованиями «рабочей оппозиции» передать профсоюзам управление отдельными отраслями народного хозяйства, а руководство всей экономикой — так называемому «Всероссийскому съезду производителей».

Таким образом, А. Улам выдает свое понимание участия рабочих в управлении производством, являющееся на деле апологией анархо-синдикализма, за действительный критерий участия рабочего класса в управлении народным хозяйством. Все другие факты и обстоятельства, не укладывающиеся в это понимание, отбрасываются им как не заслуживающие внимания.

Что же касается решений XI съезда РКП(б), в которых нашел отражение вопрос об участии профсоюзов (а следовательно, и рабочего класса) в управлении производством, то и эти решения ни в коей мере не могут служить для А. Улама «доказательством» перехода Коммунистической партии к «новому отношению» к рабочему классу. Действительно, с учетом введения новой системы управления промышленностью (хозяйственный или коммерческий расчет), которая могла дать эффект лишь при осуществлении на предприятиях единоначалия, съезд высказался против непосредственного вмешательства профсоюзов в управление предприятиями и за самостоятельное решение заводоуправлениями вопросов определения размеров заработной платы, пайков и т. д. в рамках заключенных с профсоюзами коллективных договоров. Но это, говорилось в резолюции съезда, не означает отрицания прав профсоюзов на участие в социалистической организации промышленности и в управлении ею.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 414.

²¹ См.: Н. Б. Берхин. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970, стр. 85.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 302.

В качестве конкретных форм такого участия съезд указал на привлечение профсоюзов к формированию всех хозяйственных и государственных органов, связанных с экономикой, к выдвижению и подготовке администраторов из рабочих, к осуществлению планирования.²³

Во-вторых, американский профессор по существу рассматривает рабочий контроль над производством как некий тактический маневр, предпринятый якобы в целях обмана рабочего класса для того, чтобы заручиться его поддержкой после победы Октября. Однако на самом деле положение о рабочем контроле не было плодом какой-то «хитроумной тактики», как это представляется А. Уламу. Он возник как результат творчества самих рабочих еще в марте 1917 г. и был включен в качестве программного требования большевиков в основные документы партии (соответствующие резолюции VII апрельской конференции и VI съезда РСДРП(б), наметившие пути выхода из экономического кризиса). Переход от рабочего контроля к национализации, по поводу которого сетует Улам и который, кстати сказать, произошел в 1918 г., когда, согласно его схеме, рабочему классу прививалось представление как о «хозяине страны», также не имеет ничего общего со сменой одной тактической линии партии в отношении пролетариата — другой. На самом деле рабочий контроль уступил место высшей форме руководства промышленностью со стороны пролетарского государства — ее национализации. В результате рабочий класс остался хозяином страны, выступая уже не только в качестве субъекта контроля на том или ином предприятии, но и как коллективный хозяин промышленности в общегосударственном масштабе, как носитель общественной собственности на орудия и средства производства.

Наконец, в-третьих, выдвинутый А. Уламом тезис об «эксплуатации рабочего класса» в начале 20-х годов так называемым госкапитализмом свидетельствует лишь о полнейшей путанице понятий американского «советолога» или сознательной попытке извратить существо вопроса. Ленинская теория госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата не имеет ничего общего с теми представлениями о ней, какие старается навязать читателю американский профессор, по существу распространяющий это понятие на всю экономическую переходную период, включая и государственные предприятия. В этом вопросе А. Улам повторяет взгляды Троцкого, Зиновьева и других оппозиционеров, разоблаченных партией.²⁴

²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 321—325.

²⁴ См.: В. М. Курицын. Критика левооппортунистических извращений ленинского учения о социалистическом государстве. — Вопросы истории КПСС, 1969, № 8, стр. 19—20.

Советская историческая и историко-экономическая литература, основываясь на ленинских оценках, рассматривает госкапитализм в условиях диктатуры пролетариата, с одной стороны, как один из хозяйственных укладов в экономике переходного периода от капитализма к социализму, с другой — как систему методов ведения хозяйства и мер государственного контроля, регулирования, использования в интересах пролетарского государства частного сектора с тем, чтобы обуздать мелкобуржуазную стихию.²⁵ Ни то, ни другое не дает оснований для утверждений об эксплуатации рабочего класса «госкапитализмом», поскольку число рабочих на собственно госкапиталистических предприятиях (концессионных, арендованных и др.) было весьма незначительно. К тому же трудовое законодательство поставило в жесткие рамки все действия частных предпринимателей в сфере их взаимоотношений с рабочими.²⁶ Что же касается государственных предприятий, на которых в 20-е годы было занято подавляющее большинство рабочих фабрично-заводской промышленности, то в условиях пролетарской диктатуры их доход шел своему рабочему государству. Кроме того, средства из прибыли предприятий шли также на улучшение социального обеспечения рабочих: их образование, строительство домов культуры, отдыха, развитие легкой промышленности.

Следовательно, и это общее положение схемы А. Улама не выдерживает никакой критики.

Остановимся теперь на некоторых частных вопросах, затронутых автором, пытающимся доказать, что с начала 20-х годов рабочий класс Советской России якобы лишается всякой возможности участия в управлении производством. Партия, которая, согласно домыслам А. Улама, указала рабочим «их настоящее место», на деле была озабочена вопросом о привлечении рабочих к организации труда, управлению производством. Этот вопрос специально обсуждался на Пленуме ЦК РКП(б) 9 августа 1921 г. В постановлении Пленума и принятом по его рекомендации Совнаркомом «Наказе о проведении в жизнь начал новой экономической политики» внимание профсоюзов было нацелено как раз на решение этой проблемы.²⁷

Именно в этот период, в 1921 г., появились первые производственные кружки, из которых впоследствии выросли производ-

ственные совещания рабочих. Как показывают исследования советских историков,²⁸ уже тогда были сделаны первые шаги по вовлечению рабочих масс в управление производством и в хозяйственное строительство. Было принято решение ВЦСПС и «Положение об экономических комиссиях», согласно которым предлагалось создать при местных комитетах производственные ячейки из опытных рабочих и специалистов в целях рационализации производства и поднятия производительности труда. Такие производственные ячейки в 1921 г. были созданы на ленинградских предприятиях — Сестрорецком заводе, «Севкабеле», в Кронштадте; в 1922 г. — на заводах им. Макса Гельца и «Светлана». Члены производственных кружков (ячеек) активно вмешивались в работу предприятий, принимали участие в решении вопросов пополнения предприятий кадрами, изыскания и ремонта оборудования и т. д.²⁹ Одной из форм вовлечения рабочего класса в управление народным хозяйством явилось также создание техсоветов, различных технических комиссий и секций. Например, после X съезда РКП(б) Петроградский Совет создал ряд секций и комиссий; была образована производственная секция Петросовета, которая в 1921 г. насчитывала 150 членов, а в 1924 г. — уже 659.³⁰ Следовательно, уже в этот период начали возникать новые формы и методы вовлечения масс в хозяйственное строительство, формы, соответствующие и экономической обстановке, порожденной изом.

Что же касается командных кадров промышленности и получения образования лишь единицами рабочих, как считает А. Улам, то достаточно только вспомнить, что в годы пятилеток решающую роль в промышленности играли инженерно-технические кадры, подготовленные за годы Советской власти, которые в своем большинстве были выходцами из рабочих и крестьян. Уже в рассматриваемый период большинство директоров крупных фабрик и заводов вышло из рядов рабочего класса. К началу 1924 г. более 51% председателей правлений трестов вышло из рядов рабочего класса. В текстильных трестах этот показатель поднимался до

²⁵ Подробнее по этому вопросу см.: Н. В. Хессин. Ленинское учение о напе и его историческое значение. — Вестник МГУ. Экономика, 1971, № 3, стр. 22—23; А. И. Косой. Разработка В. И. Лениным проблем госкапитализма в условиях социалистического строительства. — В кн.: Новая экономическая политика. Материалы всесоюзной научной сессии. Вып. 2. М., 1971, стр. 24—39.

²⁶ См.: А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925). М., 1962, стр. 329.

²⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 115.

²⁸ Э. Б. Гейкина. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). — История СССР, 1958, № 3; В. Н. Зеленецкая. Из истории производственных совещаний на предприятиях электротехнической промышленности Москвы и Ленинграда. — Тр. Московского государственного историко-архивного института, т. 14, 1960; О. И. Шкарата. К истории первых производственных совещаний на предприятиях Ленинграда (1921—1924). — Вестник ЛГУ, 1961, № 8. (Серия истории, языка и литературы, вып. 2); А. З. Ваксер. Авангард рабочего класса и управление промышленностью в 1921—1923 гг. (на материалах Ленинграда). — Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, т. 360, 1968.

²⁹ Восстановление промышленности Ленинграда (1921—1924 гг.). Документы и материалы. Т. 1. Л., 1963, стр. 226—227.

³⁰ А. З. Ваксер. Авангард рабочего класса и управление промышленностью в 1921—1923 гг., стр. 222—224.

62%, в металлических — до 77%.³¹ Среди 639 директоров предприятий рабочих было 35.7%, среди их заместителей — 25.2%. В составе директоров металлических предприятий рабочие составляли 73%, электротехнических — 75, текстильных — 54, химических — 25%. Самый передовой отряд рабочего класса — металлисты — дали наибольшее число командиров промышленности.³²

В начале 1921 г. каждое третье промышленное предприятие страны возглавлялось рабочим, а в органах управления металлообрабатывающей и текстильной промышленности рабочие составляли 45%. Отвечая в свое время «критикам» из двухсполовинного Интернационала на их обвинения о неверии большевиков в силы рабочего класса, В. И. Ленин писал: «... лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. ... Рабочий класс создал и ведет государство советского типа...».³³

Как видим, и на этот раз исходное положение А. Улама, выдвинутое для «объяснения» сущности Советского государства в начале 20-х годов, представляет собой прямую фальсификацию действительных взаимоотношений партии и рабочего класса, роли этого класса в советском обществе после окончания гражданской войны.

Конечно, не все представители буржуазной историографии выступают с подобными оценками положения и роли рабочего класса. Имеют место признания и еще чаще полупризнания некоторого веса пролетариата в решении вопросов организации и управления промышленностью. Так, например, в сборнике «Будущее советского общества» под редакцией профессора Принстонского университета А. Кассофа отмечается, что «в годы восстановления устойчивого положения», видимо, единственным в этот период завоеванием рабочих с точки зрения их статуса было косвенное привлечение через профсоюзы к управлению производством.³⁴ Однако ведущими в современной буржуазной историографии до сего времени остаются схемы, подобные той, что развивает в своей книге А. Улам.³⁵

Второе положение современной буржуазной историографии, которое также лежит в основе тенденциозной интерпретации во-

проса о сущности советского государственного строя в начале 20-х годов, нашло отражение в целом ряде книг и статей представителей реакционного направления, некоторых историков-экономистов и историков «либерального» толка. Им свойственно представление о предреволюционной России как о стране, которая только что вступила в стадию капиталистического развития, вследствие чего в ней якобы не было и рабочего класса в подлинном смысле этого слова или, во всяком случае, как главной революционной силы общества. Например, американский экономист, профессор Индианского университета Р. Кэмпбелл, повторяя оппортунистические доводы К. Каутского, утверждает, что «Россия действительно не была готова для социалистической революции», так как отсутствовали «условия этой революции»: высокий уровень промышленного производства, многочисленный рабочий класс, преобладание городского населения, достаточный уровень образования и т. д. Поэтому промышленный рабочий класс, по мнению Р. Кэмпбелла, отсутствовал как таковой и в Советской России. А раз не существовал рабочий класс, то не было и социальной основы для диктатуры пролетариата.³⁶

Поскольку искажение в современной буржуазной историографии вопроса об уровне экономического развития России в период империализма, состоянии российского пролетариата и его роли в революционной борьбе уже было предметом обстоятельной критики советских историков,³⁷ мы остановимся лишь на некоторых не отмеченных ими моментах, связанных с этой проблемой. В данном отношении весьма примечателен «вклад», внесенный в ее фальсификацию реакционным американским историком, научным сотрудником Гуверовского института войны, революции и мира Б. Вольфом. В одной из своих последних статей в сборнике к 50-летию Октябрьской революции, касаясь положения в Советской России в 1922—1923 гг., он пишет: «Ленин теперь был обескуражен фактом, что захватил власть в отсталой стране».³⁸ Далее автор пытается доказать, что В. И. Ленин к концу жизни якобы признал ошибочным захват власти пролетариатом в условиях, когда он не составлял большинства населения страны и его культурный уровень был невысок. Иными словами, Б. Вольф пытается приписать Ленину каутскианский подход к этому вопросу или в лучшем случае показать желание

³¹ Комсостав крупной промышленности. М., 1924, стр. 13—14.

³² А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925 гг.), стр. 331.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 106.

³⁴ A. Kassof (ed.). Prospects for Soviet Society. N. Y.—London, 1968, p. 360.

³⁵ Подробный критический разбор построений ряда других реакционных зарубежных историков по этому вопросу см. в упомянутой статье Н. В. Щербань «Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период».

³⁶ R. Campbell. Soviet economic power. Its organisation, growth and challenge. Cambridge (Mass.), 1960, p. 9—11.

³⁷ См.: Т. Д. Крушина, Д. А. Колесниченко, А. М. Солоньова. История рабочего класса и пролетарской борьбы в современной буржуазной историографии. — Вопросы истории, 1965, № 3, стр. 26—37; Б. И. Ноткин. Некоторые вопросы истории классов советского общества в трудах Э. Карра, П. Ясно и Р. Конкеста. — Вестник МГУ, История, 1971, № 4, стр. 41—52.

³⁸ Fifty years of communism in Russia. Ed. with introduction M. Drachkovitch. The Pennsylvania State Univ. Press and London, 1968, p. 297—298.

Ленина подвергнуть свои прежние взгляды ревизии. На самом же деле именно для последних работ В. И. Ленина — «О кооперации» и «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) — характерна резкая полемика с такого рода доводами, высказанными еще в учебнике, «написанном по Каутскому».³⁹ В. И. Ленин подверг сокрушительной критике антимарксистские утверждения зарубежных оппортунистов, меньшевиков и троцкистов о том, что в России не было объективных предпосылок для социалистической революции, что она не достигла такого уровня развития производительных сил и культуры, при котором возможно построение социализма. В России, стране со средним уровнем развития капитализма, имелись необходимые объективные условия, а также субъективные предпосылки для построения социализма. Особенности Октябрьской революции в России, лежащие «по общей линии мирового развития», не отменяли основных закономерностей перехода к социализму. «...Мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов)», политический и социальный переворот в стране оказался предшественником экономического и культурного ее прогресса,⁴⁰ — указывал В. И. Ленин.

Говоря о необходимости достижения определенного «уровня культуры» для создания социализма, В. И. Ленин спрашивал, «... почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».⁴¹ В. И. Ленин в своих последних работах глубоко обосновал программное положение о том, что советский народ может и должен построить социалистическое общество, что в России есть «все необходимое для построения полного социалистического общества»: диктатура пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, руководящая роль рабочего класса в этом союзе, общественная собственность на основные средства производства. «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».⁴² — писал он. Такова была истинная позиция В. И. Ленина по вопросу о готовности российского пролетариата к социалистической революции, об условиях ее осуществления в России. Как мы видим, она не имеет ничего общего с тем, что пытается приписать Ленину Б. Вольф.

Другим утверждением буржуазной историографии, на котором следует остановиться, является тезис об «исчезновении» пролетариата в Советской России в 1920—1922 гг. как ведущей

политической силы общества, как господствующего класса в государстве.

Положение рабочего класса Советской России действительно было очень тяжелым к концу гражданской войны. Наиболее сознательные индустриальные рабочие стойко переносили трудности и лишения, голод, разруху и перебои в работе промышленных предприятий, но некоторая часть рабочих стала уходить в деревню, заниматься кустарничеством, мелочничеством, перебиваться случайными заработками. Распыление и частичное деклассирование рабочего класса создавали угрозу ослабления социальной базы диктатуры пролетариата, представляли опасность для судеб советского строя. К тому же за годы войны произошло изменение социального состава рабочего класса за счет притока в его ряды мелкобуржуазных элементов.

Краски всей этой безрадостной картины положения рабочего класса современная буржуазная историография пытается сгустить настолько, что перед читателем нередко появляется едва прикрытый тезис об «исчезновении» рабочего класса в Советской России и, следовательно, об отсутствии у партии и Советского государства какой-либо социальной базы.

Тезис о деклассировании рабочего класса Советской России выглядит в некоторых работах буржуазных историков как почти стопроцентное его «исчезновение». Английский историк И. Дейчер во многих своих работах отмечал, что в 1920—1921 гг. промышленный рабочий класс России стал наполовину деклассированным, наполовину — деморализованным.⁴³ Развивая свою версию «диктатуры пролетариата без пролетариата», автор пишет следующее: «Диктатура пролетариата была более или менее консолидирована, но в ходе этого процесса исчез сам пролетариат, как классово-сознательный элемент и как организующий фактор».⁴⁴

Американского социолога, профессора Мерилендского университета Т. Андерсона мало интересует степень процесса деклассирования и распыления рабочего класса России, так как из контекста его книги «Русская политическая мысль» можно заключить, что к концу гражданской войны российский пролетариат вообще перестал существовать как класс и «вернулся обратно к земле».⁴⁵

Хотя процесс деклассирования рабочего класса Советской России достиг значительных размеров и В. И. Ленин говорил об этом в выступлениях на X съезде РКП(б) и на X Всероссийской кон-

³⁹ I. Deutscher. 1) Russia in transition and other essays. N. Y., 1957, p. 8; 2) Stalin. A political biography. Oxford Univ. Press, 1966, Revised ed., p. 223.

⁴⁰ I. Deutscher. Stalin. A political biography, p. 223.

⁴¹ T. Anderson. Russian political thought. An introduction. N. Y., Cornell Univ. Press, 1967, p. 323.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 382.

⁴⁰ Там же, стр. 377, 379.

⁴¹ Там же, стр. 381.

⁴² Там же, стр. 370.

ференции РКП(б) в мае 1921 г.,⁴⁶ слегка завуалированное утверждение буржуазных ученых о полном «исчезновении» в Советской России пролетариата как классово-сознательной силы общества является совершенно беспочвенным. Если обратиться к численности пролетариата России в 1920 г., то, согласно статистическим данным и подсчетам советских историков и экономистов, количество рабочих ценовой промышленности составляло тогда 1222811 человек, или 47,1% по отношению к 1917 году.⁴⁷ Следовательно, около половины рабочих фабрично-заводской промышленности в целом сохранили свою классовую принадлежность.

Кроме того, благодаря осуществлению новой экономической политики, способствовавшей ускоренному восстановлению промышленности и транспорта, процесс деклассирования был сначала приостановлен, а затем численность рабочего класса стала медленно, но неуклонно повышаться, в том числе и за счет возвращения на предприятия кадровых рабочих. Уже в 1924/25 хозяйственном году в промышленности было занято 1 млн 714,9 тыс. рабочих.⁴⁸

Несмотря на то что численность рабочего класса в 1920—1921 гг. была действительно невелика, никак нельзя отрицать активную роль рабочего класса в эти годы или считать оставшуюся его часть полностью деморализованной. Рабочий фабрики им. Петра Алексеева И. А. Кудряшев вспоминал, что «остался на фабрике только самый костяк кадровых пролетариев — человек триста-четыреста».⁴⁹

Кроме того, сохранилось значительное число квалифицированных рабочих — основное ядро фабрично-заводского пролетариата — в ведущих отраслях промышленности, например на оружейных и патронных заводах военной промышленности. В металлообрабатывающей промышленности продолжали работать 43% (по сравнению с 1917 г.) квалифицированных рабочих-металлистов. В области добычи торфа количество рабочих даже увеличилось, так же как в полиграфической и швейной промышленности. В связи с расширением военного производства несколько возросло число рабочих и в ряде губерний страны, таких как Калужская, Брянская, Тульская.⁵⁰

Приведенные выше данные об организации производственных совещаний, об участии рабочих в управлении производством говорят о политической и трудовой активности рабочего класса в эти годы. Велика была роль рабочего класса и в хозяйственном строительстве. В 1921 г. ВЦСПС было учреждено звание «Герой труда», которое присваивалось губпрофсоветами по представлению рабочих собраний лицам, совершившим особые трудовые подвиги. К 1 мая 1921 г. многим рабочим было присвоено это высокое звание.

В рассматриваемый период рабочий класс под руководством Коммунистической партии приобрел уже опыт руководства политической и экономической жизнью страны. Основные массы рабочих твердо верили в великое дело социалистической революции, в победу социализма, стремились к активной созидательной деятельности, несмотря на деморализующее влияние разрухи в промышленности.

В начале 20-х годов рабочий класс активно участвовал в управлении государством через Советы и их органы. Значительное число рабочих было представлено в центральном и местном государственном аппарате. В составе ЦИК СССР второго созыва было 414 депутатов, в том числе 169 рабочих (40,8%). Среди депутатов горсоветов РСФСР в 1922 г. находилось 44% рабочих.⁵¹

Многие представители рабочего класса принимали активное участие и в управлении промышленностью через ВСНХ, который был главным государственным органом руководства экономикой. В. И. Ленин, основываясь на отчете ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов, привел данные на 19 декабря 1920 г. о степени участия рабочих в органах управления промышленностью. Только в Президиуме ВСНХ и губсовнархозов, в коллегиях главных управлений, отделов, центров и главков, в коллегияльных и единоначальных фабрично-заводских управлениях из 1470 сотрудников 905 (т. е. 61,6%) являлись рабочими. «Итак, уже теперь, — писал В. И. Ленин, — участие рабочих, в среднем, составляет 61,6%, т. е. ближе к 2/3, чем к половине!».⁵²

Оценивая роль рабочего класса в начале 20-х годов, В. И. Ленин в своей речи на X Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 г. сделал вывод о полной возможности осуществления пролетариатом своей диктатуры: «... даже тогда, когда пролетариату приходится переживать период деклассированности, переживать эти минусы, он, несмотря на эти минусы, свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может».⁵³

Оба рассмотренных выше положения современной буржуазной историографии служат почвой для измышлений о существо-

⁴⁶ Там же, стр. 329.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 284.

⁴⁸ Там же, т. 43, стр. 311.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 42, 311.

⁴⁷ С. Г. Струмплин. Производительность труда в СССР. — В кн.: Советская социалистическая экономика 1917—1957. М., 1957, стр. 122; А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925), стр. 68; А. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, стр. 387.

⁴⁸ См.: Н. Черноморский. Советская промышленность в первые годы изпа. — Вопросы истории, 1965, № 2, стр. 46.

⁴⁹ Век нынешний и век минувший. Рассказы рабочих фабрики им. Петра Алексеева. М., 1937, стр. 150.

⁵⁰ А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925), стр. 67—72.

государственного строя Советской России этого периода — диктатуре пролетариата. Здесь мы подходим к вопросу, который подвергается наибольшему искажению в современной буржуазной историографии, т. е. к вопросу о соотношении партии и класса, точнее, Коммунистической партии и рабочего класса. Суть концепции о «диктатуре пролетариата без пролетариата» современной буржуазной историографии, несмотря на различные оттенки, состоит в утверждении о «диктатуре партии», как основе государственного строя 20-х годов и советской политической системы в целом. Эти домыслы приводит уже известный нам А. Улам, они содержатся в работах и таких «советологов», как А. Мейер, С. Харкейв, И. Дейчер и др. Разница состоит лишь в том, что одни, как И. Дейчер, называют это «политической диктатурой», другие придерживаются термина «диктатура партии», толкуя его по своему вкусу, то применительно ко всей партии, то к ее секретариату, а то и к отдельным руководителям.⁵⁴

В основе всех этих измышлений и спекуляций лежит попытка рассматривать партию как замкнутую элиту, озабоченную лишь удержанием власти и не имеющую никакого отношения к рабочему классу. Тезис этот не новый и покоится целиком на извращении понятий «класс» и «партия», на игнорировании марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, государственной форме которой предусматривает политическое господство в обществе рабочего класса в целях подавления свергнутых эксплуататорских классов и построения социализма.

Марксизм-ленинизм понимает под классами большие группы людей, различающихся по их месту в системе общественного производства, по отношению к средствам производства и роли в общественной организации труда. Коммунистическая партия, согласно марксистско-ленинскому учению, есть передовой организованный отряд рабочего класса, его авангард, выражающий интересы класса в целом.

Исходя из марксистского понимания категорий «класс» и «партия», В. И. Ленин еще в 1920 г. показал, что «одна уже постановка вопроса: „диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?“ — свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы; — что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что

классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями».⁵⁵

Следовательно, попытка выдвигать в качестве основы государственного строя Советской России в начале 20-х годов «диктатуру партии» основана на искажении существа такого института, как партия. Сторонники такой версии пытаются убедить читателя в возможности внеклассового или надклассового подхода к понятию Коммунистическая партия, выхолостить из этого понятия основной его признак — положение авангарда рабочего класса, рассматривают ее как элитарную группу, не связанную с интересами класса. Именно поэтому представители реакционной буржуазной историографии не дают себе труда установить действительную связь между РКП(б) и рабочим классом в этот период.

Судить о представительности интересов рабочего класса партией большевиков можно по ее социальному составу, а также по контингенту привлеченных в ее ряды новых членов. В 1920—1921 гг. партия включала в себя значительный слой передовых рабочих. Наличие в ее рядах большого числа представителей интеллигенции с коммунистическим мировоззрением не меняло существа дела. К началу 1921 г. РКП(б) насчитывала свыше 730 тысяч коммунистов, объединенных в 20 тысяч партийных ячеек. Рабочих в партии было 44%, крестьян вместе с кустарями и ремесленниками около 24%, и 30% приходилось на долю служащих и других социальных групп. По отчетам о результатах выборов в партийные органы в конце 1920—начале 1921 гг. в состав 42 губернских партийных организаций было избрано 536 человек, из них 194 являлись рабочими, в том числе 97 рабочих были в прошлом металлистами.⁵⁶ Среди заполнивших анкеты 690 делегатов X съезда РКП(б) с правом решающего голоса было 257 рабочих, что составляло 37,2%; из 248 делегатов с правом совещательного голоса 73 человека (29,4%) также являлись рабочими.⁵⁷

По социальному составу делегатов X съезда РКП(б) рабочие занимали первое место среди других делегатов. Социальный состав ежегодного роста числа членов партии в начале 20-х годов также свидетельствует о том, что основная тенденция пополнения РКП(б) отражала тесную связь между классом и его партией, отражала устойчивое увеличение приема рабочих в партию.

⁵⁴ S. Hargrave. Russia. A history. Chicago—Philadelphia—N. Y., 1959, Fourth ed., p. 523—525; I. Deutscher. Stalin. A political biography, p. 226; A. Ulam. Lenin and the bolsheviks, p. 464—465; A. Meyer. Leninism. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1957, p. 210.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 24.

⁵⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 16—18.

⁵⁷ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, стр. 760.

Рост числа членов РКП(б) за 1921—1923 гг. (в %) выглядел следующим образом.⁵⁸

	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Рабочие	29.7	42.4	52.7
Крестьяне	41.0	29.7	20.4
Служащие и прочие	29.3	27.9	26.9

Итак, рабочие составляли самый высокий процент среди членов Коммунистической партии, и, следовательно, она была по «элитарной группой», а частью рабочего класса, его авангардом.

Домыслы представителей реакционного направления современной буржуазной историографии о «диктатуре партии», как сущности государственного строя Советской России в начале 20-х годов, основываются также на спекуляциях относительно руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата, используемых для подмены понятия «диктатура пролетариата» термин «диктатура партии». Руководящая роль партии в системе диктатуры пролетариата и состоит в том, что она определяла и определяет политику Советского государства, вырабатывала и направляет деятельность директивы и указания относительно направления деятельности государственных и общественных организаций. Сама же по себе партия являлась добровольной, общественно-политической организацией, а не государственным органом. В основе ее отношений с массами лежал метод убеждения, воспитания. Сила партии и ее руководящая роль в системе диктатуры пролетариата заключались в том, что она выражала интересы рабочего класса и трудящихся масс в целом, опиралась в своей деятельности на единственно правильную революционную теорию. «В народной массе, — писал В. И. Ленин, — мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится».⁵⁹

Руководящая роль Коммунистической партии не дает, однако, никаких оснований для утверждений о «диктатуре партии», поскольку диктатура пролетариата является сложным механизмом, который включает в себя целый ряд звеньев, но не сводится ни к одному из них в отдельности, в том числе и к партии. В статье «Великий почин» В. И. Ленин писал, что машина государства диктатуры пролетариата «возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев».⁶⁰ Весь этот механизм в целом, по словам Ленина, представляет собой «формально

не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партии связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса».⁶¹ Таким образом, диктатура пролетариата, рассматриваемая как политический механизм, есть не собственная диктатура партии, а «движущий пролетарский аппарат», который при руководящей роли партии связывает ее с классом, массой и осуществляет диктатуру класса в целом.

Далее В. И. Ленин отмечал, что осуществление диктатуры рабочего класса невозможно «без нескольких „приводов“ от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся».⁶² Такими «приводами» Ленин считал как государственные, так и общественные организации: Советы, профсоюзы и т. д.⁶³ В этой системе организаций, в «механизме» диктатуры пролетариата руководящая роль принадлежит Коммунистической партии. Это авангард рабочего класса, ядро власти, без которого невозможна диктатура пролетариата.

Профсоюзы, поголовно охватывающие рабочий класс, связывают партию с классом. В 1921 г. почти восемь с половиной миллионов трудящихся были объединены в профессиональные союзы. Наиболее многочисленными и действенными были профсоюзы работников железнодорожного и водного транспорта, металлистов, текстильщиков и горнорабочих.⁶⁴ Советы, входящие в систему диктатуры пролетариата, были ее государственной формой, включали в себя органы государственной власти и государственного управления. Затем шли кооперация, союз молодежи и другие массовые организации трудящихся. Таков был тот «механизм», при помощи которого пролетариат осуществлял свою диктатуру. Касаясь вопроса о «диктатуре партии», В. И. Ленин отмечал, что под ней можно понимать лишь руководство «сознательного меньшинства» широкими рабочими массами и его способность вести их за собой.⁶⁵ В некоторых работах И. В. Сталина, посвященных ленинскому учению о диктатуре пролетариата, достаточно подробно рассмотрен вопрос об отношении Ленина к этой проблеме, показана несостоятельность попыток отождествлять диктатуру пролетариата с «диктатурой партии» только потому, что за ней признается руководящая роль в системе диктатуры пролетариата и т. д.⁶⁶ Фальсификация этого положения неизбежно приводит к домыслам о «диктатуре партии» как некоей

⁶¹ Там же, т. 41, стр. 31.

⁶² Там же, т. 42, стр. 205.

⁶³ Там же, т. 41, стр. 31—32; т. 42, стр. 203.

⁶⁴ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, стр. 113.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 236—237.

⁶⁶ И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 31—60.

⁵⁸ РКП(б) в цифрах. Вып. 1. М., 1924, стр. 7.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 112.

⁶⁰ Там же, т. 39, стр. 29.

надклассовой силе, осуществляющей насилие не только над свергнутыми эксплуататорскими классами, но и над трудящимися массами, включая и рабочий класс. Именно с этих позиций, как мы видим, и трактуют характер государственного строя Советской России в начале 1920-х годов многие реакционные буржуазные авторы, не утруждая себя подысканием сколько-нибудь серьезных доказательств.

В работах историков буржуазно-либерального направления эти проблемы рассматриваются сравнительно подробно, хотя, пожалуй, нет ни одной из них, где бы они также не толковались явно тенденциозно. Вместе с тем следует отметить, что историки этого направления в отличие от явных антикоммунистов не рассматривают партию как элитарную группу, никак не связанную с рабочим классом и не представляющую его интересов, хотя нередко и преувеличивают фактор наличия в руководстве партии значительного числа профессиональных революционеров, выходящих из интеллигенции.

Наиболее развернутое изложение проблем о существовании советского государственного строя в начале 20-х годов и о «диктатуре пролетариата без пролетариата» содержится в целом ряде работ виднейшего представителя этого направления, крупного английского буржуазного историка Э. Карра. Последний также считает, что в действительности «диктатура пролетариата была заменена диктатурой партии».⁶⁷ В подтверждение своей точки зрения Э. Карр выдвигает два основных соображения. Во-первых, он явно связывает понимание этой проблемы с рассмотренным выше необоснованным положением о том, что диктатура пролетариата может стать реальностью лишь при наличии сильного и многочисленного пролетариата, составляющего большинство населения в стране и опирающегося на достаточно высокий уровень развития промышленности. Раз этого не было, полагает Э. Карр, «диктатура пролетариата была политическим, а не экономическим или социальным феноменом: это было руководство не класса, но партии или группы».⁶⁸

Во-вторых, Э. Карр пытается отыскать подтверждение своей точки зрения в высказываниях В. И. Ленина и документах партии послеоктябрьского периода. Остановимся подробнее на этих соображениях и методе «доказательства» английского профессора. Отказывая диктатуре пролетариата в экономической и социальной базе, считая ее лишь «политическим феноменом», Э. Карр тем самымвольно или невольно сбрасывает со счетов вопрос о характере собственности и государственном, социалистическом

укладе в экономике Советской России начала 20-х годов. В самом деле, после Октябрьской революции в руках Советского государства оказалась вся крупная и частично средняя промышленность, земля, транспорт, внешняя торговля, т. е. так называемые командные высоты экономики. Несмотря на уступки частному капиталу в связи с переходом к новой экономической политике, общественная собственность на орудия и средства производства в значительной степени определяла сущность экономической базы государства диктатуры пролетариата, имела решающее значение для укрепления и развития этой диктатуры. «Господство пролетариата, — говорил В. И. Ленин в 1920 г., — выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность... Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство класса. Прежде всего в вопросе о собственности. Когда практически решили вопрос о собственности, этим было обеспечено господство класса».⁶⁹

Кроме того, экономической опорой Советского государства диктатуры пролетариата, государства социалистического по своим целям и задачам, являлся социалистический уклад народного хозяйства. Раскрытая партией диалектика взаимоотношений политической надстройки и экономического базиса в условиях перехода от капитализма к социализму, взаимодействия государственной власти и экономической ее основы в виде социалистического уклада, хотя и недостаточно мощного, но, благодаря наличию государственной власти в руках пролетариата, имевшего перспективы стать главным укладом экономики страны, способствовала выбору верного пути (сохранение и укрепление социально-экономической базы диктатуры пролетариата).

Приобретая в результате социалистической революции и первых преобразований народного хозяйства соответствующую экономическую основу в виде социалистического уклада, государство диктатуры пролетариата само стало орудием ее расширения и укрепления, создало необходимые условия для восстановления экономики и роста численности рабочего класса. Развитие этого процесса и обеспечило ликвидацию известного разрыва между политической надстройкой и экономическим базисом. Абсолютизация роли политической надстройки, вычленение из целой системы диктатуры пролетариата одного из ее звеньев — партии, игнорирование экономической основы и характера собственности Советского государства — вот основные причины вольного или невольного искажения Э. Карром сущности советского государственного строя в начале 20-х годов.

Что касается попыток Э. Карра найти подтверждение своим взглядам на сущность советского государственного строя в высказываниях В. И. Ленина и документах партии, то они также

⁶⁷ E. H. Carr. 1917: before and after. London—Melbourne—Toronto, 1969, p. 90—91.

⁶⁸ E. H. Carr. Socialism in one country. 1924—1926. Vol. 1. London, 1958, p. 134.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 251.

показывают известную односторонность и субъективизм автора в отборе и интерпретации источников.

Приведем только один пример. В своем 5-м томе истории Советской России под названием «Социализм в одной стране» Э. Карр пишет, что уже в 1919 г. В. И. Ленин якобы провозгласил «диктатуру партии», как действующую рабочую форму «диктатуры пролетариата».⁷⁰ В подтверждение этого Карр ссылается на высказывание В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б). Ленин говорил на съезде о том, что пролетарская революция устранила помехи на пути участия трудящихся в управлении государством. Однако, продолжал он, «низкий культурный уровень (масс — И. Ш.) делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы». Далее В. И. Ленин говорит о труднейшей воспитательной и образовательной задаче, которая стоит перед партией, и делает следующий вывод: «Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем, — гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению... Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся на работе представителей тонкого слоя пролетариата».⁷¹ Но в этом высказывании В. И. Ленина речь идет не о сущности советского государственного строя, как диктатуры пролетариата, а конкретно об участии трудящихся в работе Советов. Ни словом Ленин не упоминает о «диктатуре партии». Он лишь констатирует, что низкий культурный и образовательный уровень масс приводит к тому, что участие в работе Советов принимает «тонкий слой рабочего класса». Из этого отнюдь не следует, во-первых, что правит партия, а не Советы. Во-вторых, если бы Ленин имел в виду только одну партию, то он употребил бы характерное для него выражение «авангард пролетариата», применявшееся им обычно при характеристике партии. Выражение же «тонкий слой пролетариата» можно понять только как активное участие в работе Советов наиболее передовых и сознательных рабочих, а не партии как таковой. Это высказывание говорит о наличии именно «диктатуры пролетариата», поскольку речь идет об участии в работе Советов, хотя и «тонкого», но все же слоя рабочего класса, и о том, что успехи образования трудящихся масс приведут к более широкому их участию в управлении государством.

Только так и можно оценить высказывание В. И. Ленина, на которое ссылается Э. Карр для подтверждения тезиса о «диктатуре партии».

⁷⁰ Е. Н. Сатт. *Socialism in one country*, vol. 1, p. 104.

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 170—171.

Помимо такой своеобразной интерпретации этого высказывания В. И. Ленина, автор игнорирует само постановление VIII съезда РКП(б) по вопросу о взаимоотношениях между партией и Советами, которое не оставляет никаких сомнений в том, что оценка партией диктатуры пролетариата, роли Советов и РКП(б) в системе этой диктатуры была прямо противоположной тому, что приписывает В. И. Ленину Э. Карр. В резолюции VIII съезда партии по интересующему нас вопросу говорится следующее: «Советы являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата в течение того времени, пока отомрет какое бы то ни было государство. Советы объединяют в своих рядах десятки миллионов трудящихся и должны стремиться к тому, чтобы объединить в своих рядах весь рабочий класс и все беднейшее и среднее крестьянство. Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства — ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы. Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы... Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в каком случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, *в рамках Советской конституции*. Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их».⁷² Здесь совершенно отчетливо проводится мысль о руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата и в то же время говорится о недопустимости со стороны партии подменять Советы и другие звенья системы диктатуры пролетариата. Найти в высказывании В. И. Ленина на съезде и в этой резолюции что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее выражение «диктатура партии» в качестве «рабочей формы диктатуры пролетариата», совершенно невозможно.

Несколько более умеренной, хотя в целом и не слишком определенной, выглядит трактовка вопроса о характере советского государственного строя научным сотрудником Русского института Колумбийского университета М. Левиным. В своей последней работе М. Левин, вступая в противоречие с концепцией «диктатуры пролетариата без пролетариата», признает довольно значительное участие рабочих в государственном управлении, или,

⁷² КПСС в резолюциях..., т. 2, стр. 76—77.

как пишет он сам, в «административной машине». Он даже считает, что, вовлекая в государственный аппарат рабочих, эта «административная машина» значительно уменьшала ряды рабочего класса, особенно металлистов, железнодорожников и шахтеров. В то же время он явно разделяет и некоторые положения Э. Карра.⁷³

Основываясь на концепции «диктатуры пролетариата без пролетариата», современная буржуазная историография зачастую совершенно произвольно толкует и вопросы о социальной базе Советского государства, классовой структуре общества и союзе рабочего класса и крестьянства.

Советская историческая наука при рассмотрении этих проблем основывается на ленинской оценке движущих сил революции и социалистического строительства. В. И. Ленин доказал, что построение социалистического общества и само существование диктатуры пролетариата в России, где пролетариат составляет меньшинство населения, возможно лишь при условии, если рабочий класс объединит вокруг себя и под своим государственным руководством непролетарские трудовые слои, и прежде всего крестьянство. Он указывал, что «высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удерживать руководящую роль и государственную власть».⁷⁴ После перехода к нэпу этот союз получил прочную экономическую основу для своего совершенствования и развития, результатом чего и было улучшение материального положения крестьянства, прекращение процесса деклассирования пролетариата, первые успехи в восстановлении народного хозяйства страны. Эти процессы, естественно, вели к укреплению социальной базы диктатуры пролетариата, отражением чего были неуклонное увеличение числа избирателей на выборах в Советы в городе и деревне на протяжении 20-х годов, усиление трудовой и политической активности рабочего класса и крестьянства.

Наиболее консервативное крыло реакционной буржуазной историографии, опираясь на рассмотренный выше тезис о состоянии пролетариата в начале 20-х годов и добавив к нему обветшавшую догму об исконной враждебности марксизма крестьянству, фактически отрицает наличие всякой социальной базы у Советского государства. По мнению А. Улама, К. Ханта и ряда других буржуазных историков, Советское государство действовало в условиях полного «социального вакуума», поскольку ни рабочий класс, ни крестьянство, ни другие социальные группы не имели никакого самостоятельного значения и влияния в обществе.⁷⁵ Разумеется, такие карикатурные «классовые структуры»

советского общества не находят поддержки даже у многих представителей реакционной буржуазной историографии, сознающих, что отрицание всякой социальной базы Советского государства выглядит слишком уж неправдоподобно даже для западного читателя. Поэтому в 60-е годы большее хождение начинают приобретать другие «социальные структуры» советского общества, в известной мере навеянные отчасти теорией конвергенции, отчасти построениями некоторых современных ревизионистов.

В этом смысле характерной является трактовка социальной структуры, сложившейся в результате перехода к нэпу, предложенная американским историком, профессором Вермонтского университета Р. Дэниелсом. Отрицая, подобно другим сторонникам концепции «диктатуры пролетариата без пролетариата», всякую самостоятельную роль рабочего класса в обществе, он отыскивает «новый класс», который в союзе с большевистской партией и составляет социальную структуру общества после поворота к нэпу. По его мнению, в основе этой структуры был компромисс, достигнутый между партией, с одной стороны, и технократией (специалисты), бюрократией («эксперты», «администраторы», «полицейский аппарат»), с другой. Эта социальная структура именуется им «менеджерским социальным порядком»,⁷⁶ а рабочий класс и крестьянство как таковые вообще выпадают из этой схемы.

Весьма примечательно, что тезис о союзе партии с технократией и бюрократией, якобы заменившем союз рабочего класса с крестьянством после поворота к нэпу, становится все более привлекательным для реакционных буржуазных авторов, занятых поисками аналогий в советской истории для ревизионистского учения Джиласа о «новом классе».⁷⁷

В основе такого рода «социальных структур» и «союзов», помимо перенесения некоторых явлений современной политической системы империалистических государств (роль технократии, менеджерский слой) на «советскую почву», несомненно лежит спекуляция относительно политики партии и государства по привлечению буржуазных специалистов в различные отрасли народного хозяйства, их использования в деле восстановления экономики страны.

Между тем партия и Советское государство решали этот вопрос отнюдь не на путях замены одного «союза» другим, как это представляется Р. Дэниелсу. В конспекте брошюры «О дикта-

Univ. Chicago Press, Chicago—London, 1969, p. 505, 680, 787; M. Fainsod. How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1956, p. 97—98.

⁷⁵ R. V. Daniels. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Harvard Univ. Press, Cambridge (Mass.), 1965, Second printing, p. 136, 139.

⁷⁷ См., например: W. Scharndorff. Die Geschichte der KPdSU. München, 1961, S. 121.

⁷³ M. Lewin. Lenin's last struggle. N. Y., 1968, p. 5.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 47.

⁷⁵ A. Ulam. Lenin and the bolsheviks, p. 479—480, 486, 528; Reading in Russian civilization. Vol. 3. Soviet Russia (1917—1963). Ed. by Th. Riha.

туре пролетариата» В. И. Ленин определил использование буржуазии и буржуазных специалистов, «взятие на работу, принуждение служить пролетариату», как одну из форм классовой борьбы после завоевания рабочим классом политической власти.⁷⁸ Характер, место и степень эффективности участия буржуазных специалистов в восстановлении и строительстве новой экономики всецело зависели от тех рамок, в которые они были поставлены пролетарским государством, осуществлявшим господство над командными высотами в народном хозяйстве.⁷⁹

Представители буржуазно-либерального направления современной западной историографии не приводят в своих работах таких грубо карикатурных схем классовой структуры советского общества после введения нэпа, которые рассмотрены выше. Им свойственно более внимательное рассмотрение действительного положения каждого класса. В их работах делается попытка оценить роль и значение тех или иных классов в развитии общественного производства. Однако далеко не во всем можно согласиться с авторами трудов и этого направления современной буржуазной историографии.

Обратимся к работам Э. Карра, как наиболее видного представителя этого направления, где данный вопрос рассмотрен достаточно подробно. В своем труде «Социализм в одной стране» Э. Карр намечает три или четыре класса (группы) в социальной структуре советского общества после введения нэпа: рабочий класс, крестьянство и «независимые ремесленники», новая буржуазия (нэпманы и кулаки), командный (офицерский) корпус, к которому он относит должностных лиц, руководителей, технических специалистов, интеллигентов всех категорий и т. д.⁸⁰ Хотя такое деление и не соответствует нашему представлению о классах, несомненно, что такие социальные группы действительно имели место в структуре общества этого времени.

Однако оценка Э. Карром роли и веса того или иного класса (группы) в советской системе противоречива и вызывает возражения. С одной стороны, он признает, что сущность нэпа состояла в том, чтобы сохранить союз (или связь — link) между крестьянством и пролетариатом, который сложился еще в годы гражданской войны и благодаря которому была одержана победа в этой войне.⁸¹ С другой стороны, взаимоотношения и роль этих классов в рамках их союза в начале 20-х годов оценены им совершенно неправильно. Исходя из своих представлений о сущ-

ности советского государственного строя (об этом речь шла выше), Э. Карр соответственно этому оценивает и роль пролетариата в социальной структуре общества. «Но его (рабочего класса, — И. Ш.) относительный вес в социальном строе уменьшился. Концепция гегемонии пролетариата в революции, которая казалась действительной в героические дни Октября 1917 года, оказалась неработоспособной после того, как власть была взята», — пишет Э. Карр. «Пролетариат, — продолжает он, — был не способен „вести“ крестьянство, которое составляло 80% населения, и от которого он сам жизненно зависел».⁸²

В. И. Ленин еще в 1921 г. отмечал, что меньшевики выдвигали такой же тезис. Он писал: «Меньшевики рассуждают так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, а потому большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата».⁸³ Именно в соответствии с ленинским пониманием взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством и выглядели позиции обоих классов в начале 20-х годов. Пролетариат оставался гегемоном и вел за собой крестьянство. Между тем Э. Карр делает вывод, что после введения нэпа «скорее крестьянство, чем промышленный пролетариат, взяло руководство на следующие три года, захватив главное место в заботах руководителей партии».⁸⁴ В другом случае он называет крестьянство «избалованным дитятей пролетариата», которое командовало своим родителем.⁸⁵

Итак, любопытная перемена мест слагаемых в союзе рабочего класса и крестьянства, от которой результат резко меняется. По Карру, как бы гегемоном в этом союзе становится крестьянство, а не рабочий класс. Еще любопытнее, что Э. Карр объясняет вес класса в обществе не производственными отношениями, не степенью участия в системе общественного производства и распределения и степенью влияния в политической жизни, а степенью забот партии над проблемами того или иного класса, т. е. проявляет крайне субъективистский подход к определению роли и значения классов в структуре советского общества.

Такие взгляды относительно положения и роли классов отражают ограниченность буржуазного мировоззрения такого несомненно серьезного исследователя, каким является Э. Карр.

Весьма примечательно, что в качестве доказательства вышеизложенного тезиса Э. Карр приводит неоспоримые данные

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 261—264.

⁷⁹ См. подробнее: Н. В. Щербань. Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период, стр. 110—116.

⁸⁰ E. H. Carr. Socialism in one country, vol. 1, p. 90.

⁸¹ E. H. Carr. The bolshevik revolution, 1917—1923. Vol. II. London, 1952, p. 278. (Книга переиздана в 1963 г.).

⁸² E. H. Carr. Socialism in one country, vol. 1, p. 99.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 42.

⁸⁴ E. H. Carr. Socialism in one country, vol. 1, p. 100.

⁸⁵ Ibid.

о том, что в первые годы нэпа производство сельскохозяйственной продукции быстро возвращалось к своему довоенному уровню, тогда как тяжелая промышленность восстанавливалась крайне медленно. Рабочие легкой промышленности, продолжает он, так тесно связанные с крестьянским производством, заняли ведущее положение в экономике. «Пролетариат не только уменьшился численно, но и утратил свой особый, отличный характер»,⁸⁶ — заключает Э. Карр.

Но все эти данные вовсе не говорят об изменении соотношения между классами и переходе гегемонии к крестьянству. На самом деле нэп был рассчитан на восстановление в первую очередь крестьянского хозяйства и легкой промышленности не потому, что крестьянство как класс заняло ведущее положение в союзе, а потому, что эти отрасли экономики могли восстанавливаться быстрее, без больших капиталовложений, и создать необходимые резервы и средства для последующего перехода к восстановлению и развитию государственной тяжелой промышленности — материального фундамента социализма. Естественно, что это восстановление способствовало также численному росту рабочего класса и повышению его роли в экономической и политической жизни государства.

* * *

Таковы в самых общих чертах главные тенденции современной буржуазной историографии, которая в связи с рассматриваемой проблемой выдвигает свое особое «толкование» сущности советского государственного строя и на его основе оценивает классовую структуру общества в начале 20-х годов. Как видно из приведенных нами данных, они сводятся к следующему.

1. Оценка советского рабочего класса в соответствии с мерками капиталистического общества исключительно как производительной силы, объекта управления, политических манипуляций и даже эксплуатации и игнорирование его как господствующего в экономике и руководящего класса государства диктатуры пролетариата.

2. Искажение понятий «класс» и «партия», отрыв партии от рабочего класса, попытка рассматривать ее в качестве внеклассовой, «элитарной» группы.

3. Игнорирование учения о диктатуре пролетариата как сложном механизме политической системы, произвольное обособление и выпячивание отдельных частей этой системы, подмена понятия «диктатура пролетариата» термином «диктатура партии».

4. Спекуляция на известной слабости экономического базиса государства, преувеличение роли его количественных элементов

(уровень развития промышленности и связанная с ним численность пролетариата) и недооценка или игнорирование его качественной стороны (характер собственности, социалистический уклад экономики).

5. Отрыв политической надстройки от экономического базиса, оценка политики не как «концентрированной экономики», а по существу как внеэкономической по своей природе силы, игнорирование диалектики взаимодействия базиса и надстройки в условиях диктатуры пролетариата.

6. Подмена понятия социальной базы государства диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства мнимыми «политическими блоками» или оценка роли классов в этом союзе с крайне субъективистских позиций.

Все эти построения, включая концепцию «диктатура пролетариата без пролетариата», как было показано выше, являются несостоятельными попытками исказить характер Советского государства этого периода — государства диктатуры пролетариата. Опровержение таких концепций как путем их критического разбора, так и особенно посредством конкретно-исторического изучения вопросов истории советского государственного строительства, и в частности проблемы «класс — партия», применительно к началу 20-х годов, является важной задачей советских историков.

⁸⁶ Ibid., p. 100.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР¹

1. ДОКУМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ВЫСШИХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

- Поставление Пленума ЦК РКП(б) о взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками. 6 октября 1922 г. — В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 401—402.
- Об отношениях между советскими республиками. Постановление 3-й сессии ЦИК УССР 6-го созыва. 16 октября 1922 года. — В кн.: История Советской конституции. Сборник документов. 1917—1957. М., 1957, стр. 194.
- Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В кн.: Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. 1922—1936 гг. Т. 3. М., 1960, стр. 16—17.
- Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. — Там же, стр. 18—22.
- Об утверждении Декларации и Договора об образовании СССР. Постановление I съезда Советов СССР 30 декабря 1922 г. — Там же, стр. 15—16.
- Резолюция XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. — В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 433—443.
- О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972.

2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА²

- Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе. — Полн. собр. соч., т. 7, стр. 233—242.
- Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос. — Полн. собр. соч., т. 23, стр. 149—150.

¹ Библиография составлена В. М. Кручковой на основе картотеки систематических каталогов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР и Библиотеки Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР.

² Более полные данные о трудах В. И. Ленина по вопросам национальной политики Коммунистической партии и Советского государства и об образовании СССР см. в книгах: Алфавитный указатель произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В. И. Ленина, Предметный указатель к новым произведениям В. И. Ленина, включенным в Полное собрание сочинений. М., 1966; Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. Ч. 1. М., 1969, стр. 409—410, 653.

- Ленин В. И. Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. — Полн. собр. соч., т. 24, стр. 45—61.
- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, стр. 113—150.
- Ленин В. И. Набросок резолюции по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, стр. 377—378.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 255—320.
- Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 27, стр. 61—68.
- Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы). — Полн. собр. соч., т. 27, стр. 252—266.
- Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — Полн. собр. соч., т. 30, стр. 17—58.
- Ленин В. И. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая). — Полн. собр. соч., т. 31, стр. 432—438.
- Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, стр. 1—120.
- Ленин В. И. Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. Доклад о мире 26 октября (8 ноября). — Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13—22.
- Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г. Заключительное слово перед закрытием съезда 18 (31) января. — Полн. собр. соч., т. 35, стр. 286—290.
- Ленин В. И. Проект программы РКП (большевиков). — Полн. собр. соч., т. 38, стр. 103—108.
- Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта. — Полн. собр. соч., т. 38, стр. 151—184.
- Ленин В. И. Великий почин. — Полн. собр. соч., т. 39, стр. 1—29.
- Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана. — Полн. собр. соч., т. 39, стр. 304.
- Ленин В. И. Резолюция ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине. — Полн. собр. соч., т. 39, стр. 334—337.
- Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919 г. Заключительное слово по вопросу о Советской власти на Украине 3 декабря 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, стр. 364—365.
- Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 40, стр. 1—24.
- Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы Деникиным. — Полн. собр. соч., т. 40, стр. 41—47.
- Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, стр. 87—110.
- Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. (Для Второго съезда Коммунистического Интернационала). — Полн. собр. соч., т. 41, стр. 161—168.
- Ленин В. И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане. — Полн. собр. соч., т. 41, стр. 433—436.
- Ленин В. И. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики. — Полн. собр. соч., т. 43, стр. 198—200.
- Ленин В. И. Записка И. В. Сталину с проектом постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу об образовании Федерации Закавказских республик. — Полн. собр. соч., т. 44, стр. 255.
- Ленин В. И. Об образовании СССР. Письма Л. В. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б). — Полн. собр. соч., т. 45, стр. 211—213.
- Ленин В. И. Всеукраинскому съезду Советов. 10 декабря 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, стр. 330.

Ленин В. И. Письмо к съезду. — Полн. собр. соч., т. 45, стр. 343—348.

Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». — Полн. собр. соч., т. 45, стр. 356—362.

Брежнев Л. И. 50 лет великих побед социализма. Доклад и заключительная речь на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов. 3—4 ноября 1967 года. — В кн.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речь и статьи. Т. 2. М., 1970, стр. 75—145.

Брежнев Л. И. Под ленинским знаменем дружбы народов. Речь на торжественном заседании ЦК Компартии Украины и Верховного Совета Украинской ССР. 23 декабря 1967 года. — Там же, стр. 156—167.

Брежнев Л. И. Верность идеям Ленина, делу коммунизма — залог всех наших побед. Речь на торжественном заседании ЦК КП Белоруссии и Верховного Совета Белорусской ССР. 28 декабря 1968 г. — Там же, стр. 337—349.

Брежнев Л. И. Великое братство народов, рожденное социализмом. Речь на торжественном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР, посвященном 50-летию Казахской ССР и Коммунистической партии Казахстана. 28 августа 1970 г. — Там же, т. 3. М., 1972, стр. 107—127.

Брежнев Л. И. Пятьдесят лет Советскому Азербайджану. Речь на торжественном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана и Верховного Совета Азербайджанской ССР. 2 октября 1970 г. — Там же, стр. 128—150.

Брежнев Л. И. Пятьдесят лет Советской Армении. Речь на торжественном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Армении и Верховного Совета Армянской ССР. 29 ноября 1970 г. — Там же, стр. 167—188.

Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта 1971 г. — Там же, стр. 194—314.

Брежнев Л. И. Пятьдесят лет Советской Грузии. Речь на торжественном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР. 14 мая 1971 г. — Там же, стр. 338—355.

Брежнев Л. И. Решения XXIV съезда КПСС — боевая программа деятельности советских профсоюзов. Речь на XV съезде профессиональных союзов СССР. 20 марта 1972 г. — Там же, стр. 473—499.

Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1972 г. М., 1972.

Калинин М. И. О значении образования Союза ССР. (Речь при закрытии I съезда Советов СССР 30 декабря 1922 г.). — В кн.: Калинин М. И. Вопросы советского строительства. Статьи и речи (1919—1946). М., 1958, стр. 144—145.

Калинин М. И. Вторая годовщина Союза ССР. — Там же, стр. 256—258.

Калинин М. И. Государственное и национальное строительство Союза ССР за 10 лет. (Речь при открытии 3-й сессии ЦИК СССР VI созыва 23 января 1933 г.). — Там же, стр. 505—510.

Калинин М. И. К двадцатилетию образования Союза ССР (1922—1942 гг.). Иркутск, 1943.

Киров С. М. Речь на I съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г. — В кн.: Киров С. М. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957, стр. 150—152.

Орджоникидзе Г. К. О Союзе Советских Социалистических Республик. Доклад на I Закавказском съезде Советов 11 декабря 1922 г. — В кн.:

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. 1910—1926 гг. Т. 1. М., 1956, стр. 251—266.

Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Доклад на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. — Соч., т. 5, стр. 33—44.

Сталин И. В. Вопрос об объединении независимых национальных республик. Беседа с корреспондентом газеты «Правда». 18 ноября 1922 г. — Там же, стр. 138—144.

Сталин И. В. Об объединении Советских Республик. Доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. — Там же, стр. 145—155.

Сталин И. В. Об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. — Там же, стр. 156—159.

Фрунзе М. В. О Союзе ССР (Интервью для газеты «Коммунист»). — Соч., т. 1, М.—Л., 1929, стр. 476—478.

Фрунзе М. В. Доклад о союзном объединении Советских республик на VII Всукраинском съезде Советов 13 декабря 1922 г. — Там же, стр. 528—536.

Фрунзе М. В. Пятая годовщина Советской власти. О союзном объединении Советских республик. 25 лет РКП(б). М., 1960.

З. В. И. ЛЕНИН — ОСНОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

О подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Постановление ЦК КПСС. М., 1968.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969.

В. И. Ленин и дружба советских народов. 1917—1921. — Дружба народов. 1957, № 11, стр. 3—37.

В. И. Ленин и народы СССР. (К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина). — Дружба народов, 1960, № 6, стр. 170—181.

Абдулаев Ш. Ш., Зевелева А. И. В. И. Ленин и исторические судьбы народов Средней Азии. М., 1968.

Ахмедов М. С. В. И. Ленин и образование Союза ССР. — Вопросы истории КПСС, 1962, № 6, стр. 22—38.

Башков С. Б. В. И. Ленин и Советский Казахстан. Алма-Ата, 1969.

Гапоненко Л. С. В. И. Ленин — великий вождь пролетарской революции и основатель Советского государства. — История СССР, 1960, № 2, стр. 22—45.

Гилилов С. С. Разработка В. И. Лениным принципов строительства многонационального Советского государства. — Уч. зап. Академии общественных наук при ЦК КПСС, вып. 30, 1958, стр. 45—83.

Гилилов С. С. В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства. М., 1972.

Зевин В. Я. Разработка В. И. Лениным программы и политики Коммунистической партии по национальному вопросу. М., 1970.

Зевин В. Я. В. И. Ленин — основатель Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972.

Златонольский Д. Л. В. И. Ленин и теоретические проблемы строительства социалистической федерации — Союза ССР. — Вестник МГУ, сер. 12, Право, 1970, № 2, стр. 37—44.

Игнатов Х. Ш. В. И. Ленин и строительство национальной государственности народов Средней Азии. — История СССР, 1960, № 2, стр. 77.

Копылов Н. Я. В. И. Ленин о федерации как форме государственного устройства многонационального социалистического государства. — Вестник ЛГУ, сер. истории, языка и литературы, № 20, вып. 4, 1960, стр. 15—25.

- Королев А. И. В. И. Ленин и создание Советского государства. — Советское государство и право, 1970, № 3, стр. 3—11.
- Куличенко М. И. Роль В. И. Ленина в создании и укреплении государственного союза Советской России и Советской Украины (1917—1922 гг.). — Вопросы истории, 1961, № 4, стр. 21—40.
- Куличенко М. И. В. И. Ленин о федерации и ее роли в строительстве Советского многонационального государства. — Вопросы истории КПСС, 1961, № 5, стр. 55—72.
- Любимов В. Юлдашев В. Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967.
- Магеллис Б. Л. В. И. Ленин — организатор Союза ССР. — Советское государство и право, 1962, № 12, стр. 13—25.
- Мерквладзе В. И. В. И. Ленин и строительство основ советской национальной государственности. Тбилиси, 1959.
- Обиткин Г. Д. В. И. Ленин — руководитель Коммунистической партии и Советского государства. М., 1960.
- Палецкис Ю. И. В. И. Ленин и великое содружество наций. — Советское государство и право, 1970, № 4, стр. 11—18.
- Пептковская В. В. Роль В. И. Ленина в образовании СССР. — Вопросы истории, 1956, № 3, стр. 13—24.
- Равин С. М. В. И. Ленин о формах государственного устройства наций. — В кн.: В. И. Ленин о государстве и праве. Л., 1961, стр. 92—105.
- Гаджабов С. А. В. И. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе, 1970.
- Саладков И. Великий основатель белорусской государственности. (К 91-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина). — Коммунист Белоруссии, 1961, № 4, стр. 17—23.
- Спасов А. И. Об отношении В. И. Ленина к принципу федеративного устройства социалистического государства. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей. Труды межвузовской научной конференции. Волгоград, 1969, стр. 168—171.
- Тадевосян Э. В. В. И. Ленин о государственных формах решения национального вопроса в СССР. М., 1970.
- Уразаев Ш. З. В. И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане. Ташкент, 1967.
- Фурманов Г. Л. В. И. Ленин о высшем типе государства. М., 1962.
- Хамандарян С. В. Ленин и становление Закавказской Федерации. Ереван, 1969.
- Чугаев Д. А. В. И. Ленин — основатель Советского многонационального государства. М., 1970.
- Якубовская С. Роль Ленина в создании СССР. — Коммунист, 1956, № 10, стр. 27—41.

4. СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

- В. И. Ленин — друг народов Востока. Сборник документов и материалов 1917—1922 гг. Кн. первая (1917—1920 гг.), кн. вторая (1921—1924 гг.). Баку, 1967.
- Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР. (Материалы Всесоюзной научной сессии в Душанбе. Май, 1968 г.). Душанбе, 1970.
- Братское содружество народов СССР. 1922—1936. Сборник документов и материалов. М., 1964.
- Великий Октябрь и Прибалтика. (Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Вильнюс, 1968.

- Гимпельсон Е. Г., Давидович А. М. Документы съездов Советов как источник для изучения истории союзных и автономных советских республик. — История СССР, 1962, № 1, стр. 97—107.
- Давидович А. М., Иванов С. С., Курицын В. М., Ронин С. Л. Новые труды по истории Советского государственного строительства в союзных республиках. — Вопросы истории, 1962, № 12, стр. 112—117.
- Документы об образовании СССР. Вступ. статья И. И. Владимирцева. — Вопросы истории, 1972, № 6, стр. 3—19.
- Зайцева В. А. Образование СССР. (Обзор документальных публикаций). — История СССР, 1972, № 3, стр. 126—132.
- Зак Л. М. Современная советская историография о проблемах национально-культурного строительства. — История СССР, 1971, № 5, стр. 82—95.
- Зенушкина И. С. Советская национальная политика и буржуазные историки. Становление Советского многонационального государства (1917—1922 гг.) в современной американской историографии. М., 1971.
- Историки советских республик — навстречу 50-летию юбилею образования СССР. — История СССР, 1972, № 6, стр. 22—41.
- История Советской Конституции. Сборник документов. 1917—1957. М., 1957.
- Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР. — Сборник документов и материалов. Киев, 1972.
- Кукушкин Ю. С. Проблемы изучения истории создания Союза ССР. — История СССР, 1972, № 6, стр. 11—21.
- Куличенко М. И. Вопросы образования СССР в новых трудах советских историков. — Вопросы истории, 1962, № 1, стр. 127—137.
- Образование и развитие СССР как союзного государства. Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972.
- Образование Союза Советских Социалистических Республик. (Историко-графический обзор). — В кн.: Очерки по историографии советского общества. М., 1965, стр. 220—246.
- Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972.
- Образование СССР. (Краткий список книг на русском языке за 1922—1972 гг.). — История СССР, 1972, № 6, стр. 177—179.
- Образование СССР. Сборник документов. 1917—1924. М.—Л., 1949.
- Романовский Н. В. Некоторые проблемы образования СССР в новейшей буржуазной историографии. — Вопросы истории, 1972, № 12, стр. 26—39.
- Советское содружество народов. (Объединительное движение и образование СССР). Сборник документов. 1917—1922. М., 1972.
- Союз равных. 1922—1972. Справочник. М., 1972.
- Союз свободных и равных. (Список литературы к 50-летию образования СССР). Саратов, 1972.
- Чугаев Д. А. Образование Союза ССР. (Историко-графический обзор). — Вопросы истории КПСС, 1962, № 6, стр. 173—181.
- Якимов Н. В., Рузакова Р. Г. В единой семье. (К 50-летию образования СССР). Библиографическое пособие. М., 1971.
- Якубовская С. И. Советская историография образования СССР. — Вопросы истории, 1962, № 12, стр. 3—17.

5. МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

- Аверьев В. Образование Союза ССР. — Советское строительство, 1937, № 12, стр. 49—57.
- Аверьев В. К. Первая Конституция Союза ССР. — Советское государство и право, 1939, № 1, стр. 94—105.

Агаян Ц. П. Федерация Закавказских республик — яркое воплощение ленинской идеи дружбы народов. — История СССР, 1972, № 5, стр. 32—39.

Агаян Ц. П. В борьбе за нерушимый союз. — Вопросы истории, 1972, № 12, стр. 14—25.

Агзамходжаев А. Советское многонациональное государство. (К 40-летию образования СССР). Ташкент, 1962.

Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. Ташкент, 1971.

Азизян А. К. Ленинская национальная политика в развитии и действии. М., 1972.

Аналкин И. Ф., Голоткин Ж. Г., Тронцкий Е. С. Международное значение образования и развития СССР. — Вопросы истории, 1972, № 12, стр. 3—13.

Анисимова Т. В. Советская Конституция и ее историческое развитие. — В кн.: Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник статей. Т. 2, М., 1957, стр. 289—319.

Афтенюк С. Я. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971.

Ахтамзян А. А., Трухановский В. Г. Образование СССР и советская внешняя политика. — История СССР, 1972, № 6, стр. 4—260.

Бабицкий Б. Е. Ленинские принципы объединения советских республик в единое союзное государство. (К 35-летию образования СССР). Минск, 1957.

Баканин А. РСФСР. Очерк образования и развития Российской Советской Федерации. М., 1938.

Баранчиков В. А., Маслеников В. А. Образование СССР и развитие советской формы социалистического государства. М., 1972.

Бегиян А. З. Развитие советской государственности в Армении. Ереван, 1968.

Белоруссия в Союзе Советских Республик. (К 50-летию образования СССР). Минск, 1972.

Бободжанов Н. СССР — Союз равноправных республик. Душанбе, 1971.

Борисовский В. Н. Историческое значение образования СССР для развития мирового революционного процесса. М., 1972.

Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве. Сборник статей. М., 1971.

Бурмистрова Т. Ю. Советский Союз — воплощение ленинских идей интернационального сотрудничества народов. Л., 1972.

Гайдуков Д. А. Развитие Советской Конституции. — Советское государство и право, 1957, № 11, стр. 61—73.

Гамрецкий Ю. М., Рубач М. А., Супруненко М. И. Образование Украинской Советской Социалистической Республики. — Вопросы истории, 1968, № 5, стр. 3—16.

Гафурова К. А. Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти. 1917—1924. М., 1972.

Гейкина Э. В. Образование СССР. М., 1947.

Гейкина Э. В. Из истории первой Конституции СССР 1924 года. — Вестник МГУ, 1947, № 1, стр. 3—28.

Гейкина Э. В. Переход Советского государства к новой экономической политике. 1921—1922. М., 1954, стр. 387—419.

Грошев И. И. Образование и развитие СССР — торжество ленинской национальной политики. М., 1972.

Гудцев Дж. В. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970.

10 лет Конституции СССР. Сборник статей. М., 1933.

Дорогами дружбы. 1922—1972. Сборник. М., 1972.

Дурденевский В. Н. Автономные республики в системе Союза ССР. Иркутск, 1929.

Захаров И. З. Ленинский курс партии на укрепление дружбы народов СССР. М., 1972.

Златопольский Д. Л. Образование и развитие СССР как союзного государства. М., 1954.

Златопольский Д. Л. Ленинская национальная политика и дальнейшее расширение прав союзных республик. М., 1957.

Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР. М., 1960, стр. 75—142.

Златопольский Д. Л. СССР — федеративное государство. М., 1967.

Златопольский Д. Л., Чистяков О. И. Образование Союза ССР. М., 1972.

Игнатъев В. Н. От договора об образовании Союза ССР к Конституции Союза ССР. — Советское строительство, 1928, № 7, стр. 11—17.

Игнатъев В. Н. История образования Союза ССР. — Советское строительство, 1932, № 12, стр. 14—24.

История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1966. Т. 1, М., 1968; т. 2, М., 1970.

Кадии В. Добровольный союз равноправных народов. — Советское строительство, 1932, № 12, стр. 6—14.

Кайханиди А. Е. Ленинская теория и программа по национальному вопросу. Минск, 1962.

Каменская Н. В. Образование Союза Советских Социалистических Республик. Минск, 1972.

Карлов А. А. Образование и развитие Союза ССР как государственно-правовой формы сочетания интернациональных и национальных интересов. — В кн.: Национальное и интернациональное в жизни народа. Материалы межреспубликанской научной конференции. Вып. II. Киев, 1970, стр. 75—94.

Кийкбаев И. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1968.

Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972.

Ким М. П., Шерстобитов В. П. Советский народ — новая историческая общность людей. — Вопросы истории, 1972, № 10, стр. 3—17.

Киселев Г. Ф., Сперансов Н. И. Эмблемы мира и труда. (Государственные гербы и флаги Советского Союза и союзных республик). М., 1968.

Кислицын И. М. Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР. Пермь, 1969.

Кнорин В. Заметки к истории диктатуры пролетариата в Белоруссии. (К десятилетию провозглашения БССР). М., 1934.

Козочкина Е. Д. XI съезд партии. Коммунистическая партия — организатор СССР. М., 1963.

Котляревский С. А. СССР и союзные республики. М. — Л., 1926.

Кочкин А. Е. 50 лет в семье братских советских народов. Ереван, 1970.

Кравчук С. С. Ленинские принципы Советской Конституции, установленные Вторым Всероссийским съездом Советов. — Вестник МГУ, сер. экономики, философии, права, 1957, № 3, стр. 121—136.

Куличенко М. И. Коммунистическая партия Украины в борьбе за создание СССР. Киев, 1962.

Куличенко М. И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 годах. Харьков, 1963.

Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972.

Курицын В. М. Государственное сотрудничество между Украинской ССР и РСФСР в 1917—1922 гг. М., 1957.

Левин И. Д. Двадцать пять лет многонационального социалистического государства. Ташкент, 1943.

Левин И. Д. Советская федерация — государственно-правовая форма решения национального вопроса. — В кн.: Вопросы советского государства и права. М., 1957, стр. 213—268.

Лепешкин А. И. Конституционное развитие Советского союзного государства. — Советское государство и право, 1962, № 12, стр. 26—36.

Литва за полвека новой эпохи. Вильнюс, 1967.

Лихлат А., Чугаев Д. Великое единение. (Образование СССР). М., 1972.

Лукашова О. М. Советская страна в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Образование СССР (1921—1925 гг.). М., 1952.

Лукин Б. В. У истоков великой дружбы. Ташкент, 1972.

Макарова Г. П. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.). М., 1969.

Малабаев Д. М. Образование СССР и развитие национальной государственности киргизского народа. Фрунзе, 1972.

Матюгин А. А., Чугаев Д. А. СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925). М., 1952.

Матюшкин Н. И. Четверть века могучего Союза республик. К 25-летию образования СССР. М., 1947.

Мельников В. Ф. Советский Азербайджан — республика дружбы народов. Баку, 1967.

Мерквладзе В. Н. Создание и укрепление советской государственности в Грузии в 1921—1936 гг. Тбилиси, 1969.

Мерквладзе В. Н. Трудящиеся Закавказья в борьбе за установление братского сотрудничества и государственного союза с РСФСР (1920—1922 гг.). — История СССР, 1972, № 5, стр. 22—31.

Миллер О. В. Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967.

Мильман А. Ш. Азербайджанская ССР — суверенное государство в составе СССР. Баку, 1971.

Многонациональное советское государство. М., 1972.

Мулукаев Р. С. Советская автономия. М., 1960.

Национальные отношения и государство в современный период. М., 1972.

Пурбеков К. Возникновение киргизской советской национальной государственности. Фрунзе, 1964.

Палецкис Ю. И. 50 лет Советского многонационального государства. — Советское государство и право, 1967, № 11, стр. 13—21.

Пентковская В. Первый съезд Советов СССР. М., 1953.

Петросян Ш. Н. История конституционного развития советской государственности в Армении. Ереван, 1968.

Пискарев А. Основные фазы объединительного движения советских республик до образования СССР. Л., 1950.

Проскури А. Коммунистическая партия Советского Союза — организатор Союза Советских Социалистических Республик. Воронеж, 1972.

Равин С. М. Принципы федерализма в советском государственном праве. Л., 1961.

Равная среди равных. Сборник статей по истории социалистического и коммунистического строительства в Молдавии. Кишинев, 1972.

Ракашев В. К. Экономическое сотрудничество советских республик. (1917—1922). — Вопросы истории, 1972, № 7, стр. 10—25.

Рейхель М. О. СССР. Черты конституционных взаимоотношений советских республик. Ч. 1. Харьков, 1925.

Ромашкин П. С., Курицын В. М. Расцвет советской государственности. (К 40-летию создания Союза ССР). — Вестник Академии наук СССР, 1963, № 1, стр. 24—26.

Ронин С. Л. К истории Конституции СССР 1924 г. М.—Л., 1949.

Ронин С. Л. Принципы пролетарского интернационализма в советском социалистическом праве. М., 1956.

Ронин С. Л. Возникновение и развитие конституционных основ Советского многонационального государства. — В кн.: Вопросы Советского государства и права. 1917—1957. М., 1957, стр. 170—212.

Сабиров К. Таджикская социалистическая нация — детище Октября. Душанбе, 1967.

Салехов Н. И., Горелик Я. М. Торжество ленинской национальной политики в СССР. (К 40-летию образования СССР). М., 1962.

Саломова Ш. З. Дружба народов — наше великое завоевание. Ташкент, 1971.

Семенов П. Г. Проблемы советского национально-государственного строительства. (На материалах Российской Федерации). М., 1968.

Сикорский В. М. Ленинизм — научная основа политики КПСС. Образование и укрепление СССР — торжество ленинской национальной политики. Минск, 1971.

Сорок лет СССР и Закавказской Федерации. Сборник статей. Баку, 1962.

Спасов А. Коммунистическая партия в борьбе за федеративное объединение советских республик в период гражданской войны и интервенции (1918—1920 гг.). Л., 1958.

СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Исторические очерки. М., 1955.

СССР — великое содружество народов-братьев. Сборник статей. М., 1972.

Степанов А. Народный комиссариат по делам национальностей и подготовка к созданию СССР. М., 1951.

Стучка П. И. Национальный момент в Советской Конституции. — Советское строительство, 1928, № 7, стр. 18—26.

Стучка П. И. СССР и РСФСР. Советская Конституция в вопросах и ответах. М., 1929.

Сужиков М. М. Образование СССР и социальный прогресс казахского народа. Алма-Ата, 1972.

Султанов Г. М. Образование Союза Советских Социалистических Республик — торжество ленинской национальной политики. Баку, 1972.

Тадевосян Э. В. Государственные формы решения национального вопроса в СССР. М., 1972.

Тадевосян Э. В. Советская национальная государственность. М., 1972.

Торжество ленинской национальной политики. Сборник статей. М., 1963.

Трайнин И. П. СССР (Союз Советских Социалистических Республик). М., 1923.

Трайнин И. П. Советская федерация и национальный вопрос. — В кн.: 15 лет советского строительства. М., 1932, стр. 39—109.

Трайнин И. П. Проблема суверенитета советской федерации. — Известия Академии наук СССР, 1945, № 3, стр. 11—17.

Трайнин И. П. Советское многонациональное государство. М., 1947.

Турсунов Х. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане (1917—1924). Ташкент, 1971.

Усубалиев Т. У. Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов. М., 1972.

Филимонов В. Г. Образование и развитие РСФСР. М., 1963.

Формирование социалистических наций в СССР. Сборник статей. М., 1962.

Хорошавин А. П. XXIV съезд КПСС о развитии национальных отношений в СССР. (К 50-летию образования СССР). Омск, 1972.

Цамерян И. П. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития. М., 1958.

Цамерян И. П. Воплощение ленинских идей интернационализма в советском национальном государстве. — Вопросы истории, 1971, № 5, стр. 47—60.

Чигарев И. Партия большевиков — организатор Союза ССР. 1917—1922 гг. М., 1949.

- Чирко В. А. Коммунистическая партия — организатор братского содружества народов Украины и России в 1917—1922 гг. М., 1968.
- Чистяков О. И. Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М., 1955.
- Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917—1922). М., 1966.
- Чистяков О. И. РСФСР и строительство государственности народов Советской страны (1917—1922 гг.). — Вопросы истории, 1972, № 11, стр. 3—17.
- Чугаев Д. История создания и упрочения Советского государства. М., 1964.
- Чугаев Д. А. Коммунистическая партия — организатор Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972.
- Чугаев Д. А. Образование СССР. М., 1972.
- Шапко В. М. Союзу полвека. (К 50-летию образования СССР). М., 1972.
- Шафир М. А., Радвогиз А. В. Нерушимый союз свободных республик. Фрунзе, 1972.
- Шерстобитов В. П. Образование СССР и исторические судьбы народов нашей страны. — История СССР, 1972, № 3, стр. 20—41.
- Шитов Л. Под ленинским знаменем дружбы народов. Кишинев, 1972.
- Шкляр М. Е. Белорусская ССР — одна из учредительниц Союза ССР. Минск, 1972.
- Якубовская С. И. К вопросу об образовании СССР. Первая фаза объединительного движения независимых советских республик. — Вопросы истории, 1947, № 1, стр. 3—23.
- Якубовская С. И. Объединительное движение за образование СССР (1917—1922). М., 1947.
- Якубовская С. И. Строительство союзного Советского социалистического государства 1922—1925. М., 1960.
- Якубовская С. И. Образование и развитие Советского многонационального государства. М., 1961.
- Якубовская С. И. Образование СССР — добровольного содружества равноправных народов. М., 1972.
- Якубовская С. И. Развитие СССР как союзного государства. 1922—1936 гг. М., 1972.
- Якубовская С. И. Роль Союза СССР в развитии советских наций и народностей (1922—1928 гг.). — Вопросы истории, 1972, № 9, стр. 3—17.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
В. И. Старцев. Большевики, Второй Всероссийский съезд Советов и создание советской системы	7
М. П. Прошников. К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России	46
А. В. Красникова. Студентская организация при Петербургском комитете РСДРП(б) и ее вклад в советское государственное строительство в первые послеоктябрьские месяцы 1917 г.	67
М. И. Куличенко. О налаживании государственных взаимоотношений народов Страны Советов в 1917—1919 гг.	83
Т. Ю. Бурмистрова. Народы РСФСР в первые годы Советской власти	139
Ю. И. Кораблев, М. А. Молодцыгин. Военно-организаторская деятельность местных Советов в 1917—1918 гг.	167
И. Ф. Макаров. Значение образования СССР для укрепления обороны страны	222
Ю. С. Токарев. Роль Советов в судебном строительстве (октябрь 1917—июнь 1918 гг.)	240
В. А. Шишкин. Образование СССР и экономические отношения с капиталистическим миром (1922—1923 гг.)	259
З. В. Степанов. Деятельность Советского государства в области культуры (1920—1923 гг.)	286
И. М. Шишкина. Современная буржуазная историография о Советском государстве в начале 20-х годов	320
Краткий список литературы об образовании СССР	352

Коллектив авторов

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института
истории СССР АН СССР

Редактор издательства В. Л. Макухин
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры М. А. Горилас,
Ф. И. Петрова и А. Х. Салтанова

Сдано в набор 24/I 1973 г. Подписано
к печати 17/VIII 1973 г.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1.
Печ. л. 22¹/₄ = 22,75 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 27,11. Изд. № 5283.
Тип. ван. № 37. М-45070. Тираж 3990.
Цена 1 р. 95 к.

Ленинградское отделение издательства
«Наука». 199164, Ленинград, Менделеевская
линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12